

Галина Череди́й

ПРОЕКТ
ВОРОЖЕЯ

Антон Чудинов — еще молодой, но уже закоренелый циник, обычный мент-нищеврод с мерзким характером и вечно засранной холостяцкой берлогой. Любовь, нежность, привязанность? Вот уж спасибо, этого добра больше не надо. Качественный грязный трах, желательно каждый раз с новой девицей — вот те рамки, за которые он больше не собирается выходить в отношениях с женщиной. Даже самой красивой, даже самой умной, даже самой чуткой, даже все «видящей». Хотя нет, вот с «видящей» обстоит все очень сложно, очень запутанно. И неважно, что эта «видящая», навязанная дебилом-начальником аж с самого верха, действительно «видит» — и людей, и события, и даже преступления. Важно, что в ее присутствии ему так страстно и яростно хочется быть не таким гадом, не такой скотиной, не таким... беззащитным перед ее взглядом, который видит его насквозь — до самого дна души, где до сих пор, несмотря на боль предательства и старых обид, живет вера в любовь и верность.

ПРОЕКТ «ВОРОЖЕЯ»

ГЛАВА 1

— Малыш, нам поговорить нужно!

Опять Алина зацепила мою единственную чистую рубашку, а значит, сегодня на работе от меня будет нести как от парфюмерной лавки! Что за идиотская манера хватать чужие вещи? С чего все без исключения девушки считают, что напялить на голые тела мои вещи — это охренеть как сексуально? У меня что, по их мнению, на собственную рубашку вставать должен? Пришла трахаться к мужику — ходи голой! Если бы я напялил ее топик, не прикрывающий пупок, это показалось бы ей сексуальным? Не-а. Наверняка бы визжала, что я извращенец и порчу ее охренительно дорогой кусок тряпки. А еще говорят, что это у мужиков двойные стандарты. Сто процентов какая-то курица безмозглая придумала эту фигню с мужскими вещами, написала в каком-нибудь говноблоге, а все без раздумий кинулись повторять. Хотя не знаю, может, и есть парни, которым нравится подобное. Но это не я однозначно. Это моя квартира, моя территория и мои тряпки. И просто терпеть не могу, когда мое трогают.

— Ма-а-алы-ы-ыш! — снова заканючила Алина. — Ты меня слышишь?

Прекрасно слышу и еще лучше понимаю, к чему все идет. Но нет, дорогуша. С такими вопросами не ко мне.

— Рубашку мою сними, она последняя чистая осталась, и иди одевайся. Я и так уже опаздываю! — не оборачиваясь, ответил, сплевывая в раковину.

Ага, вот он, этот настороженный взгляд. Да, ты все верно понимаешь.

— Антош, я же тебе уже сто раз предлагала: давай я и уберусь, и приведу в порядок твои вещи! — тон из ноющего моментально стал искусственно-заботливым.

— А я сто раз говорил тебе — нет! — практически выдернул из рук совершенно голой Алины рубашку, скользнув уже безразличным взглядом по паре отличных сисек, привлекших меня пару недель назад. Задница тоже, надо сказать, просто супер, но уже, однако, примелькалась. Понюхав вещь, скривился. Она что, нарочно на нее духами брызнула? Вот гадство! Думает, я нюх потерял или оценю эту херню с попыткой установить собственнические границы? О, да, я оценил и проникся!

— Почему? — идеально выщипанные бровки сошлись на переносице, а глаза

просканировали мое выражение лица.

— Потому что я сам убираю в своем доме и сам забочусь о своих вещах. — Не собираюсь я сглаживать углы. Пора прощаться с Алиной. Ибо мы уже вплотную подошли к тому моменту, когда из милой, сексуальной, покладистой зайки она готова обратиться в гребаного питбуля, который вцепится в меня намертво. Не-е-ет. Со мной эта фигня не работает. У меня свои нерушимые границы, и пытаться их подвинуть я не позволю никому!

Алина развернулась и хлопнула дверью ванной. Твою же мать, будто того, что проспал и башка трещала, мне и так было недостаточно! Пока глотал обжигающий кофе, она появилась полностью одетая на моей тесной кухне с таким лицом, будто кто-то умер, но мне пофигу.

— Кофе будешь? — спросил чисто из вежливости. Ответ знал.

— Я такую дешевую бурду не пью! — огрызнулась она.

— Какая жалость!

Она демонстративно не села, но когда поняла, что мне плевать, шумно выдохнула и отмерла. Вот, сейчас начнется.

— Сегодня вечером заедешь за мной? — как ни в чем ни бывало спросила она, закуривая.

Когда башка с утра трещит нещадно, запах дыма до завтрака — это такая, сука, удачная идея!

— Нет.

— Завтра?

— Нет. — Я знаю, что мерзавец, но никогда никем другим и не прикидывался.

— А когда?

— Никогда, Алина. Я буду занят. Очень.

Она вздрогнула, и мне стало на секунду стыдно. Но лучше так и сейчас.

— Я могла бы приехать сама. — Голос девушки дрожал, и я уже в который раз себя спрашивал, зачем женщины это каждый раз делали? Красивые, гордые, уверенные в себе и сексуальные в этот самый момент почему-то превращались в жалкое подобие себя или же во взбесившихся фурий. Разве такой бессердечный мерзавец, как я, за которым давно закрепилась слава законченного ублюдка в отношениях, стоил всех этих эмоций? Я не долбаный олигарх, не звезда спорта с миллионной зарплатой, не актер. Обычный следак с копеечной зарплатой, скверным характером и квартирой, похожей на свинарник, потому что полноценный выходной выпадал максимум раз в месяц, и его я предпочитал провести с парнями за пивом, а не вылизывая жилплощадь до блеска. Неужели мужик и правда так измелечал, что даже на такого нормальная, уважающая себя женщина может сделать ставку и расстроиться, когда ничего так и не получится? Да будь я женщиной, в жизни со мной не связался бы! Все, на что я пригоден, это несколько часов качественного грязного траха, и то, пока возраст позволяет, и встает без сбоев.

— Не надо приезжать, Алина.

— У тебя какое-то важное дело? Это надолго? — Ну вот, уже глаза заблестели. Как же я это ненавидел!

— У меня все дела важные, Алина. Я убийства расследую. — Разве дела о том, как один человек разумный позволяет себе лишиться другого такого же человека единственного, по-настоящему ценного, можно сортировать на более или менее значимые? Вероятно, можно, но я за годы работы и с возрастом стал бездушным и циничным, наверное, во всех аспектах

жизни, но только не в этом. — Просто нам стоит закончить.

— Но почему? — прошептала она, прижимая ладонь ко рту, и ее лицо исказилось.

— Потому что ты с самого начала знала, что так и будет. Мне не нужны отношения. Только секс. Разве мы не говорили об этом сразу? Ты используешь меня, я использую тебя.

— Говорили... но я думала...

— Думала что? Что произвела на меня неизгладимое впечатление, и я забыл о существовании всех остальных женщин в мире? — насмешливо посмотрел на нее. Ну не настолько же она глупа?

— У тебя... кто-то есть? — нервно затанулась, и я видел, как дрожал огонек сигареты.

— Детка, у меня всегда кто-то есть или вот-вот будет. Ты же понимаешь, с кем имеешь дело! — цинично усмехнулся я.

— Мне казалось, у нас что-то особенное! — Вот это уже зарождение гнева.

— Нет ничего особенного в том, чтобы трахать кого-то до бесчувствия. Я это делал до тебя и буду делать после, — безразлично пожал я плечами.

— Ты... ты урод! — крикнула она и швырнула в меня окурок. Поймал его, слегка обжег пальцы и кинул в кружку.

— Ага.

— Да кому ты нужен вообще!

— Точно!

— Нищеброд! Хамло!

— Тоже верно!

— Я на тебя почти месяц убила, терпела этот твой свинарник гребаный!

— Вообще-то две недели, но все равно напрасно, детка. Терпеть не стоило.

— Ты еще пожалеешь! Будешь на пузе за мной ползать! — вопила она уже из прихожей, и я ощутил еще босыми ступнями сквозняк.

— А вот это вряд ли, — пробормотал сам себе, кривясь от оглушительного хлопка дверью.

На улице было мерзко и сыро, ежился, пока шел к своей старой «Тойоте». Как же я не выношу эту нашу осень. Дождь все время. Если его нет прямо сейчас, значит, он только что закончился или вот-вот пойдет снова. В голове намертво засел бешеный дятел и долбил без остановки, несмотря на пару таблеток обезболивающего. Сука! Надо уже прекращать эти кувыркания почти до утра. Секс — штука замечательная, но, видимо, я уже достиг того возраста, когда сон может быть ценнее интенсивных постельных упражнений.

Скривился, когда по сожалеющему взгляду Верочки — секретарши шефа, понял, что как всегда я последний. Ай, ладно, все уже привыкли к моим опозданиям и забили на них. Постучал и вошел, ожидая ставшей привычной отповеди начальства. Но, однако же, шеф на меня только мрачно глянул и кивнул, приказывая сесть. Ну и замечательно.

— Итак, начну снова для тех, кто считает, что у них свободный график посещения. — Ну надо же, это почти нежно. — Умники из министерства решили, что наши показатели раскрываемости их не впечатляют. Думали они, думали и придумали, как нам, лентяюгам, помочь.

Голос шефа был щедро наполнен желчью, и я его понимал, как и коллеги, чьи лица кривились, словно от кислятины. Что бы там ни родилось в мозгах жирнозадых дармоедов из министерства, отдуваться-то всегда нам.

— И в этот раз их помощь не простая, а прямо-таки волшебная, — практически

выплюнул шеф, и все хмыкнули, сдерживая презрительные смешки.

Что это еще за фигня?

— Для того чтобы научить нас, неумех, работать по-настоящему, — все более язвительно продолжал он, — к нам прислали госпожу ясновидящую Владиславу Арифееву.

Шеф дернул головой влево, и я наконец заметил сидящую в общей массе брюнетку. При слове «ясновидящая» у меня в голове сразу возник образ расфуфыренных дамочек, с ярким макияжем, устрашающим маникюром, с ног до головы увешанных разными цацками, типа амулетами. Такие частенько вещали по ТВ замогильными голосами. Но на самом деле там, ссутулившись, сидела тощая женщина лет где-то тридцати, в невзрачном сером свитере, похожем, скорее, на мужской. У нее было жутко бледное, даже сказал бы, немного изможденное лицо со впалыми щеками и острыми скулами. На голове не было и намека на прическу, просто небрежный бесформенный пучок. Она замерла под направленными на нее взглядами, опустив голову, глаз я не смог рассмотреть, они как занавесью были закрыты густой растрепанной челкой. Худые руки с очень длинными тонкими пальцами и кое-как обломанными ногтями лежали на столе, нервно сцепленные и напряженные. Кожа на кистях такая бледная, что казалась почти прозрачной, и я мог даже со своего места проследить рисунок каждой синеватой вены. Острые плечи выпирали из-под вязаного трикотажа, усиливая общую неприглядную картину.

— Видящая, — тихо, немного сипло проговорила она. Почему-то мне пришла мысль, что делала она это нечасто. В смысле — говорила. Несмотря на это, все присутствующие слышали ее хрипловатый голос отчетливо.

— Что, простите? — раздраженно дернулся шеф, будто ему припалили зад. Он страшно бесился, когда кто-то лез в его вотчину. Да, собственно, кто это любит вообще? Короче, я совсем не завидую этой бледной дамочке. Он сделает все, чтобы сожрать ее с потрохами.

— Я не ясновидящая, а просто видящая, — без всяких эмоций, не поднимая головы, поправила его она, явно зарабатывая себе еще несколько баллов по шкале его неприязни.

— Какая на... Не важно, — пробормотал шеф и снова скривился, будто у него запор. — В общем так! Госпожа Арифеева прикрепляется к одной из групп по расследованию убийств на испытательный срок в три месяца. — Коллективный страдальческий вздох наполнил кабинет. — По истечении этого времени министерство ждет от нас отчетов и результатов.

Шеф замолк и стал обводить сидящих за длинным столом тяжелым взглядом, и, клянусь, все молились, чтобы великая честь повесить себе на шею обузу в виде госпожи Владиславы миновала их.

— Чудинов! — Я буквально подпрыгнул на месте. — Прикрепляю ее к твоей группе.

Что? Нет! Нет-нет-нет!

— Да что я сделал-то? — вырвалось у меня.

— Ну, ты у нас известен способностью ладить с противоположным полом, и с дисциплиной у тебя не очень. Думаю, самое то! — насмешливые рожи избежавших проблем коллег усиливали и мое разочарование, и головную боль.

— Я не согласен! Мы не в песочнице играем, особенно сейчас, а маньяка ловим. Пристройте ее вот всякий антиквариат искать к Фетисову! — возмущенно возразил я.

— Не-не-не, — замахал руками мой приятель и сослуживец. — Нам такого добра не надо!

— Чудинов, а ничего, что начальник здесь пока я? — рыкнул шеф, и я понял, что попал, и отмены приговора не будет. — Если я говорю, что госпожа Арифеева будет работать с

тобой, значит, так и будет. На этом все! Свободны!

— Ага, и фамилия у тебя как раз в тему. Да и экстрасенсов ты еще не трахал, — ехидно прошептал Фетисов, наклоняясь ко мне через стол и скалясь во весь рот. Ближайшие к нам коллеги его все же услышали и начали давиться смехом. Ну, погоди, язва, я найду, чем тебе отплатить!

Шеф хлопнул по столу и махнул руками, приказывая убираться. Я подорвался и вылетел из кабинета одним из первых. Нет, ну это наверняка мне в наказание! Карма, мля. Обидел одну бабу, и тут же тебе навязали другую, причем без возможности отряхнуться. Хорошо еще, что ненадолго. Хотя, может устроить ей такой теплый прием, что она и сама раньше времени скиснет и свалит обратно к своим жирнозадым покровителям в министерство? Кому это в голову могло прийти вообще? Докатались до помощи экстрасенсов. Позорище!

ГЛАВА 2

Влетев в кабинет, буркнул приветствие своему помощнику Василию и плюхнулся в кресло, строя мрачные коварные планы по избавлению от этой тощей обузы. Тихо постучали, и мадам Владислава появилась в дверном проеме во всей, так сказать, красе. Замеченный мною ранее свитер крупной вязки явно был ей не по размеру, или просто ее худоба была чрезмерной, но висел он на ней бесформенным мешком, достигая середины бедра. Разве сейчас еще такое носят? Из-под этого предмета одежды виднелись застиранные мешковатые джинсы. На ногах совершенно нелепые в такую погоду тряпичные балетки, явно выдавшие лучшие дни. И причем, насколько мне видно, еще и промокшие. Твою же дивизию, так ведь можно все нутро застудить! Тоже мне, госпожа Влада. Что за нелепый вид? Разве ясновидящие не гребут бабки лопатой, одурачивая доверчивых идиотов, которым деньги девать больше некуда? Я молча размышлял, не спеша проявлять любезность, она же так и стояла, помощник тоже пялился, не говоря ни слова. Пройдясь снова взглядом от ее жалкой обуви до лица, я вдруг ощутил, будто меня от дикой перегрузки буквально вдавило в кресло, да так, что ни вздохнуть, ни шевельнуться. На фоне жутко бледной кожи ее худого лица огромные темно-карие глаза казались двумя провалами, наполненными такой беспросветной тьмой и болью, что аж до костей пробрало, а в глотке будто застрял кусок льда, перекрывая доступ воздуха. Это длилось, наверное, несколько секунд, но и их мне хватило, чтобы ощутить ужасающую близость чего-то совершенно чуждого, такого, от чего у нормальных людей волосы дыбом встают и случаются приступы беспричинной паники. У нормальных, но не таких, как я или эта женщина, стоявшая прямо сейчас передо мной.

— Вы по какому вопросу? — Василий, мой помощник, разрушил этот вымораживающий контакт наших взглядов, женщина моргнула, и жуткий морок исчез, позволяя мне вздохнуть свободно. Сейчас, когда эта Владислава снова смотрела вниз, она выглядела обычной, тощей, неряшливо одетой и причесанной женщиной, без малейшего налета какой-то мистики или вообще хоть какой-то необычности. Что за на хер? Это что, ее гробаные экстрасенские фокусы? Если так, то это она напрасно.

— Госпожа Владислава теперь будет с нами работать, Василий, — сказал я, недобро улыбаясь и уже решив, как я отвечу на это ее мистическое приветствие.

Василий недоуменно уставился на меня, но я пока ничего объяснять не собирался. Вскочив, обошел стол и придвинул даме продавленный стул, стоявший у стены.

— Извините, трона у нас нет. Но чем богаты. Чаек будете? С печеньем? — шутовски даже прогнулся, стремясь донести до дамочки свое отношение.

Владислава моргнула, искоса нечитаемо глянула на меня и молча кивнула. Она села на

скрипучий стул и поджала промокшие ноги. Краткий стыд и сочувствие кольнуло в область сердца, но я их отбросил. Не колыхает меня ни разу.

Василий, все еще растерянно глядя на нас, организовал чай, и я, само собой, не забыл упомянуть, что это дешевый мусор в пакетиках, но от госпожи видящей реакции так и не последовало. Она пила почти кипятком, прикрывая глаза, похоже, от удовольствия, но к нашему засохшему печенью не прикоснулась.

От горячего на ее щеках появился едва заметный румянец, даже скорее лишь намек на него, и я вдруг непонятно почему завис, замороженный появлением и нежностью этого цветового акцента. От этого ее кожа из просто бледной стала какой-то прозрачно-перламутровой, такой, что глаз не оторвать. Но эффект пропал необычайно быстро, заставляя меня гадать, был ли он вообще, или это опять какой-то фокус.

— Итак, как мы с вами должны вообще взаимодействовать? — раздраженно встряхнув головой, спросил, едва скрывая вернувшуюся злость.

— Вы будете работать как обычно, — хриплый голос был тихим, но отнюдь не робким. — Я ничем не буду вам мешать. Все, что я стану делать, это ходить с вами повсюду и смотреть. Если увижу что-то важное — сообщу. А вы уже сами решайте, использовать это или игнорировать.

Звучало без всяких эмоций, так, словно ей глубоко плевать, стану ли я к ней прислушиваться. Хм-м... разве не должна она пытаться обратить меня на свою темную сторону, заставить поверить во всякую мистическую хрень и убедить в собственной незаменимости? Хотя, может, это все еще впереди.

— Ну, раз считаете, что должны ходить повсюду, и закончили с чаем... — пробормотал я, уже предвкушая гадость и поднимаясь. — Идемте.

Она встала, и ее мокрая обувь издала тихий, но от этого не менее противный чавкающий звук. И опять мне на секунду стало стыдно, но я запихнул эту эмоцию куда подальше. Мы вышли на улицу под мелкий дождь и пошли через двор к зданию морга. Ну что же, сейчас проверим вас, госпожа Владислава, на способность следовать за мной повсюду.

— Ну, что я могу тебе сказать, Чудо, — пробубнил наш патологоанатом, тыча одной из своих железок в труп перед нами. — Как и упоминал раньше, смерть наступила где-то за 48 часов до обнаружения тела.

— Это, выходит, 22-го. Опять в полнолуние, — нарочно уточнил я и покосился на свою нежеланную спутницу, ожидая реакции на обезображенное тело и жуткий запах. Чаек наружу не просится, а, госпожа экстрасенс?

— Я же тебе уже... — недовольно начал Санек, но быстро понял, что я затеял, и осекся.

— Ну да, в полнолуние, — ухмыльнувшись, продолжил он. — Следов связывания, гематом, переломов, указывающих на длительное насилие до смерти, нет. Резали и калечили ее так же непосредственно перед убийством. Спермы нет, но половой контакт у нее был за несколько часов до смерти. Считать его насильственным можно только условно, потому как естественной смазки не было, но это весьма несерьезный показатель. И был ли он с убийцей или кем-то другим... Ну, короче, сам все понимаешь, при нынешних нравах все возможно. Соппротивления она не оказывала, похоже, совершенно, как и предыдущие жертвы, но, как и у них, следов наркоты не нашел.

— Но не могла же она добровольно позволять иметь себя и одновременно практически заниматься вырезанием по коже? — не сдержавшись, повысил голос я, не зная, что злит

меня сильнее: отсутствие хоть единственной новой детали в убийстве или ноль эмоций у стоявшей вместе со мной у трупa госпожи Влады. На ее лице не отразилось ни страха, ни омерзения, ни возмущения тем, что я притащил ее сюда без подготовки. Она даже не отводила глаз в ужасе или отвращении от лежащего на прозекторском столе растерзанного тела, а как будто смотрела поверх него куда-то за плечо Александру, нашему патологоанатому. Причем так пристально и сосредоточенно, что он то и дело нервно косился туда и сам, перехватывая ее взгляд.

— Слушай, Антон, ну чего ты из-под меня хочешь? — не выдержав, повысил он голос. — Говорю тебе, никакой известной нам наркоты не нахожу! А по поводу вырезания... какой только ху... ерундой сейчас народ не занимается. Советую порыться в сети и поискать про любителей хардкора в сексе. Может, чего новое для себя откроешь! А то застрял в своей ванильке!

— А ты, я так понимаю, уже расширил свои горизонты! — огрызнулся я, отмечая чрезмерную нервозность Санька.

— Чудинов, ты по делу пришел или моей личной жизнью озадачен?

— Ладно, — примирительно поднял я ладони, хотя он сам первый начал. — Что еще?

— Да ничего особо! В желудке только семечки, сырныe чипсы и газировка. Алкоголя за последние сутки ни капли, но есть следы, может, за сутки до смерти.

— Ясно. Что с орудием?

— Да то же, что и раньше. Похоже на обычный нож, достаточно острый, без зазубрин или других узнаваемых признаков. Ранения нанесены явно без всякой суеты, значит, время его не поджимало. Единственное, что могу сказать, это то, что все поверхностные надрезы нанесены немного раньше, чем глубокие раны, вызвавшие непосредственно смерть, временной разрыв не слишком большой, но достаточный, чтобы сильное кровотечение из порезов прекратилось.

— А то, что кровь вся смазана, это от пленки?

— Ну да. Ее порезали сверху, потом завернули в ту пленку, на которой ее и нашли, доставили на место, там распаковали и уже добились ударом в печень. Померла от внутреннего кровотечения. Рану тщательно заткнули, и кровь осталась вся внутри, кроме той, что она потеряла через предварительные надрезы.

— Все так же, как и у трех первых жертв, — пробормотал я.

— Именно так. Из различий могу только отметить, что эти надрезы на теле с каждым разом все меньше напоминают хаос и все больше какие-то знаки или рисунки даже. Будто ублюдоk набивает руку, практикуясь. Сам посмотри.

— Прекрасно! Предлагаешь его искать среди шизиков от искусства, которые предпочитают голых баб разрисовывать?

— Это боди-арт называется, чурбан. И почему же сразу баб? Ты немного отстал от жизни, друг мой! Сейчас голых мужиков расписывают с не меньшим энтузиазмом!

— Крюков, пока это никак не касается моих дел, кто кому и чего мажет краской, меня вообще ни разу не трогает! Ты мне как доктор, хоть и не совсем по профилю, скажи. Это направление может быть перспективным в этом деле?

— Ой, ладно, не толерантный и не гибкий ты наш! Но если серьезно, то я, и правда бы понюхал в эту сторону. Но только остороженько, чтобы не оскорбить своими солдафонскими манерами ничью тонкую душевную организацию. Художники — натуры нервные и мнительные.

— Ты меня еще нюхать поучи! — огрызнулся я.

Все время нашей беседы госпожа Влада продолжала невозмутимо смотреть в одно место, изредка моргая, что явно все сильнее нервировало Саню.

— Не хочешь познакомить меня с твоей загадочной спутницей? — наконец не выдержал он.

Не знаю уж почему, но я не хотел. Но поборол это глупое, невесть откуда взявшееся сопротивление.

— Да, пожалуйста! — сделал широкий жест рукой. — Знакомься. Госпожа Владислава Арифеева, наш отныне штатный экстрасенс и все такое.

— Я не экстрасенс, — покачала головой женщина. — Просто видящая.

— Да ладно? Значит, это правда? — обалдело выкатил глаза Санька. — Ну и что, прямо так с разбегу скажете нам, кто, мать его, убийца?

— Нет, — жестко ответила женщина, не настроенная на веселье.

— А что так? — вот теперь за тоном Саньки слышалась откровенная издевка. — Способностей маловато? Может, какой нить дух Мерлина призвать? У-у-у-у!

Он поднял, скрючил руки и покачался, как долбаный зомби, делая тупое лицо, и мне неожиданно захотелось ему двинуть. В конце концов, эту Владиславу мне повесили на шею, так что, если кому и глумиться, то только мне.

Я покосился на ее лицо, ожидая увидеть поджатые в обиде губы или даже выступившие слезы, но, однако же, она так и продолжала смотреть куда-то за спину Сани. Потом она очень медленно перевела глаза на него, отчего он реально съежился, а потом на меня.

— Вы тут закончили, господин Чудинов? — безразлично спросила она.

— Ну, в принципе да, еще только пару слов, — ответил я и заметил, как она переступила в своих тряпичных балетках и поджала пальцы. Сто процентов ей здесь в морге в мокрой обуви было реально холодно. В этот раз приступ стыда не был мимолетным.

— Я могу подождать вас снаружи?

— Ах-х... хм-м, в этом нет необходимости. Все подробности нам все равно перешлют в отчете, — хмуро пробормотал я и указал ей на выход.

— Ваш коллега, там, в морге, очень отважный человек, — сказала она, когда мы шли через двор.

— Потому что трупов не боится? — хмыкнул я.

— Нет. Потому что после того, что с ним там случилось, находит в себе мужество продолжать там работать. Не многие способны вернуться туда, где с ними произошло что-то действительно плохое.

ГЛАВА 3

Я завис на полминуты, пытаюсь понять, что она несет, но потом меня осенило. Конечно же! Лет восемь назад, когда я только пришел сюда, на Саньку напали прямо в морге, ночью. В аэропорту умер один из «плотателей», и его доставили на вскрытие к нему. А получатели товара настолько обнаглели или отчаялись, что рискнули явиться за ним в морг глубокой ночью. Они тяжело ранили Саню и приковали его наручниками, и он так просидел до утра, медленно истекая кровью, пока его сменщик не нашел. Выжил только потому, что в морге жутко холодно было, и это приостановило кровотечение. Тогда этот случай получил громкую огласку, и историю растащили во все газеты и новости, приукрашивая, как водится, красочными подробностями, литрами крови и выпущенными по полу кишками.

— Здорово, — насмешливо ухмыльнулся я. — Вот так эта фигня и работает, да?

— Какая? — женщина посмотрела на меня, чуть приподняв одну бровь.

— Ну, очевидно же, что вы тщательно готовитесь, собираете инфу, и потом — бац и вставляете про между прочим парочку туманных фраз о прошлом. И вот уже доверчивый лох у вас на крючке и готов верить каждому слову?

Госпожа Влада отвернулась и ускорила шаг, вынуждая догонять ее. Я смотрел ей в спину, пытаюсь угадать, как глубоко удалось зацепить ее. Первые несколько шагов женщина шла дергано, будто ее суставы задеревенели, выдавая мне свое вполне ожидаемое напряжение и обиду. Но очень быстро все изменилось, и я невольно прилип глазами к тому, как она двигалась. И на краткий момент вдруг перестал видеть и ее нелепую одежду, и чрезмерную худобу. Осталась только приковывающая взгляд удивительная грация. Причем из того ее сорта, что бывает только врожденной, естественной, как дыхание или моргание. Прямо нутром чую, что такому нельзя научиться, это или есть, или нет. Это не модные ныне «трахни меня» псевдо кошачьи вышагивания на каблучицах, которые, как женщинам кажется, так радуют наши взгляды. То есть, конечно и однозначно, дама, передвигающаяся таким образом, привлечет мое внимание, ибо как такого похотливого засранца, как я, можно не привлечь откровенным сексуальным призывом? Но вот прямо сейчас передо мной совершенно другое. Эта плавная и при этом стремительная походка не была наполнена скрытыми сигналами, она не для того, чтобы стягивать к себе чье-либо внимание. И при этом оторваться было просто невозможно. Заметил двух стажеров, вышедших на перекур, которые теперь тоже стояли, прилипнув глазами к идущей впереди меня странной женщине, и увидел на их лицах, наверное, то же самое недоуменно-завороженное выражение, что и у меня, и впечатление рассеялось. Сто процентов это опять какие-то экстрасенские штучки и теперь уже в отместку за мою язвительность. Раздраженно дернул головой, будто стараясь вытрясти из уха воду, и снова начал злиться на себя за то, что то и дело какого-то черта отмечал несущественные детали. Она не моя чертова подследственная, и поэтому стоит научиться, наоборот, замечать ее как можно меньше, а не всматриваться тщательно, выискивая в ее образе все больше вызывающих любопытство черт, а значит, позволять невольно вовлечь меня в эту дурацкую игру.

— Что, не хотите отвечать? — не сдерживаясь, бросил женщине в спину.

— А вы и правда нуждаетесь в ответе, господин Чудинов? — не оборачиваясь, ровно спросила она.

— Антон, и можно на «ты»! Что, боитесь, раскрою ваши секреты и отниму хлеб с маслом? — На это она покачала головой, и мне даже показалось, что она почти улыбнулась.

— Отнимайте на здоровье. И я никогда не готовлюсь. Пары, как вы выразились, туманных фраз и так бывает достаточно. — От моего предложения перейти на «ты» явно отказались, подчеркивая дистанцию. Это неожиданно задело, хотя и сам не понял, на хрена вообще это предложил. Как будто мне не пофиг.

— Материалы дела будете изучать? — спросил, когда вошли в длинный обшарпанный коридор с щербатой плиткой на полу.

— А это единственное дело, над которым вы работаете?

— Нет. Просто оно приоритетное. Есть еще два убийства. Грабеж и бытовуха. После обеда опрашиваю по одному из них двух свидетелей. Желаете присутствовать?

— Если вас это не слишком напрягает, то да, — со вздохом ответила женщина, однако ни малейшего энтузиазма в ее голосе не было.

— Если инапрягает, у меня будто есть выбор, — недовольно проворчал я, обгоняя и

толкая перед ней дверь кабинета.

— Не у вас одного, — едва слышно ответила она.

— Ой, Антоха, — Серега Фетисов скалился навстречу нам, точно так же, как недавно в кабинете начальства, и при этом его глаза метались от меня к госпоже Владе и обратно. — А я тут к вам чайку попить заскочил.

— А у тебя что, чайник навернулся, или весь чай на чифирь для подследственных перевели? — пробурчал я недовольно.

— Эй, ты чего такой сегодня злой? Что, неужто самому Чуду ночью не обломилось?! — чрезмерно жизнерадостно похлопал меня по плечу коллега и многозначительно подмигнул. Что за дурацкое поведение и гримасы, как у ушибленного нервным тиком? Сегодня что, все, мать их, сговорились доставать меня любыми доступными средствами и странным поведением?

— Не обломиться может только неудачникам или вот таким, как ты, женатикам, когда у их баб... пардон, женщин ПМС или просто хреновое настроение. А мне всегда обламывается, когда мне это нужно! В этом плюс открытых отношений и полной свободы, братец! — выражение лица Сереги тут же из оптимистично-ехидного стало кислым. Может, и не очень честно тыкать его в то, что я знаю о его проблемах с женой, но не хрен было так на планерке радоваться, да и вообще... какого он приперся-то?

— Эм-м-м, госпожа Владислава, как вам первое впечатление от нашего отдела в целом и от работы с Антоном в частности? — моментально свернул тему Фетисов, галантно подвигая женщине стул.

Ой, вы посмотрите, что за тон и какие мы все из себя вежливые. С чего бы это вдруг?

— Сложно делать какие-то выводы за столь короткий срок, — ее ответ казался доброжелательным, но на самом деле был, скорее уж, безразличным. — Но мне нравится, что Антон максимально быстро старается ввести меня в курс дела.

Типа, подколола? И надо же, вот я и Антон оказывается?

— Ну, я же понимаю, как мне повезло заполучить такую помощницу, как ты, Влада, — нахально поддержал ее тон.

— А вы уже, смотрю, на «ты»? — Серега выглядел так, словно ему на любимую мозоль наступили. Ожидал, что я буду ходить недовольный всем миром, а вы будете являться и глумиться над моим невезением? А вот хрен вам!

— А чего затягивать-то? — оскалился, изображая гостеприимного хозяина и припоминая его улыбку от уха до уха утром, от которой сейчас почему-то не осталось и следа. — Так что, по чаю? Влада, тебе какой?

— Да ты знаешь, у меня дела, так что, может, вечером увидимся? — пробормотал Серега, теперь уже совершенно бесцеремонно рассматривая с головы до ног Владиславу так пристально, будто вообще впервые женщину увидел, и меня это снова раздражало. Он что, надеется у нее третий глаз засечь или пальцы считает, нет ли лишних? — Как ты по поводу пива?

Очень смешно, тем более что его женушка этого терпеть не может, и совместные посиделки случаются у нас с ним еще реже, чем мои мифические выходные.

— Ага, этим вечером или тем, когда у тебя окошко вдруг образуется, — не стесняясь, подколот я.

— А вы, госпожа Владислава, как насчет пойти после работы в бар и познакомиться поближе с теми, с кем предстоит работать? — неожиданно переключился он на женщину и

снова сушил зубы в широчайшей улыбке. Мля, да что ж ты так стараешься-то, болезный?

Сергея стрелял на меня глазами, и я тут же все прочитал в них. Так вот оно зачем и сам визит. Ясно, задумали нечто вроде вписки.

— Она будет работать со мной, так на какой ей пить с вами? — недовольно возразил я раньше, чем решил не вмешиваться.

Новый взгляд, уже откровенно вынуждающий поддержать его, и я понял, что, очевидно, замыслили они не просто вписку, а что-то не совсем хорошее. Наверняка решили так помочь выжить дамочку из нашего отдела. В принципе, я только за то, чтобы от нее избавиться, но поежился, памятуя, каким жестоким розыгрышам подвергался вначале, и это при том, что меня приняли вполне благосклонно. А что же богатое воображение моих коллег может родить в попытке по-настоящему обидеть и задеть? С одной стороны, не пофиг ли мне, а с другой, как-то это хреново и причиняет мне внутренний дискомфорт. Нет, я как-нибудь уж сам с ней разберусь, без их креативной помощи. Уверен, что она и так по работе достаточно облагается, а упаивать и потом выставлять в неприглядном свете, забавляясь от души, это аттракционы чисто для нас, толстокожих мужиков.

— Не думаю, что у Влады будет время на хождение по барам, Серега. Ей еще нужно в дела вникнуть, и как можно быстрее, — Серега нахмурился, намекая, что я дебил и все испортил, но я покачал головой и кивнул ему на выход.

— Антон прав, — поддержала меня госпожа экстрасенс. — У меня не будет времени, и к тому же я совсем не тот человек, с кем вам будет хоть сколько-нибудь интересно.

Сергея попрощался и на выходе помахал мне рукой, прося выйти.

Мы отошли от дверей кабинета, и он резко развернулся, глядя на меня почти зло.

— Ты что, совсем тупой, Чудо? — прошипел он. — Мы с мужиками уже придумали, как ее сбавить по-быстрому за несоответствующее поведение, а ты, придурок, тормозишь!

— Он решил ее сначала поиметь, а потом уже спровадить, — вякнул неожиданно появившийся из-за спины Володька Палкин. — Че, Чудо, ты у нас настолько всеядный, что даже на таких убогих ведешься, или сильно захотелось разнообразия в постели? Будете этот... тантрический секс практиковать? Или еще какую-нибудь мистическо-извращенскую херню?

Он говорил достаточно громко, чтобы его можно было услышать не только в моем кабинете, но и на втором этаже, и потом оглушительно заржал, явно восхищенный собственным охеренным остроумием.

Терпеть не могу этого быдловатого идиота. С его интеллектом и скотскими манерами ему не в органах работать, а с гопниками по подворотням отираться. Мы, конечно, все тут не образец для подражания с холодной головой и горячим сердцем, да и руки не всегда чистыми сохранить удастся, но вот почему держат еще таких, как он, честно не понимаю.

— Я, Палкин, не всеядный, а справедливый, и почти все женщины для меня одинаково прекрасны, — закипел моментально, да так, что сдерживаться уже было не вариант. — А всеядный у нас ты, учитывая, что вечерами шлюх с улиц тащишь к себе в кабинет под видом задержания и трахаешь их там. И еще к тому же жалкий, потому что соглашаются они дать, только если ты их шантажируешь. Брезгуют, плюются потом, но соглашаются!

Володька сделал пару шагов, набычиваясь и краснея почти мгновенно.

— Да я тебя, суку... — зарычал он, но натолкнулся на мой прямой взгляд, умоляющий только дать повод, и осекся.

— Эй, мужики, вы охренели, что ли? — встал между нами Серега. — Мы на работе.

мать вашу. Хотите оба схлопотать от шефа?

— Это он охренел, — огрызнулся Палкин, но отступил. — Возомнил о себе... Гений сыска, мля, лучший оперативник и жеребец долбаный. Урод! Это бабы от тебя в восторге, Чудо ты гребаное, а мужики, знаешь ли, навалить могут и твою корону на жопу натянуть!

— Мужики-то, может, и могут. А вот единственный способ, каким ты мне можешь навалить, — это собрать толпу таких же одноклеточных гопников-неудачников, как сам, или в темном переулке исподтишка кирпичом по башке шарахнуть, а потом попинать и свалить, пока не очнусь! — презрительно ответил я, и Палкин ретировался, предварительно смело послав меня издали.

— Слышь, Тоха, ты чего вообще? Озверел? — шокированно посмотрел на меня Серега. — Ты на черта с ним цепляешься? Зачем тебе эта гнида сдалась?

— Ни за чем, — отмахнулся я. — Пусть за языком следит!

— Да с каких пор ты на это внимание обращаешь? Что происходит-то? На меня рычал, на него бросился. Тебе, может, персенчика попить?

— Я и коньяком обойдусь, — хмуро ответил я, уже и сам не очень понимая, чего так вдруг завелся.

— Может, тебе в отпуск пора?

— Ничего мне не пора! Просто бесит... все. Еще и в деле третий труп, и ни одной подвижки! — признался я честно.

— Антоха, твоя проблема, что ты вечно все это слишком через себя пропускаешь. Ночей не спишь, гоняешь в голове все время. Погружаешься, короче. Нельзя так.

Я смотрел на него, поучающего меня, и испытывал желание возразить, спросить, как же можно по-другому? Как можно приходить домой, словно ни в чем не бывало, есть свой вкусный ужин, вести ниочемозные беседы с женой, привычно ложиться в постель и преспокойно засыпать, когда по улицам все еще ходит в поисках новой жертвы ублюдок, которого ты должен поймать, но так пока и не поймал? Но Серега продолжал монотонно мне втирать что-то про то, что мир не исправить, и убийцы будут и никогда не кончатся, а надо жить нормально и бла-бла-бла, и я просто не хотел больше ни говорить с ним, ни спорить.

— Ага, ты, конечно, прав. Да только все равно это меня из себя выводит, — знал, что на самом деле он все равно меня не понимал, хоть и очень старался.

— Понимаю. А тут еще и баба эта? — усмехнулся он. — Так говорю же, давай избавимся от нее. Мы тебе поможем, а шеф будет только «за». Сам знаешь.

— Серега, не надо мне ни в чем помогать! Сам я разберусь и с дамочкой, и с нервами, и с делами!

— Ну ладно, — разочарованно пожал плечами Фетисов. — Как хочешь. Только ты в курсе, что на нее нет никакой инфы?

— В смысле?

— В прямом. Мы тут с парнями быстренько пошарились по базам. Так вот, нету ничего. Типа, вообще. Я, собственно, это сказать и приходил, чтобы не по телефону.

— А зачем вы искали?

— Ну, здрасте, нам же интересно, что за сокровище к нашему берегу прибило. А вдруг может устроить нам энурез и недержание или вообще импотенцию.

— К моему берегу. Не вашему, — машинально поправил я, размышляя над информацией, и пошел к своему кабинету. — Так что вы расслабьтесь и так не дергайтесь.

Очковые клетки не восстанавливаются. Увидимся, Серега.

— Чудо, тебе, и правда, надо уже отдохнуть, — вздохнув, проговорил он мне вслед.

Вот поймаю этого суку-резчика по коже и отдохну.

ГЛАВА 4

Бесшумно открыл дверь в кабинет только для того, чтобы зависнуть на пороге от странного зрелища. Мой помощник Василий и госпожа Влада смеялись. Не в том смысле, что прямо ржали, заходясь в безудержном веселье. Нет, это был какой-то особенный, тихий смех. Я бы даже квалифицировал его как интимный или заговорщицкий. Хотя какие, к черту заговоры, когда они знакомы всего минут двадцать в общей сложности? Но при этом я наблюдал вполне себе наглядную картину, как оба сидели с кружками парующего чая в руках, наклонившись лицами друг к другу, и тихо о чем-то говорили, издавая эти самые сдержанные звуки — мягкий смех. Госпожа Влада поджала под себя ноги, и это делало ее позу совсем какой-то девчачьей, а вечно насупленный Василий был сейчас совершенно расслаблен. Он даже сутулиться перестал. При этом я, хоть убей, не мог вспомнить, чтобы парень за три месяца работы моим помощником вообще улыбнулся хоть раз! Я что, настолько невнимателен, или этого и правда не было? Василий был толковым, исполнительным, готовым сидеть хоть до утра, как и я, перерывая базы данных, это отличало его от других стажеров, что так и не ужились со мной и попросились к другим, не таким самодурским следакам. Он действительно был полезен и даже временами незаменим, учитывая вечную занятость айтишников и мою тупость в освоении современных технологий. Но, опять же, проработав с ним бок о бок столько времени, я реально не мог вспомнить его веселящимся.

Да ну и хрен с ним! Сто пудов это опять какой-нибудь гипнотический приемчик госпожи Влады, которой остро надо расположить всех к себе. Отстранившись от раздумий на тему необычных реакций подчиненного, все равно краем глаза отметил, что сидела Владислава уже, понятное дело, босиком, а ее нелепые сейчас туфли сохли на спрятанном в углу нашем масляном обогревателе. Ну и ладно, мне нет дела до того, что предложил это не я, а, как оказалось, такой пронырливый, мать его, тихоня Василий. Бросил короткий взгляд на обоих до того, как они выпрямились и прекратили свою беседу, и вдруг поймал себя на том, что размышляю, может ли Василий привлекать Владу? Он младше ее, и лицо у него простака рязанского, но когда женщин останавливала разница в возрасте и простоватое личико? Млять! Да о чем я вообще, на хер, думаю? Это что со мной не так-то? Может, и не так уж не прав Серега? И мне реально в отпуск пора, потому как совсем ум за разум заходит? Мой помощник и госпожа экстрасенс опять стали сами собой. Он — сутулым ботаном, уткнувшимся в экран или документы, а она — невзрачной дамочкой с лишенным эмоций лицом. Влада опустила ноги на пол, как будто почувствовала себя неуютно в моем присутствии, и выпрямилась, глядя при этом прямо на меня без признаков смущения. Я, почувствовав внезапное раздражение, прошел в угол кабинета, где на старой, обшарпанной вешалке сто лет болтался дорогой пуховик. Уже почти целый год назад его здесь оставил подозреваемый, который прямо в процессе допроса стал главным обвиняемым в деле об изнасиловании и убийстве ребенка и отправился прямиком в СИЗО. Естественно, ему это не понравилось, и он пытался бушевать, и, пока усмиряли, о его верхней одежде так и забыли. Затем выяснилось, что ее некому забрать, потому как урод умудрился покончить с собой в камере, а родни у него не оказалось.

Я подошел с курткой к Владе и, наклонившись, накрыл ноги, но так, чтобы не

коснуться. И, поднимая голову, столкнулся с ее ошеломленным взглядом. Почему-то вдруг вспомнилось, как она замешкалась в дверях, когда я их открыл, и как косилась, когда подставил вначале стул, и сразу подумалось, что для нее никогда никто ничего не делал, даже какой-то мелочи. Не знаю даже, почему это в голову пришло, но если женщины знают, что такое проявление хоть элементарного внимания, то не смотрят на тебя так, будто ты прошелся по комнате гольшом на голове.

— Спасибо, — пробормотала она, продолжая смущать меня своим пристальным пораженным взглядом.

— Все равно он тут черте сколько висит и никому не нужен, — пренебрежительно пожал я плечами. — Хоть для чего-то сгодится.

Выражение ее темных глаз тут же изменилось, в них проскользнул легкий оттенок разочарования, но я не успел понять почему, потому как в дверь постучали.

Следующие два часа я опрашивал двух свидетелей, одного из которых считал стопудовым убийцей, а Влада изучала дело маньяка, которое ей вручил Василий, хотя особого интереса я не заметил. Она перелистывала страницы довольно быстро, почти не вчитываясь, так, словно это был глянцевого гламурный журнальчик, а не сухие факты, повествующие о чьей-то боли и смерти, и то и дело смотрела на моих фигурантов. Причем ее интерес был гораздо меньше, когда в кабинете сидел и бубнил первый, тот самый, кого я и подозревал, чем когда зашел второй. Родной младший брат убитого, тщедушенький очкарик в идеальной белой рубашечке с галстучком, эдакий мальчик одуванчик без возраста, полная противоположность безвременно почившему старшему брату, гуляке, бабнику и здоровенному детине.

С его появлением в кабинете она, казалось, совсем забыла о лежащих перед ней документах и, часто моргая, смотрела на меня, на мямлящего ответы на мои вопросы свидетеля, а потом почему-то на двери. Причем, похоже, ее взгляд ощущался вполне осязаемо, потому что к концу допроса парень уже ерзал и нервно оглядывался на нее. А Влада будто и не замечала этого и продолжала пялиться, сильно хмурясь, словно что-то было ей непонятно и приводило в замешательство. На самом деле мне даже стала нравиться эта ее способность действовать на нервы и выводить из равновесия. Не знаю, как там обстоит со всякой сверхъестественной похабенью, а вот эта фигня могла быть реально полезной. Я стал нарочно затягивать допрос, и парень совсем раздергался.

— Послушайте, а можно уже закончить побыстрее, — не выдержал наконец он, и глянул на Владу уже откровенно неприязненно, чего она, впрочем, и не заметила вовсе. — Меня в коридоре жена беременная ждет. Может, уже достаточно вопросов?

— Я решаю, когда достаточно, гражданин Сысоев Владимир Алексеевич, — нарочно монотонным голосом ответил я. — А жену-то зачем с собой брали? Тем более в положении.

— Я не брал! Она сама захотела. Переживает очень. Знает, как мне трудно пережить гибель Славки! — Парень тут же стал похож на ежа. Ну ладно, на тощего ежа-доходягу! — И вообще, разве вас это касается?

Услышав про жену, Влада резко поднялась и, едва не упав, выпутала ноги из обернутого вокруг них пуховика, совершенно не замечая, что, босая, пошлепала через кабинет к двери. Она не просто шла, а почти неслась, наклонив голову и упорно глядя перед собой, и это почему-то подействовало на всех нас как команда следовать за ней.

Выскочив в коридор, я увидел ее прижавшейся спиной к стене и неотрывно глядящей на сидящую напротив на банкетке миниатюрную девушку с уже заметным животиком под

элегантным черным платьем. На голове у той была траурная косынка, и на ее фоне лицо казалось очень бледным, хотя и необыкновенно милостивым. Она захлопала огромными прозрачно-голубыми глазами, переводя их на каждого из нас по очереди. Под пристальным вниманием Влады она заерзала, губы задрожали, а руки стали нервно тереть ткань платья.

— Что-то случилось? — с дрожью спросила беременная и в этот момент выглядела настоящим испуганным ангелом, хрупким и незащищенным.

Мой свидетель метнулся к ней тем самым отчаянным движением, в котором безошибочно читаются прущие наружу мужские инстинкты охранять самое дорогое.

— Что здесь происходит? — теперь в его голосе был настоящий гнев.

— Милый, мне страшно! — беременная вцепилась в руку мужа, глядя на него так, будто ее убивали.

— Как вы смеете пугать мою жену! — закричал на Владу молодой муж, хотя она пока не произнесла ни единого слова и даже не шелохнулась.

Девушка вскочила и прижалась всем телом к разъяренному супругу, реагируя, на мой взгляд, совершенно неадекватно в этой ситуации. Ясное дело, Влада сейчас выглядела странновато, но не настолько же чтобы закатывать истерику. Но с другой стороны, это же баба, да еще и с гормонами, чего с нее взять-то? Девушка натуральным образом разрыдалась, глядя на нас всех невинными заплаканными глазами, а ее муж стал вопить, что будет на нас жаловаться в прокуратуру. В считанные секунды происходящее переросло в скандал грандиозного масштаба, и из кабинетов вокруг стали выглядывать.

Влада же смотрела на истерящую беременную почти с отвращением, казалось, совсем не замечая ни холодного пола, ни криков, ни людей, появляющихся отовсюду. Потом она схватилась за живот и завертела головой, как будто что-то искала. Натолкнувшись взглядом на меня, она пробормотала:

— Туалет?

— Там! — машинально показал я, и она сорвалась с места.

И тут я вспомнил.

— Твою ж дивизию, там же только мужской, женский в другом конце, — и стал догонять ее, но только и увидел закрывшиеся перед носом двери.

— Никому пока не уходить. Я вернусь через минуту, — бросил через плечо.

— Да что вы тут все себе позволяете! — заорал Сысоев мне вслед.

— Какого хрена там... — начал я, влетев следом, и тут увидел Владу над первой же раковиной. Ее сгибало в жутких спазмах. Она вцепилась в края фаянса так, что пальцы побелели, и тяжело дышала, иногда всхлипывая.

— Вы нездоровы? Может, скорая нужна? — Я и сам не мог понять, почему так саднило внутри от ее вида, вот такой тощей, сотрясающейся и явно страдающей.

— Как же я ненавижу это! — вместо ответа сипло пробормотала Влада и открыла кран.

— Что именно?

— Это она убила, — проигнорировав мой вопрос, сказала женщина, стряхивая с тонких пальцев воду.

— С чего вы взяли?

Влада посмотрела на меня в отражении грязного зеркала, и я ощутил себя вдруг полным дебилом, задающим тупейшие вопросы. Ее глаза сейчас выглядели опять теми темными провалами на бледном лице, пугающими дверьми разума, за которыми хранятся знания,

недоступные другим и, наверное, совершенно не нужные им, чтобы жить и оставаться в своем уме. И это было и страшно до усрачки, и при этом непреодолимо притягательно. А потом она снова моргнула и опустила глаза к льющейся воде, и все пропало, оставив только краткое ощущение ледяного прикосновения где-то под диафрагмой.

— Это она убила, — повторила женщина с нажимом и обернулась. — Не случайно. Нарочно. Долго готовилась. Она насквозь этим пропиталась. Бедный ребенок. Его мать не только убила его отца, но и отравила всю себя.

— В смысле отравила? — я испугано дернулся к выходу. — Мне тут трупы лишние не нужны!

Влада непонимающе захлопала на меня глазами.

— Я имела в виду ненависть, замысел. Когда человек так долго мечтает о смерти другого, он навсегда остается отравленным, выгнившим. Вот вы же тоже убийца, но внутри у вас этого нет. Вы и она... это нельзя сравнить.

Она вот просто так, как нечто само собой разумеющееся назвала меня убийцей, что я сначала просто опешил, а потом озлился.

— Знаете что?! Эти ваши шутки не сработают со мной, неужели еще не поняли? — зарычал на нее. — Может, просто потрудитесь не мешать мне выполнять свою работу, раз уж мне все равно от вас не избавиться, и не будете устраивать тут цирк!

— Простите! — Влада устало вздохнула. — Просто это бывает со мной. Я постараюсь сдерживаться. Но эта девушка действительно и есть ваш убийца.

— Да? И как вы прикажете мне использовать эту инфу? Пойти и в лоб спросить, не она ли замочила братца своего муженька припадочного? Как мне это доказать? На каком основании предъявить?

Влада в ответ только посмотрела совершенно беспомощно, чем разозлила меня еще больше.

— Вы хоть знаете, что по материалам дела ее вообще в день убийства даже в городе не было? — продолжил я наседать на нее. — Уезжала она к маме. Это упоминают все свидетели. Можете доказать обратное? — Женщина помотала головой. — Может, знаете, где хотя бы орудие убийства искать?

— Не знаю, — Влада опустила голову и вдруг чихнула. Тихо и придушенно, как какой-то долбаный жалкий котенок, даже смешно, черт возьми! Мой гнев моментально испарился. Вот только что прямо трясло, а тут раз — и нету!

— Идите же вы в кабинет и закутайте свои чертовы ноги! Как вообще можно ходить в такой обуви осенью в дождь! — Я как сварливый старый дед, ей Богу!

— Нет, — затрясла она головой. — Пока она там, я тут побуду. Не могу я... рядом с такими.

Она выглядела совершенно удрученно и, похоже, извинялась, но явно давала понять, что с места не сдвинется.

— Твою ж дивизию, — пробормотал я. — Ладно, дайте мне пять минут, я выпишу дамочке повестку на послезавтра и отправлю. А к вам сейчас Василий придет с обувью.

Какого черта я вообще иду у нее на поводу?

— Хорошо, я в коридоре постою, — почти покорно кивнула Влада и пошлепала по плитке, а я, проводив ее взглядом, от души выругался.

В туалет вошел один из моих коллег, столкнувшись с женщиной в дверях, многозначительно прокашлялся, намекая на неуместность присутствия тут госпожи

экстрасенса. Влада же не обратила на него внимания и только прижалась к стене снаружи, повернувшись спиной в сторону моего кабинета, и так и осталась.

Я посмотрел на всех присутствующих в коридоре и покачал головой. Вот же свезло мне, так свезло, теперь я прямо центр внимания всего отдела! То-то же еще по мне пройдутся все кому не лень. Хотя похрену мне. Гораздо важнее, что мне делать с этой Владой несуразной и всем от нее услышанным? Поверить? Забыть? Или проверить? Но как?!

ГЛАВА 5

Я быстро выписал повестку беременной мадам Сысоевой, которая вроде успокоилась, но, поняв, к чему идет, опять начала делать лицо невинной страдальницы в окружении злобных монстров, дрожать губами и лить бесконечные слезы. И все это под аккомпанемент воплей ее мужа, перечислявшего куда, кому и сколько раз он на меня пожалуется и как меня за это потом нагнут. Приходилось мне такое слышать частенько раньше, и обычно все эти сотрясения воздуха никак меня не задевали, но сегодня от каждого визгливого звука в голове уже стало отчаянно пульсировать, и я едва сдерживался, чтобы не наорать на обоих. Такое чувство, что ей путевку прямиком на Колыму выписывал, а не требовал явиться для опроса через пару дней! Хуже всего, что меня сейчас в одинаковой степени бесили обе бабы: и эта Сысоева с ее истерикой, и госпожа экстрасенс с чрезмерной реакцией. А больше я сам, потому как, считая все сверхъестественные штуки полной хренью, все равно сейчас невольно поддавался ведь на это, выписывая долбаную бумажку.

Василий вернулся, едва громкая парочка покинула кабинет, причем один.

— И где? — спросил я, мотнув головой в сторону двери.

— Влада сказала, что ей в нашу бухгалтерию надо, — сообщил помощник, — оформить там чего-то официально.

Может, это и к лучшему, потому как у меня сейчас было навязчивое желание вывернуться на кого-то.

— Кстати, — вспомнил я, — мне тоже надо к начальству. Как я, собственно, должен пришивать к делам все эти откровения мистические, мать их?

Я уже почти вышел, а потом меня посетило.

— Васек, ты догони этих Сысоевых и попробуй фото дамочки сделать. В идеале незаметно, а там как получится. У нас ведь ее снимка нигде к делу не прилагается?

Василий покачал головой и без лишних вопросов помчался, обгоняя меня, по коридору. Вот люблю этого парня прямо. Никаких тебе «зачем-почему» и «в мои обязанности это не входит», сказал — он пошел и сделал.

Шефа на месте не застал и, через силу рассеянно поулыбавшись на откровенный флирт его секретарши, сбежал, едва она от томных взглядов перешла к вопросам о госпоже Владе. Вот теперь такая петрушка на каждом же шагу меня ждет!

Василий вручил мне отсканированную и напечатанную фотку милого личика мадам Сысоевой вполне приличного качества. Я всмотрелся в снимок и поразился резкому контрасту между нежными, почти кукольными чертами лица и жестким, холодным взглядом огромных глаз, из которых тут пролилось столько слез. Теперь я не видел и намека на первоначальный трогательно-невинный образ. Такое чувство, что он был только очень тщательным камуфляжем, но, один раз сумев заглянуть под него, уже перестаешь его замечать, больше он не работает. А может, просто я все-таки поддался на фокусы этой Влады и активно дурачил сам себя, выискивая в обыкновенном фото то, чего там вовсе нет! Кто сказал, что Сысоева убийца? Это доказано и подкреплено уликами и документами,

которые примут в суде? Черта с два! А значит, все это домыслы и фантазии, не имеющие связи с реальностью! Я метнул недовольный взгляд в сторону стула, на котором до этого располагалась возмутительница моего спокойствия.

— Влада заходила, чтобы узнать, будут ли еще сегодня проводиться какие-то действия, — перехватив мой взгляд, сообщил Василий. — Я ей ответил, что нет, и она сказала, что домой пойдет.

Я одновременно вздохнул с облегчением, так как ее присутствие постоянно напрягало меня, заставляя краем глаза отслеживать каждое движение и мельчайшую гримасу, и в то же время опять испытал необъяснимое раздражение. Не могла дожидаться и спросить у меня лично? Старший тут как-никак я, а не Василий! И даже дело не в том, кто тут главнее, а в том, что у меня вообще-то куча вопросов, а она взяла и ушла.

Сгоняв Василия за бутербродами, я засел за дело моего маньяка. Снова и снова я просматривал все документы, фото тел и улики, воскрешал в памяти то, что не было отражено в отчетах. Прогонял все в голове по кругу, выискивая, может, хоть какую-то деталь, которую упустил раньше, хоть что-то, что позволит мне сдвинуться с мертвой точки.

Тела обнаружены в местах, где редко бывали люди, но при этом не настолько уединенных, что найти их могли бы только по чистой случайности. Возможно, ублюдок не хотел, чтобы их изуродовали бродячие животные и сильно затронуло разложение. Плюс не было следов волочения, небрежного обращения. Он доставлял их, тщательно и бережно обернув в чистую пленку, и укладывал аккуратно, а не просто швырял как придется. Это может говорить о некой привязанности или особой извращенной заботе о жертвах, но может и о собственном его тщеславии. Вероятно, Санек прав, и эти рисунки, что придурак вырезает на телах, являются предметом его гордости, а значит, ему хочется, чтобы их оценили во всей красе, а не когда творение будет испорчено случайными обстоятельствами. Кто их, психов, разберет? Я помял переносицу, пытаясь хоть как-то избавиться от головной боли. Удачи мне в этом, конечно. Прихлебывая остывший уже чай и давясь заветренными бутерами, вздохнул.

— Завтра надо самим купить колбасы и хлеба и наделать бутеры, — буркнул Василию. — Как они вечно умудряются их засушить?

Василий ответил только угуканьем и пожиманием плечами с набитым ртом, не отрываясь от монитора. Он по моему указанию поднимал инфу по этому боди-арту и всем пришибленным искусством индивидуумам, практикующим его у нас в городе. Естественно, наш маньяк всегда может оказаться гастролером, но почему тогда все три тела оставил у нас и относительно недалеко друг от друга? Поэтому начнем с местных.

Так, что у нас еще есть? Следов длительных истязаний нет. У меня за годы работы уже выработалось особое чутье, безошибочно говорящее мне, пережила ли жертва перед смертью сильное физическое и моральное страдание. Даже умиротворение, которым обычно накрывает лица людей после смерти из милосердия природы над еще живущими, не могло обмануть меня. И наличие или отсутствие внешних повреждений тоже не основной для меня показатель. Человечество давно научилось причинять себе подобным страшные муки, не оставляя следов на поверхности. И я, может, и не хотел бы, да все равно всегда ощущал некий отзвук, что ли. Никакой гребаной мистики, просто в голове будто загоралась шкала, на которой четко высвечивалось, какую степень боли случилось испытать потерпевшему. Так вот, в этом деле, несмотря на абсолютно неоспоримое наличие всех повреждений, мой болеметр не срабатывал. Просто вообще. Так, словно эти женщины умерли в благости и покое, тихо отойдя во сне! И это при том, что все экспертизы подтверждали одно и то же —

никакой известной наркоты в них нет! Конечно, всегда остается вероятность применения еще неизвестных нам веществ, потому что приходится признавать неприглядные реалии — криминальные гении от химии работают гораздо быстрее и креативнее, чем наши специалисты. Да и не ограничены они ни в средствах, ни всякими нормами и правилами. В любом случае надо поболтать с коллегами из наркоконтроля, может, узнаю, чего еще нет в официальных отчетах.

Дальше. Нет признаков истощения и обезвоживания, нет грязи под ногтями, ссадин, синяков, говорящих о длительном содержании где-то и попытках выбраться. Или этого не было, или он кормил-поил и поддерживал каким-то образом их в состоянии покоя, потому как отметин, свидетельствующих о связывании или прочей фиксации, тоже не наблюдалось.

У него явно так же нет определенного типажа внешности жертвы, потому что все три были разными. Ничего общего ни в возрасте, ни в цвете волос, ни в фигуре, вообще ни в чем, на мой взгляд. Единственное, что объединяло всех женщин — мы не могли установить их личности и найти хоть какую-то родню. Их никто не искал, и это несмотря на то, что они не выглядели бродяжками или проститутками, судьба которых безразлична всем окружающим. Но, однако же, факт оставался фактом — за три месяца с момента первого убийства никто не пришел и не заявил, что он знает, чье тело лежит в нашем морге. С одной стороны, это меня ужасало, а с другой, совершенно четко обрисовывало картину нашей действительности. Мы стали одиночками. В самом прямом смысле этого слова. Мы распускаем слюни по поводу, что все вокруг стали бездушны и эгоистичны, но сами безразличны к окружающим и даже самым близким. Живем, питая только свой собственный внутренний мир и едва замечая всех, кто с ним соприкасается, и совершенно исключая из поля зрения остальных.

Ах, да, еще одно совпадение. Первое и последнее убийство пришлось на полнолуние, но вот второе нет. Так что тут тоже пока никакой закономерности.

Ну, вот и как мне, исходя из этих всех данных, создать мало-мальски стройную логическую схему его поведения?

Звонок шефа выдернул меня из раздумий об устройстве бытия в целом и моих рабочих трудностях в частности.

— Чудинов, зайти! — коротко гавкнул тот в трубку.

— Ну что? — многозначительно спросил он, когда я вошел, и мрачно кивнул мне на стул.

— А что? — в тон ему ответил я.

— Чудинов, будешь перед девками из канцелярии юмориста изображать! — рыкнул он. — Что думаешь делать, чтобы избавить наш отдел от этого посмешища?

Если он утром на совещании выглядел злым, то теперь такое чувство, что он не только не остыл, но еще больше себя накрутил за это время.

— Такое впечатление, что это была моя идея ее сюда пристроить, Алексей Семеныч! — огрызнулся я.

— Ну и не моя, уж поверь! Таких вот пришибленных, как эта Влада, пристроили еще троим соседям. Обозвали их временными сотрудниками с особыми полномочиями, зарплату им выделили и теперь ждут результатов! Нет, ну ты представляешь? Обозвали это непотребство «Проект «Ворожея» и сидят там на своих жирных задницах в предвкушении чуда стопроцентной раскрываемости! Идиоты, сука! Хотел бы я знать, откуда у этой идеи вообще ноги растут, нашел бы умника и оторвал бы и их, и голову шибко умную!

— Так это не единичный эксперимент с нами? — удивился я.

— Нет, и только это меня хоть немного примиряет с ситуацией, хотя особых поводов для оптимизма не вижу. Если этот чертов эксперимент признают успешным, то всех этих чокнутых начнут вводить к нам в штат на постоянной основе. И тогда ты можешь представить, до чего мы дойдем? Будем вместо розыскных действий ждать, когда эти гадалки проклятушие карты свои раскинут и нам всю правду расскажут? Мало по нам пресса и так вдоль и поперек проходится, стоит только разок ошибиться, так теперь еще и это. Я прямо чесаться начинаю, представляя себе заголовки, когда они пронюхают о таком «сотрудничестве»!

Он выскочил из-за стола и стал расхаживать по кабинету, все больше злясь. На его щеках обозначились красные пятна, лоб вспотел, и вообще он выглядел каким-то всклокоченным. Сейчас особенно было очевидно, что он, хоть и крепок еще, но возраст не щадил его совершенно. Черт, я понимаю, что ситуация раздражающая, но не до такой же степени, чтобы до удара себя довести, психуя, тем более, что прямо сейчас ничего не поделать.

— Ну, может, в чем-то они и могут быть полезны? — попробовал я хоть немного разрядить обстановку, потому что от его мельтешения по кабинету моя и без того больная голова стала просто чугунным колоколом, в котором каждое его слово отзывалось глухим эхом. Взгляд, которым одарил меня шеф, красноречиво мне сказал, что дипломатия — это не мое, а так же куда я могу засунуть себе свое мнение.

— В общем, так, Чудинов, на тебя вечно твои стажеры жалились, что ты им ни сна, ни отдыха, ни пожрать, ни поспать не даешь и загоняешь до полусмерти! Так вот ты мне с этой дамочкой тот же фокус проверни! Везде таскай: и на выезды на трупы по ночам, и на поквартирные обходы, и в СИЗО на допросы, и в долбаные засады, чтобы ей не казалось, что у нас тут Дисней-лэнд. Я знаю, как ты пашешь с утра до ночи, только за это твой характер гадский и терплю, вот и ее заставляй. Посмотрим, через сколько она сама ныть начнет. Никаких поблажек и джентльменства, мать его! Не приведи Бог, никаких похвал и упоминания о заслугах ни устно, ни в отчетах, даже если они как-то случатся! Ничего, что могло кому бы то ни было внушить и намек, что идея с этим их внедрением может быть удачной и полезной! Нам такого добра и даром не надо! Пусть убедятся в тупости этой своей затеи, обратно забирают и в другом месте с этими блаженными играют. У руководителей других отделов такой же настрой, так что мы будем не одиноки! Надо эту инициативу сверху в зародыше придушить! — говоря это, Семеныч изобразил весьма эмоциональный жест, будто и правда остро желал утробить кого-то наложением своих здоровых лапищ. — Столько лет жили и работали без всяких там... а тут они... да пошли они...

Толкая пламенную речь, шеф сам себя кочегарил все больше и под конец перешел на почти невнятные матерные восклицания, выражающие лишь одну мысль — видеть тут Владу он, мягко говоря, не желает, и мне следует сделать так, чтобы ее присутствие и участие в процессе расследований не только оказалось бесполезным, но и сама она захотела сбежать как можно быстрее. В принципе, это не расходилось с моим первоначальным желанием сбегать ее со своей шеи побыстрее, вот только чего шеф так пенился? Такое ощущение, что вопрос как можно быстрее сожрать госпожу экстрасенса стал для него делом глубоко личным.

— Чудинов! — повысил голос шеф, видимо, заметив, что я его не особо слушаю. — Не избавишься от этой бабы, я избавлюсь от тебя! За тобой косяков хватает, так что особого труда не составит! И обратно в органы ты черта с двастроишься! Разве что будешь

участковым по району бегать!

А вот это уже интересные новости! Еще как-то мог посочувствовать его нервному состоянию до сих пор, хотя и не вижу причины так реагировать, но эта тупая попытка шантажа уничтожила на корню все мое понимание.

— Могу быть свободен? — поднялся, буквально прикусывая язык, чтобы не ответить резко.

— Ты на меня глазами тут не сверкай, Чудинов! — погрозил шеф мне пальцем. — Вам, молодым, не понять! Я всю жизнь в органах и еще помню те времена, когда мы таких, как эта Влада, сажали за мошенничество, а не на работу брали и себе равными считали! И пока я тут начальник, таких, как она, здесь не будет! Впрямую, может, я действовать и не могу, но если ты ее не выживешь, я найду на твое место другого! Так что давай, делай, что хочешь, но после срока испытательного духу тут ее быть не должно. А если раньше, то я тебе премию выпишу!

Я ушел из кабинета, бормоча себе под нос, куда он может засунуть свою долбаную премию.

ГЛАВА 6

Вернувшись в кабинет, я позволил себе немного попсиховать, не стесняясь в выражениях, под флегматичным взглядом уже немного привыкшего к моему характеру Василия. Он не стал уточнять, что же меня так вывело из себя, тут и коню понятно, знал же, что к начальству иду. Сцепив руки на затылке и вытянув свои длинные ноги в потертых джинсах, он сидел, откинувшись и невозмутимо дожидаясь, пока я просто выдохнусь. Не девицы же мы, чтобы начать сочувственно вздыхать и охать. Тем более что сейчас мне все равно было не вариант объяснить, что же меня так злит. Ну, имеет нас начальство регулярно и по-всякому, так за столько лет уже втянулся, можно сказать, почти удовольствие получаю. Но одно дело тебя и понятно за что, а другое, когда с твоей помощью пытаются кого-то. Это уже какое-то, мать его, извращение! А я парень простой, если и трахаю все, что движется, то сугубо традиционно! Не хрен меня использовать как гребаный инструмент в чужих играх!

— Я нашел тут главного идейного, так сказать, гуру росписи по телу в нашей местности, — сообщил помощник, когда я плюхнулся на свой скрипучий стул. — Аристарх Гомон. Смотреть будешь? Тут есть на что.

— Это тебе любая голая задница в радость, малыш. А я каких только не навидался! — съязвил, однако, поднимаясь и переходя так, чтобы встать у него за плечом.

— Хм. Даже не сомневаюсь, что повидал, — в тон мне ответил парень и пригнул голову, уклоняясь от подзатыльника. — Я тут покопался, так-то ничем особо выдающимся и гениальным в мире искусства этот дядечка не прославился.

— Ну, ясное дело, кто ж его великим при жизни то признает! — проворчал я, щурясь в экран, заполненный фотографиями голых тел в разнообразных позах, расписанных в такой цветовой гамме, что даже вкус такого бездаря и чайника, как я, готов был сдохнуть, предварительно облевавшись. — Пусть сначала ласты склеит, чтобы все уж точно знали, что больше никакой высокохудожественной херни не наваяет. Вот тогда каждая его мазня шедевром и станет.

Василий мой комментарий проигнорировал и продолжил:

— Широко известен господин Гомон именно благодаря своей студии боди-арта «Обнаженная душа». — М-дя, название явно не очень подходило, лучше бы «Галереей голых задниц» обозвался. — Набрал молоденьких моделей из глубинки обоих полов и устраивает в

большинстве своем закрытые показы для граждан с толстой мошной. На форумах имеются упоминания, что одними показами и перформансами дело не ограничивается. Некоторые почти напрямую называют Гомона сводником и сутенером с, так сказать, эстетическим уклоном. Причем пользуется эта его студия повышенным спросом.

— Это, типа, новая услуга в сфере эротических услуг «раскрась на свой вкус и поимей»? — фыркнул я, опираясь на спинку его стула.

— Видимо, что-то вроде того, — кивнул Василий, показывая мне новые фото, где обнаженные женщины и мужчины то валялись на асфальте с какими-то плакатами и надписями в интересных местах, то выстраивали из себя же причудливые фигуры. — Также его студия весьма охотно устраивает обнаженные акции протеста, само собой, тоже не на общественных началах, а хорошо проплаченные.

На последнем фото вообще явно занимались групповухой, причем прямо среди бела дня на улице. Кажется, я даже помню шум про это в новостях. Они чего-то там символизировали этой эстетической похабенью или протестовали. Понятное дело, что я сам ни разу образец высокой морали и стыдливости, но такое было для меня перебором. Чем добровольно занимаются взрослые люди за закрытыми дверями, не важно, наедине или массово, это их сугубо личное дело. Но, черт возьми, по улицам дети ходят и просто люди, которые подобное видеть не хотят. И тех, кто платил за эти акции, тоже не понимаю. За что бы они там ни боролись и к чему бы ни призывали таким образом, разве люди запомнят что-то, кроме бесформенной кучи раскрашенных, беспорядочно трахающих друг друга тел? Не верю я в вопли о том, что только такое ударное воздействие на низменную часть человеческой натуры способно заставить прислушаться. Ну, или, может, я ханжа и примитивно мыслящий тип, если отвлеченные разговоры — это последнее, что я предпочитаю, когда уж решаю раздеться?

— Млять, а чего его до сих пор не прикрыли на хрен? — нахмурился я, рассматривая через плечо Василия сменяющиеся картинки на мониторе.

— Ну, у него модели все совершеннолетние, у всех хитро составленные договоры, да и научены они правильно отвечать во время административных задержаний за нарушение общественного порядка, — пожал плечами парень. — Каждый раз, когда пахнет жареным, они, типа, сами по себе активные граждане, а Гомон с его студией весь в белом, с нимбом на голове. К тому же сам понимаешь, что наши чинуши тоже не брезгают пикантными развлечениями с разрисованными мальчиками и девочками, а значит, прикрывают зад этому мазилке, если он загорается.

Вот уж точно. Среди власть имущих всегда были и будут извращенцы и сластолюбцы, покрывающие вещи страшнее и омерзительнее, чем этот радужный бордель и его создатель. Конечно, открыто никто из них не признается, что любит на досуге раскрасить чьи-то сиськи или член, а потом поиметь или подставиться, но сунься я официально в такой гадюшник от искусства, и дадут сверху такого пендаля, что сердце через рот выскочит.

— Понимаю. Думаешь, нам есть смысл к нему соваться? Таким, как он, стоит корочки показать, тут же вопить начнет о нарушении его прав и свобод, не говоря уже о вызове в контору, — скривился я. — Может, скрытое наблюдение за ним будет надежнее?

— Ну, мы можем поступить тоньше, сыграть на самолюбии, оно обычно у таких персонажей нереальных размеров.

— Типа, предложить ему быть консультантом и посвятить нас, лишенных художественного видения профанов, в тонкие сферы творчества?

— Ну, чем не вариант, — вздохнув, пожал плечами Василий.

— А если кто-то из его окружения и есть наш маньяк, то в каком направлении мы копаем, станет ему моментально известно, и он затаится, — размышляя, клацнул чайником, хотя сейчас предпочел бы банку пива вместо кружки чая. Но мы не всегда получаем, что хотим. — Такие не останавливаются сами. Но затаиться может, а может, и наоборот — активизироваться. Я почти уверен, что он неспроста оставляет жертвы так, чтобы их нашли как можно скорее. Возможно, узнав, что мы пришли искать его именно в студии, он возомнит, что мы признали в нем художника, и как-то обозначится.

— Обозначиться он может новым трупом, — потер лоб Василий, и я не мог с ним не согласиться.

— Это да. Слушай, Васек, а может, ты Гомону этому в модели подашься? — фыркнул я. — Разнюхает все изнутри?

— Куда мне — угловатому и нескладному. Это уж лучше тебе. Будешь у дамочек состоятельных в возрасте нарасхват, особенно как раскрасят. В горошек, например! — Парень, сдерживая хихиканье, прикусил губу.

— Не, мне нельзя! У меня в рабочее время не встает! Только сугубо после! Так что я там буду профнепригодным. Да и староват я, и грудь брить не согласный, — засмеялся я, швыряя в него ручкой.

— Ладно, если серьезно, то давай адрес этой студии, я господину Гомону нанесу визит вежливости, а потом посмотрим. И что, он единственный, кто этим занимается у нас?

— Да нет, но все остальные или его ученики, или крутятся рядышком. На самом деле все равно одна компашка, — Василий застучал по клавишам. — Я тебе весь список распечатаю. В принципе, не так и много их. Господин Гомон, типа монополист, остальные не выдерживают конкуренцию с его размахом.

— Ученики... мля, — пробормотал я, помешивая чай. — Такому еще и учат, оказывается!

— Конечно, учат, ничего то ты не понимаешь в колбасных обрезках, Антон!

— Понимающий, пей чай, если хочешь, и сейчас поедем опять поквартирный обход проводить, проверять утверждение нашей госпожи Влады о виновности мадам Сысоевой, — отхлебнул, обжигая язык.

Василий неожиданно просиял и уставился на меня так, словно я его долбаный герой.

— Ты чего? — прищурился я подозрительно.

— Ничего, — замотал он головой с растрепанной рыжей шевелюрой. — Просто... думал, тебя долго убеждать придется в том, что Влада права.

— Эй! Я не считаю, что она права, ясно? И ты этого знать не можешь! И не вздумай такое где-то ляпнуть, — тут же все мое напряжение вернулось. — Мы просто будем проверять одну из версий, потому что в этом и состоит наша работа. Ясно?

— Конечно. Как скажешь, — парень закивал, не встречаясь со мной взглядом, но продолжая довольно скалиться.

Вот ведь придурок. Умный, продвинутый, но придурок! Надо с этой Владой поговорить по-взрослому. Не фиг такому парню толковому мозги пудрить этими своими...

Часа три часа спустя я вышел из последнего подъезда дома напротив того, в котором жили Сысоевы, и уселся на лавочку, чувствуя, как опять в башке разбушевался чокнутый дятел, да и ноги отваливались. Опрос ни черта не дал. Кто-то вообще дверь нормально не открыл, пролаяв через цепочку: «Ничо не знаю, никуда не летаю». Девяносто процентов

вообще не знали в лицо не только эту беременную истеричку, но и даже нашу жертву, хотя он прожил тут черте сколько лет. Стремительно проходят времена, когда люди были гораздо больше в курсе событий происходящих у соседей, нежели в собственном доме в их отсутствие. Сидят в своих закутках, уткнувшись в телек, шмыгают туда-сюда на работу и обратно, и дела им нет до окружающих. Кто помоложе, те вообще ничего кроме своих гаджетов не видят. Где же моя любимая категория населения, зовущаяся бабульки всевидящие? Неужели стремительно вымирают как вид? Тогда и правда скоро преступников придется ловить по указке экстрасенсов, а не опираясь на факты и свидетельские показания, потому что этих самых свидетелей гребаных просто не сыщешь.

Рядом с протяжным стоном плюхнулся Василий. Я искоса глянул на его мрачную физиономию, и необходимость спрашивать о результатах отпала сама собой.

— Вот как можно быть такими похеристами? — не выдержал он спустя пару минут. — Говоришь, у вас по соседству человека завалили, а у них только ужин остывающий на уме!

Эх, Васек, поработаешь с мое и, если повезет, обтешешься и поумнееешь, и удивляться столь искренне человеческой натуре перестанешь. Или нет. Вот мне бы давно пора, но, однако же, равнодушие человеческое иногда выбешивает так, что едва сдержаться могу. При упоминании того, что кого-то совсем рядом ждет горячая еда в уютной обстановке, мой желудок решил о себе напомнить настойчиво и громко. Хочу котлет. Или борща. Домашнего, не столовского. И можно даже прямо тут на холодной лавке, хрен с ним, с уютом!

— Нет, ну а чего ты хочешь, Васек? — усмехнулся я, почесав живот. — Вот ты разве прекрасно знаешь своих соседей и в курсе, чем они живут?

— Ну... у нас работа много времени занимает, — неуверенно пробухтел он.

— Фигня. Сам знаешь, что это отмазки. Тебе не интересно. И мне не интересно. И все такие.

Надо домой ехать. Дурная это была идея с повторным опросом. Если и сразу-то никто ничего не вспомнил, то спустя два дня вероятность в разы меньше. Разве что случится чудо.

— Мужики, спасите жизнь человеку, — раздался сиплый невнятный голос. — Трубы горят, помираю.

— Сейчас наряд вызову, они тебя на сутки запрут в обезьянник, вот и будет тебе помощь в борьбе с хронической интоксикацией, — пригрозил, глянув через плечо.

Там стоял персонаж: тип — алкаш классический, традиционный, небритый, помятый и вонючий, с сигаретой в трясущихся руках. Клетчатая рубашка застегнута криво, растянутые на коленях дырявые треники и шлепки на босу ногу. М-дя, похоже, тип уверенно отбирает у Влады первое место по неуместности обуви.

— Мент, — недовольно проворчал он, старательно фокусируя на нас взгляд, и уточнил: — Два.

— Тундра отсталая, — с усмешкой ответил Василий. — Мы ж теперь копы!

Мужик помялся возле нас, его мозг явно скрипел, решая, что лучше — свалить от нас от греха подальше или остаться и продолжить интеллектуальную беседу.

— А чо я сделал-то? — наконец просипел он. — За что меня в обезьянник?

— За то, что убийцу покрываешь. Знаешь и молчишь! — угрожающим замогильным голосом провещал Василий, и я фыркнул, толкая его в плечо. Шутник хренов.

— Чего-о-о? Кого это я покрываю? Че шьете мне, чего и близко нет? — дальше последовал целый поток излияний в том же духе, причем лишь процентов десять слов там

было печатными.

— Заткнись! — рывкнул я. И так голова трещит нещадно, да и жрать охота зверски, а он тут разоряется. — Фото посмотри и вали, пока при памяти!

Василий поднялся, и они отошли на пару метров под фонарь, освещающий вход в подъезд.

— Знаешь ее? — спросил он алкаша, открывая папку.

Тот уставился на фотографию, всячески изображая острое желание помочь на своей помятой физиономии и почесывая заросший седеющей щетиной подбородок.

— Не знаю, — наконец родил он. В принципе, я другого и не ожидал. Кого он вообще мог бы видеть или узнать, если вечно глаза залиты! Вот если бы мадам Сысоева дефилировала по району, раздавая халявную водку, вот тогда бы он ее запомнил на веки вечные и к лику святых бы еще причислил.

— Знать не знаю, но видел раз, — прогундел он, но, если честно, я был готов отмахнуться. Сейчас наплетет сказок.

— И когда же ты ее видел? — оживился Василий. Наивный.

— Так дня два... или три назад. Вечером. Мы с Колькой бухали в гаражах, топливо кончилось, решили пойти к магазину счастья попытать, мир-то не без добрых людей. Выворачиваем, значит за угол, а тут она. Дура, вообще! Стоит, вжавшись в щель между двумя стенками, а как нас увидела, прямо отскочила. Мы с Кольком офигели. Может, ей приспичило, но чего туда-то лезть? Там расстояние сантиметров двадцать, хоть тресни не протиснешься. Если так прижало, дальше там полно мест, где можно того... Или вообще никуда не лезть. Там в такое время и не бывает-то никого! Главно, ночь почти, а она в таком месте шарахается. Ну как есть дура. И бешеная к тому же! Колька галантно предложил ее проводить за пожертвование на бутылку. А она нас обложила так, что рты пораскрывались. На вид такая приличная барышня, а как заорала, так мегера мегерой! И за что? Мы к ней с всей душой, а она...

Мы с Василием переглянулись.

— Как звать? — прищурился я.

— Ее? — вытаращился пьянчуга.

— Тебя, гений!

— Так Александр я. Как Македонский, — гордо распрямился помятый персонаж, и я едва не заржал, а Василий не сдержался и уткнулся в кулак, давясь смехом.

— Значит так, Македонский, будет тебе бутылка, если ты нам прямо сейчас точно покажешь, между каких гаражей эта дамочка щемилась, и дашь адрес своего Кольки и подробные показания, — о процедуре опознания я пока умолчал.

— Показа-а-ания, — тоскливо протянул наш неожиданный свидетель, поглядывая на выход со двора, где, видимо, располагался вожделенный магазин. — С другой стороны... Только Кольке про бутылку не говорите!

Спустя минут пятнадцать петляния по дворам мы оказались в целом лабиринте из кое-как натяканных ракушек и даже кирпичных строений. Как это у местных властей до этого стихийного гаражного кооператива руки не дошли. Хотя дошли. На воротах почти всех были прикреплены объявления о сносе или обрывки о них. Причем, если верить бумажкам с печатью управы, случиться сие эпичное событие должно было еще вчера. Ну, как все у нас.

— Вот тут она терлась, — указал он на два железных бокса, между которыми и правда можно было едва руку просунуть.

Я достал маленький, но мощный фонарик, который вечно таскал в кармане, и направил луч в щель между стенами. Мусор, пластиковые и битые стеклянные бутылки, листья, трава и в глубине, похоже, именно то, что мы ищем. Сверток с подозрительными пятнами. То ли грубая ткань, то ли бумага. Ну что, мадам Сысоева, приехали? И почему все считают, что они безумно гениально заматают следы? Статистика показывает, что в процентах семидесяти случаев попадают на ерунде или случайности, но это никого ничему не учит. Я же просто уверен, что это не случайности, а закономерности, иначе не ловил бы преступников снова и снова. Всегда что-то бывает. С другой стороны, так не хочется признавать, что в этот раз случайность-закономерность имеет совершенно определенное женское лицо. Желудок опять завел свою тоскливую песню. Эх, опять я без ужина, да и спать хрен знает, когда повезет лечь.

— Васек, вызывай МЧС-совцев с их приспособами. Надо вытащить нашу улику, — скомандовал я, набирая дежурного эксперта. — И организуй нам владельца гаража, вдруг этот гроб железный убирать придется, и понятых заодно. А сознательный товарищ Македонский тебе поможет, потому как местный.

— А пол-литра? — занял наш ценный свидетель. — Скоро же десять вечера! Не продадут пол-литры, а?

— Спокойно, Саня! — бодро заверил я страдальца. — Нам всегда продадут. Мы ради тебя прям пойдем на должностное преступление, ага. Но в твоих интересах оказать посильную, а главное — быструю помощь Василию.

— Может, завтра все? — без особой надежды вздохнул мой помощник.

— Да легко, если только ты останешься тут дежурить всю ночь! — огрызнулся я. — Есть такое желание?

— А если мы всех на уши поднимем, а это окажется не то? — возразил Василий, набирая номер. — Вдруг это какой-то хлам?

— Тогда мы скажем, что во всем виноват Александр. Который Македонский.

ГЛАВА 7

В добытом из щели между гаражами свертке оказалось именно то, что я думал. Дорогой кухонный нож из качественной стали с длинным узким лезвием и удобной рукоятью из дерева. Похоже, совершенно новый и использованный лишь единожды — чтобы отправить на тот свет господина Сысоева-старшего. Естественно, что обычный охотничий был бы надежнее, но если все это и правда дело рук мадам Сысоевой, то беременную даму могли и запомнить в специализированном магазине. На самом деле, выбор способа убийства не совсем обычный для женщины. Ладно бы еще в состоянии аффекта, во время скандала или защищаясь, схватила первое, что под руку попало. Но здесь ведь речь об этом не шла. И не только исходя из обвинений госпожи Влады, конечно. Человек не создает себе алиби, убеждая всех вокруг, что он находится в момент преступления в другом городе, если собирается лишь бурно выяснить отношения, а не поставить последнюю точку в беседе, ткнув под ребра ножом. И тут опять же у меня возникал вопрос. Если не умеешь обращаться с ножом, то убить с двух ударов человека, причем наверняка, не так уж и легко. Тем более таким орудием, как бытовой кухонный нож. Это только в кино как не хрен делают попадают всерьдце, и жертва помирает, даже не пикнув. В реальности все сложнее, и для удачного исхода требуется либо везение, либо специфические умения. Если при неточном ударе нож, скажем, наткнется на ребро, то глубоко порезанные пальцы и ладонь самому нападающему просто гарантированы. Я старался припомнить, видел ли на руках истерички повреждения,

но без толку. И, в конце концов, пострадавший вряд ли стоит, предоставляя лучшую возможность разобраться в особенностях анатомии, прицелиться и порезать себя максимально эффективно. Такому здоровенному медведю, как убиенный, стоило один раз отмахнуться от этой пигалицы, своей невестки, чтобы вырубить. Само собой, затыкать наугад можно кого угодно, но в деле мы имеем два точных удара: в бедренную артерию и снизу в печень, от которых Сысоев истек кровью в считанные минуты, и даже его криков о помощи никто не услышал! И это вечером, не слишком поздним, на площадке собственной лестницы и при наличии целой компании веселящихся друзей сразу за дверью. Короче, наша беременная дамочка с ангельским личиком предположительно не только прекрасно владеет ножом, но и обладает изрядной степенью хладнокровия, самообладания и ловкости, чтобы дожидаться, когда родственничек выйдет покурить, и быстро, без суеты и лишних телодвижений замочить его и уйти, как ни в чем не бывало. И привычки его тоже она должна была знать до мелочей. Возможно, простояла на лестнице не один час, и ни одна зараза ее не заметила или не захотела запомнить, что, опять же, возвращает меня к мыслям о том, какие мы стали чуткие и внимательные. Ну да хрен с ним.

Вручив улику экспертам по всем правилам, я подвез Василия до дому, благо по дороге, и сам, добравшись и быстро приняв душ, рухнул, пользуясь возможностью поспать хоть несколько часов. На секунду промелькнула мысль, каким эпичным скандалом обернется процедура откатывания пальцев у этой дамочки, если даже по поводу простого опроса поднялся такой ор, но я от нее отмахнулся. Будет день, будут и вопли, разберусь, когда все начнет происходить.

— Сделай что-нибудь! Сделай! Ты же можешь! — Родное лицо, которое так давно вижу лишь во сне и издали, украдкой.

Тревога и гнев безжалостно берут за горло, и чувство вины заглядывает в душу, подкрадываясь так близко, что кожу колет его ледяными шипами. Я знаю, помню разумом, что его не должно быть, но удушливому стыду плевать на доводы адекватно мыслящей половины, он их игнорирует, втягивая меня в пространство, где он полноправный властелин.

— Пожалуйста, спаси его, он же твой брат! Твой бра-а-ат! — За мольбой в самых любимых в мире глазах прячутся отчаяние и гнев.

— Я не могу... Так нельзя! — Даже во сне я помню, что прав. Но от этого нисколько не легче.

— Ненавижу тебя! Это ты во всем виноват! — Ярость и презрение вырываются наружу, хлещут меня без всякой жалости, наотмашь, намеренно бьют по самым уязвимым местам, и я просто позволяю шквалу боли течь через себя, потому что противопоставить ей мне нечего. — У меня больше нет детей! Слышишь! Нет! Нет! Как ты мог! Твоя вина! Твоя вина Ты его убил!

Под истошный писк будильника трясущимися руками продрал глаза, благодарный этому мерзкому звуку за избавление от мутной пелены кошмара. Давно меня так не накрывало! Хотя, может, это потому, что я редко сплю один и достаточно крепко. Всегда знал, что от воздержания ничего, кроме вреда, и вот, поглядите, прямое этому подтверждение. Ругаясь, потянулся к вопящему по кругу гаджету и вырубил сигнал. И тут же увидел конвертик в углу экрана. Меня ожидало сообщение от дежурного эксперта Стаса Разяева: «Позвони мне!». Это может быть либо очень хорошо, либо реально хреново. Гадать я не люблю и поэтому набрал его, не поднимаясь и шурясь в экран одним глазом.

— Утра! — невнятно прохрипел, вытирая холодный пот с лица краем простыни.

— Это тебе, Чудо, утро, а мне сейчас будет спокойной ночи, — не слишком жизнерадостно отозвались на той стороне.

— Ты меня просил позвонить, чтобы колыбельную тебе спел?

— А как же! Меня же без твоего волшебного каркающего голоса бессонница замучает! — фыркнул в ответ Стас. — Ладно, к делу. Кровь на ноже твоего клиента. Отпечаток один нашли четкий, остальные смазаны. Пробил по базе. Нашлось совпадение.

— Да ладно? — Я сразу аж совсем проснулся и сел. Значит, все-таки промахнулась Влада! Если отпечатки в базе, значит у убийцы криминальное прошлое.

— Я вот все думаю, тебе, Чудо, просто патологически везет большинство дел на раз щелкать, или ты душу дьяволу продал за эту способность? — сделал лирическое отступление Стас.

— Ты это о чем?

— О том, что ты мне магарыч торчишь! Иди прямо к прокурору за ордером на арест, потому как пальчики принадлежат некой гражданке Софье Титовой, в замужестве Сысоевой. У милой девушки было до хрена приводов по малолетству! Причем статьи-то все тяжелые. Угрозы, вымогательство и жесточайшие избиения ровесников еще в школе. Ее даже в нападении, приведшему к летальному исходу, обвиняли. С использованием, минуточку, ножа! Но мама у нее сама тогда в органах работала и дочь непутевую отмазывала. Убеждала судей, что ее ангелочек попадала под влияние плохих парней, ее принуждали, а в случае со смертельным исходом вообще, типа, имел место факт чистой самозащиты, и девочка сама жертва, а не агрессор! И даже, кстати, добивалась, чтобы по достижению девицей совершеннолетия все доки по приводам были аннулированы, и даже отпечатки изъяты. Вот только хрен у нее получилось. Что в базу попало, то там и осталось.

— Вот оно что, не ошиблась, значит, — пробормотал я себе под нос. Прямо не мадам Сысоева, а долбаная шкатулка Пандоры. Хотя не сказать, чтобы меня это прямо-таки поразило после стольких лет работы в убойном.

— Что говоришь? — не расслышал моего бубнения Стас.

— Я про магарыч! Скажи, когда и где! — поменял я тему.

— Да разберемся! Документы я подготовил и дежурному оставил, так что можешь прямо с утра и действовать. Все я отключаюсь, пока не выплюсь!

— Везет же некоторым выспаться! Спасибо за оперативность, Стас!

Когда оказался наконец в кабинете, то и Василий, и госпожа Влада были уже там. Если честно, в первый момент я ее просто не узнал и, увидев высокую, стоящую спиной к двери, изящную девушку, подумал, что у Василия в кои-то веки завелась подруга, которая и решила взглянуть, где он обретается большую часть своего времени. Но когда Влада оглянулась через плечо, встречаясь со мной глазами, ощутил этот уже знакомый эффект, будто ты с разгону влетаешь в тоннель, по которому несется густой, как ртуть, поток чужой, обжигающе холодной энергии, и моментально в кожу повсюду вгрызаются разряды ледяного электричества. Я уже даже задержал дыхание, ожидая, как и в первый раз, вторжения этого стылого знания о потустороннем в свой мозг, но его не последовало.

— Доброе утро... — Влада замешкалась на секунду, будто взвешивая следующее действие, и уголок ее рта приподнялся едва заметно, выдавая лишь бледный намек на улыбку. — Антон.

Так, словно по мне мазнуло леденящим прикосновением, и тут же оно улетучилось, оставляя меня странным образом разочарованным. Вроде как готовился сигануть в прорубь,

весь собрался для борьбы, а оказалось, что лето, и вода как парное молоко. Никакого шока и противостояния, просто плотное ощущение ее присутствия в одном со мной пространстве. Интересно, Василий уже проболтался ей о найденном ноже, несмотря на мой запрет, и поэтому она выглядит менее мрачной, чем вчера? Прищурившись, несколько секунд поддерживал контакт наших взглядов, высматривая бесконечную черноту, что видел уже дважды, но находил только бархатную насыщенность шоколадно-коричневого. Ни тепла, ни холода, просто цвет, завораживающий своей насыщенностью. Никак не представлялось возможным понять, торжествует ли Влада, даже если уже в курсе о вчерашнем, или ей глубоко плевать.

В отчетах, как и требовало начальство, о ней я не напишу ни полсловечка. Все мы с Василием, гениальные сыщики и неутомимые работяги. Чувствовал себя от этого паршиво, но с другой стороны, ну как я должен был все отразить в официальном документе? Типа, госпожа супервумен Влада при помощи своего рентгеновского или какого там еще зрения разглядела за невинным обликом мадам Сысоевой жестокую стерву и чуть ли не хладнокровную серийную убийцу, которой до сих пор все сходило с рук? Хватает и того, что оба моих главных свидетеля — алкаши горемычные. Огромная удача, что Стасу удалось выделить хоть один годный отпечаток, потому как таких свидетелей любой сколько-нибудь толковый адвокат в суде порвет как тузик грелку.

Прервав свои бесполезные изыскания на поприще чтения мыслей по взгляду, я позволил себе краткое рассматривание госпожи экстрасенс. Сегодня Влада была одета в простую белую футболку и светлые джинсы, которые немного скрадывали ее худобу, пока глаз не наткнулся на торчащие углы ключиц и плеч. Блин, прямо мечта нынешних модельеров, предпочитающих чистой воды вешалок, особенно если учесть тот факт, что без обвисшего до колен мешковатого свитера стала очевидна и длина ее ног. А еще, даже если бы я прямо сейчас взял бы и выколол себе глаза, вычеркнуть из памяти удивительные пропорции и гармонию всего ее тела я уже не смог бы. Можете пнуть меня за то, что никакая одежда на женщине не являлась препятствием для моего разума, чтобы абсолютно точно знать, какой она будет без нее. И то, какой я увидел Владу... черт, вот прям вообще сейчас такие мысли неуместны! Резко опустив глаза, увидел на ногах у нее несколько не элегантные и не похожие, что новые и модные, но, однако, крепкие и явно теплые ботинки и опять удивился странному чувству удовлетворения от этого несущественного факта. Но задавать себе риторический вопрос, какого черта для меня это имеет значения, уже не стал.

— Утра, Владислава! — каркнул в ответ и стал обходить, чтобы добраться до своего стола.

— Будете кофе и бутерброды? — Она жестом указала на стол, на котором уже были расставлены в кои-то веки отмытые до блеска от налета чашки и тарелка с едой. Дома я, провалявшись лишние десять минут, даже не закинулся хоть чем-то, и при виде аккуратно нарезанного хлеба, колбасы и сыра мой желудок предательски взвыл, так что становиться в гордую позу, изображая, что жратвой меня не купишь, не имело смысла. Поэтому я только буркнул «спасибо» и кивнул, усаживаясь. Ели молча, и я себя то и дело ловил на том, как слежу за движениями ее изящных кистей. Пришла дурацкая мысль, что ей даже не нужно создавать вокруг себя нарочитый антураж и обвешиваться всякими устрашающими перстнями-амулетами, сидеть в темной комнате, полной свечей и всякого околдованного хлама, вещать дурацким замогильным голосом и делать загадочные пассы руками. Каждое легкое движение этих длинных, тонких, почти полупрозрачных пальцев и так

воспринималось как ненавязчивое плетение мистической вязи. И, похоже, главным эффектом от этого предполагаемого волшебного действия было то, что я совершенно, вот абсолютно расслабился, как будто завтракать в обществе Влады и Василия было некой обычной и даже привычной вещью. В том смысле, что перестаешь ощущать дискомфорт и анализировать каждую секунду, что делают окружающие и как они видят то, что делаешь ты.

— Какие планы на сегодня? — разрушил момент своим нетерпением мой рыжий помощник.

Я молча зыркнул на него, продолжая жевать.

— Поеду за ордером в прокуратуру, потом навестить Гомона и еще заскочу к профессору показать фото последних вырезаний по телу, — нехотя пробурчал я.

— А что, сегодня Сысоеву задерживать не будем? — Вот же язык у кого-то как помело.

Я краем глаза следил за реакцией Влады. Но она будто и не слышала сказанного Василием. Так, словно до подтверждения факта собственной правоты ей вообще не было никакого дела.

— А чего нам за ней сегодня-то переться? Куда она уже денется? Завтра прямо во время допроса и предъявим ордер, типа, сюрприз будет, — хмыкнул, вытирая руки и отряхивая брюки.

— Она беременная, могут же и выпустить до суда, счесть смягчающим и все такое, — вздохнул Василий.

— Ну, это как бы уже не нашего ума дела, Васек. Наше состоит в сборе максимальнo доказательной железобетонной базы, а дальше это уже пусть прокурор с адвокатом бодаются, а судья решает.

Я поднялся и глянул на безмолвно следящую за нашей беседой Владу.

— Спасибо за завтрак! Владислава, вам как бы придется весь день таскаться со мной. Невзирая на то, есть ли у нас желание, мы приклеены друг к другу на ближайшее время! — Я бы и хотел, чтобы это звучало раздраженно или язвительно, но ничего неприятного в мысли о том, что мне придется проводить с этой женщиной большую часть своего времени, для меня не было. Даже скорее наоборот. У меня она вызывала любопытство. Может, я и не собираюсь верить полностью в ее возможности, но задать свои сто пятьсот вопросов определенно планировал. Может, в процессе и пойму, как это все работает.

— Васек, ты свяжись с коллегами из города, откуда родом Сысоева, и постарайся выяснить, как она добиралась сюда и как возвращалась, потому как вряд ли на автобусе, а машины у нее вроде как нет. Весьма сомнительно, что она сама об этом охотно поведает, а это важный пункт в построении всей схемы. В общем, прояви смекалку, ты это можешь, — отдавал я указания, наблюдая, как Влада надевала короткую дутую куртку, какие были весьма модными лет эдак пять-шесть назад, и чисто машинально отмечая, что вся ее одежда была довольно качественной и даже дорогой, но вот из моды уже вышла. Ладно, на эту тему потом подумаю.

— Поехали! — скомандовал, открывая для нее дверь кабинета.

ГЛАВА 8

На ведомственной парковке я нарочно притормозил, пропуская Владу вперед и внимательно за ней наблюдая. Глупость, признаю, но ничего не мог с собой поделаться. Пройдя несколько шагов, женщина остановилась, озираясь. Я же продолжал мешкать, и не думая указывать ей направление.

— Антон, если вы ожидаете, что я как-то по волшебству догадаюсь, какая из машин

ваша, то напрасно, — обернувшись, сказала она.

— Что, на такое ваши способности не заточены? — Если я и чувствовал легкое смущение от того, что она легко срисовала мою почти детскую выходку, то виду подавать не собирался.

— Нет, к сожалению. Я не вижу связи между предметами и их бывшими или нынешними владельцами, — пожалала она худенькими плечами, но тон не был извиняющимся.

— А жаль. Полезная была бы способность, — ляпнул я не подумавши и тут же захотел извиниться, наблюдая, как помрачнело лицо Влады.

— Вот тут вы правы, — пробормотала она. — Я бы свои способности на что угодно не глядя бы поменяла.

Мы молча уселись в мою старушку и выехали с парковки.

— Антон, если вас интересует, что я могу, а чего нет, вы просто спросите, — разбавила тишину Влада.

— А может, я легких путей не ищу, — усмехнулся я.

— Ну, судя по вашему месту работы и отношению к ней, это и так понятно.

— Вот как? А что же вам еще обо мне понятно?

— Не так уж и много. Я ведь вас второй раз всего вижу. Понятно только, что вы одиноки, и это не ваш выбор, хоть вы и стараетесь всем показать, что это именно так.

— Ой, да ладно! Вот прямо так глянули и развенчали мой образ одинокого волка сходу! — насмешливо огрызнулся в ответ, даже не понимая, почему опять злюсь.

— Ну, если уж и проводить параллели с животными, то вы не волк. Вы, уж простите, больше похожи на пса, которого бросили, — Влада задумчиво смотрела перед собой сквозь лобовое стекло. — Знаете, дачники иногда так поступают. Заводят собаку на лето, она привязывается и верит, что это навсегда, а потом лето заканчивается, и они уезжают. А пес так и остается там, на том крыльце, любит и ждет, несет службу и никак не может поверить, что больше не нужен. Может, я, конечно, утрирую или вообще ошибаюсь. Но мне кажется, что быть с теми, кто в вашем сердце, вы не можете, а привязываться и подпускать ближе еще кого-то ни за что не согласны.

Дурацкий разговор, свернувший не в ту степь!

— Нет, видно, читать людей тоже не ваша способность, госпожа экстрасенс, — заставил я себя фальшиво рассмеяться. — Все, что сказали, точно не про меня. И мы приехали. Но на обратном пути поговорим уже о вас!

— Простите, — смущенно пробормотала Влада, выбираясь из машины.

— За что простить? За пса? Так это вы еще меня приласкали! Обычно женщины козлом и кобелем зовут, — покачал я головой, стараясь свернуть тему.

— Не за пса. За бестактность, — очень тихо ответила женщина, идя к крыльцу галереи Гомона позади меня.

Первым, что мы увидели, едва переступив порог, это две огромные, больше человеческого роста картины, висящие на стенах строго друг напротив друга. На обеих были изображены гигантских размеров мужские половые органы неестественных цветов.

— Херасе, — пробормотал я, глядя на реалистично прорисованный двухметровый лиловый стояк.

— Рады вас приветствовать в нашем оазисе преклонения перед естественной красотой человеческого тела! — прощбетала высокая блондинка околomodельной внешности, одетая

в некое подобие древнегреческой туники, только из ткани едва ли не тоньше и прозрачнее обычной марли. — Вы желаете ознакомиться с творчеством нашего мастера, взять несколько уроков боди-арта, или вас интересует наша общественная деятельность?

Я пробежался по ее телу взглядом и остановился на маленькой груди с торчащими сосками. Все же тут не Африка, и девчонке явно холодно. М-дя, вообще-то я предпочитаю фигуры пощеднее, чтобы в постели хоть педофилом себя не ощущать. Встретился взглядом с девицей, которая явно заметила мою задержку по пути наверх и истолковала это, видимо, как комплимент своим достоинствам. Юное личико растянулось в пошловатой улыбке, когда она попыталась изобразить сексуальную томность. Да ладно, детка, не надо так стараться! Я не богатый папик, чтобы меня обольщать, а простой мент. Да и в любом случае нахожу тебя малосъедобной, несмотря на мою широко известную всеядность.

— Нам бы с самим мастером лично повидаться, — подмигнул я девушке, не без удовольствия наблюдая, как становится кислым ее лицо при виде моего удостоверения. — А еще у меня почему-то острое желание взглянуть на ваши документы, чтобы быть уверенным, что я имею право видеть вас в подобном виде, не нарушая закон.

— Мне есть восемнадцать! — Вот оно — моментальное превращение из милого обольщающего создания в фурию, желающую сожрать твое сердце. Какие там мифические оборотни могут сравниться с женщинами в этом трюке. — И мастера нет ни для кого!

— Какая досада! Ну, мы можем тут погулять, полюбоваться на его... хм... творчество. Тем более, нам надо тут вопросы позадавать, — безразлично пожал я плечами и пошел в сторону следующих закрытых дверей. За ними явно слышалась музыка, смех и даже повизгивания.

— Туда нельзя! — Тут же пулей метнулась девица, становясь у меня на пути с весьма агрессивным видом. — Там проходит частное закрытое мероприятие!

— Да я ничем не помешаю. Быстренько у всех документики проверю и все! — издевался я. Само собой, сделать это у меня права не было, но она-то не в курсе.

— Нет! Пройдите в галерею, — указала девушка на противоположную дверь, глядя теперь с нескрываемой ненавистью почему-то уже на Владу. — Я сейчас позову мастера!

— Ладно, — согласился я.

Мы прошли в просторный зал, в котором было еще больше шедевров в том же стиле, что и встретившие нас у входа. Я расположился у окна, а Влада стала медленно ходить вдоль стен, с интересом изучая все это цветное непотребство.

— Нравится? — не скрывая ехидства, спросил, когда она, наклонив голову, рассматривала очередной монструозный член радужной окраски, который и слону был бы велик.

— Форма весьма неплоха, — неожиданно в тон мне ответила она, вместо того чтобы смутиться, и бросила через плечо взгляд, который я у другой женщины считал бы поддразнивающим. Но у нее? Нет, вряд ли. Хотя мой член неожиданно со мной не согласился и дернулся, реагируя вполне себе однозначно. Эй, да ты сдурел? Ни в каком чертовом случае не смей рыпаться в этом направлении!

— С какой стати вы врываетесь, пугаете мой персонал и угрожаете сорвать мероприятие! — В помещение влетел низенький пузатый дядечка и напрямик направился к Владе, не сразу заметив меня у окна.

Он был упакован в нежно-розовую шелковую рубашку со свободными рукавами, которая плотно облежала его объемный живот, а на шее болтался развязанный галстук. Сам господин

Гомон был раскрасневшимся и потным, как будто пробежал кросс, и гневно пыхтел.

— Да я только позвоню, и ты на пузе приползешь мне извинения приносить! — продолжал орать он, переходя на «ты». Влада неожиданно выпрямилась, оказываясь как минимум на голову выше этого творца, и гордо вскинула голову.

— Да неужели? — Женщина насмешливо приподняла бровь, и в этот момент я аж завис, залюбовавшись ее осанкой и этим чуть надменным изгибом губ и буквально кожей ощущая волны исходящей от нее неоспоримой силы. Она сейчас прямо-таки сияла вокруг Влады темным пугающим ореолом, и это опять непостижимым образом отозвалось во мне новой вспышкой возбуждения. Да какого же черта!

— Гражданин Гомон, шумите не по адресу! — окликнул я через долгих полминуты обомлевшего владельца галереи, ухмыляясь вышедшему каламбуру. Ага, представляю, как он сейчас себя ощущал.

Гомон медленно развернулся ко мне и пару секунд смотрел непонимающе, как человек, которого оглушили ударом по голове. Похоже, эффект госпожи Владиславы в действии!

— Капитан Чудинов! — представился, снова демонстрируя удостоверение. — Мы к вам вообще-то по делу, так сказать, за помощью следствию, а вы тут шумите, репрессиями грозите.

Художник покосился на Владу через плечо и поежился как от холода, когда она снова проделала этот трюк с пристальным расчленяющим взглядом. Мне тут же остро захотелось узнать, что же она рассмотрела в нем. Так, глядишь, для меня это в увлекательное времяпрепровождение превратится. Типа, игра в сравнение: что вижу я в человеке, исходя из опыта, и что она — используя свои способности. Да, похоже, еще пара дней, и я, если уж не уверю до конца, то стану воспринимать все как обыденность.

— А она? — дернул в сторону Влады головой Гомон, отказываясь, однако, встречаться взглядом. Ага, ссышь, когда страшно, крикливый? — Тоже из ваших?

— Из наших, — кивнул я. — Тоже консультант по определенным вопросам.

— Я хочу, чтобы она ушла! — к хозяину галереи стал возвращаться гонор, хотя было четко заметно, что говорить напрямую с Владой он не хочет.

— Да с удовольствием! — ответила женщина, почти с облегчением. — Антон, можно я вас в машине подожду?

Я на какой-то момент заколебался, уже собираясь настоять, чтобы она осталась, но потом увидел краткую гримасу и вдруг четко осознал одну простую вещь. Людям, в которых она видит что-то дрянное, неуютно в ее присутствии, но и ей самой рядом с ними тоже находиться не в кайф. Не зря же тогда ее так колбасило из-за Сысоевой. Поэтому просто молча протянул ключи.

Уже почти выйдя из зала, Влада обернулась и снова посмотрела на Гомона, и он буквально съежился от этого.

— Сколько бы вы ни пытались их изуродовать и испачкать, уродливей и грязнее от этого становитесь только вы. — Больше она не стала задерживаться и быстро ушла.

— Кто эта чертова стерва? — взвизгнул Гомон, как только отмер.

— Мы не разглашаем информацию о сотрудниках, — скрывая насмешку, ответил я.

— Плевать! Кто ей давал право так со мной разговаривать! Кто она, и кто я! Я все равно добыюсь...

— Может, перейдем к делу? — жестко оборвал его все нарастающие словоизлияния. Очевидно, Гомон быстро отходил от шока и собирался воплями создать иллюзию

несуществующей смелости.

— Давайте, что там у вас, я, между прочим, занятой человек, — пробурчал он, явно недовольный тем, что я не досмотрел этот спектакль одного актера под названием «Я крут!» до конца.

— Я тоже не погулять вышел, — ответил, протягивая ему папку с фотографиями вырезанных на телах жертв рисунков и знаков.

Как только Гомон понял, что перед ним, его крошечные глазки стали как блюдца, а руки затряслись так, что фото разлетелись по полу.

— Это же... — придушенно пробормотал он. — Они ведь...

— Да, вы все верно поняли. Это художества с тел жертв, — сухо подтвердил, собирая фотографии.

— Но почему вы ко мне-то пришли? — он, может, и хотел опять заорать, но горло его не слушалось.

— Ну, вы же всем известный гуру росписи по телу! — привел я довод, глядя в его побелевшее лицо и уже размышляя, не звать ли кого с нашатырем.

— Я художник! Художник, слышите! Это... это... зверство какое-то! — Сорвавшись с места, Гомон забегал по залу вдоль своих непристойных творений, размахивая руками. — Вы должны были предупредить меня, что там! Я бы ни за что не стал бы смотреть на такое! Я же теперь забыть не смогу!

— А давайте вы успокоитесь и подумаете: не мог бы кто-то из ваших учеников или... хм... клиентов сделать что-то подобное? — Я снова прислонился к подоконнику и наблюдал за бегом разволновавшегося творца, на его взгляд, прекрасного.

— Клиентов? — резко затормозил он, злобно прищуриваясь на меня.

— Вы прекрасно понимаете, о чем я, — не постеснялся добавить в голос изрядную долю металла, ибо в гробу я видел сейчас игры в оскорбленную творческую невинность. — Так что мы сейчас не будем пререкаться, а вы просто подумаете и ответите на поставленный вопрос.

Гомон практически подбежал к дверям и плотно их прикрыл, а потом так же торопливо вернулся ко мне, подойдя на некомфортно близкое расстояние. На меня пахло тошнотворной смесью кисловатого запаха его пота и приторно-сладкого парфюма, но я не отстранился.

— Послушайте... как вас там... — пробубнил он, глядя снизу вверх.

— Капитан Чудинов, — подсказал я.

— Точно! Так вот, капитан, мои, как вы выразились, клиенты — это сплошь ценители прекрасного, а не какие-то там психи-извращенцы! Все они состоятельные и весьма уважаемые люди, щедрые меценаты. — Я не смог сдержать усмешку, услышав последнее, и Гомон раздраженно поморщился, заметив мою гримасу, но продолжил: — Да, не отрицаю, у некоторых есть странные фантазии, но ничего... подобного! А что творится в головах учеников, я понятия не имею! Они платят — я учу! Чем они там живут, дышат, и что творят — мне глубоко плевать! Так что вы совершенно напрасно пришли сюда со своими фото, вопросами и этой...

Он глянул в сторону дверей, будто боялся, что Влада может в любой момент вернуться.

— Само собой, рассказывать о том, что вы сейчас назвали странными фантазиями, вы не намерены? — усмехнулся, уже точно зная ответ.

— Естественно! И поверьте, у вас нет и никогда не будет полномочий заставить меня

сделать это. Поэтому прошу, по-хорошему пока — уходите отсюда и не возвращайтесь. То, что вы мне тут показали, натуральный садизм, и вам стоило скорее уж в какой-нибудь тематический клуб наведаться, сейчас они расплодились, или там в местную психушку, да к черту за пазуху! Куда угодно, а не ко мне в галерею!

— Ладно, — я уже внутренне смирился с тем, что здесь ничего не узнаю. — Возможно, я и воспользуюсь вашим советом, господин Гомон. Но сами рисунки вам ничего не напоминают? Не знаю, как это называется... типа, стиль, почерк или как там у вас художников...

— У нас, художников, для такого, что вы показали, нет названия! — снова почти сорвался на визг он. — И рассматривать тщательней я отказываюсь, и вы меня не заставите. Всего хорошего, капитан Чудинов!

Гомон вылетел из зала, проорав по дороге: «Лидочка, проводи его!».

Когда я вернулся в машину, Влада сидела, задумчиво глядя перед собой, и на меня едва посмотрела.

— Зря потратили время? — тихо спросила она, когда я уселся.

— Ну почему же зря? Теперь у нас есть еще один желающий настроичить клязу, так что день прошел не впустую. — Черт, даже сам не заметил, что, говоря это, вроде как объединяю Владу и себя в некую единую команду.

— Он просто отвратительный человек, — горько вздохнув, сказала она.

— Что, тоже кого-то убил или собирается? — я даже не язвил, просто спросил.

— Не физически, — помолчав, ответила женщина, одарив меня немного недоверчивым взглядом. — Он ненавидит их за то, что они красивые.

— Кого? — не понял я.

— Этих мальчиков и девочек. Своих моделей и натурщиков. Он ненавидит их за то, чего никогда не было у него — за внешнее совершенство. И поэтому отчаянно старается развратить, утопить в грязи их души, пока они молоды и доверчивы. Выворачивает их наизнанку, коверкает, уродует, выжигает, делая так, чтобы ничего кроме этой внешней оболочки у них и не оставалось. А когда и она начинает стареть, и совершенство разрушается, с упоением выбрасывает, чувствуя себя при этом хоть сколько-то лучше.

— К сожалению, за это его не посадишь. — И это правда. Я действительно сожалею, что не в моих силах прикрыть этот конкретный гадюшник, как и многие другие. — Эти девочки и мальчики сами к нему приходят. Хотят веселой жизни, роскоши, подарков, праздников и восхищения тем, что им за просто так досталось от природы. Никто насильно их тут не держит.

— Возможно, вы и правы. Но этот Гомон — все равно мерзкий тип, — мотнула Влада головой.

— Вот тут у меня никаких возражений! — усмехнулся я и завел машину. — Но он мне подкинул идейку, и сейчас мы ее поедим и проверим.

ГЛАВА 9

Выехав с парковки перед галереей, мы тут же встряли в пробку на центральном проспекте. М-дя, похоже, дорога займет приличное количество времени. Что же, я ведь всегда могу использовать его с пользой.

— Итак, госпожа экстрасенс, вы обещали ответить на все мои вопросы, — покосился я на ее профиль, отметив едва заметную горбинку носа, которая, однако, нисколько не портила Владу, а наоборот — придавала общее впечатление аристократичности, что ли.

Любопытно, какая гремучая смесь кровей должна быть намешана в ней? Такой контраст между темными волосами и настолько светлой, явно от природы, а не только от отсутствия загара, кожей. Почти черные глаза, чуть ли не в пол лица, но при этом ни малейшего намека на кукольность или излишнюю мягкость. Губы не назовешь пухлыми, но когда она перестает их сжимать, наверняка о чем-то напряженно думая, становятся заметны их резковатые, очень красивые очертания.

Влада повернулась ко мне, ловя за пристальным рассматриванием, но я не тот парень, кто мог бы смутиться от такого. Однако все же перевожу взгляд на дорогу. И это потому, что я должен следить за движением, а не из-за того, что женщина ответила мне таким же прямым, изучающим взглядом.

— Не на все, — поправляет она меня. — Я обещала рассказать вам о своих способностях, но не более этого.

Ну надо же, как быстро портятся люди, пообщавшись в нашей среде. Уже так просто на откровения не раскрутишь. Ну-ну, посмотрим.

— То есть если я вас спрошу, скажем, какой у вас самый любимый цвет или что предпочитаете есть, вы будете хранить молчание? — усмехнулся я.

— А вы меня об этом спросите? — в тон мне ответила Влада.

— Нет, на это мне плевать, если честно, — отмахиваюсь я.

— А зря. Потому как мой любимый цвет, а точнее его отсутствие, имеет прямое отношение к тому, как я вижу окружающих, а значит, и к моим способностям.

— И как это понимать? — тут же напрягся я.

— Так и понимать. Люди, которые сами не совершили ничего дурного или кому так повезло не столкнуться с темнотой в других, для меня бесцветны. И я очень люблю смотреть на них. К сожалению, почему-то их становится все меньше. Даже среди детей они редкость.

— Ну, какая жизнь, такие и люди, — пробормотал я, переваривая инфу. — Ну, а мы все, лишённые бесцветной невинности, для вас сияем как радуга?

— Нет. Не так. Например, все те, по чьей вине кто-то умер, для меня имеют разные оттенки в красном спектре. — Надо же, как госпожа экстрасенс деликатно обошла слово «убийцы».

— Типа, краснокожие, как индейцы? — хмыкнул я.

— Типа, как я вижу сквозь дымку или цветное стекло, не знаю уж, как объяснить поточнее, — поправила меня Влада, отзеркаливая мою интонацию. — И это совсем не похоже на просто другой оттенок кожи. Вот, например, Сысоева была для меня какой-то буро-сизо-красной. Как плоть разлагающаяся. Отвратительно.

Влада передернулась и тяжело сглотнула, как человек, желающий прогнать подступившую дурноту. Наверное, это по-настоящему мерзко, если она так среагировала, особенно памятуя, что в морге оставалась невозмутимой, как статуя. У самого при мысли об этом в желудке на мгновение образовалась какая-то тошнотворная невесомость. Естественно, меня так и подмывало спросить, какого же оттенка красного для нее я, но пока сдержался. Еще узнаю.

— Как понимаю, красный и любые его вариации не входит в число ваших любимых цветов? — уточнил, думая, как построить разговор дальше. Вызывать гадкие ассоциации и воспоминания у Влады мне не особо хотелось. Кто бы еще сказал почему.

— Нет. Видеть его постоянно очень утомляет, — она улыбнулась, как будто извиняясь, и в этот момент показалась мне совершенно беззащитной и бесконечно усталой.

— Неужели вокруг нас ходит столько убийц? — недоверчиво хмыкнул я.

— Ну... полноценных убийц, — она искоса глянула на меня и поспешила пояснить: — тех, кто совершает преступление хладнокровно, обдуманно и не испытывает и грамма раскаяния, не так и много. Но только представьте, сколько вокруг тех, кто однажды прошел мимо, не помог, закрыл глаза. Тех, из-за чьей черствости кто-то дошел до грани и убил себя. Сколько врачей, чьи пациенты умирали по их халатности. Сколько спровоцировавших несчастные случаи на дорогах, когда самих не задело, но погиб кто-другой. Список можно продолжать бесконечно. И это не говоря о тех, кто просто в мыслях сотни раз убил кого-то, внушающего особую ненависть. Скажем, сволочного начальника или бывшего возлюбленного.

— Ну, большинство этих людей нельзя считать преступниками! — возразил я и тут же сам себя поправил: — По закону.

— По закону — да. Но, к сожалению, на мою способность видеть так, как я вижу, установки и статьи Уголовного кодекса не распространяются, — вздохнула Влада.

— А это... эта способность, ее нельзя отключать по желанию, ну, или хоть иногда отгораживаться?

— Можно. Помогает алкоголь, много алкоголя и некоторые препараты. Но они еще даже хуже, чем просто напиток. Под ними становишься почти растением. И совсем не можешь защитить себя... ни от чего, — она снова поежилась, но потом тряхнула головой, словно отмахиваясь от чего-то.

Вот и скажите, кому подобную хрень пришло в голову назвать даром? В гробу я видал такие подарочки судьбы, от которых еще и нет шанса отказаться или передарить при случае.

— И что, наша доблестная медицина не в состоянии предложить ничего, кроме как нажираться до потери пульса или задурять голову наркотой? — я не смог скрыть раздражения в голосе.

Влада совсем развернулась ко мне, выглядя гораздо более оживленной, чем я видел ее за это время.

— Вы меня жалеете, Антон? — спросила она непонятым тоном. Я ощущал в нем сильную эмоцию, вот только, как ни странно, не мог понять — это злость или удивление. — Не стоит! Я ни в коей мере вашей жалости не заслуживаю и не хочу!

А, ну вот теперь понятно. Дамочка злится. И сильно. И ответный гнев был настолько мощным, что я не смог сдержаться.

— Госпожа экстрасенс, а давайте вы не будете мне указывать, какие чувства относительно вас мне следует испытывать, а какие не стоит?! — не постеснявшись повысить голос, огрызнулся я. — Тем более что о жалости речь не идет! Я просто желаю знать, с кем вынужден буду проводить большую часть своего времени в ближайшие недели. Понять бы: вы просто обуза для меня и раздражающая помеха или способны принести хоть какую-то пользу! Не хотелось бы таскать за собой повсюду никчемное создание, от которого мне только головная боль обеспечена!

Ладно, последнее было несправедливо, учитывая историю с Сысоевой, но вот такой у меня сволочной характер! Если я уж и пес, каким она меня окрестила, то никак не белый и пушистый пуделек, а здоровая дворняга, что может и руку отхватить, если попробовать по морде хлопнуть, указывая место! Я резко свернул в нужную улицу, едва на светофоре зажегся зеленый, ругая себя за эту вспышку и чувствуя уже не псом, а редкостным козлом. В конце концов, экстрасенс там или нет, Влада женщина. Баба, черт возьми! Что с них взять?

— Простите, — тут же примирительно пробормотала Влада. — Просто мой... наставник говорит, что я сама виновата. Должна научиться принимать и использовать во благо все... это. Но я не могу. И не знаю, смогу ли.

— Наставник? — Вот еще один загадочный персонаж, оказывается, существует. Злость улетучилась, тут же сменяясь интересом. Честное слово, похоже, эта женщина еще долго будет оставаться источником, питающим мое природное любопытство.

— Куда мы едем? — тон голоса Влады вдруг взлетел почти до звенящего визга, хлестко ударив по моим нервам, и я чуть не зацепил припаркованную иномарку от этой неожиданной перемены.

Глянув на нее, резко ударил по тормозам в шоке. Ехавший сзади седан возмущенно засигналил, когда я перекрыл ему въезд на парковку перед городской психбольницей.

— Почему? — До предела расширенные глаза с чернотой зрачков полностью пожравших шоколадную радужку уставились на меня. — Я ведь стараюсь! Я буду справляться! Пожалуйста, не нужно!

Я много повидал разных человеческих реакций. Страх, злобы, ненависти, отчаянья, боли от потери. Но прямо сейчас у меня волосы зашевелились от острейшей, откровенно животной паники, исказившей лицо женщины передо мной. Она пропитала все внутреннее пространство автомобиля, будто в мгновение вытеснив весь воздух. Открыв рот, чтобы хоть что-то сказать, я тут же его захлопнул, потому что совершенно точно понял: говорить с кем-то в таком состоянии просто бессмысленно. Влада, еще полминуты назад бормотавшая извинения, в единое мгновение превратилась в трясущийся от ужаса сгусток плоти. Она не сводила наполненных безумным страхом глаз с дверей приемного покоя психушки, в паре десятков метров от нас, сжалась на сидении, подтягивая к себе и судорожно обхватывая колени, как будто хотела стать невидимой или врасти в него. Тонкие пальцы сцепились в замок, совершенно побелели от запредельного напряжения, и она стала раскачиваться и монотонно бормотать без остановки:

— Пожалуйста-пожалуйста-пожалуйста!

Я с визгом развернул машину, оставляя на мокром асфальте дымный черный след, матеря на чем свет стоит Владу с ее истерикой и гребаным даром, но гораздо больше тех, кто смог сотворить с ней нечто такое, что способно в секунды превратить человека разумного и относительно адекватного во невменяемое существо. Когда отъехали на несколько кварталов, Влада стала стремительно обмякать, расслабляясь, но при этом ее зубы начали выбивать дикую дробь, и все тело колотилось, как в ознобе. Меня и самого передернуло так, словно за шиворот щедро сыпанули ледяной крошки, не забыв добавить изрядную жменю еще куда-то в район сердца.

— Какого хрена, Влада! — не сдержавшись, заорал я, треснув кулаком по рулю и опасно лавируя между машинами.

Мой вопль подействовал на нее, видимо, как приводящая в чувство оплеуха, и Влада села прямо, вскинув как раньше голову и глядя прямо перед собой. При этом во всей позе читалось одеревенение и предельная скованность, совершенно убивающая ее так удивившую меня природную грацию. Передо мной снова была та самая женщина, которую я увидел первый раз в кабинете начальника. Скованная, зажатая, несуразная, состоящая из одних острых углов и абсолютно непонятная.

— Простите меня, господин Чудинов, — лишенным каких-либо эмоций голосом произнесла она. — Я поняла смысл послания. Я должна стараться больше и быть по-

настоящему полезной.

Что? Да что за на хер?

ГЛАВА 10

Влада дернула головой и скосила на меня глаза, в которых теперь без всяких вуалей полыхала отчаянная злость существа, загнанного в угол. Я нечто подобное видел однажды. Когда-то давно, в другой жизни, в которой не было беды страшнее отцовского гнева за многочисленные проделки, мы с братом ловили котенка на стройке, куда ходить нам запрещалось строго-настрога. Маленького, чуть больше кулака. Грязного, уделанного в серую бетонную пыль настолько, что едва угадывался бело-рыжий окрас. И готового отстаивать свою свободу и жизнь неистово и остервенело, пока достанет сил в маленьком отважном сердечке.

— Да провались он! — завопил тогда Артем. — Стану тут я еще в арматуре лазить из-за него! Порвем вещи, мама нас прибьет!

Но я не был готов отступить так же легко, как он. Загнал малыша в узкое пространство, откуда ему уже было не выбраться, и протянул руку, уговаривая и обещая, что ни за что не обижу. И тогда этот крошечный рахитичный меховой шарик развернулся и стал размахивать своими игрушечными лапками со смехотворными когтями, глядя вот так же, как сейчас Влада. С безнадежной ненавистью того, кто знает, что слабее и обречен, но в душе не желает ни за что сдаваться.

Вернув внимание дороге, я быстро нашел место у обочины и, свернув, остановил и заглушил машину. Хлопнул на всякий случай по кнопке блокировки дверей, хотя женщина и не думала ломиться наружу.

— А вот теперь перестала меня испепелять глазами и нормально объяснила, какого хрена только что там было?! — очень хотелось это проорать, но я успел взять нервы под контроль.

Влада отвернулась к окну, отказываясь смотреть на меня.

— Разве мы уже на «ты»? — Ну да, как настоящая женщина она старается перевести тему с главного на вопросы субординации, но вот только черта с два это со мной сработает!

— Хотите услышать от меня легендарную фразу «Вопросы здесь задаю я?» — Влада покачала головой. — Ну, в таком случае жду вразумительных пояснений.

Ответом мне было по-прежнему молчание и вид на темноволосый затылок.

— Ла-а-а-дно, — хлопнул я по коленям спустя долгую минуту. — Я парень не гордый, начну первым. Мы ехали в городскую психиатрическую клинику, потому что меня посетила мысль показать фото тел ее руководителю, профессору Березину. Обеим нашим штатным психологиням я ни на грамм не доверяю. Потому что одна из них старше Октябрьской революции и может думать только о том, как бы дожить до пенсии. А вторая ссыкуха, дочка какой-то шишки, которую он пристроил после института, чтобы хоть чем-то занималась. Пользы от обеих — ноль. Березин же пару раз консультировал меня раньше. Я надеялся, что он усмотрит что-то в этих художествах или подскажет, или кто из его коллег нам сможет помочь. Ведь чем черт не шутит, мог же этот урод попадать в поле зрения медработников?

Пока я объяснял, в позе Влады становилось все меньше напряженности, и она медленно, совсем по чуть-чуть, поворачивалась ко мне, явно ловя каждое слово. И от этого меня самого будто попускало, и выходило говорить все более спокойно и даже монотонно.

— Как я понимаю, вы, госпожа экстрасенс, усмотрели в моих действиях некий совершенно неизвестный мне умысел, что и привело... к реакции.

Влада глубоко и прерывисто вдохнула, и бледные щеки залила краска.

— Простите меня, Антон, — пробормотала она.

— Нет уж, не надо мне тут простикать! — огрызнулся я. — Я повел себя грубо, назвав вас обузой. Извиняюсь за это.

Влада взглянула на меня недоверчиво и хотела что-то сказать, но я перебил ее:

— Очевидно, впредь, чтобы сцены вроде недавней не повторялись, мне придется объяснять вам, куда и зачем мы едем, и получать одобрение? Я так работать не привык и совру, если скажу, что хотел бы переучиваться. Поэтому нам что-то нужно с этим делать. Считаю, что имею полное право получить объяснения по поводу случившегося инцидента и сделать выводы о целесообразности дальнейшей совместной работы.

Выражение лица женщины снова неуловимо поменялось, теряя появившиеся признаки расслабленности. Она снова побледнела, и ноздри затрепетали, выдавая эмоции, а темные глаза прищурились.

— А если я не могу или не хочу ничего объяснять? — Влада посмотрела на меня прямо и даже с вызовом, демонстрируя, что, по всей видимости, полностью оклемалась от недавней истерики. И от этого меня противно обожгло мыслью, что, может, меня развели, как лоха, и все это какая-то попытка манипулирования была, а не настоящая паника? Не похоже, конечно, да и зачем, но вот такая у меня натура — во всем и всегда сомневаться. Так что ответ женщины вкупе с этим прямым взглядом опять щедро плеснул бензина в огонь моей злости, развязывая язык.

— В таком случае, считаю своим долгом и правом написать рапорт, в котором укажу на то, что перспектив для нашей общей работы не вижу, как, впрочем, и для вашей работы в органах вообще! — последнее уже почти рявкнул.

Влада закусила губу и опустила глаза на несколько секунд, и в этот момент в стекло с моей стороны постучал гаишник.

— Что же, господин Чудинов, видимо, вы правы, и перспектив у меня никаких нет, — тихо сказала она, пока я рылся в кармане, доставая удостоверение.

Быстро нажав кнопку разблокировки дверей, она стремительно покинула машину. Вот же зараза! Поговорили, называется!

Объясняя на русском народном навязчивому постовому, что он не к тому полез, я озирался на полной людей улице, но эта несносная женщина словно сквозь землю провалилась. Прекрасно, мля! Надавил, называется, получил нужную инфу! Как будто я и правда бы преподнес начальству такой подарок, как подобный рапорт на нее. Как же, пусть держат карман шире! Что за женщина такая! Других вон не заткнешь, трещат о себе и других без остановки, как радио! А у этой слова лишнего не вытянешь. И это после такой психологической встряски, когда она, по идее, должна быть вымотана и не способна ни на какую защиту в принципе. Что, опять же, приводит меня к мысли, была ли ее реакция настоящей, или таким образом она просто проверяла меня на вшивость. И выяснить я это был намерен немедленно, а не когда-то потом.

— Васек, а стоняй-ка ты в отдел кадров и узнай домашний адрес нашей госпожи экстрасенс, — попросил я, набрав нужный номер и усаживаясь обратно в тачку.

— Антон, что ты сделал? — после секундной заминки спросил помощник.

— Я? — Ну хрен с ним, я перегнул немного, но это никак не его дело. — Василий, не помню, когда это я стал обязан перед тобой ответ держать. Я дал тебе поручение, и ты давай мухой его выполнять!

— Слушаюсь, — недовольно буркнул парень, и перед тем как отключиться я услышал тихое «придурок».

Конечно, у меня был телефон Алеси из отдела кадров, но я не буду ей звонить. Уж точно не для того, чтобы спросить домашний адрес Влады. Совсем не охота выслушать сначала, какой я мудака и кобель и мог бы хоть позвонить после того новогоднего сабантуя, а потом завтра слушать подколки коллег, каждый из которых будет уже в курсе. А там и до шефа дойдет, а мне это надо?

Спустя десять минут Васек перезвонил мне и голосом, едва не похрустывающим от морозца, продиктовал адрес. Надо же, какие эмоции у салаги! Ну ничего, переживет!

Райончик, в котором находился дом Влады, был в довольно престижном районе и выглядел далеко не лачугой, а вполне себе приличным коттеджем за высоким глухим забором. Ну кто бы сомневался, что живет госпожа экстрасенс не в бараке на окраине с протекающей крышей. Нажав несколько раз на звонок, я подождал какое-то время, но никакого ответа не последовало, и во дворе было тихо. Найдя щель между листами железа, я заглянул внутрь. Странно. Двор выглядел запущенным, клумбы заросли бурьяном по пояс. Движения за окнами видно не было. Причем шторм я тоже не заметил, да и, насколько мог рассмотреть, никакой мебели тоже не наблюдалось. В остальном вполне себе обычный дом, говорящий о том, что владельцы не последний кусок хлеба без соли доедают. Позвонил еще какое-то время, подергал ручку на высоченной калитке и снова глянул в щель. Теперь мне почудился мелькнувший силуэт на втором этаже. Вот значит как, открывать мы не хотим.

Завел свою старушку, шумно погазовал и, отогнав в конец улицы, оставил за углом. Быстро вернулся и довольно хмыкнул, заметив мелькающую туда-сюда знакомую фигуру. Стал озираться, примеряясь, как бы так половчее перемахнуть через высоченный забор, чтобы по-тихому. Плохо, что день, я как блоха на лысине. Мало того, что эффекта неожиданности может не выйти, так еще бдительные соседи наряд могут вызвать. Это если убивают кого, у нас никто ничего не слышит и не видит, а так все начеку. В это время услышал осторожные шаги, и замок на калитке щелкнул. Она открылась, и наружу выскользнула Влада с большой дорожной сумкой в руке.

— Куда-то собрались, госпожа экстрасенс? — она вскрикнула и выронила сумку, поворачиваясь ко мне. — М-дя, дар ваш совсем никудышный, если о моем присутствии не предупредил.

— По-вашему, у меня в голове какой-то детектор с тревожной сиреной? — огрызнулась она, приходя в себя и сжимая изящные кисти в кулаки. Я усмехнулся, представляя, как же ей, наверное, хочется мне двинуть. Причем я бы сказал, что отчасти заслуженно.

— Очевидно, что нет, — усмехнулся я и поднял сумку. Увесистая. Как еще она не переломилась под ее весом. — Помочь?

Покачал на руке, глядя ей прямо в глаза и четко давая понять, что речь совсем не об этом бауле.

— Зачем вы здесь, Антон? — тихо спросила Влада, полностью разворачиваясь и прижимаясь к забору.

— Я уже сказал.

— Вы не тот, кто может мне помочь, — покачала головой, и плечи ее бессильно опустились.

— Не попробуешь, как говорится, не узнаешь. Да и чаю хочется, аж в глотке Сахара, — театрально покашлял, изображая, что засыхаю. — Я вас своим дешевым поил. Ответите

любезностью?

— Пожалуй, я рискну показаться невежливой и откажу вам. — Женщина обхватила себя руками в защитном жесте и, закусив губу, покачала головой. — У меня не так много времени сейчас. Еще меньше его станет, когда вы напишите свой рапорт.

Я аж крякнул от чувства досады и стыда за те вырвавшиеся слова угрозы.

— Слушайте, Влада. Я тогда выразился не совсем корректно. — Потому что Васька прав, и я могу быть редким придурком, ага. — Я не собираюсь писать именно то, что сказал.

— Не собираетесь сейчас или вообще? — Не нужно быть гением, чтобы прочитать подозрение в том, что я буду держать теперь знание об этом моменте ее слабости, как козырь в рукаве.

— Влада, послушайте, раз уж нам работать вместе и никуда от этого не деться, вам стоит знать: я лентяй, козел, бабник, грубиян, каких поискать, и черствая скотина, но я не стукач и не подлец. Уяснили?

Влада прямо посмотрела на меня, и я ответил открытым взглядом, стараясь игнорировать уже знакомое шокирующее чувство вскрытия моего сознания скальпелем этих расширившихся зрачков и не закрываться от нее. Фигня, оказывается, это только в первый раз как будто автобус сбил, а потом ничего так, просто освежает. Не стал закрываться и защищаться и вдруг ощутил, что контакт этот не односторонний. Всего мгновение безмолвного откровения, и я понял, что все мои подозрения в манипуляциях, притворстве и прочей хрени — полная чушь. Причем в этот раз никакой мой проросший в кости скептицизм не подкинул мыслишку, что это какие-то экстрасенские штучки, вроде гипноза или другой фигни.

— Весьма красочная характеристика, — кивнула женщина, прерывая сеанс потрошения меня. Я не смог сдержать облегченного вздоха, заметив, как изменилась ее поза, и уголок рта дрогнул в бледном подобии улыбки.

— Вы еще погодите, когда столкнетесь с кем-то из моих бывших, вот где будут краски, — буркнул в ответ, и отблеск веселья стал отчетливее. И кто бы мне сказал, почему мне самому это как бальзам на душу. Потом подумаю, а пока будем закреплять полученный результат, пока опять чего не напортачил.

— Влада, то, что я пытался надавить на вас сегодня... это само собой с моей стороны некрасиво, но и хоть на какие-то объяснения я имею право, раз уж стал свидетелем и причиной. — В этот раз никакого давления или требования, просьба и ничего более.

— Не вы причина, — устало прикрыла женщина глаза.

— Это уже риторика. Просто я хочу знать, чего я делать не должен, чтобы не было повторений. Такая мотивация сойдет?

Вот сказал бы мне кто еще пару дней назад, что стану я такие реверансы разводить, только для того чтобы немного забраться в голову и прошлое чужого человека, еще и женщины! Любопытство определенно когда-то меня угробит, но не сегодня же и ладно. Женщина неопределенно кивнула.

— Так что, я и чай получу? — оптимистично хлопнул я в ладоши.

— Чай — да. Об объяснениях я подумаю, — Влада распахнула калитку, приглашая меня.

Ну хоть что-то.

ГЛАВА 11

Приличных, для городского дома, размеров двор был именно таким, как я разглядел через щель — заросшим явно многолетней густой травой, в которой кое-где виднелись

обрывки тускло поблескивающего целлофана и бумаги. Такое бывает в заброшенных местах, где ветер долго таскает случайный мусор, пока он не застрянет где-то намертво. Но даже сквозь это запустение было видно, что когда-то эта территория была распланирована с тщательностью и любовью. Угадывались контуры фигурных клумб и альпийской горки, или как там еще эта ландшафтная хрень зовется. Среди уже желтеющего в осень бурьяна виднелись яркими пятнами какие-то неубиваемые многолетники. Я помню, точно такие же были у бабули на даче и запомнились мне тем, что, несмотря на невзрачность, цвели до самых морозов. Шагая впереди, я ощущал между лопатками пристальный взгляд хозяйки и старался не выдавать любопытства, мучающего меня.

— Разуваться не надо, — негромко скомандовала Влада в совершенно пустой прихожей, в углу которой сиротливо притулились те самые дурацкие тряпичные балетки. — Кухня направо.

Я посмотрел на буквально сверкающие чистотой полы, поставил ее здоровенную сумку и все же снял туфли.

Пройдя по коридору, мы попали в комнату, кухней которую можно было назвать лишь условно. Такая же пустота, как и в прихожей. Но здесь была раковина, заглушенные газовые трубы на стенах и на них же щербатые следы, будто кто-то прямо с мясом выдирает всю подвесную мебель и технику. На широком подоконнике маленький электрочайник на пару чашек, явно новый и одна кружка. Там же в уголке пачка чая и упаковка печенья. Ни стола, ни стульев, вообще никакой мебели, кроме нелепо выглядящего шезлонга у окна.

Наша странная игра с Владой в «я смотрю, как ты смотришь» продолжилась.

— Присаживайтесь, Антон, — указала она в кресло, а сама пошла наполнить свой микрочайник.

Я развалился в шезлонге, но, когда женщина встала передо мной, поднялся.

— А давайте наоборот? — усмехнувшись, предложил я. — А то чувствую себя как на приеме мозгоправа в кино. Можно я на подоконнике?

Влада кивнула и продолжала пристально следить за мной, явно ожидая расспросов, по поводу своего жилища. И я спросил.

— Одна живете?

— Теперь да. — Женщина обвела все вокруг взглядом, будто видела совершенно другую картину в этой пустоте.

Чайник вскипел, и я опять поймал себя на том, что неотрывно наблюдаю за тем, как она совершает обыденные вроде движения. Кладет пакетик, наливает кипяток в темно-синюю кружку с золотистым ободком, распаковывает упаковку дешевого, но вкусного печенья, ставит все передо мной на ослепительно-белый подоконник. Медленно убирает руку, и в какое-то мгновение клубящийся пар проскальзывает сквозь ее тонкие пальцы, будто притянутый к ним как магнитом, и устраивает краткий мистический танец. Я невольно качнул головой и усмехнулся. Вот же странная штука воображение. Стоит только немного позволить себе верить в то, что нечто, не уместяющееся в рамки обычной для тебя реальности, возможно, и уже в чем угодно чудится загадочное действо.

— Антон, насколько сильно вам не нравится мое присутствие? — спросила Влада, видимо, истолковав мою усмешку по-своему.

Я на секунду задумался и честно ответил:

— Прямо сейчас оно мне не нравится гораздо меньше, чем поначалу, — и вернул вопрос: — А вам, Влада, насколько неприятна необходимость работать с нами?

Резкий выдох, говорящий, что я попал, и женщина отвернулась к окну.

— Как вы верно подметили, это необходимость. На самом деле мне симпатичны и Василий, и вы, но очень тяжело... — она сделала руками неопределенный жест, — все, что связано с вашей работой. Очень. Это мешает мне... забыть.

Забыть. Она желает забыть то, что я бы сейчас хотел знать больше всего. Неожиданно вспомнился мой когда-то любимый фильм с Уиллом Смитом «Я — робот». Как там говорилось? Правильно задавай вопрос? А я бы еще добавил — вовремя делай это и с верной интонацией. Спрашивать напрямую не стану. Вижу, что ничего не скажет.

— Забыть по-настоящему все равно не выходит. По моему опыту, лучше некоторые вещи принимать и смиряться. Обратного хода событий не бывает, сколько себя не мучай. Если только это не еще одна ваша суперспособность.

Даже сам не смог бы сказать — философствовал я в данный момент ни о чем, имитируя беседу с глубоким смыслом, или откровенничал. В присутствии этой женщины меня все чаще посещало ощущение двойственности всего сказанного.

— Но такой способности у меня нет, — Влада говорила об этом так, словно не сожалела, а, наоборот, была рада. — Иногда хотелось бы, как любому человеку, наверное. А у вас получилось смириться?

Долю секунды хотелось огрызнуться, спросив, при чем тут я. Но понимал, что это явно не будет способствовать продолжению диалога.

— Нет, — признался честно. — Но я над этим работаю.

Странный разговор выходил. Каждый, типа, о своем, и в тоже время оба об одном и том же. И с Владой мне вести было его на удивление легко, не то, что со всеми, кто за это время пытался ковырнуть в душе сочувствием, которого мне не надо. Но тему стоило поменять.

— Интересно, а убийц, которые раскаиваются, и тех, кто нет, вы по-разному видите?

— Конечно. Даже те, кто безумно сожалеет, но считает, что все равно поступил верно, отличаются от просто страдающих чувством вины, — охотно пояснила женщина.

Это намек, случайность или прямое указание на меня? Она не смотрела на меня, так что оставалось только догадываться.

— А, скажем, маньяки. С ними вам приходилось пересекаться?

Влада очень медленно положила на подоконник раскрытые ладони, будто нуждалась в опоре.

— Да, — она скривилась. — И вот рядом с ними, не важно — вменяемыми или нет — находиться вообще невыносимо.

Как часто ей приходилось делать это? По собственной ли воле? Не думаю, что так.

— Это означает, что, встретить мы его с вами на улице, вы точно скажете, маньяк ли это? — продолжал фигурное движение вокруг острых углов.

— Да. Но вот только один нюанс. Или два. Во-первых, я не скажу, убил ли он уже кого-то или только еще страдает фантазиями, и во-вторых, я не смогу сказать, это тот самый маньяк или какой-то другой.

— М-дя, — огорченно вздохнул. — Как-то по-дурачки: знать вроде бы так много, но в сухом остатке не иметь возможности кому-то что-то предъявить. Не находите?

— Тут, Антон, вопросы не ко мне, а к высшим силам, меня так озадачившим, — неожиданно улыбнулась женщина.

Да, лучше слова и не подберешь, чем озадачившим.

— Вы чай почему не пьете? — кивнула Влада на забытую мною кружку.

— Да вот просто думаю. Как бы мне подступиться к разговору с вами о дальнейшей работе.

— Вы всерьез думаете, что я смогу быть полезной? Даже после того, как видели такой, как сегодня? — Вот теперь она на меня смотрела, причем напряженно и очень внимательно, выдавая, насколько для нее было важно мое мнение в этом вопрос.

— Уверен. В любом случае бегство — это не выход для вас, — вложил в слова всю убежденность, которая у меня и взялась-то, не пойми откуда, но было ее в достатке.

— Если и выход, то временный, — вздохнув, согласилась Влада. — Но и работа с вами пока постоянных перспектив мне не обещает.

— Может и так, я ведь всего не знаю, а вы не спешите меня просветить. Я, конечно, не гений современности, но, обладай всей информацией, мог бы ориентироваться лучше. Откуда вы знаете, вдруг вы окажетесь у нас в конторе столь полезны и успешны, что эти самые перспективы разительно поменяются.

— Но я не хочу... таким заниматься.

— А я хочу? Думаете, мне это в радость? То есть, я, разумеется, люблю саму мою работу, процесс, но до глубины души ненавижу тот факт, что она вообще есть. Потому что это означает, что люди продолжают убивать других людей. И игнорировать это я просто не могу. Понимаете?

— Прекрасно понимаю, Антон. — Влада теперь не только сосредоточила все внимание на мне, но и шагнула ближе. — И я тоже не могу, вот только причины у нас разные. Вы могли бы жить по-другому, но ваша совесть не позволяет. А я бы очень хотела не знать, не видеть, да только это невозможно. И если вы заслуживаете уважения из-за своей жизненной позиции, то я нет.

Нет, ну вот откуда в человеке столько категоричности и самоуничижения? Такое само собой, уж насколько знаю, не появляется. И прямо руки зачесались остаться наедине на пять минут с тем, кто возвращал подобное в этой женщине.

— Ой, вот только давайте сейчас не будем, Влада, про правильные жизненные позиции, — досадуя, отмахнулся я. — Моя совесть мне столько без проблем позволяла и позволяет, что стыдно признаться. И плевать, собственно, на изначальные причины. Дело в другом. Следующие несколько недель нам постоянно придется быть бок о бок. И неважно, что я хочу быть максимально успешным в расследовании, а вы, как понимаю, вынуждены стать таковой. Цель-то, в принципе, одна. Поэтому давайте откроем карты, определим правила и ограничения и начнем уже работать, а не приноравливаться друг к другу.

Влада, прикусив нижнюю губу, глянула на меня, потом на выход из кухни, будто взвешивая, не стоит ли закончить этот разговор прямо сейчас и все же выбрать бегство. В этот момент мне тоже подумалось, что, может, так и лучше. Она уйдет, скорее всего, больше мы никогда не увидимся, и очень скоро я забуду, что вообще когда-то пересекался с этой странной женщиной. Все пойдет своим накатанным путем, станет спокойно, и не нужно скакать дрессированным пуделем вокруг совершенно чужого и непонятого человека. Но что-то в глубине души было категорически против такого хода событий. Так, словно произойди именно так, и все будет окончательно неправильным. И не только для нее, но и для меня тоже. А я ведь эгоистичная скотина, чрезвычайно ценящая свое душевное равновесие. Ага.

— Хотите, я первым начну? — решил подтолкнуть я женщину.

— Групповая терапия откровенностью? — усмехнулась Влада и оперлась бедрами о

подоконник, неуловимо расслабляясь, и я выдохнул. Ее поза как сигнал — уже решила остаться, хотя бы пока.

— Всему групповому я предпочитаю парное, — ляпнул раньше, чем подумал. — Итак, Чудинов Антон Алексеевич, капитан полиции, подпольная кличка Чудо, и это не совсем из-за фамилии. 31 год, был женат аж целых полгода, в роли семейного человека оказался несостоятелен. На данный момент разведен и являюсь идейным приверженцем беспорядочных половых связей. — Поколебавшись секунду, решил, что личного достаточно на первый раз. — Восемь лет в убойном, поощрений и выговоров от начальства имею примерно поровну. В силу неуживчивого характера дальнейших перспектив для карьерного роста нет. Вашему появлению изначально был не рад и очень хотел бы избежать осложнений с этим связанным, к тому же получил четкую инструкцию от шефа избавиться любой ценой. Но, обладая природной вредностью и упрямством, прибор я клал на эти указания, а после эпизода с Сысоевой вовсе больше не горю желанием выживать вас из отдела. По мне, все, что помогает следствию, пофиг — как и какими методами, полезно. Очень может быть, что вы просто угадали, но я готов попробовать проверять это и не считаю нужным просто отказаться априори. Как-то так.

Я сделал многозначительный жест рукой, указывая, что мяч теперь на ее стороне. Влада покачала головой, и я видел одновременно и оживление, и нерешительность в ее взгляде.

— Ой, да ладно! — подначил я. — Посмотрите на меня, говорить о себе любимом — это совсем не страшно.

— Вы так думаете? Ладно, давайте посмотрим. Владислава Арифеева, — маленькая заминка на фамилии, ставим галочку. — Двадцать девять лет. Замужем... была два года, — еще одна галочка. — На данный момент разведена. Причина не важна.

Взгляд в сторону, гневно-болезненная складка между бровей. Процентом на девяносто причина в измене, ну да ладно, проехали.

— Пять лет назад, в результате личной трагедии, оказалась в психиатрической клинике. Была в какой-то момент признана невменяемой и не несущей ответственности за свои деяния. — Теперь уже вызывающий прищур в ожидании моей реакции. Но я не двигаюсь и молчу, просто предлагая ей закончить там и тогда, когда сама посчитает нужным. — Потом попала в правительственную программу изучения необычных человеческих способностей. На данный момент направлена к вам. Если этот эксперимент окажется успешным, то станет моим шансом снова вести нормальную жизнь... ну, насколько это возможно. Если нет... меня вернут для дальнейшей... коррекции.

Коррекция, сука! Я что-то в этом роде и предполагал, но все равно ощущал себя стукнутым пыльным мешком по башке. И дело не в том, что все мы в курсе о соблюдении прав и свобод не только в нашем государстве, но и повсюду в мире. Даже думать в эту сторону, задаваясь чисто риторическими вопросами, смысла нет.

Проблема в другом. На хрена мне все это надо? Я на полном серьезе собираюсь встрять по самое не балуйся? Похоже, что да, если продолжаю сидеть на этом подоконнике в пустой кухне, а не обуваюсь и не сваливаю от греха подальше.

— Влада, насколько сильно вы хотите эту самую нормальную жизнь? — Она буквально вспыхнула, так и загорелась надеждой, явив мне совершенно другую женщину, на которую я ошалело пялился, просто не в состоянии отвести взгляд. И пусть это длилось какое-то краткое мгновение, я уже никогда не забуду увиденное. Мне стало даже стыдно за почти равнодушный тон, которым спросил о таком.

— Очень, — выдохнула она, а я читал огромными буквами: «Больше всего на свете!»

Ну вот, дверца эмоциональной ловушки, в которую зашел добровольно, и захлопнулась. Теперь-то я не отступлюсь. Нет у меня просто такой долбаной функции в организме.

ГЛАВА 12

Что же, умерла так умерла, как говорится. Решив идти в эту сторону, вилять и пытаться повернуть назад, я не собираюсь. Не то чтобы это прямо дело принципа какого-то, просто вот такой я баран, что будет долбиться в ворота, пока они не откроются, так или иначе.

— Ну, раз мы выяснили главное, — перешел я на бодро-деловой тон, — то давайте выработаем протокол и основной свод правил, по которым станем работать.

— Эм-м-м, — замялась Влада, вопросительно глядя на меня. — Приведете пример?

— Запросто! Например, я не везу вас больше молча туда, куда считаю нужным, а говорю: «Мадам Арифеева, сегодня есть план посетить психиатрическую клинику». А вы мне отвечаете: «Нет, Антон, мне сегодня не досуг и вообще никогда в принципе, потому как просто не хочу».

— Дело не в том, что я не хочу... хотя и это тоже, безусловно, — покачала головой женщина и снова поежилась. — От некоторых тамошних пациентов... да и обслуживающего персонала и правда исходит такое, что рядом находиться очень трудно. Но я научилась с этим справляться. Более или менее. Просто в этот раз наложилось мое неверное толкование вашего намерения привезти меня туда. Простите еще раз.

Ну, это-то я как раз прекрасно понял и в лишних напоминаниях не нуждаюсь.

— Так, стоп! Я придумал нам первое правило! Вы прекращаете прятаться за этими простите-извините! Посмотрите на меня, Влада! Я мужик, причем достаточно толстокожий, и не рассыплюсь, если вы будете говорить прямо и перестанете извиняться за то, что это делаете. В свою очередь, если я ляпаю, не подумавши, что-то, что вас пугает или смущает, вы не замыкаетесь, не ищете двойное дно или попытку задеть, а говорите мне в лоб.

— Прямо в лоб? — Влада улыбнулась уже почти без нервозности, и даже щеки ее чуть порозовели.

— Ага. Для двойного дна я слишком прямолинеен, а если захочу обидеть, то делаю это. Додумывать за мной не приходится. Тут у нас ясность?

Влада охотно кивнула, теперь уже не переставая улыбаться. В ее глазах появилась тень азарта и желание идти дальше.

— А личного это тоже касается? — заинтересованно спросила она.

— Вообще-то, это вроде как не профессионально, но не буду лгать — я очень любопытен, и личных вопросов вам не избежать. Рано или поздно. Но если не будет желания отвечать на них — смело посылайте меня.

— А я... тоже могу вас спрашивать? — Влада смотрела на свои руки, и легкий румянец на щеках стал еще ярче.

— А вас интересует моя насыщенная личная жизнь?

О-па! А эта флиртующе-дразнящая нотка откуда в моем тоне? Не-не-не, Антоха. Не надо этого.

— Не обязательно она. Может, у меня просто появятся вопросы, никак не связанные с работой.

Это что, попытка пощупать почву на предмет можем ли мы быть не только коллегами, но и друзьями? А и правда, можем ли?

— Ну, как появятся — задавайте, а там посмотрим, отвечу ли я. Идет?

Влада охотно кивнула. Ну вот и ладно. Возвращаемся в деловое русло, а то мало ли...

— Раз так, идем дальше. Я заметил, что когда вы слишком пристально изучаете кого-то, это сильно нервирует. Игнорировать это невозможно.

— В самом деле? — удивленно вскинулась Влада.

— Ага. На себе проверено.

— Изви... — Я поднял руку, останавливая и напоминая. Она запнулась и, усмехнувшись, замотала головой. — То есть я немного не контролирую себя в некоторые моменты и не замечаю некоторые вещи.

— Ага, я так и понял после того, как вы босиком топали по коридорам в отделе. Мне-то в принципе пофиг, но на многих это произвело впечатление.

— Ясно. Я должна это больше контролировать, — Влада сильно нахмурилась, будто не просто старалась сделать умственную пометку, а буквально высечь это на камне.

— Так, опять притормаживаем! — скомандовал я. — Вывести кого-то из равновесия это далеко не всегда плохо, а иногда даже весьма полезно, если это преступник. Но есть пара нюансов. Мне бы хотелось быть готовым к таким моментам. Скажем, если вы видите: перед вами убийца, сделайте мне знак какой-то, что ли.

— Знак? Подмигнуть дважды или чихнуть? — развеселилась женщина.

— Мы это позже продумаем, — отмахнулся я. — Главное договориться в принципе. Просто я, как более опытный член нашего тандема, буду принимать решение — «прессовать» ли дальше этого человека вашим вниманием или пока не надо. Вы же должны понимать, что не все будут реагировать как Сысоевы и паскудник Гомон, то бишь устраивая истерики и качая права. Кто-то может и напасть на вас. Контингент-то у нас тот еще.

— Антон, я не настолько беззащитна, как может показаться на первый взгляд, — возразила Влада.

— Да неужели? — Я демонстративно и почти вызывающе пробежался глазами по ее почти истощенному, хрупкому телу, но женщина нисколько от этого не смутилась.

Наоборот, когда наши взгляды пересеклись, в меня врезался поток уже знакомой энергии. Хотя, нет, в этот раз совершенно другой. Если до этого накрывало шоком, так, словно в тебя влетают с разбегу, без всяких преград проникая внутрь, лишая любой защиты и сдирая все слои защиты, то теперь это скорее было какое-то общее мгновенное замораживание разума и вслед за ним и всех функций тела. Язык одеревенел, горло сжало как в тисках, легкие заledenели, а единственным звуком было неумолимо замедляющееся сердцебиение. Из всех эмоций доступны оказались лишь паника и тоска. Обе острые, животные, лишаяющие способности мыслить. А потом Влада резко выдохнула, часто заморгав, и все пропало. Как будто кто-то резко сдернул удушливое ледяное покрывало. Исчез бесследно и холод, и дышалось без проблем, и даже от страха не осталось и легкой тени.

— Херасе! — не сдержавшись, хрипло пробормотал я и ломанулся к крану.

— Простите, я не должна была... — затараторила Влада, устремляясь за мной и явно собираясь вцепиться в мой рукав.

Но я махнул рукой, требуя замолчать, пока жадно пил прямо из-под крана.

— Не извиняемся, помните? — сказал, когда наконец смог остановиться. — И это было... ну прямо охренеть! Что это вообще? Какая-то, типа, защита экстрасенская?

— Я не знаю, как называется, — пожала плечами Влада. — Но, если я злюсь или боюсь, людям плохо.

Очевидно, когда изучает очень пристально, тоже вроде того творится, вот откуда не совсем адекватная реакция у четы Сысовых и Гомона. Так что мне до этого только казалось, что я понимаю, каково это — оказаться в центре внимания госпожи Влады. Мой вариант знакомства с ней был, типа, «лайт». И чур меня, честно говоря, от повторений.

— Напомните мне не злить вас и не пугать, — фыркнул я, возвращаясь на подоконник.

— Не переживайте, Антон, надолго меня все равно не хватает, и эффект пропадает почти мгновенно. — Ой, спасибо, типа, успокоила!

— Да мне и того, что было, хватило более чем! Повторения аттракциона не надо! Но если серьезно, то это никак не снимает вопрос вашей безопасности. Скорее наоборот. Многие люди в момент сильного испуга ведут себя непредсказуемо и агрессивно. Поэтому, если рядом убийца, не важно уже состоявшийся или еще только возможный, я должен это знать до того, как вы решите рассмотреть его повнимательнее. Хорошо?

— Конечно, как скажете, Антон. Вы у нас главный! — с готовностью согласилась женщина.

— Прекрасно! Приятно хоть в чем-то управлять. А теперь, раз я весь из себя главный у нас, и мы в общих чертах договорились, то давайте-ка закончим с чаем и поедем поработаем. Солнце, как говорится, еще высоко!

— Хорошо, — практически без колебаний согласилась Влада. — Дайте мне минутку.

Она ушла куда-то вглубь пустого дома, а я уставился в окно на пожухшую траву, размышляя, как же мне так извернуться ужом, чтобы шеф не сразу понял, что хрена с два я его повеления насчет Влады буду исполнять. Одно дело — чье-то уязвленное профессиональное самолюбие, и совсем другое — судьба и шанс на нормальную жизнь реального, живого человека. Так что ему и другим его друзьям в чинах может хоть сто раз не нравиться все, плевал я. В конце концов, кто-то же нагнул их всех с этим самым проектом «Ворожея». А значит, есть кто-то наверху, кому это интересно и важно. Само собой, у нас, тех, кто прыгает через голову начальства, не то что не любят, а прямо-таки люто ненавидят и стараются затоптать. Но меня топтать пытаются уже давненько и все время с нулевым результатом. Совсем сожрать — подавятся. А с наивными надеждами на дальнейшее продвижение по службе я давно распрощался. Ну а с другой стороны... может, все еще вообще обойдется, и не придется мне Дон Кихота из себя изображать?

— Итак, рассказываю сразу, что едем мы в отдел наркоконтроля, выпрашивать инфу у коллег, — сделал я объявление, как только мы вышли со двора.

— Выпрашивать? — удивилась Влада.

— Ага.

— Зачем?

— За тем, что они нам могут по секрету и в личной болтовне рассказать то, чего не найдешь в официальных отчетах и ориентировках. На улицах постоянно появляются новые вещества, а процесс их полного изучения реально отстает. Зато коллеги, непосредственно контактирующие с потребителями, так сказать, могут знать о действии химии гораздо раньше экспертов.

— Ну, хорошо. Вы ведь лучше в этом разбираетесь. А я тихонько постою у вас за спиной. — Простая фраза, непонятно почему, заставившая испытать чувство удовлетворения.

Влада оглядела свою улицу в поисках моей старушки.

— Машина за углом. Мне же нужно было создать у вас впечатление, что сдался и

ушел, — пояснил, и не думая испытывать неловкость.

— Вам это удалось. Но в будущем буду умнее и осмотрительнее, — в тон мне ответила она.

— Не поможет! Я чрезвычайно изобретателен, если по-настоящему заинтересован в результате, — нахально похвалился я.

— Это я тоже учту, — не сдаваясь, отозвалась женщина.

Ну да, ну да! Посмотрим!

О том, кто Влада такая, все были уже осведомлены даже в смежном отделе. Да ради Бога, управление — это же как сраная деревня заядлых сплетников! Убийства, кражи, массовые беспорядки? Фигня, кого этим удивишь, когда это ежедневная обыденность! Но вот что-то пикантное или необычное, касающееся личной жизни, это да, стоит всеобщего внимания!

— Надо же, какой приятный визит! — заелозил Митька Колесов, как только мы вошли к нему в кабинет. — И к тебе, друг мой Чудо, это нисколько не относится!

Высоченный, но тощий, как шпала, он, согнувшись едва ли не до пола в чрезмерном приветствии, протянул свою клешню Владе. При этом глазки его лупатые так и бегали по ней сверху донизу, и не понятно, какого интереса в них было больше — профессионального или чисто мужского.

— Руки-то мыл сегодня? — насмешливо поинтересовался я.

— Дважды и даже с мылом! — огрызнулся Митька, как обычно задорно сверкая ухмылкой до ушей, на которую когда-никогда, но велись женщины. Говнюк пронирыливый!

— Очень приятно с вами познакомиться! — ответила Влада, но при этом только слепой бы не заметил, как она жметя к моему боку, словно животное, нуждающееся в укрытии. Ну, ладно, может, я и преувеличиваю. Но явно, общаясь с новыми людьми, она старается соблюсти максимальную дистанцию, не выходя за рамки вежливости. Все же странное она создание. Я же теперь знаю, что способна при желании на жопу кого хочешь опрокинуть одним приветствием, но при этом явно избегает этого максимально. Вот мне дала свои способности сразу ощутить, а от других, похоже, прячется. И как я это должен трактовать? Как доверие, типа, или как признак собственной испорченности, с которой она не считает нужным миндальничать? Так, кажется, я собственные установки-то и забыл! Чего я гадаю, когда чуть позже можно напрямую спросить?

— Могу угадать, зачем вы здесь! — Митька сдвинул брови и закатил глаза, корча рожу, точно, как у этих экстрасенсов в шоу, работающих на камеру. — Вас интересуют новые запрещенные вещества.

Сначала Санька в морге, теперь он. Очевидно, им всем это кажется безумно оригинальным и забавным. Придурки. Прямо так и захотелось, чтобы Влада пуганула этого шутника слегонца. Но она осталась совершенно безразлична к его корявому чувству юмора.

— Смотри, какой ты, млин, гений! — фыркнул я, подвигая стул ей и плюхаясь на соседний.

— А то! Цените, обожайте и песок под ногами целуйте! — гордо выпрямился Колесов.

— Как песка натаскаешь достаточно — обращайся! — милостиво разрешил я.

— Ладно, а если по делу, какого вам надо? — стал серьезным этот клоун.

— Дурь, очень сильная, такая, чтобы человека живьем можно было резать, никуда не торопясь, и при этом нельзя даже следов в тканях после смерти найти, — перечислил я все нужные параметры.

Митька, бормоча шепотом под нос мои же слова, отвернулся к компу и что-то начал клацать, периодически почесывая бритый затылок, а я, ожидая, посмотрел на Владу. Она с нескрываемым любопытством разглядывала пестрые стены кабинета. Все-таки лояльное у него начальство, меня бы большую часть содрать заставили. У Митьки на стенах мирно уживались плакаты с социальной агитацией за жизнь без наркоты и постеры телок с гигантскими грудями, хрен клавишами на все законы притяжения. Нет, я его, конечно, понимаю на все сто и тоже предпочитаю нечто весомое, мягкое, объемное, а не жилистый, удрюченный фитнесом сухарик на один зуб. Но хоть в два слоя стенки обклей, а без усилий сиськи пятого размера тебе как манна небесная в ладони не упадут. А насколько помню, когда в баре к нам однажды подседа девица, как раз в таком формате, он, вместо того чтобы действовать, просидел весь вечер уткнувшись в бокал и не выдавив и слова. Зато теперь вот так и сверкает зенками на Владу, живчик какой, млин!

— Так, Чудо! — вздохнув, подвел черту Митька. — Мне тебя ни официально, ни приватно порадовать нечем. Ну нет у нас в последнее время веществ, вообще следов не оставляющих. И такой дури, чтобы калечить можно и никакой чувствительности, тоже не припомню. Все медпрепараты, на это способные, легко вылавливаются в крови.

Я перехватил разочаровано-сочувственный взгляд Влады и пожал плечами. Что же поделаешь, я не первый раз остаюсь ни с чем.

— Но! — он поднял указательный палец. — Зато могу адресок одного химика черкнуть. Нам его так и не удалось ни разу за задницу прихватить. Скользкий, сука, просто слов приличных нет. Но мало ли... может, вам больше повезет. Если донесете до него, что дело уже не в дорожке дури для херней страдающих мажорчиков, просирающих родительские денежки, он и пойдет вам навстречу. Он вроде как с собственным придолбнутым кодексом чести.

— Пиши, давай, — согласился я. Тут уж бери, что дают, и не выделывайся, называется.

Когда стали прощаться, Митька неожиданно попросил Владу задержаться на пару минут с ним наедине. Я обеспокоенно посмотрел на нее, безмолвно вопрошая, хочет ли она этого, или лучше избавиться от такой приватности. Но Влада кивнула мне и только попросила подождать в коридоре.

Спустя минут пять она вышла, а Митька остался стоять в дверях с нечитаемым выражением на конопатом лице.

— Чего он хотел от вас? — не сдержав любопытства, спросил уже в машине.

— Это личное, Антон, — задумчиво покачала женщина головой.

Здрости, личное, ну и как мне это понимать? Он на свидание ее пригласил, что ли?

— Но я ничем ему тут не могу помочь, — продолжила Влада, отвлекая меня от додумывания. — Я не гадалка и не вижу будущего, в том смысле, как обычно этого хочется людям. Но даже если бы и знала, то не вижу смысла открывать его.

— Почему?

— Потому что люди не хотят на самом деле знать будущее, они хотят, чтобы им сказали, что все у них будет хорошо, и счастье придет, нужно только подождать.

— А это было бы неправдой, — продолжил я, когда она замолчала.

— Неправдой, — эхом отозвалась она.

ГЛАВА 13

— Куда мы дальше? — с любопытством спросила Влада, а я задумался.

— Есть два варианта, но я абсолютно честно скажу — сомневаюсь, что оба они будут

подходящими для того, чтобы ехать нам вместе. Только не вздумайте усматривать в этом опять намек на вашу мнимую бесполезность. Повторюсь: намеки и дипломатия — это не мое.

— Я стараюсь об этом помнить. Но почему тогда?

Женщина чуть склонила голову набок, глядя очень пристально, и хоть сейчас я с точностью мог сказать, что свой дар она не применяет, но, тем не менее, странное ощущение устремилось по моему позвоночнику сверху вниз. Это было похоже на то, как если бы кто-то медленно провел теплыми пальцами по спине, причем настолько чувственно и ласкающе, что у меня мгновенно потяжелело в паху.

— Потому что по разбою мне нужно опросить свидетеля, который в данный момент в больнице, врачи звонили и сказали, что уже можно, — пробормотал и отвернулся, отвлекаясь на окружающую обстановку. — И вот думаю, что травматология не самое комфортное для вас место.

— Ну, раз мы уже решили говорить все начистоту, то давайте вы, Антон, будете сначала спрашивать, могу ли я с чем-то справиться, а не заранее решать, что это сложно для меня?

— Ла-а-адно, — кивнул я и, усмехаясь, почти повторил ее слова: — Я постараюсь об этом помнить и прикручивать уровень своего самодурства.

— Вы никакой не самодур, Антон.

— Ха! Поговорите с моими прежними стажерами! — возразил я, однако улыбаясь. Ради Бога, покажите мне того, кому неприятно, когда его эго чешут под шейкой!

— Позже — обязательно! Но пока могу сказать, что я умею собираться и если буду морально готова, ничего страшного не случится, капитан, — женщина чуть нахмурилась, убеждая явно не только меня, но и себя. А я здесь придурок, которому следовало дать хорошую затрещину, чтобы перестал отслеживать каждую мельчайшую гримасу этой женщины. Мы работаем, помнишь?

— Ну тогда хорошо, начинайте готовиться, хотя сильно напрягаться особого смысла не вижу. Я хотел опросить этого «пострадавшего-тире-свидетеля» в одном лице лично, мутный он какой-то, но вполне могу отправить туда и Василия. Помощник он мне или как? Но вот со вторым вариантом не так просто. Брать вас на встречу с этим наркокудесником кажется мне очень неудачной мыслью. Во-первых, черт его знает, что у него там за окружение и как оно повлияет на вас, а вы на него. Во-вторых, если двери нам тупо не откроют, возможно, придется провести не один час, сидя в машине перед домом, ожидая с моря погоды, и уйти ни с чем. По мне, самым удачным вариантом будет отправить вас в отдел чаек попивать с Василием, и везде самому. Но если будете сидеть в кабинете, то начальству тут же стуканут. А нам это ведь не надо?

— Очевидно, нет. Но что же делать? Я хочу помогать, а не путаться под ногами и создавать помехи.

— Раз так, то поедем сначала в больницу, там часы посещения ограничены, а потом отправимся по адресу и глянем, что там. И готовьтесь к тому, что, возможно, придется всю задницу в машине отсидеть.

— То есть это будет полицейская засада? — Неожиданно темные глаза Влады сверкнули любопытством и даже азартом. Тонкие ноздри затрепетали, а щеки едва заметно порозовели, четче обозначая перламутровую белизну остальной кожи. — То есть самая настоящая?

Я едва не застонал от досады на то, что реакция моего тела на всплеск оживления этой

женщины опять была мгновенной и однозначной. Кому-то точно нужно потрахаться, и я даже знаю, кто этот кто-то! А что касается Влады... Ничего, посмотрим, как ей идея посидеть несколько часов без движения будет после нравиться.

— Ну, засада это громко сказано, но что-то в этом роде. И весело не будет, — предупредил, стараясь выглядеть как можно строже и скучнее, но то, как женщина напротив закусила уголок губы и неумело пыталась скрыть за равнодушием живой интерес, абсолютно сбивало нужный настрой. Когда вот так самым краешком проглядывала ее настоящая натура, я уже традиционно подвисал, ощущая себя человеком, пытающимся рассмотреть огромный фейерверк в крошечную щелку в двери.

Когда подъехали к многоэтажному зданию клиники, я закрыл машину и протянул ключи Владе.

— Давайте так: почувствуете себя плохо и захотите уйти, просто сделайте это. Увидите что-то странное или представляющее интерес, придержите это при себе. Расскажите потом.

Но все время, пока я опрашивал некоего Манникова Александра Кузьмича, двадцати трех лет от роду, Влада сидела тихо, как мышь, у окна и, кажется, вообще игнорировала все происходящее. Свидетель постоянно пугался в показаниях, ссылаясь то на природную общую забывчивость, то на удар по голове, беспокойно ерзал и теребил одеяло, и я уже чувствовал своей ментовской задницей, что он врет мне через слово. Но когда попробовал надавить, уточняя некоторые моменты, то он закатил глаза и заканючил, что ему плохо, говорить больше не может, и срочно нужен врач. Не став настаивать, куда он на фиг денется с подводной лодки, я принял решение уйти.

— Ну, что скажете? — любопытствовал у Влады, когда уже спускались по лестнице.

— Вы и сами все поняли, Антон.

— Понял, но желаю узнать экспертное мнение.

— Я не эксперт!

— Ага, я только учусь, — улыбаясь, подмигнул, напоминая фразу из старой сказки и тут же опять поймал себя на том, что съезжаю на рельсы флирта. Да что же это такое!

— Дело в женщине.

— Эх, Влада, дело всегда или в женщине, или в страхе, или в деньгах! Но вы правы, надо покопаться в личных взаимоотношениях погибшего и этого явно липового пострадавшего. Ибо вопит моя чуйка, что никакой там не случайный грабеж был, а реальная подстава. Ну а пока давайте-ка заскочим перекусить, а потом отправимся совершать сделку с совестью в надежде получить сведения.

В кафе быстрого питания, полное народу в этот час, Влада входила, шумно выдохнув, как будто прыгала в ледяную воду. И я едва не предложил взять на вынос, неожиданно представив, чем для нее может обернуться прием пищи, если рядом появиться кто-то с аурой, как у той же Сысоевой. Когда сели за стол, Влада низко склонилась над тарелкой и ела, сосредоточенно глядя только перед собой. А я же наоборот стал пялиться по сторонам. И если обычно во время еды в таких местах я частенько вычленял в толпе симпатичные женские особи, ради чистого интереса сравнивая между собой их достоинства и выделяя недостатки каждой, то сейчас поймал себя на том, что я смотрю на любого человека в поисках совсем других признаков, нежели привлекательность или ее отсутствие.

— Черт, рядом с вами, Влада, я, похоже, становлюсь параноиком, подозревающим всех вокруг в каких-то грехах, — покачал я головой, сосредотачиваясь на еде. — Раньше, пока толпа вокруг ощущалась лишь толпой, было проще, чем сейчас, когда все они видятся

сборищем потенциальных или реальных преступников.

Влада подняла голову и, пару раз моргнув, обвела широко раскрытыми потемневшими глазами зал, чуть задержалась в дальнем от нас углу, где в тарелке ковырялся какой-то бледный мрачный тип, и снова вернулась к еде.

— Кушайте спокойно, Антон. Единственный по-настоящему грешный человек в этом заведении сидит сейчас прямо перед вами, — негромко сказала она, закручивая пружину моего любопытства еще туже.

— М-да-а-а, тот еще райончик, — пробормотал я, когда подрулил к нужному адресу. — Прямо гетто какое-то!

Кривые, обшарпанные заборы, количество ям явно превышает площадь потрескавшегося асфальта, ни одного фонаря на горизонте. Дома деревянные, потемневшие от времени, приземистые, с маленькими окошками, словно из прошлого века. В метрах двадцати дальше по улице помойка, которая выглядит так, будто здесь или отродясь мусоровозки не бывало, или местные целенаправленно бросали свои отбросы куда угодно, но только не в баки. Куча облезлых тощих дворняг, тщетно что-то тут выискивающих, и несколько подозрительно выглядящих личностей, которые при нашем появлении остановились прямо посреди улицы и уставились на нас.

Все же напрасно я взял с собой Владу. В таком месте даже оставить ее в машине будет не вариант. Мало ли какая гопота подвалит. Пока мы с Владой осматривались, открылась кособокая калитка прямо перед нами, показался устрашающего вида татуированный громила и недобро уставился на меня сквозь лобовое стекло. В глубине двора за его спиной маячили еще несколько монументальных мордovorотов. Сразу вспомнилось, что табельное оружие мирно покоилось в сейфе кабинета.

— Влада, мы можем сейчас уехать и вернуться позже. — Точнее, вернусь я один, но озвучивать это не обязательно. И мне плевать, если я могу показаться трусливым.

Поизображать героя я смогу и позже, когда рядом не будет никого, чью безопасность я поставлю под угрозу необдуманными действиями.

— Не волнуйтесь за меня, Антон. В этих людях нет ничего угрожающего.

Ну да, эти качки — прямо милые пушистые зайки, мечтающие задушить нас в объятьях. Секунду поколебавшись, я все же решил довериться мнению Влады, но подстраховался, набрав Василия и сообщив ему адрес, по которому нас надо начинать искать в случае бесследного исчезновения.

— Держитесь ко мне поближе, Влада, и не провоцируйте никого слишком пристальными взглядами. Ок? — пробормотал, открывая дверцу.

— Глазов Тимур дома? — продемонстрировав удостоверение, спросил типа, преграждающего вход.

Теперь, оказавшись напротив, я разглядел, что, несмотря на внушительное сложение и агрессивное выражение лица, передо мной всего лишь мальчишка, лет восемнадцать максимум.

— Для тебя, мент, — нет! — нарочито нахально ухмыльнулся он, складывая на груди здоровые ручищи, но во взгляде я просек притаившиеся настороженность и неуверенность.

— Я не из наркоконтроля, расслабься, детка! — отзеркалил я его ухмылку. — Пришел в частном порядке практически.

— В частном порядке? — прищурился мальчишка.

— Да, нам нужна его помощь, — тихо сказала Влада из-за моего плеча.

— Вон оно что! Так бы и сказали, что за дурью, — выражение лица парня стало почти презрительным, и он, наклонившись чуть в бок, многозначительно посмотрел на мою «старушку», а потом прошелся по нашей одежде. — Только вряд ли вам тут что-то обломится. Не похоже, чтобы у вас водились бабки, а даром тут никому не подают. Так что валите-ка вы лучше.

Остро захотелось двинуть засранцу, дабы привить уважение к старшим, но я сдержался, чтобы не провоцировать.

— Пропусти! — звонкий, но властный голос из темноты.

— Гудвин, это мент из убойного, — через плечо бросил своеобразный секьюрити, явно возражая и не спеша отходить в сторону. — А баба документов не показала.

— А я велел ее пропустить, а не его. — В тоне невидимого собеседника добавилось недовольства.

— Э-э-э, нет! Так не пойдет, ребятки! — Я незаметно схватил уже шагнувшую вперед Владу и краем сознания отметил, какая горячая у нее кожа, и что она, вздрогнув, как от ожога, спустя секунду все же сжала в ответ мою ладонь. — Мы заходим или вдвоем, или просто уходим. На этот раз.

После почти минутного раздумья раздалось:

— Хрен с ним. Пусть оба заходят.

Пока шли по двору, впереди маячила довольно щупленькая фигура, по всей видимости, того самого Гудвина, наркокудесника, ради встречи с которым мы и приехали.

Комната, куда мы вошли, была ярко освещена и если и тянула на притон, то на весьма элитный. Дорогущие ковры и ультрасовременная мебель, огромный телевизор, игровая приставка и остальная аппаратура наипоследнейшего поколения и заоблачной стоимости. Разительный контраст с внешним обликом непрезентабельного кособокого домишки.

Гудвин почти с разбегу плюхнул свой тощий зад в модно провисших джинсах на кожаный диван и бесцеремонно похлопал рядом рукой со множеством странного вида колец и фенек:

— Присядь, сестренка! — сказал он Владе, полностью игнорируя меня.

Яркая одежда, тоннели в ушах, серьга в носу и в брови, бритая черепушка с красочной татушкой... М-дя, видок у этого самого Гудвина тот еще. И опять же, похоже, никак не старше двадцати. Увязавшимся за нами своим телохранителем Гудвин молча сделал знак, и те без единого возражения закрыли дверь с обратной стороны.

Влада шевельнула рукой в моем захвате, напоминая мне, что я все еще держу ее, и мягко освободилась. Она спокойно огляделась и вместо дивана подошла к высокому круглому табурету в другом конце комнаты и села там. Я же, напротив, выбрал диван, и тощий нахаленок скривился, удостоив меня коротким косым взглядом.

— Мы тут с вопросами. Нам нужна от тебя инфа по одному делу, и поэтому правовую сторону того, чем ты, в принципе, занимаешься, мы опустим, — начал я.

— Я не буду с тобой разговаривать, — не поворачиваясь ко мне, процедил Гудвин. — Только с ней! Как тебя зовут, сестренка?

— Влада, — совершенно спокойно ответила женщина, с любопытством оглядываясь вокруг. — Почему ты не хочешь говорить с Антоном? Он хороший человек.

— Но я-то нет, — хохотнул парень. — И он мент, а я с ними никогда не разговариваю.

— Ну, допустим, Влада сейчас тоже при исполнении, умник, — возразил я.

— Она — другое дело! — говоря, он по-прежнему смотрел только на нее.

— Почему же?

— Потому что я такая же, как он, — тихо ответила за мальчишку Влада.

— Ага, точняк! — расплылся в довольной улыбке юный наркодилер и дернул в мою сторону головой. — А этот знает?

Влада молча кивнула.

— А понимает? — С полминуты ушло на осознание смысла этой краткой, но многозначительной беседы, и меня неожиданно сильно разозлило, как парой фраз этот мелкий говнюк будто разграничил все на мир таких, как я, и таких, как они с Владой. Я уставился на женщину, ожидая, что скажет, и встретил открытый, хоть и немного задумчивый взгляд.

— Антон очень старается, — уверенно ответила она и улыбнулась, моментально и с легкостью стирая эту нарочито проведенную Гудвином грань. — Почему ты Гудвин?

Мальчишка цинично рассмеялся и поджал под себя ноги, не обращая внимания на то, что подошвы кроссовок шаркают по дорогой коже обивки.

— Потому что я волшебник, который может для каждого создать в пробирке его личную эссенцию счастья, — довольно сообщил он.

— Но ведь это не счастье, а только его иллюзия, — грустно покачала головой Влада. — Обман.

— Так за иллюзию мне и платят, — безразлично пожал плечами парень. — Если у кого-то есть бабки, и он считает, что это основа жизни и на них все можно купить, то это они обманывают себя. Они не хотят заставлять работать свою душу, не хотят ничего реального, потому что это сложно и нельзя получить, просто заплатив энную сумму. Им нужен волшебный порошок, стирающий их одиночество, заставляющий окружающих их любить, пусть не по-настоящему и на время. А я лишь продаю востребованный товар.

— Который их рано или поздно убьет. — То, что Влада «включила» свой дар, я понял, когда Гудвин дернулся всем телом и подался вперед, а потом затряс головой, как мокрая собака.

— Ни хрена себе приход, сестренка! — еще раз передернувшись, хохотнул он. — Вот, значит, какая у тебя фишка.

— Да, я... вижу людей, — вздохнув, отвела глаза Влада.

— Прикольно, конечно, но не хотел бы я с тобой поменяться, — неожиданно серьезно пробормотал Гудвин. — А что касается смертей... Ни одна моя дурь не вызывает привыкания, так что тут я чист. Снова и снова они приходят ко мне совершенно осознано. Я не создаю того, чем торгуют у школ и клубов, подсаживая тупой молодняк с первой же дозы. У меня все абсолютно эксклюзивно и чрезвычайно дорого. Счастье — необычайно дорогостоящий продукт. Хотя для тебя, Влада, я мог бы сделать пару доз совершенно бесплатно. Хочешь немного побыть нормальной?

Чуть не взвился, чтобы придушить ублюдка, заметив, как на мгновение жадно сверкнули темные глаза Влады, но женщина покачала головой, и я расслабился.

— Нет, захочу побыть нормальной, попрошу Антона сходить со мной в бар выпить, чтобы было кому домой дотащить! — кивнула она мне и даже подмигнула, явно нарочно подчеркивая для Гудвина наличие между нами доверия. И хоть я знал, что это игра на публику, но душу все равно согрело.

— Запросто! — ответил я. — Только свистни.

Не знаю почему, но это сработало. Гудвин как бы нехотя повернулся ко мне и уставился, сверля во мне дыры чуть раскосыми зелеными глазами и пожевывая изнутри нижнюю губу.

— Ну, и как ощущаешь себя в компании фриков, мент? — наконец спросил он.

— Я тут наблюдаю только одного фрика. И это я пришел сюда задавать вопросы.

— Я пришел задавать вопросы, — передразнил меня парень. — Ну задавай, раз пришел!

ГЛАВА 14

— Не заказывал ли кто-то тебе в течение последних трех месяцев или, может, чуть раньше некую убойную смесь, совершенно отключающую волю и способность сопротивляться? — решив не тянуть, прямо спросил я.

— Я не долбаный стол заказов или интернет-магазин, — недовольно пробурчал парень и заносчиво вздернул острый подбородок. — Я создаю индивидуальные рецепты счастья, а не дурь, вышибающую мозги всем подряд.

— А не засунул бы ты на время свою сраную эксклюзивность, куда солнце не заглядывает, и не постарался бы сосредоточиться на вопросе? — я покосился на Владу, и виновато пожал плечами, извиняясь за грубость.

— Хамишь, дядя? — ухмыльнулся Гудвин, впрочем, нисколько не обиженно.

— Прости, принцесса кайфа. Не знал, что твои чувства так легко задеть! — ответил ему такой же усмешкой.

— Да задолбаешься задевать, прежде чем я хотя бы что-то замечу, — беззлобно огрызнулся мелкий засранец. — А такую фигню, о которой спрашиваешь ты, можешь при удаче и знакомствах купить без рецепта в любой аптеке, дядя. Все дело в дозировке.

— Не могу. Все они оставляют следы, тем более в больших дозах, и обнаруживаются при вскрытии, а в нашем случае этого нет. Вообще ничего. Тебя ведь до сих пор за задницу не взяли только потому, что твои чудо-средства тоже в крови не выявляются, а даже если и удастся выловить их остатки, то в список запрещенных веществ они не входят.

Гудвина словно ткнули в спину палкой. Он весь подобрался, исчезла небрежно нахальная поза и насмешливое выражение заостренного лица. Мальчишка полностью развернулся ко мне и впился цепким настороженным взглядом, в глубине которого явственно читалась скрытая паника.

— Вскрытие... это означает, они... умерли?

— Убиты.

— Ты мне что тут прогнать пытаешься? — ошетинился он. — Думаешь, с помощью моей дури кого-то замочили?

Ну да, обычная реакция — спрятать испуг и вину за агрессией.

— Тела жертв изрезаны всякими знаками с ног до головы, и при этом они оставались неподвижными и даже можно сказать спокойными, но ничего из знакомого нашим экспертам в крови и тканях найдено не было. Идеи есть?

Лицо Гудвина на несколько секунд застыло, глаза опустели, как бывает, когда люди уходят в себя в поисках ответов или чтобы что-то взвесить, но потом он снова резко набычился.

— Если они умерли, то откуда тебе на хрен знать, были ли они спокойны? — Гудвин вскочил и, схватив с низкого стеклянного столика пачку, вытащил длинную черную сигарету и прикурил, поднеся зажигалку подрагивающей рукой.

Само собой, я не собирался вдаваться в пояснения, что просто знаю такие вещи. Иначе

самому пришлось бы задуматься откуда.

— Рисунки и знаки, что он вырезает, очень четкие, если бы женщины были привязаны, то все равно бы дергались, мышцы бы сокращались, и все такое, и так идеально бы не вышло.

— Женщины... и много их? — Мальчишка стоял ко мне спиной, глядя на Владу и жадно затягиваясь.

— Это я за ответами пришел, не забыл? — напомнил, теряя терпение. — Количество жертв и прочие сведения — это тайна следствия.

— Мудак, — еле слышно произнес Гудвин.

Пепел беспрепятственно падал на дорогой ковер, но, похоже, хозяину не было до этого дела. Гудвин просто стоял, широко расставив свои тощие ноги, курил и не отрываясь смотрел на Владу. А она отвечала ему не менее пристальным взглядом. Казалось, между ними происходил недоступный для меня диалог. В этот момент раздался мелодичный звук, напоминающий дверной звонок, и вспыхнул экран громадного телека. Изображение было черно-белым. Я разглядел свою «старушку», припаркованную перед двором, и рядом с ней сверкающую дорожку тачку, из которой выбралась какая-то дама модельной внешности. Это тут же оторвало Гудвина от игры в гляделки с Владой. Он развернулся ко мне, и выражение лица его было жестким, даже жестоким. Если он и колебался до этого, то сейчас совершенно точно принял решение.

— Я не сотрудничаю с полицией, — отрезал он. — Но даже если бы и делал это — мне нечего тебе сказать.

Ну прекрасно. Врет же сучонок тощий и не краснеет.

— Гудвин, это неверное решение, — тихо сказала Влада, поднимаясь, но мальчишка только дернул острым плечом, словно отмахиваясь от нее.

И это пренебрежительное движение мгновенно взбесило меня.

— Я ведь могу упереться и прийти сюда по-плохому, — уже не сдерживаясь, сквозь зубы процедил я. — Знаешь, как по телеку показывают. Выбить окна и двери, расхерачить стены и пол, разобрать все и перевернуть вверх дном. Найду твою лабораторию, закрою в камеру с конкретными пацанами, которым даже твоя худосочная задница покажется аппетитной в силу новизны.

— Антон, пожалуйста! — шагнула ко мне Влада.

— А давай! — ощерился в ответ поганец. — Я буду долго ржать, когда ты утрешься и уйдешь ни с чем, да еще и извиняться будешь потом передо мной и моей задницей!

— Да черта с два ты доживешь до того момента, когда я стану извиняться перед такими конченными мудаками, которым не только плевать, что их трусость может стоить чьей-то жизни, но они еще и содействуют убийцам!

— Антон! — повысила голос Влада, но я отмахнулся.

— Да пошел он!

— Пошел ты сам, мент! Я не трус и пособником убийцы не буду, но и вламывать никого не стану, ясно?!

— Ясно, что тебя только собственная так называемая репутация волнует и потеря клиентов на дурь, если они прознают о том, что ты следствию помог.

— Да в гробу я видал всех этих клиентов и их мнение! Все равно то, что им нужно, они могут получить только у меня и по-любому приползут хоть на пузе! Причина не в этом!

— А в чем же тогда? Я весь во внимании! — развел я руки, демонстрируя, что еще имею терпение.

— Тебе я ничего не скажу! Точка! — упрямо мотнул парень головой, отказываясь смотреть мне в глаза.

Видимо, прихлебателей Гудвина привлек наш разговор на повышенных тонах. Один из них распахнул дверь и вопросительно уставился на него.

— У нас все норм, но наши гости уходят, — тоном, не терпящим возражений, сообщил Гудвин. — Вот только сестренка мне свой номерок скажет и проводишь.

— Обломайся. Влада, идем! — Я понимал, что практически отдаю приказ, на который в принципе не имею права, но сломать несколько костей этому уроду и выбить парочку зубов его «охране» хотелось ну очень остро, так что стоило уйти побыстрее. Вряд ли Владе понравилось бы увиденное, позволь я полностью выйти из себя и попытайся выколотить из мелкого ублюдка сведения силой. И его ссыкливые качки ему бы мало помогли. В конце концов, я опять же всегда могу вернуться позже для душевного оживленного разговора.

— Прости, — покачала головой Влада и продиктовала номер, который Гудвин тут же торопливо вбил в телефон.

Раздалось звонкое цоканье каблучков, и в комнату впорхнула та самая дамочка, что мы видели на экране.

— Гудвин, солнышко, ну что так долго? — капризно скривившись, спросила она, нарочито растягивая слова и выпячивая пухлые губы.

— Я разве разрешил ее впускать? — буквально вызверился мальчишка, и его черты заострились, становясь маской мелкого, но от этого не менее опасного хищника.

— Ну, Гудвин, у меня время... — заканючила она, раздраженно стрелнув в нас с Владой глазами.

— Вон пошла! — почти взвизгнул он, глядя на женщину с самым настоящим отвращением.

Тагуированный качок тут же среагировал и схватил начавшую что-то возмущенно вопить дамочку, мгновенно вытолкал в коридор и захлопнул за ними дверь.

— Ай-ай-яй! — издевательски покачал я головой. — Разве так можно с женщиной, да еще и клиенткой, волшебник ты недоделанный! Она такая милая и со всей душой к тебе и открытой толстой мошной, а ты...

Встретился глазами с Владой, но, однако, не заметил и тени сочувствия. Наоборот, она смотрела на дверь, за которой еще слышались недовольные вопли визитерши, с явной брезгливостью.

— Ты должен прекратить это, — пробормотала она, обращаясь к Гудвину, осуждающе покачав головой.

— Никому я ничего не должен! Ясно, сестренка? — агрессивно огрызнулся парень, но глаза при этом опустил. — Тут все по справедливости!

— Что справедливого в том, что я вижу? — нахмурилась Влада.

— Все эти разожравшиеся олигархи думают, что имеют право покупать красивых баб, пользоваться пару лет, а потом избавляться как от мусора, меняя на следующих. Так что же плохого в том, что я делаю для некоторых из них волшебный порошок, что подсаживает их муженьков на секс с собственными женами, как на наркоту? Честная сделка. Они купили смазливых кукол, куклы за их же бабки нашли способ не дать вышвырнуть себя на помойку, из которой выбрались. Мужики получают неземное блаженство, хитрые телки кайфуют от их щедрости, я гребу свою копейку. Благодать, семейное, мать его, счастье и гармония. Никаких измен, крепкая семья, все вокруг в восторге!

— Это убивает их, — с упреком сказала Влада.

— Ну что тут поделаешь? Такова жизнь. Куклы тоже имеют шанс сдохнуть с голода, если их бросят.

— Это не так. И то, что ты делаешь, неправильно.

— А мне плевать! Выметайтесь уже!

— Ты должен найти другой способ реализовать свой дар! — упрямо повторила Влада.

— Посмотрите, кто меня этому учит! — скривился мальчишка. — Ты, как я посмотрю, реальный образец гармонии и мира с собой! У тебя это прямо-таки на лице написано!

Влада резко вдохнула и вздрогнула, как от пощечины, и это окончательно вывело меня. Схватив придурка за грудки, встряхнул так, что зубы клацнули.

— Не смей, мать твою, так с ней разговаривать! Ты мелкий отравляющий своим дерьмом все вокруг паразит!

— Я, может, и паразит. А вот ты себя мнишь хорошим парнем и защитником, мент. А, думаешь, ее сможешь защитить? От себя самой? Хрен! — даже находясь в таком положении, Гудвин продолжал язвить и, наклонив голову, посмотрел на Владу. — Не ведись на него сестренка! Он слабак и ничего тебе не даст. Только сделает все хуже!

Влада положила руку мне на плечо и сжала. Я отпустил Гудвина и брезгливо отряхнулся.

— Пожалуйста, подумай, Гудвин, — сказала женщина и потянула меня за рукав. — Идем, Антон.

— Я позвоню тебе, сестренка, — прозвучало в ответ. — И ты мне можешь позвонить, если вдруг невоготу станет. Я своим всегда помогу.

— Такая помощь мне не нужна, — ответила Влада уже от двери.

— Не зарекайся! — выкрикнул мальчишка неожиданно зло, когда мы уже шли по коридору.

Внешне я старался хранить спокойствие, но внутри все просто кипело. Нет, конечно, меня не поразил до глубины души тот факт, что Гудвин оказался тоже с какого-то рода способностями, хотя и мелькнула мысль — сколько же таких людей на самом деле вокруг, и как часто лично мне приходится с ними сталкиваться, даже не подозревая об этом. Очевидно, если наше общение с Владой продолжится, то я вскоре получу больше информации об этом.

— Антон, вы сердитесь на меня, — нарушила напряженное молчание женщина, когда мы уже выехали из этого района ухабов и помоек.

— Ага, теперь мы снова на «вы»? — Ну да, производственная необходимость отпала, и откатываемся к прежним позициям. — Можно «тыкать» при посторонних, но наедине с этим проблема?

— Нет, нисколько. Но вы... ты не сказал, на что сердишься.

Нет, она еще спрашивает!

— Влада, — глубоко вздохнув, начал я, стараясь сдерживаться. — За каким таким... надом ты дала свой номер этому мелкому уголовнику? Ты хоть понимаешь, как это может быть опасно?

— Не думаю, что это может мне чем-то угрожать, — как мне показалось, почти легкомысленно ответила она и отвернулась к окну.

— А стоило бы подумать! — рявкнул, уже не сдержавшись, и Влада вздрогнула, но, однако, испуганной не выглядела. — Ты женщина, живешь опять же одна, сотрудничаешь с

полицией. Все эти обстоятельства автоматически делают тебя мишенью для всякого рода ублюдков и криминальных элементов, которые захотят сделать какую-то гадость просто так.

— Если человек хочет кому-то сделать гадость, то просто сделает, и все перечисленные тобой причины не будут для него важны! — Влада возражала мне спокойно. Похоже, она и правда не понимала.

— Однако же они повышают вероятность! — гнул я свое. — Черт с ним с Гудвином, но впредь вам следует не забывать о собственной уязвимости!

— Ну и что мне сделать? Сменить пол? Завести собаку или любовника, способных защитить меня? Или отказаться от сотрудничества с органами? Ничего из этого я сделать не могу, так что стоит ли так реагировать?

Несмотря на обреченность общего смысла сказанного, Влада почему-то улыбнулась, сбивая меня с мысли и развеивая желание и дальше отчитывать и наставлять ее.

— Почему же не можешь? — моментально забыв о раздражении, я не смог удержаться от ответной улыбки, вот только от моих усилий оставаться в прежней строгой роли она вышла, наверняка, кривой.

— В смысле? Сменить пол? Мне нравится быть женщиной. — Веселья на лице Влады добавилось, и крохотные морщинки, как лучики, брызнули в уголках ее темных глаз, а тонкие ноздри вздрогнули, и я ничего не мог уже поделать со своей реакцией на нее, лишь смириться с ее наличием и остротой. — На собачью шерсть у меня аллергия. А почему я не могу прекратить работать с полицией, ты и так знаешь.

— А что насчет любовника? — Вот и зачем я сейчас развиваю эту тему? Это что, как-то относится к первоначальной теме разговора?

Затем, что мне любопытно, есть ли претенденты, и раздражает мысль о самой возможности их наличия. И это ненормально. Абсолютно. Мысленно я выдохнул и махнул рукой на собственные прежние установки. Не от того, что был непоследователен, а потому что ни черта они не срабатывали. Ладно, я умею быть достаточно честным с собой, чтобы признать наличие далеко не профессионального интереса к этой женщине и всем аспектам ее жизни, и это даже несмотря на то, что мы знакомы всего ничего. И это опять же странно. Нет, не столь быстрое возникновение интереса. Все мои, с позволения сказать, отношения имели более чем стремительное развитие, и любую другую я бы уже или уложил в постель, или выбросил из головы в случае резкого и однозначного отказа. И ни черта меня раньше не интересовало наличие парней-мужей-любовников у них. Как и то, чем и как мои партнерши живут и дышат, когда не со мной. М-да-а-а, похоже, работа в постоянной связке с напарником-женщиной как-то неправильно влияет на меня. Чем больше я стараюсь удержать себя в рамках, тем больше концентрируюсь на самой Владе, как таковой.

— Несколько затруднительно срочно найти мужчину, да еще готового противостоять всяким уголовникам. — О чем это она? Ах, да, возможные любовники. — Но в любом случае я считаю, что, дав номер Гудвину, я поступила верно. Он совсем не плохой парень и когда остынет, то поможет нам. Поверь.

— Хотел бы помочь — помог бы сразу! А вот возможность названивать тебе у него теперь есть! — Вот прямо бесит сама мысль об этом.

— Я не против его звонков. Возможно, мне удастся переубедить парня, и он изменит свою жизнь.

Нет, а я думал, что я один такой фантазер-идеалист остался. Хотя, нет. Несправедливо. Это частая беда и заблуждение женщин в силу их душевной организации. Они вечно думают,

что добротой, участием и заботой можно исправить любого мерзавца, закостенелого кобеля или алкаша законченного. За это и страдают сплошь и рядом.

— Ага, перестанет торговать дурью и снадобьями, за которые ему отваливают полные карманы, и пойдет работать скромным химиком или начнет создавать лекарство от рака. Ну как же! — крутанул я рулем и яростно посигналил пытающемуся втиснуться впереди нас придурку.

— Антон, ты несправедлив к нему! Совсем не просто быть не таким, как все, и найти свое место в жизни и к тому же избежать всех тех, кто попытается использовать тебя и твои способности так или иначе. По крайней мере, он не работает на какой-то наркокартель, создавая все новые варианты отравы в промышленных масштабах.

— Ну да, не работает! Потому что, по сути, организовал свой собственный картельчик для нужд избранных! Влада, не надо наделять засранцев, как этот Гудвин, ореолом мученичества и глубоко спрятанной порядочности только потому, что они не такие, как все!

— Мы можем не спорить, а просто дать Гудвину время? — Вот что за упрямая женщина!

— Легко! Но только ты станешь мне рассказывать о вашем общении, и если я узнаю, что он тебе звонит, чтобы просто мозг повыносить, навязать свою компанию или, не дай Бог, дурь опять предложить, то я разнесу к хренам собачьим всю его богадельню и пол их говнорайона в придачу, оторву и в задницу засуну его умелые ручки... — Тут я завис, понимая, что несую то, что в принципе говорить почти посторонней женщине не должен, и решил закруглиться, буркнув: — Прошу прощения за мой французский!

— Ладно, — только и ответила она, похоже, нисколько не рассердившись на мою наглость.

Влада всю оставшуюся до конторы дорогу молча смотрела вперед, и я был необычайно благодарен за то, что она не стала развивать тему и спрашивать меня, с чего это так реагирую, будто у меня есть права ей указывать, с кем общаться, а с кем нет.

В кабинете мы устроили уже ставшее ритуалом чаепитие, поделились с Василием новостями, он нам показал, что еще нарыл в сети по делу. После у меня ушло около двух часов на попытку написания обтекаемых отчетов начальству, от сочинения которых меня постоянно отвлекало наблюдение за общением моего помощника с Владой. Они сидели плечом к плечу перед экраном компьютера и что-то увлеченно рассматривали, обмениваясь редкими, настолько тихими репликами, что у меня в ушах стало звенеть от попыток уловить, о чем речь. Просто игнорировать странное ощущение окружающей их атмосферы интимности у меня не выходило. В итоге я плюнул на канцелярщину и сказал, что на сегодня отбой, предложив развести всех по домам, потому как на улице начался дождь. Естественно, что первым доставили Василия. Когда же подъехали к дому Влады, я заметил свет и движение в одном из окон на втором этаже и вопросительно взглянул на женщину. Но она, казалось, уже не замечала меня и выскочила из машины, едва та остановилась, не говоря ни слова. Я, не дожидаясь приглашения, последовал за ней и увидел, что дверь дома распахнута.

— Бабушка?! — громко позвала Влада, практически вбегая в дом.

— Не угадала! — ответил хриплый голос, и в дверном проеме появился высокий грузный мужик с покрасневшим отекившим лицом и нагло ухмыльнулся: — Старой стервы тут нет, и тебе пора выметаться, чокнутая.

ГЛАВА 15

— Гражданка Киселева, следите за речью, а то я не посмотрю ни на что и моментально

организирую вам административный арест за оскорбление лиц при исполнении! — загрохотал грозным голосом Варавин и был в этот момент весьма убедителен. Не знал бы его, сам бы испугался!

— А чего она! — и не подумала понизить тон нерадивая мамаша и только добавила визгливых истеричных ноток. — И у вас права такого нету! Это я тут пострадавшая! Я на вас жалобу! Прокурору!

— Ну-ка унялась, грамотная! — уже откровенно рявкнул Никита. — Села и на вопрос эксперта отвечай!

Я уже подумал вмешаться, но как-то расстановка сил — два прессующих мужика на одну, пусть и неприятную особу женского пола, это не по мне. Как ни крути, все же она мать жертв и имеет право на любые реакции. А вот Варавин тут — хозяин тайги, земля его, сам пусть и злобствует. Тем более Владу все агрессивные выпады Киселевой, похоже, нисколько не задели. Она стояла с видом человека, который невозмутимо переживает временное неудобство, пока женщина напротив орала, ругалась и брызгала слюной. Эти метаморфозы в ней, резкие перемены от возбужденности и предельной восприимчивости и ранимости к полной глухой закрытости и непробиваемому внешнему равнодушию завораживали и даже слегка пугали меня. Киселева же как-то быстро угомонилась, как будто пенная и шумная волна ее стихийной агрессии разбилась о сплошную стену Владиной ментальной обороны и стремительно утратила силу. Уже через пару минут женщина сдулась и опять разрыдалась. И вот в этот раз это уже были слезы совсем другого порядка. Настоящего горя, потери, а не эгоистичного самосожаления, как ранее. От этого в комнате как будто резко упала температура, и меня пробирало до костей каждым тихим всхлипом. Влада тоже тут же изменилась, неуловимо открываясь и снова обращаясь в живой радар, ловящий исходящие вибрации человеческих душ. Она подошла к Киселевой и положила руку на ее плечо в жесте извечного, абсолютно искреннего сочувствия, которое, впрочем, никогда не приносит облегчения, разве что делает все хоть немного терпимей. Или так только со мной?

— Катька... она... да... особенная была, — наконец сквозь всхлипы заговорила Киселева, не оттолкнув, а наоборот, накрыв, почти вцепившись в ладонь Влады своей. — Но не плохая! Нет! Нет! А они все... Ведьма-а-а-чка! Черный глаз! А она добрая! Любила меня... Я как совсем плохая приходила... падала бывало. Ирка — та на меня кричать, стыдить. Мол, не мать ты, а позорище! А Катька молча до кровати тащила, мыла, укладывала... — Брови женщины резко сошлись, выражение лица стало непримиримым, а кулаки снова сжались. — А они все сами виноваты! Так и надо им!

— Гражданка Киселева, давайте уточним, кого вы подразумеваете под «всеми»? — Никита хмурился и старался произносить сухие формальные слова как можно мягче.

— Да наши, немовцы же! Они ее с детства невзлюбили! А все соседка покойная, баба Лена! Вечно ходила по селу, сплетни обо мне носила, девчонкам, как подросли, болтать всякое обо мне стала. Дура проклятушая, чтоб ей покоя и на том свете не видать! — выкрикнула Киселева куда-то в потолок, потрясая кулаками. — А я им какая-никакая, а мать! Ирка — та всегда в слезы. Катька никогда не плакала, а как зыркнет исподлобья, и у старой змеюки то сердце тут же прихватит, то ноги отнимутся. А по мне так поделом, за язык ее злой! Вот и начала баба Лена всем талдычить, мол, Катька Киселева — ведьма самая настоящая растет, и таких топили раньше в деревнях! И прилипло! Да так, что от нее на улицах шарахались и крестились. В школе кто не общался, а кто и насмехался. Один раз пацаны даже камнями кидались. А когда пара случаев... разных... с такими вышло, так и

поутихли! Только кто доказал, что это Катюха моя виновата?! Никто! Нету никаких доказательств!

Женщина прекратила всхлипывать, но слезы не переставая текли по ее щекам.

— А она ведь лечить могла! Катюха-то моя. Мне на голову больную руку положит — две минуты и хвори как не бывало! Ушибы и ранки младшим заговаривала... — взгляд Киселевой стал отстраненным, будто она ушла в себя, а на лице появилось бледное подобие горькой улыбки. — Говорила мне: «Мам, я тебя от водки-то вылечу. Обязательно! Только старше стану и научусь это делать». Вот и стала-а-а!

Женщина закрыла лицо руками и снова сорвалась в рыдания. Я же, кивнув Никите, чтобы он продолжал без нас, указал Владе взглядом на дверь.

В коридоре мы столкнулись с мнущимся под дверью Агафоновым, и парень прижался к стене, пропуская нас и явно не сильно стремясь вернуться в кабинет. Не могу сказать, что не понимаю его. Но если уж впрягаешься в эту работу, нужно быть готовым ко всему. Особенно к тому, что не должно быть никаких личностных симпатий-антипатий.

Мы с Владой вышли на крыльцо, где еще ощущался терпкий запах сигаретного дыма.

— Итак, говори, — предложил я женщине.

Сам, в принципе, уже понимал, что за догадка родилась в ее голове, но хотел выслушать от нее. В конце концов, это больше ее территория.

— Я уверена, что у одной из девочек, у Кати, были определенные способности, и именно они-то и явились причиной разных способов их убийства, — покручивая пуговицу на куртке своими тонкими полупрозрачными пальцами, сказала Влада. — И, исходя из этого, думаю, что у прежних жертв тоже эти способности были, или, по крайней мере, наш маньяк был в этом убежден. Именно наличие особого дара и является основополагающим в вопросе выбора убийцей очередной жертвы.

— Так, погоди, не беги впереди паровоза! Нам до сих пор и личности убитых выяснить не удалось, а ты говоришь способности, — поднял я ладони, моментально представив себя на отчете у шефа с этой версией, и скривился. Ладно, пока даже думать об этом не стоит.

— Извини, Антон, — тут же смутилась Влада. — Я не имела права ...

— Простите-е-е-извините-е-е! — поддразнил я, напоминая о договоре, и она улыбнулась, смущаясь еще больше, но тут же стала серьезной. — Я не говорю, что твоя версия — чушь, как раз наоборот, Влада. Просто давай-ка прикинем. Первое, в чем нам нужно определиться, исходя из твоих предположений, это в чем смысл убийств? Он, или фиг с ним, сделаем допуск — она явно не испытывает ненависти к жертвам. Слишком уж аккуратно и по-своему бережно с ними обращается. За исключением только этой последней девочки, Иры Киселевой.

— Нет, он точно не возомнивший себя инквизитором или охотником на ведьм псих.

— Ну да, он псих совершенно другой формации, — пробубнел себе под нос.

— Здесь что-то совсем другое, — задумчиво продолжила Влада, пропуская мимо ушей мое замечание. — У меня почему-то такое чувство, что он чего-то пытается добиться от этих женщин, какого-то результата, а пока не выходит. Поэтому и такое обращение. Они для него типа неудавшиеся творения, что ли. А с Ирой... возможно, такая жестокость потому, что он надеялся, что она такая же, как сестра, а это оказалось не так. И на ней он сорвал свой гнев и досаду от очередной неудачной попытки.

— Ладно, если и так. Чего он может хотеть добиться, кромсая им кожу?

— Если бы я это знала, — тут же погрустнела Влада. — Если бы знала.

— Так, хорошо, пусть так. Чего и почему, это пока только в его долбаной большой башке, — заходил я по крыльцу туда-сюда, чтобы облегчить процесс соображения. — Давай о другом подумаем. Как он их находит?

— Если честно, даже боюсь произносить, но что, если он тоже особенный и может видеть или как-то ощущать таких, как я? — женщина сглотнула, как будто от этих слов у нее ком застрял в горле.

— Так, ты мне не якай тут! — ткнул в нее пальцем. — Никаких ассоциаций с собой или близкими!

— Еще одно правило? — чуть улыбнулась Влада.

— Точно! К делу, госпожа экстрасенс! Первые тела мы находили в городе, где есть огромное количество возможностей пересечься случайно, а значит, для убийцы выбрать свой объект. Но здесь-то глухая деревня и населения полторы калеки. Как и где он мог узнать о девочке с нужными ему способностями? Он местный? — Влада молча следила за моими ходилками-рассуждалками, кусая краешек губы, чем надо заметить слегка отвлекала. — Не делай так! — указал я на ее рот и, игнорируя удивленный взгляд, продолжил: — Но если так, то это реально палевно так гадить там, где живешь. Если только его совсем в собственном психозе не прикрутило. Бывает наездами? Опять же, любой приезжий тут на виду и на слуху. Не может же такого быть, что он, сука, за грибами поехал, а девчонок просто на дороге увидел и тут же понял, что одна из них нужная?

Хотя, исходя из моей практики, нужно признать, что чего только не бывает. И иногда просто уму непостижимо, как незначительная случайность или совершенно ничтожная хрень может стать причиной чьей-то гибели. Не там свернул, не тому в автобусе на ногу наступил, не на том, на ком стоило, взгляд задержал... И все — цепь событий запущена. А иногда и этого не нужно.

— А интернет, Антон? — прервала мое сползание в философствование Влада. — Дети сейчас большую часть своей жизни переносят в сеть. Там дружат, там влюбляются и общаются. Даже жизнь самоубийством могут покончить из-за негативного комментария!

— Да ты на мать их посмотри! — затряс я головой. — Если бы у них в доме компьютер завелся, она бы его скоренько на водку сменяла, вот тебе и весь интернет! Кто за него платил бы?

— Телефон? — пожала плечами Влада. — Его легко спрятать от матери.

— Возможно, но что-то я дико сомневаюсь. Откуда деньги на более-менее новую модель, что соцсети потянет? Но проверить надо, и поэтому вызову-ка я на завтра нашего повелителя клави — Василия.

— Да, он точно будет полезен, — согласилась женщина. — Даже если девочки сами не общались, рассказать в сети о Кате с ее способностями могли ровесники, одноклассники. Сейчас тысячи всяких закрытых сообществ, где общаются на абсолютно любые темы.

— Все верно. И вполне может быть, что наш маньяк там пасется, подыскивая новые объекты, а не выискивает их на улицах, узнавая с первого взгляда! — По тому, как застыла, а потом отмерла Влада, я понял, что ей мысль о том, что убийца находит жертв в интернете, а не пользуясь собственным даром, понравилась гораздо больше. Ай-яй-яй! Я ведь просил не проводить никаких личных аналогий!

— В общем, нам, как ни крути, пригодится Васек. Он и шарит в этих вопросах, и по возрасту ближе к этим школярам. Если опрашивать их придется, он быстрее с ними общий язык найдет и разговорит.

— Да, тут ты прав. Тогда что мы еще делаем?

— А мы сейчас в местный морг, я на тела гляну, — вспомнив о том, что сделал убийца с одной из сестер, я заколебался: — Тебе вовсе не обязательно меня сопровождать.

— Спасибо. — На лице Влады явно читалось облегчение, да и я был рад, что она не стала изображать стойкую железную леди и не спрятала от меня свою уязвимую сторону.

Вернувшись из морга, я застал Владу и Никиту в его кабинете, и она выглядела так, словно ей неуютно, что тут же меня напрягло совершенно непроизвольно.

— Антох, я тут предлагаю вам с твоей... коллегой у нас в коттедже сегодня заночевать, — преувеличенно бодро сообщил мне с порога бывший однокашник.

— С чего бы? — поднял я бровь, перехватывая хитроватый взгляд Варавина, и заметил, как порозовели бледные щеки Влады при его нарочитой заминке при озвучивании ее статуса.

— Вам же по-любому надо дом потерпевших осматривать? — Я сдержанно кивнул. — А нам тут еще канцелярии на пару часов, ночь уже будет. Так давай поездку в Немово до завтра и отложим? Айда ко мне! Баня, ужин нормальный, разговоры за жизнь.

— Нам бы не хотелось вас стеснять, — покачала головой Влада, а я зацепился сознанием за естественно произнесенное «нам».

— Да какое стеснение! Дом-то с расчетом на то, что родители с нами жить будут, строили, и в вашем распоряжении одна половина! — Никита стал подмаргивать мне, и у меня у самого чуть глаз не задергался от усилий не заржать от его намекающих гримас. — Дело-то оно никуда уже не денется. Моя Ольга только «за» обеими руками! Она у меня гостей просто обожает!

Я вопросительно посмотрел на Владу и понял, что ее смущает. Она видела этого пройдоху Никиту с его топорными сватовскими ужимками насквозь, а еще прекрасно понимала, что и я тоже в курсе, о чем речь на самом деле. Вот же дурень, Варавин. Он что думал, что нам только местечка для того, чтобы предаться разврату, не хватало?

— Если Влада не против, то я не откажусь. Только без бани, — пошевелил я спеленутой рукой.

— Вот я, блин, балда! — шлепнул себя по лбу сводник без стажа и погрузился. Похоже, его идеальный план нашего с Владой совместного совращения без бани трещал по швам. Мдя-а, бедный Никитос!

Я уже больше не мог сдерживаться, рот так и расползался. Влада за его спиной тоже улыбнулась, и в ее глазах появился какой-то совершенно новый огонек. Что-то весьма похожее на вызов или... обещание? Черт его знает, но на это моментально откликнулась моя неутомная нижняя, мать ее, чакра. И в этот раз у меня не нашлось доводов, чтобы приструнить ее чрезмерные ожидания.

Спустя несколько часов, пары рюмок хорошего коньяка и душевных посиделок на Варавинской огромной кухне за столом, который ломился от всяких божественных угощений, сотворенных Ольгой, нас с Владой, уже изрядно разморенных, технично спровадили-таки во вторую пустующую часть дома.

— Эх, жаль все же, что ты мою баню не оценишь по достоинству! — горько вздохнул Никита, провожая нас.

— Да ладно, в другой раз, Никита! — похлопал я его по плечу.

— Да чур меня! — потряс он головой. — Тебя же кроме как по делу не вытянешь, а мне такого на моей земле не надо больше! И это по гроб жизни снится будет!

— Размяк ты тут. Хотя на таких-то харчах, какими твоя Ольга потчует, кто хочешь размякнет! — я пихнул его здоровым плечом, поддевая. — Эх, вот и достаются же кому-то такие чудо-женщины! Отбить, что ли?

— Я те, Чудо, за мою Ольгу голову отобью! И еще могу чего не сильно нужное оторвать! — почти всерьез насупился Варавин, но тут же оттаял и ехидно ухмыльнулся: — Себе вон под нос посмотри! Сладких вам, Влада!

Оставшись наедине, мы с ней стали оглядывать приличных размеров гостиную, оформленную в простоватом кантри-стиле, но очень уютную. Вообще все в довольно большом деревянном доме Варавиных было буквально пропитано этим ощущением домашнего тепла и ничем не нарушаемого спокойствия.

— Что, снова будем спорить, кому достанется диван? — спросил я, рассматривая этот предмет мебели, чтобы побороть невесть откуда опять пришедшую неловкость.

— А разве мы это не выяснили раз и навсегда? — усмехнулась Влада и, сделав несколько быстрых шагов, плюхнулась и посмотрела на меня довольно и торжествующе, а мне от этого живого дразнящего блеска в ее глазах будто в живот врезали комом концентрированного возбуждения. Зараза, что-то держать дистанцию становится все сложнее. Тут же вспомнился секундный полный контакт наших тел тогда у машины, и стало только хуже. Собственно, я уже толком и не понимаю, зачем корчу из себя стойкого оловянного мента, ведь Влада не слепая, да и моя на нее реакция более чем очевидна.

— Это неспортивно, госпожа экстрасенс! — упрекнул я и с тоской покосился в сторону ванной. — Баня, конечно, баней, но как же в душ охота! Я под этими повязками уже весь чешусь.

А еще неплохо бы снять напряжение единственным доступным сейчас образом, а то как бы, Антоха, чудить чего ты не начал.

— Ну, тогда у нас только одна проблема, Антон, — поднявшись, Влада подошла ко мне и стала вполне деловито расстегивать рубашку. — У нас нет сменной одежды.

Черта с два мой мигом подпрыгнувший член с ней согласился. «Ни одного презерватива с собой, вот это не проблема, а прямо катастрофа!» — завопил бы он, если бы мог. Как все же хорошо, что членом мы иногда думаем, но не говорим! Вот было бы извечное позорище! По крайней мере, у меня рядом с этой женщиной точно. Болтал бы не затыкаясь небось, гад!

Когда, покончив с рубашкой, Влада взялась за мой ремень, я только и мог, что возвести очи к потолку и повторять себе, что мой стояк она уже видела, и ничего такого тут не происходило. Ага, обычное дело! А в голове зашумело от усталости, а вовсе не от того, что она опять опускалась на корточки, чтобы раздеть как маленького. Твою же дивизию, у меня никогда не было проблем с тем, чтобы донести до женщины свои желания, да так, чтобы она прониклась и пошла мне навстречу! Чего же сейчас стою тут, как соляной столб, во рту сухо и ни единой связной мысли?

— Ногу подними, Антон! — Горячие пальцы скользнули по бедру, и я со свистом втянул воздух и просто уже не смог не посмотреть вниз. Господи, да так же и от сердечного приступа помереть на месте недолго! Влада медленно поднимала глаза от моего члена, дернувшегося под боксерами прямо перед ее лицом, и потемневший взгляд ее был однозначен. Выражение сиюминутной и неподконтрольной жажды близости самого примитивного и древнего из всех возможных человеческих взаимодействия читалось безошибочно. А может видеть, а точнее, всем нутром чуют подобное — это мой личный дар? Ага, дар быть кобелем, который точно знает, где пахнет сексом.

— Я... — сглотнул, вышагивая из брючины. — Я не смогу дать тебе ничего, кроме этого. Секс ради взаимного удовольствия. Я на большее просто не способен.

Влада с этим ее откровенным, ничего не прячущим взглядом вызывала просто невыносимое желание быть честным с ней в каждом слове, прикосновении, даже если прямо сейчас это будет означать гигантский облом для меня.

— Я возьму что есть. Большого не попрошу, — с грустной улыбкой ответила она и уже намеренно нежно провела по второму бедру, напоминая, что штаны надо снять до конца, и заставляя мои яйца сжаться, а член снова задержаться в предвкушении.

Секундный вой предупреждающей сирены в мозгу я послал к чертям. Нам вместе дальше работать? Секс между такими, как мы, паршивая идея? Во что это может превратиться, пойдя что-то между нами не так? Да гори оно огнем! Кого это сейчас вообще волнует!

Обхватив ее затылок, я потянул ее вверх, к своему лицу. Наклонившись, встретил дрожащие губы на полпути. Поцелуй в первый момент из-за столкновения наших ртов вышел жестким, каким-то неуклюже-варварским, соленым от капельки крови в треснувшей губе. Но едва мы выпрямились, Влада обвила мою шею и мягко потянула за волосы, на секунду тормозя мое агрессивное нападение. Твою же ж... Оголодавший и слегка дикий Антоха немного слишком для нее? Но оказалось, что этой женщине просто нужен собственный контроль. Обхватив мое лицо, она провела по моим губам своими и стала целовать мягко, начиная с едва уловимых касаний, обжигая нежных и при этом настойчивых. Так, будто пила меня, вкушала медленно и бесконечно сладко. Черт, «сладко» — словечко не из моего лексикона. Не тогда, когда речь идет о сексе. Но сейчас по всему моему телу от каждого нового контакта наших ртов и трения языков растекалось именно это тягучее и неодолимо прекрасное ощущение. И я бы ни за что не захотел сейчас отказаться от него, сорваться в другой темп, рвануть вперед. Нет, в этом моменте времени существовала лишь эта влажная умопомрачительная ласка, взаимное смакование, поглощение и этого пока было настолько достаточно, что я не роптал бы, продлись это хоть вечность и останься без всякого продолжения. Хотя нет. Это я уже слухавил. От желания оказаться внутри этой женщины мой стояк был болезненно-каменным, а яйца уже завели тоскливую песню про синий иней. И как она могла раньше мне казаться веселой и задорной?

Но все ведь в курсе, что судьба по натуре сука и насмешница? Что касается меня, это точно так.

От настойчивого громкого стука мыльный, сияющий, как гребаная радуга, пузырь нашей с Владой интимности лопнул, оставляя моргать и захлебываться дыханием, шокированно пялясь друг на друга.

— Антоха! — заорал Никита сквозь дверь. — Отдых отменяется! У нас опять ЧП!

— Да каково же хрена! — простонал я, отпуская Владу, ощущая себя так, будто меня наживую от нее отдирают.

— Запомни это! — сказал, быстро проведя пальцем по ее припухшим сейчас губам. — Это не конец, и мы обязательно продолжим!

Бросив последний сожалеющий взгляд на женщину, которую больше всего хотел сейчас видеть голой и потной под собой, я распахнул дверь.

— Варавин, вот прямо сейчас я тебя ненавижу и даже прибить могу! — предупреждающе прорычал ему в лицо.

— Антоха, не моя вина! — извиняющимся тоном пробормотал он. — Тут просто такое

дело... Немовский участковый звонил, наряд вызвал. У него там народные, мать их, волнения. Похоже, душегуба вашего поймали!

ГЛАВА 16

Несколько часов в суде промчались, как обычно, быстро для меня. Я всегда стараюсь максимально ответственно подходить к подготовке и сосредоточиться, так что собеседник из меня в такие моменты абсолютно никакой.

Влада же и не настаивала на общении, не задавала лишних вопросов и не мельтешила перед глазами. Она следовала за мной как тень и держалась очень отстраненно. Причем по отношению не только ко мне, но и вообще избегала останавливаться на ком-либо пристальным взглядом. В какой-то момент я, обернувшись, заметил, что она сидит в глубине зала и смотрит просто в потолок с отсутствующим видом.

Наверное, для нее весьма непросто находиться в подобном месте, но когда спросил, не стоит ли ей подождать меня, где-нибудь прогуливаясь, она молча покачала головой, сохраняя нечитаемое выражение лица. Но скрыть облегченного выдоха, когда мы, наконец, покинули не только здание, но и парковку перед зданием суда, она все же не смогла. Как и радостный блеск в глазах, когда она вертела головой, охотно рассматривая прохожих и вообще всех в окружающих машинах. Было такое ощущение, что она жадно сканирует все вокруг, как человек, долгое время вынужденный хранить неподвижность, который потом старается размять затекшие мышцы. И я твердо решил, что когда будет предварительное слушание по делу Сыроевой, я найду повод оставить Владу в отделе. Доберусь как-нибудь сам. Видеть снова ее в таком же состоянии как тогда я не хочу.

— Есть предложение перекусить и поехать опрашивать соседей и знакомых нашей жертвы разбоя, — сказал я, когда Влада аккуратно вырулила на проспект.

— В любом случае командуешь тут ты, Антон. Как скажешь, так и будет, — спокойно пожала плечами Влада, а я вдруг вспомнил о необходимости уже написать бы первый отчет о нашем взаимодействии и скривился.

— Что? — тут же встревожилась женщина. — Что-то болит?

Пока нет. То есть, конечно, ключица ныла, но это ничто по сравнению с тем, как будет болеть совесть, если напишу так, как хочет начальство, а если нет, то вполне может пострадать моя задница и остальные ценные части тела, которые мне как родные.

— Нормально все.

В кафе быстрого питания мы застряли в огромной очереди, так как умудрились попасть точно на время обеда в большинстве окружающих офисов, и, едва забрали свой заказ, подал голос мой телефон. И тут же моя несчастная пятая точка учуяла запах неприятностей. Взглянув на экран, я увидел, что звонит Никита Варавин. Мы учились вместе, но его городская жизнь не прельщала, и он вскоре после выпуска перевелся в родной РОВД районного центра, «удачно» женился на дочери тамошнего главы и сейчас уже дослужился аж до целого его замначальника. Не то чтобы конкуренция была там великая. И да, я не завидую, мне оно сто лет не нужно.

— Чудинов, на моей земле тут два трупа, и, как меня обрадовали, они, похоже, на твою шею! — выпалил бывший сокурсник, даже не удосужившись поздороваться.

— И тебе привет, друг мой Никита! — ответил, засовывая бумажный пакет с фаст-фудом подмышку, и рыкнул, делая грозную рожу в сторону какого-то придурка, сильно толкнувшего Владу, которая в этот момент зависла, глядя на кого-то в толпе. — Я тебе сейчас дам по печени!

— Ты это мне? — фыркнул Варавин.

— На данный момент не тебе, но ты же знаешь, за мной никогда не заржавеет! Очень не люблю невежливых людей! — сказал в трубку, но так, чтобы торопыга хорошо расслышал даже в общем шуме.

Парень, глянув на мою повязку, кажется, долю секунды размышлял, стоит ли ответить мне не слишком вежливо, но волшебная сила моего недружелюбного взгляда убедила его в обратном. Пробормотав извинения, он стал протискиваться подалее от нас.

— Мне тут не до приветов, Чудо! — резко сменил тон Варавин и повысил голос. — Ты меня слышал вообще? Два трупа, говорю, у меня! Один обезображенный!

— Все я слышал. Два трупа, — несколько человек с подозрением покосились на меня, и я мило оскалился в ответ. — Ну, во-первых, чего ты истеришь, чай не в детском саду работаем. А во-вторых, почему ты решил, что они по моей части?

— Слушай, это у вас там в городе девок направо-налево режут и насилуют, прости Господи! А у нас ЧП районного масштаба, между прочим! Наше — это дебош там, по пьяной лавочке прирезать друг друга могут или башку проломить, опять же зимой в снегу замерзнуть, но не такое же! Я фото с места отправил к вам, они сказали, что это, по всему, то дело, что ты ведешь. Вот я и решил воспользоваться личными связями в служебных целях, не дожидаясь, пока оно по цепочке-то дойдет. Экспертов к нам уже выслали, так что и ты давай, лыжи поворачивай и сними уже этот камень с моей шеи!

Нет, ну ты посмотри, как быстро людей портит сидение в начальственных креслах. Уже и командные нотки прорезались!

— Погоди-ка, Никита! Что-то ты рановато мне приказы раздаешь. Ты сказал два трупа?

— Два. Девчонки-близняшки, — он уже явно раздражался.

— Тогда это точно не мои трупы! — Еще пара девушек, с интересом разглядывавших меня, попятились подалее, обменявшись шокированными взглядами. — Мои всегда по одному. Так что рад был услышать, но поищи другую шею для этого камня.

— У одной вся кожа изрезана какими-то знаками, добита ударом в печень, завернута в пленку, как хренов подарок под новогоднюю елочку. Вторая явно изнасилована, следы жестоких побоев, горло перерезано от уха до уха, брошена была, как мусор, чуть поодаль от первой, — быстро перечислил Никита, и с каждым словом мое настроение падало на градус.

— Ладно, выезжаю, — раздосадовано ответил, мысленно прощаясь на сегодня с нормальным ужином в теплой обстановке. — Буду у тебя часа через два, может, больше, смотря как из города вытолкаюсь по пробкам.

— Давай, жду! Как раз и за жизнь покалякаем, — попрощался Никита.

— Вот же сука! — рявкнул в сердцах, отключившись, и окружающие шарахнулись от меня.

— Антон? — Влада все это время стояла рядом и встревоженно смотрела в лицо.

— Идем, Влада. Есть по дороге будем, — направился к выходу, сварливо бурча по пути. — Вот еще одна милая особенность нашей окутанной романтикой профессии. Зовется внезапный нежданчик.

— Все плохо?

— Да уж хуже некуда! У нас новое убийство, точнее, сразу два, и все мои прежние и без того скудные умозаключения по этому маньяку можно засунуть теперь... выкинуть в общем.

— Почему? — спросила она, уже усевшись за руль.

— Потому что теперь ясно, что ни с какими там фазами Луны активность этого урода

не связана. — Я залез здоровой рукой в пакет и достал картонную коробочку. — Плюс, кроме трупа с обычными для него повреждениями, там еще одно тело. А это уже тоже выход из обычной схемы поведения. И в этот раз он не только покинул ту часть города, в которой нашли первых троих, а вообще уехал более чем за сто километров отсюда. И это очень-очень паршиво! Что, если ублюдок по всей стране гастролировать отправиться? Я-то думал, у него где-то типа логово, где он девчонок полосует, но теперь выходит, что к месту он не привязан!

Я откусил изрядный кусок бургера и стал раздраженно его пережевывать. Как обычно, дурацкий соус так и норовил уделат мне всю рубашку.

— А может, он просто вывез трупы подальше в этот раз, по какой-то определенной причине? Скажем, оставить их в обычном районе у него не было возможности, или его что-то вспугнуло. Или жертвы родом из тех мест? — Влада задумчиво протянула руку и аккуратно вытерла салфеткой мои пальцы, ловя готовые сорваться капли, и даже протерла мой подбородок.

Может, меня и должно было возмутить такое обращение, будто я был неуклюжим дитятем, но она это сделала, похоже, совершенно машинально, абсолютно не вкладывая в прикосновение никакого левого подтекста. Так, словно проявлять такую мимолетную заботу о ком-то для нее так же естественно, как и дышать. И поэтому я просто сказал «спасибо» и продолжил:

— Местные они, или он их из города привез, нет пока данных. Все на месте узнаем. Но если вывез... — я замер, раздумывая. Мог ли наш визит к Гомону все же оказаться не бесполезным, и убийца так или иначе узнал о нем и поэтому сменил тактику?

— Думаешь, кто-то из окружения этого порно-художника сообщил убийце, что мы его ищем в подобных местах, и это изменило его привычное поведение? — тут же уловила ход моих мыслей Влада. — Тогда это не так уж и плохо потому, что дает хоть какое-то направление поиска.

— Может так. Или это чистой воды совпадение. А может, это Гудвин расстарался и предупредил ублюдка, в какую сторону мы копаем! — вот то, что этот наркокрысеньш знал гораздо больше, чем сказал, я просто уверен!

— Нет, — покачала головой Влада. — Он не стал бы.

— Только потому, что он такой, как ты, а не такой, как я? — ляпнул и тут же пожалел, что не прикусил вовремя язык. За секундный отблеск боли в темно-карих глазах и нервно дернувшийся уголок изящного рта стало стыдно так, что кусок встал поперек горла. Ну и мудак же я!

— Не в этом дело, — Влада мгновенно спрятала от меня свою реакцию, оставаясь такой же невозмутимой. — Гудвин не стал бы помогать убийце. Случайно, не зная всех обстоятельств — возможно. Но осознанно уж точно нет. И если честно, я боюсь за него.

Нахмурившись, она нервным движением разорвала салфетку.

— Почему? — Вот уж за кого, на мой взгляд, опасаться не стоит.

— Потому что он молодой и может сделать что-то необдуманно, — вздохнула женщина.

— То есть ты все-таки тоже считаешь, что он знает убийцу и скрыл это от нас? — Ну что тут сделаешь, мент во мне всегда берет верх.

— Скрыл что-то это точно, — легко согласилась Влада. — А вот то, что знает... Может, он думает, что знает, и исходя из этого попытается сотворить что-то опрометчивое. В результате пострадает сам.

— Ты предполагаешь или что-то видела... ну, ауру какую-то, или что оно там? — Может, я и на новой для себя почве со всеми этими экстрасенскими штучками, но, к счастью, всегда умел быстро ориентироваться.

— Эм-м-м... понимаешь, вокруг него и так столько всего. Мне сложно сказать точно. Все слишком вариативно и изменчиво, — Влада закусила губу, хмурясь. — Понимаешь, это как бы такой момент, когда еще никаких видимых признаков летального исхода для данного человека или того, что он будет причиной чьей-то смерти, вроде нет, но ты предчувствуешь, что они могут вот-вот появиться. Не знаю, как точнее это выразить.

М-да, все же понимание всего, что эта женщина пытается до меня донести, пока идет сложновато. Но надеюсь, со временем я смогу соображать быстрее и эффективнее, если это вообще возможно, учитывая, насколько мы по-разному думаем и воспринимаем окружающее.

— Знаешь, я считаю, тебе за него не стоит опасаться. Ты видела этих его дуреломов? Они за него кого хочешь в землю заруют, — нарочито легкомысленно отмахнулся я, но Влада мягко, но упрямо покачала головой, не собираясь со мной соглашаться.

— Антон, такие мальчишки, как Гудвин, очень болезненно относятся к подрыву своего имиджа. И если он будет уверен, что напортачил и сильно, то вряд ли захочет сделать близких к себе людей свидетелями исправления своих ошибок. Это как выставить себя дураком и неудачником на всеобщее обозрение.

— Ну и что? Пойдет геройствовать в одиночку? Кишка тонка у таких! — На самом деле в душе я соглашался с умозаключением Влады, но не хотел, чтобы она еще больше беспокоилась. Уж не о таком, как этот Гудвин, точно. Не заслужил!

— Хорошо бы так, — поджала она в сомнении губы. — Потому что, если по-другому, для него все может очень плохо закончиться. И не важно, причинят ли вред ему, или сделает это он сам. Сделанного будет уже не исправить.

Ну, я, допустим, не считал, что перспективы стать жертвой или напасть самому можно отождествлять, но, возможно, с какой-то другой колокольни, с которой на это взирает Влада, это и равносильно. Поэтому вступать в спор точно не собирался.

— В любом случае на контакт со мной он не пошел, так что я абсолютно ничего не могу сделать на законных основаниях для этого упрямого мальчишки. — А выискивать незаконные средства помочь этому засранцу я просто не хочу. И наплевать, кем меня это делает в итоге. Пусть радуется, что вообще после нашего randevu не посещает стоматолога, долго и мучительно. Особенно после предложения «улучшить» для Влады окружающий мир чудодейственным химическим путем.

— Ладно, — закрыла тему Влада. — Давай покушаем и будем трогаться. Я так понимаю, ехать нам неблизко.

Выехали мы на трассу на удивление быстро, и через минут пять Влада покосилась на меня.

— Что? — спросил я, перехватывая ее взгляд.

— Радио, — кивнула она на переднюю панель. — Можно я включу?

Вот, кстати, еще моментик из щекотливых. Машина — такая же моя территория, как и квартира, и даже сам факт, что я доверил руль Владе, это уже выход далеко за границы зоны моего комфорта. А тут еще и музыка. Ворчливый брюзга тут же вынырнул на поверхность сознания, бухтя что-то о том, что мол вот сейчас начне-е-ется! Ненавижу, когда, оказавшись в моей старушке, дамочки первым делом начинают фыркать и тыкать пальцами в магнитолау,

настроенную на мою любимую стацию, разыскивая или попсу галимую, или сопливую музычку, что, на их взгляд, должна создать ореол романтичности. Так и чесался язык ляпнуть: «Какая, к черту, гребаная романтика, детка! Мы едем тупо трахаться. Долго, грязно и потно, и ревуший старый рок как раз то, что надо в такой ситуации. За ним я почти не слышу твоей трескотни, и это чудно». Да, я в курсе, что редкая скотина в определенном плане... Ох, ладно, я, в принципе, такой, но нет смысла старого кобеля пытаться научить новым трюкам.

— Антон? — напомнила о себе Влада.

— Я люблю рок, — сказал я, непроизвольно набычиваясь и внимательно следя за ее реакцией. — Старый рок.

Привитая воспитанием вежливость сейчас во мне боролась с природной вредностью.

— Замечательно, что не шансон! — просияла женщина. — Я бы тогда предпочла тишину!

Спасибо, Господи! Вот вроде мелочь, но как же, блин, приятно! Включив сначала негромко, вскоре я добавил немного мощи, вот потому что это же невыносимо слушать такую музыку тихо. И с удивлением заметил, что Влада вся оживилась и стала тихонько подпевать моим любимым композициям, постукивая тонкими пальцами по рулю. Но когда заиграло вступление «Dreamer» и старичок Оззи запел своим чуть дребезжащим голосом, она, сверкнув на меня глазами, почти озорно, резко прибавила громкости, и остаток пути мы ехали, распевая во все горло. И пофиг, что оба безбожно фальшивили и моя старушка превратилась в самую настоящую музыкальную шкатулку на колесах. Главное, получали массу удовольствия, и я вообще не мог припомнить, когда ощущал себя настолько хорошо в обществе другого человека.

Прикрутили мы музыку, только когда пришлось свернуть с главной трассы на плохенькую дорогу, ведущую к нужному райцентру. Влада хмурилась и кусала губы, старательно объезжая ямы. Но когда все дорожное полотно — это одна сплошная колдобина, полностью избежать попадания в них невозможно. И каждый раз, когда ощутимо встряхивало, она немного виновато косилась на меня. Я отвечал ей стоической преувеличенно жизнерадостной улыбкой, чувствуя на самом деле, что каждый стон железа мне наматывает нервы на кулак. Вот и почему, когда не сам за рулем, и ям больше, и они заметно глубже?

Мы оба выдохнули с облегчением, когда оказались у здания местного РОВД. Варавин выскочил на крыльцо так, словно все это время только и делал, что сидел у окна, меня ожидаючи, как красна девица в тереме. Уже распахнул свои медвежьи объятия, но, заметив, что я практически спеленут повязкой, болезненно скривился, будто это у него болело. Вообще-то Никита всегда был очень хорошим парнем, реально сочувствующим людям, и я считаю, что он на своем месте. Если жизнь не заставит его скурвиться, то это будет прекрасно.

— Ну, привет, Чудо! Сто лет тебя не видел! — все же нашел он силы улыбнуться и покосился на Владу. — Супруга твоя? Наконец-то ты остепенился! Правильно, что вместе, моя Ольга будет рада познакомиться.

Влада смущенно прочистила горло, а я усмехнулся. Неужели, когда Никита звонил в управление, ему не насплетничали, что я теперь иду в комплекте с Владой? Даже странно, обычно языки как помело.

— Нет, Никитос. Ты рано обо мне так хорошо подумал, — похлопал его я по плечу

здоровой рукой. — Познакомься — Владислава Арифеева. Она... хм-м-м... приглашенный эксперт.

Никита прищурился и несколько раз перевел взгляд с меня на женщину и обратно, осторожно пожимая ей руку.

— Ну, как скажешь, — пряча улыбку, пробормотал он. — Но все равно очень приятно. Тем более вы приехали практически спасти нас.

— А то! Ну давай, показывай место происшествия!

— Слушай, Антох, дело-то к вечеру, темнеет рано, — замылся Варавин. — Трупы все равно в морге, фото на месте я лично сделал. Все как учили. Может, ну его, тащиться туда, и в моем кабинете в тепле все и посмотрим?

— Никит, вот скажи, и на черта мы сюда перлись, если все по фото смотреть? С тем же успехом мог бы, не отрывая задницу от стула, у себя в кабинете материалов дожидаться. Нет, давай-ка мы поедем и хоть с фонариками, но облазим там все. Я по-другому не могу, мужик.

— Вот как был ты в этом плане зануда, так и остался! — покачал головой бывший однокурсник.

— Ну уж какой есть. Ешьте — не обляпайтесь, — в тон ему ответил я.

— Ну ладно, ничего с тобой не сделаешь! Но дальше придется пересесть на чудо отечественного автопрома. На вашей туда не доехать.

Спустя минут пятнадцать мы уже безбожно тряслись в полицейском УАЗике, рассматривая березы и елки, проплывающие мимо.

— Ну что же, Антон, — сказала Влада, наклонившись к самому уху, чтобы перекрыть натужный рев движка. — Хоть все твои прежние умозаключения и подвергнуты сомнению, мы теперь узнали нечто новое. У убийцы обязательно должен быть соответствующий транспорт.

Конечно, это был самый очевидный вывод, и я к нему пришел, едва мы свернули в пролесок, но почему-то от того, что наши мысли двигались в едином направлении, мне захотелось улыбнуться, а не просто отмахнуться, буркнув: «Я и сам знаю!».

ГЛАВА 17

Влада выглядела разочарованной и растерявшейся всего долю секунды, но потом, бросив на меня короткий взгляд и подчеркнуто отвернувшись, пробормотала:

— Спасибо, что проводили, Антон. — И хоть только слепой не увидел бы в этом прямое указание топать восвояси, я его проигнорировал и, привалившись плечом к косяку, бодро ответил:

— Не стоит благодарности! — преувеличено жизнерадостно оскалился я. — Я бы чайку не против еще хлебнуть.

По тому, как напряглась спина Влады, понял, что она сейчас очень хочет избавиться от меня, но чутье да и обычная логика упорно твердили, что уходить нельзя ни в коем случае.

— Отваливай, фраерок, чай в другом месте гонять! — грубо влез красномордый. — И эту с собой прихватывай! Пусть отвыкает сюда таскаться заранее.

Влада резко выдохнула, словно смиряясь с моим присутствием, и, вздернув подбородок, агрессивно уставилась на этого обрюзгшего пришельца.

— Как ты попал сюда? — это уже не был ее привычный тихий голос, в нем скрежетали лед и угроза, в ответ на которую незваный гость нервно усмехнулся и переступил с ноги на ногу, пяясь. Не знаю, включала ли сейчас Влада эту свою суперсилу, способную заставить

обделаться, но просто даже в ее позе и языке тела было что-то... То самое, что пробиравало меня до печенок и завораживало, ну а окружающих, похоже, пугало до икоты. Но тут из глубины дома послышались еще грубые голоса и смех, и это моментально вернуло ему борзость.

— Не «ты», а «вы», психованная! Я тебе, как никак, дядька родной! — огрызнулся он.

Очень интересно. Родственник, значит. Но что-то не похоже, что Влада готова прослезиться от умиления при встрече.

— Ты мне никто! Бездельник и альфонс, присосавшийся к моей недалекой тетке и превративший ее в опустившуюся алкашку за ее же деньги! — женщина не повышала голос и говорила ровно, но в каждом слове была бездна отвращения. — Я спрашиваю, как ты попал в мой дом?

Несмотря на очевидную разницу в массе и силе, именно здоровенный мужик сейчас защищался, откланиваясь, как злобная, загнанная в угол шавка. Хотя и старательно делал вид, что он хозяин положения.

— Я ей в горло не заливал! Это вся ваша порода порченная, а я терплю и мучаюсь столько лет! А ключи мне бабка твоя дала! — Дядька выхватил из кармана связку ключей и насмешливо помахал перед лицом у Влады, вызывая у меня острое желание выбить этими железками ему зубы. — И ты тут особо не «моекай»! Скоро тут все наше с Ирккой станет, а терпеть тебя в своем доме мы не станем!

— Ложь все это! Бабушка сказала, что больше вам ключи не даст, после того как вы с теткой из дома все что можно вынесли, продали и пропили! Верни ключи и выметайся сам и тех, кто там еще с тобой прихватывай! — Влада требовательно протянула ладонь и мотнула головой, указывая на выход.

Мужик злобно сверкнул в мою сторону глазами и нагло выпрямился, демонстративно засовывая ключи обратно в карман.

— Че, думаешь, если хахаля подцепила, не успев из дурки выйти, так уже и смелая? Так мои дружки ему сейчас моментом рога пообломают и тебе навешают за неуважение к старшим. — При этом сам родственничек хоть и ухмылялся нахально, но попятился и оглянулся, явно собираясь звать подмогу. — И не стой тут с протянутой рукой, больная, я по пятницам не подаю!

Этот жирный боров заржал чрезвычайно довольный своей шуткой, а я решил, что наслушался, и с меня, в принципе, хватит. Резко, но аккуратно отстранив с дороги Владу, я дал ему по пузу, отчего его смех моментально стал придушенным бульканьем, и парой отточенных за годы движений уложил эту тушу на пол с заломленной рукой. Нежданный родственничек заерзал и заскулил, но особых попыток скинуть меня со спины и не сделал. Похоже, его насквозь пропитое и оплывшее тело было просто не способно на достойное сопротивление.

— Прошу прощения, Влада, — пробормотал я, заламывая вторую руку и сковывая их наручниками, выуженными из заднего кармана. — Надеюсь, ты не против, если я поприветствую твоего родственника соответственно его поведению?

Влада хоть и смотрела немного грустно, но возражать не стала.

— Я не против, и он мне не родственник! — повторила она.

— Сука! — завизжал мужик подо мной. — Какая же ты сука, как и мамаша твоя!

А вот это уже вообще лишнее было! Ублюдок тут же заработал совершенно случайный удар лицом об пол. Из разбитого носа потекла кровь, и сопротивление на время совсем

затихло.

— Кто еще в доме? — спросил я, поднимая голову этому уроду за его редкие засаленные волосы.

— Друзья мои, — ответил он, дезориентировано глядя в стену перед собой. — Колька и Серега!

— Что-то не спешат они тебе на помощь, — усмехнулся я, поднимаясь и прислушиваясь к звуку, очень напоминающему звон стаканов. — Видно, не до тебя.

Очевидно, от удара об пол поверженный немного подзабыл, зачем привел группу поддержки, но сейчас опомнился.

— Мужики! наших бьют! — истошно завопил он, пытаясь перевернуться, и зашипел уже мне: — Ты погоди, козлина! Сейчас тебе и сучке этой трындец придет.

— Годю, конечно, — кивнул я, доставая телефон и набирая номер нашей дежурки, и стал рядом с побледневшей Владой. — Не нужно нервничать, Влада, но на улицу выйти стоит.

Она уставилась на меня широко раскрытыми испуганными глазами, когда со стороны кухни в ответ на боевой клич нелюбимого дядьки послышались шум, ругань и топот. Все-таки хоть ты сто раз экстрасенс и суперженщина, но животного страха перед грубой силой никто не отменял, и это совершенно нормально.

— Но как же я брошу вас одного? — Женщина заозиралась в пустой прихожей, похоже, в поисках какого-то оружия, и я чуть не рассмеялся от умиления. Нет, со страхом это я, видно, погорячился.

— Влада, здесь и так тесно, не хочу вас задеть! Просто постоит снаружи, — попросил и протянул ей мой телефон. — Сейчас дежурный ответит, скажите ему, нужен наряд на ваш адрес. Проникновение на частную собственность и нападение на сотрудника и все такое. В общем, разберетесь! — отдав мягкий приказ, отвернулся, делая шаг навстречу двум бугаям, наконец выскочившим из кухни и ломанувшимся в нашу сторону.

На этот раз она послушалась и резко покинула помещение, торопливо говоря по телефону.

Первого выскочившего на меня высокого, но тощего лупоглазого детинушку я срубил ударом в челюсть, и он рухнул как подкошенный. Но в этот момент ублюдочный родственничек извернулся все же и врезал мне под колено ногой, отвлекая и почти лишая равновесия. Поэтому я чудом не пропустил удар водочной бутылкой по голове от второго архаровца, который, по меньшей мере, вырубил меня бы точно. Едва уклонился, и стекло тяжело обрушилось на левое плечо, лишая подвижности руку и окончательно выводя меня из себя.

— Ну ты, тварь, нарвался, — зарычал я от боли и ярости одновременно и стал молотить его одной правой, чего, в принципе, оказалось более чем достаточно. Уже через минуту на полу, пачкая его кровью, валялись три скулящих, безобразно матерящихся и мало сохранивших способность к передвижению тела. И именно этот момент выбрала запыхавшаяся Влада, чтобы нарисоваться в дверях с садовой ржавой лопатой наперевес и самым угрожающим из возможных видов. Ни дать не взять — амазонка на тропе войны! Не выдержав, я непристойно фыркнул и зашелся смехом. Она сначала покраснела и опустила свое страшное оружие, укоризненно глядя на ржущего меня.

— Я помочь хотела! — сказала женщина, впрочем, заражаясь уже моим приступом немотивированного веселья и улыбаясь. — А это все, что смогла быстро найти.

— Ну, по крайней мере, я знаю, что ты не бросишь меня, окажись я в жо... сложной ситуации, — хрюкая и утирая слезы, констатировал я.

— А ты другого ожидал? — с искренним удивлением спросила Влада.

Ответить я не успел, потому что вой сирены и проблесковые маячки сообщили о прибытии наряда. Когда дежурные грузили беспокойный груз в машину, Влади́н дядька опять стал ругаться и сыпать угрозами.

— Все равно домик-то мы отожмем! — вопил он. — Бабка-то при смерти, чокнутая. А как перевернется, все нам достанется! А тебе, защитник херов, ни хрена не обломится тут! Еще и замочит тебя эта сука полоумная, как тех пацанов бедных!

Проводив машину дежурных и пообещав завтра оформить задержанных как полагается, я вернулся во двор и увидел Владу, которая стояла привалившись спиной к стене дома. Ее и без того лишенное румянца и загара лицо сейчас казалось еще бледнее обычного, губы сжаты в белую напряженную линию, а взгляд был выжидающим и обреченным одновременно. Она опять была похожа на человека, готового немедленно защищаться, и это резануло мне по нервам, вызывая острую досаду. И поэтому, несмотря на то, что язык буквально чесался, решил, что время докапываться до сути не подходящее.

— Так что, я могу рассчитывать на кружку чая за помощь в устранении бардака? — подмигнув, спросил я.

По тому, как медленно изменилась вся поза и выражение лица женщины, понял, что совсем не этого вопроса она ожидала в первую очередь. Ну что же, не только вам меня удивлять, госпожа экстрасенс. Антоха... он тоже кой-чего может.

— Тебе совсем не обязательно мне помогать, — опустил глаза, ответила Влада.

— Здравсте, ты за меня на отморозков с одной лопатой готова была пойти, а я тебе прибраться не помогу? — На скулах Влады вспыхнули пятна, выдающие смущение, и она с улыбкой покачала головой и, похоже, окончательно отпустив напряжение, пошла внутрь. Ну вот так-то лучше, чем стоять, как перед расстрелом. Вместе мы очень быстро навели порядок и в прихожей, и на кухне, где троица незваных гостей насвинячила отменно. Когда я наконец получил свою кружку чая и обосновался на подоконнике, Влада уселась рядом, так что наши плечи и бедра почти соприкасались.

— Ты ведь знаешь, что нельзя здесь оставаться одной, пока не сменишь замки? — я не столько спрашивал, сколько настаивал.

— Почему? — удивилась Влада. — Ты ведь забрал у дяди ключи.

— А кто сказал, что у него нет дубликатов?

— Но ведь он и его дружки все равно будут пока в отделении, — пожалала она плечами.

— Будут, конечно, — кивнул я и хлебнул кипятка из единственной кружки. — Но всегда может в отместку позвонить кому-нибудь и попросить прийти и доставить неприятности. У таких типов полно собутыльников, готовых сделать гадость, если за нее проставятся или проплатят.

— Да нет у него денег, — отмахнулась Влада. — Они с теткой все, что могли, пропили. Она до встречи с ним вполне успешной была, хоть и одинокой. Встретила этого... Моложе себя, тогда еще симпатичный был, слова правильные и красивые говорил. Мама сразу сказала, что он дерьмо. Но тетя Ира и слушать никого не захотела. А он и присосался к ней, как клещ. Споил постепенно и сам спился. Если бы не бабушка, они бы давно и этот дом продали, и деньги спустили.

Влада говорила отрывисто и задумчиво, глядя перед собой, и я задавался вопросом, что

за картины она сейчас видит в своих воспоминаниях.

— Ну, я так понимаю, что состояние бабушки серьезное, если этот деятель явился сюда с притязаниями, — вернул я ее к насущному.

— Похоже на то, — плечи женщины опустились, и лицо помрачнело, как будто его накрыла тень.

— Ты не в курсе? — удивился я.

— Нет. Она... не общается со мной, — Влада резко махнула головой, чуть скривившись, как от неожиданной боли. — Я — разочарование.

Твою мать, ну вот кто меня за язык тянул с этими расспросами. Но раз уж начали...

— Но когда ты пришла, то ожидала ее увидеть.

— Просто подумала... мало ли. Вдруг что-то изменилось, — она закусила губу и дергано пожала плечами, скрывая неловкость.

Влада опустила голову и зажала обе ладони между коленями, выдавая вновь возросшую нервозность. Глубоко вдохнула и выдохнула, явно решаясь.

— Спроси меня, — тихо сказала она.

— А ты уверена, что готова рассказать?

— Скорее всего, нет и никогда не буду, — снова тяжело вздохнув, ответила она, продолжая смотреть на свои руки. — Но лучше сделать это сейчас, чем все время опасаться, что ты рано или поздно узнаешь и станешь презирать меня. Сейчас я это легко переживу, а потом может быть намного хуже.

— Почему это?

— Потому что я стану верить, что ты мой друг. — Вот ведь... кто сказал, что я хочу быть другом?

Я хмыкнул и решил чуть толкнуть ее плечом, вызывая удивленный взгляд.

— А знаешь, что, называя мужика другом, ты типа намекаешь, что он своего рода неудачник, не способный никого привлечь в сексуальном плане? Ну, вроде того.

— Это точно не про тебя, Антон, — Влада после заминки неуверенно отзеркалила мое движение, правда тут же отстранившись.

Ну и что это значит? Что она в курсе о моей «славе» в этом смысле, или это намек на личную заинтересованность? Другой я бы сейчас просто посмотрел в глаза или ненароком коснулся рукой бедра, и взгляд и язык тела внесли бы полную ясность в этом вопросе. Но с Владой... Нет, я не ощущал себя вдруг робким юнцом, боящимся отказа. И не потому, что был почти уверен, что его не будет. Просто меня все еще немного напрягало то, насколько быстро и естественно я перестал противиться притягательности этой женщины. Привыкнуть к мысли, что она мне нравится, за такой короткий срок еще не получалось, а главное — я не был уверен, что вообще стоит. Да и моя неумемная интуиция нашептывала, что для полной конкретики между нами еще рано. Это было вроде предвкушения, которое мне почему-то нравилось растягивать, смакуя нюансы. Хотелось позволить этой странной вибрации между нами усилиться или нет естественным образом, не форсируя и не подгоняя. Дело не в сомнениях или нерешительности, а в том, что мне казалось, Влада должна сама сделать первый шаг, ей это необходимо. Так, думаю, эти мысли пока в сторону. У нас о другом сейчас разговор.

— Ладно, тогда давай спрошу. Что имел в виду этот твой неродственник, когда сказал, что ты убила каких-то пацанов? — сразу без танцев с бубном начал я.

— То и имел. Я их убила. Двоих. Одного просто искалечила, — Влада кивала, будто

подтверждала каждое свое слово на всякий случай.

— Это была какая-то случайность? — я старался говорить максимально безэмоционально.

Влада повернулась и уставилась в глаза. Ее лицо казалось почти неестественно спокойным, как и монотонный голос, но расширенные зрачки выдавали чувства.

— Абсолютно нет. Я купила на черном рынке пистолет, выследила каждого и выстрелила в пах. Какая же тут случайность?

— Ни хрена себе... — Мои бедные яйца непроизвольно поджались, когда воображение нарисовало четкую и красочную картинку. — Пардон. Я, кстати, видел такое ранение разок. И это не то, на что хотел бы взглянуть снова.

— Все еще хочешь находиться в одном со мной помещении? — странная смесь вызова и обреченности в ее тоне задела и причинила дискомфорт.

— Почему нет? Я же не делаю ничего такого, что поставило бы под угрозу мои... части тела, — усмехнулся в ответ. — К тому же мне теперь любопытно узнать, чем твои, ну скажем, мишени заслужили свою участь. Ты не кажешься женщиной, которая будет бегать по городу с пистолетом наперевес и палить в пах каждому встречному мужику.

— Нет, конечно, — Влада отвернулась и с минуту молчала, а потом я увидел, как прозрачная капля сорвалась с ее щеки и упала на тонкие переплетенные до белизны пальцы.

— Они жестоко изнасиловали, а потом затравили и довели до самоубийства мою младшую сестру, — сипло продолжила она. — Ей было пятнадцать.

ГЛАВА 18

— Так, стоп! — в какой-то момент, перекрывая шум двигателя, скомандовал Варавин водиле, и я разглядел полосатую ленту, обозначающую место преступления, завязанную обвислым бантом на одном из стволов у края дороги.

Никита резко распахнул дверцу и выпрыгнул наружу. Тут же послышался смачный чавкающий звук, а потом его сдавленное высказывание, которое, будучи переведено с матерного, звучало бы примерно: «О как же судьба жестока и коварна к несчастной ментовской доле!»

Я, руководствуясь уже его печальным опытом, предварительно посмотрел, куда вылезая. Само собой, это была наполненная грязной водичей колея непредсказуемой глубины. Поэтому я поставил одну ногу на относительно сухой участок проселочной дороги, а вторую для опоры оставил на высокой подножке и потянулся к Владе. Женщина сдвинулась к краю, свесила ноги и так сосредоточенно высматривала, как половчее выскочить, что не отреагировала сразу на мое положение. Я же без особых церемоний сгреб ее за талию и, несмотря на вспыхнувшую в плече боль, быстро переместил на твердую землю. Влада тихонько охнула и обвила мою шею чисто инстинктивным движением, но, тут же опомнившись, сверкнула на меня глазами возмущенно и удивленно одновременно. На самом деле, стоя на раскисшей земле одной ногой, я имел все шансы потерять равновесие в момент исполнения данного циркового трюка и позорно окунуть нас обоих в лужу, но, черт возьми, этот краткий, почти полный контакт наших тел и возможность немного повыпендриваться и поизображать из себя несгибаемого рыцаря стоила гипотетического риска облажаться по полной. Ну, по крайней мере, я так думаю, потому что эффектный жест удался, и мой нижний мозг, к которому моментально прилили тепло и тяжесть, был полностью со мной согласен.

— Антон, не делай так! У тебя же ключица сломана! — прошептала Влада, пытаюсь

сделать строгое лицо. Вообще-то я на память не жалуюсь и отдаю себе отчет, что, может, прямо сейчас шагнул немного дальше, чем следовало, и к тому же в не совсем подходящих условиях. Но, черт... эти красные пятна, вспыхнувшие на скульптурных скулах, и то, что она не смотрела мне в глаза, прозрачно намекнули, что ей эта внезапная, почти невинная близость понравилась не меньше моего. Ай, ладно, ни фига она не была невинной. Для меня уж точно.

— То есть когда она срастется, мне так делать будет можно? — пробормотал, разжимая руку на ее талии настолько медленно, насколько это вообще возможно. А что — я ранен, у меня реакции заторможенные, и к тому же здесь скользко, и мой долг заботиться о том, чтобы не случился несчастный случай на рабочем месте. Упадет, намокнет, простудится. Двое болящих в одной квартире — это же перебор. Разве нет? Та-а-ак, похоже, мне слегка в голову ударило. Может, все же человек-гора-он же доктор-травматолог сотрясение-то мозга пропустил? Эх, что за медицина у нас стала?

— Кхм, — напомнил о себе Варавин, одновременно освобождая Владу от необходимости отвечать на мой совершенно неуместный вопрос. Обернувшись, я увидел, как он ехидно улыбнулся, произнося одними губами: «Приглашенный эксперт».

И этот его насмешливый взгляд «Да ладно, Чудо, я же все понимаю» тут же отрезвил меня. Вообще-то мы на месте преступления, а я позволил какого-то черта своим мыслям ускакать куда-то не в ту степь. Прежде такого со мной не случалось вроде.

— Показывай, — буркнул я Варавину, ощущая прилив острого недовольства собой.

Никита тоже моментально поменялся в лице и указал на обочину рядом с тем опоясанным лентой деревом. Причем, тыкая пальцем в нужном направлении, он болезненно кривился и старался глядеть в сторону, будто само воспоминание об увиденном ранее причиняло ему дискомфорт. М-дя, размяк ты, дружище, в этой деревенской пасторали, хотя и у меня случались моменты, когда остро нужна была огромная доза «разувирина».

— Первое тело нашел грибник местный. Прямо на дороге в колее, даже на обочину не потрудились оттащить. Такое чувство, что просто вывалили из багажника и тут же забыли о существовании. Мужик, что нам звонил, трижды набирал. Все никак не мог внятно сказать, что же случилось, — широкие плечи Никиты передернулись. — Я сам, если честно, в шоке был. Даже и не столько из-за горла перерезанного... просто... он реально ее через ад провел перед смертью, судя по следам на теле.

День был пасмурным, как и положено в ноябре, но смеркаться еще не стало. Поэтому я внимательно осмотрел место, указанное Варавиным, и все вокруг, включая и противоположную сторону дороги, прилегающие кусты и стволы деревьев.

— А чего наши спецы-то так быстро уехали? — глянул я недовольно на Никиту. — Думал, застану их тут.

— А чего тут грязь-то месить, — пожал тот плечами, выглядя все более нервным. — Мы же еще до них все окрестности обшарили. Ничего кроме самих тел. Таблицы и фото я уже тоже оформил к их приезду. Взяли образцы почвы и слепки всех следов, что нашли, и отчалили.

Влада все это время стояла и выглядела, как человек, к чему-то настойчиво прислушивающийся внутри себя. Но когда я закончил рыть носом все вокруг, то заметил выражение разочарования и поражения на ее лице.

— Со вторым телом совсем другая петрушка, — мрачно комментировал Никита, пока вел нас ко второму месту происшествия.

Продвигались мы медленно, потому что я продолжал изучать все вокруг. Старался, как всегда, представить, как же этот нелюдь двигался тут, по той же земле, по которой сейчас ступаем мы, дышал тем же влажным, насыщенным до первых заморозков запахом леса, и что при этом творилось в его голове. На самом деле мне никогда это не удавалось, но я все равно пробовал снова.

— Следы волочения были? — спросил, глядя на утоптанную местами бурую листву.

— Нет. Похоже, он нес ее сюда на руках или на спине, — в голосе Варавина уже совершенно отчетливо стал слышен надлом.

Именно на руках, как нечто, бывшее весьма ценным еще совсем недавно. Почему-то мне представлялось так. Признаков, что он тащил тела по земле или другого небрежного обращения и раньше не было ни разу. Та девушка у дороги абсолютно выбивалась из привычной схемы и заставляла мой мозг буквально вскипеть от несоответствия. Стиль этого ублюдка — всегда идеально чистая пленка, в которую очень тщательно и аккуратно завернуты жертвы. Чистое лицо, расчесанные волосы. Для чего ты это делаешь, больной ты сукин сын? Почему, ради какой сумасшедшей мании у тебя в голове умирают эти женщины?

— Площадка расчищена тщательно, — кивнул Никита и скрипнул зубами. — Даже поросль, тут торчавшую, где вырубил, где выдрал из земли. Уложил так, что даже волосы не растрепались. Никаких следов, никакой спешки и небрежности. Такое чувство, что он это место выбирал и причем долго.

Варавин перечислял все признаки, которые и так мне уже были досконально известны. Говорил он все тише и как будто отстраненнее. Кратко глянув на него, я понял, что его «догнал» шок от увиденного ранее. В нашей работе такое бывает, если ты еще не совсем окостенел, вот только нельзя позволять этому мешать думать и работать.

— Я не понимаю... как таких земля носит, — пробормотал Никита еще тише. — Как же так вообще... Девчонкам же жить и жить было... У меня ведь тоже дочь растет.

А вот это он напрасно. Нельзя так. У меня какой-то пунктик или, может, суеверие, не знаю, как назвать. Но я считаю, что просто ни при каких обстоятельствах нельзя примерять роль жертвы на своих близких. Или допускать даже проблеск мысли, что такое же могло случиться и с ними. Не то чтобы это было рационально, ведь по большому счету в жизни может произойти все что угодно. Я посмотрел на Владу и заметил, что она выглядит совершенно поникшей. Перехватив ее взгляд, прочитал как открытую книгу. Чувство собственной беспомощности, отчаяние от того, что ничем не можешь исправить уже свершившееся, да и как предотвратить новое несчастье еще совершенно не знаешь. Примерно так. Потому что эти эмоции и в моем сознании были частыми и навязчивыми посетителями. Только нельзя им позволять из временных гостей становиться постоянными жильцами. Иначе все пропало. Можно тогда признавать, что сдулся, и увольняться на хрен из органов. Поэтому я покачал головой и указал глазами на совсем раскисшего Никиту. Влада медленно преобразилась, пряча буквально на лбу написанные мысли о собственной бесполезности, подошла к Варавину и о чем-то тихо с ним заговорила. Я же еще продолжал ходить вокруг, сверяясь со схемой, и мучать себя в очередной раз бесполезными вопросами. Почему это место? Почему эти девочки? Почему столь разное отношение к жертвам? Что значит каждая мелочь для убийцы? И самый паршивый из вопросов. Как скоро он убьет снова?

Нарезая круги и занятый своими мыслями, я не прислушивался к разговору Варавина и Влады. Только на краю сознания улавливал, как постепенно мужчина перестал подавленно

шептать, как обычно делают люди рядом с мертвецами, будто тех может оскорбить или побеспокоить громкий голос, и вернулся к нормальному тону. Я нисколько не осуждал его за этот краткий срыв, потому что прекрасно знаю, как тебя может накрыть, как толстым удушающим одеялом осознанием, насколько жуткие вещи творятся прямо рядом ежедневно с начала времен и бесконечно. И прекратить это или постигнуть, почему кто-то может просто взять и сделать нечто, не укладывающееся у тебя в голове, не получается. Но это не значит, что можно прекратить пытаться.

Попсовая мелодия резанула по ушам, оскорбляя звуки окружающего леса своей неуместностью.

— Да! — уже совершенно по-начальственному рывкнул Никита в трубку и помолчал около минуты.

— Антоха, ты тут закончил ворожить? — спросил он, отключаясь, и мы с Владой невольно переглянулись. — Нам бы обратно надо. Личности девчонок удалось установить. Их мать вышла из запоя и объявилась с заявлением.

Пока водитель разворачивался с жуткой пробуксовкой, всю машину так закидало жидкой грязью, что на обратном пути в окна было практически ничего не видно. Хотя, собственно, чего там смотреть, одни елки да березы, но когда большую часть жизни проводишь, носясь с высунутым языком по каменным джунглям, и такой пейзаж как бальзам на душу. Особенно если на минуту оставишь мысль о том, что какой-то твари удалось осквернить его свидетельством собственной бессмысленной жестокости. Хотя надо учитывать, что для самого этого упыря она как раз имела очень глубокий смысл, иначе для чего столько усилий. И как только я пойму какой, то тут же твердо встану обеими ногами на дорогу, в конце которой достану сволочь. Еще раз взглянув на ошметки и потеки грязи на стеклах, я слегка толкнул Никиту в плечо.

— У вас мойка есть?

— В смысле? — нахмурился тот, оглядываясь.

— Я имею в виду, не нашелся ли некто настолько предприимчивый в вашем Кукуево, чтобы построить автомойку, — пояснил я.

— Если бы в нашем Гуляево нашелся такой дурак, то он прогорел бы с этой затеей. Кто здесь, по-твоему, станет платить за мытье машины? Небось у самих руки не из задницы, не то что у всяких столичных неженков! — уколол приятель меня в ответ.

— Ясно, — кивнул я, ухмыльнувшись в ответ, и набрал Василия.

— Прохлаждаешься, пока занудного начальства рядом нет? — спросил, когда он угукнул на той стороне.

— А куда девался обычный вопрос, не шарю ли я по порносайтам? — хмыкнул помощник.

— Ну, должен же я иногда разнообразить свои попытки тебя поклевать! — ответил, покосившись на Владу.

— А-а-а, ну, тогда конечно. Есть новости?

— У нас они, к сожалению, есть всегда, а лучше бы не было. Слушай, мне нужно, чтобы ты сейчас в ГБДД-шную базу влез и посмотрел, есть ли у них камеры по трассе на повороте в Гуляево.

— Нужно, значит, влезу, — меланхолично пробубнил Василий под быстрый перестук клавиш, и я уставился на Владу в ожидании его ответа. Она сидела, прислонившись виском к окну, и смотрела в стриженный затылок Варавина. И я абсолютно точно мог сказать, что

женщина почему-то нарочно избегает прямого контакта наших глаз. Может, с этими, якобы случайными, обнимашками я реально накосячил? Ведь чувствовал, что поспешность с Владой — это однозначная гарантия неудачи. А с другой стороны... Неудачи, собственно, в чем? Разве я поставил себе в отношении нее какую-то определенную задачу?

— Нет, на повороте на Гуляево камеры нет, а вот десятью километрами ближе к городу есть одна... И еще одна дальше по трассе.

— Ну и прекрасненько. Мне нужны все снимки с них за последние сутки, может больше. Буду знать точнее, когда эксперты нас точным временем смерти обрадуют.

— Твою же дивизию, это же такой объем... — проворчал Василий, но совершенно без недовольства, а просто констатируя факт. Вот прямо начинаю любить этого парня. — Мы что-то конкретное ищем?

— Транспорт внедорожного типа, марка пока не важна, главное — чтобы реально мог пролезть по нашему бездорожью. К тому же, он должен быть в грязи по самые не балуйся.

— Ты же понимаешь, что он мог и проскочить мимо камер? — немного помолчав, спросил Василий, продолжая стучать по клавише.

— А мог и нет, и поэтому шанс мы упускать не будем.

— Ладно, я понял. Вы когда назад?

— Соскучился, детка? — фыркнул я. — Начинай веселье без нас.

Влада отвлеклась от изучения роста волос на Никитином затылке и вопросительно посмотрела на меня.

— Скоро я тебе открою еще одну зашибенную сторону нашей романтической профессии. — Хотя, точнее будет сказать, в большинстве случаев это и есть основная ее часть. Именно нудное и монотонное ковыряние в огромном море имеющихся из разных источников данных, которое может оказаться и совершенно безрезультатным, а может и принести неожиданную удачу. Само собой, что внезапное нахождение решающих улик, сидение в засадах, вышибание дверей и эффектные задержания гораздо круче смотрятся на экране телека, чем многочасовое или даже многодневное перелистывание документов, или вылезавшие на лоб и слезящиеся от монитора глаза. Но должен признать, что совсем не размахивание пистолетом или поигрывание мускулами приносят результат в подавляющем количестве эпизодов.

Из одного из немногочисленных кабинетов выскочил молодой лейтенантик в форме, весь красный и взъерошенный. Grimаса, исказившая его лицо была чем-то средним между сочувствием и презрением. Из-за открытой двери донеслись громкие рыдания с причитаниями.

— Мать? — мрачно спросил Варавин, и парень кивнул.

— Она самая, — ответил парень и скривился.

— В общих чертах как все обстоит? — спросил Варавин, и лейтенант, оглянувшись, прикрыл дверь поплотнее.

— Киселева Антонина Викторовна, — быстро затараторил он. — 35 лет. Мать-одиночка. Помимо наших жертв имеет еще двух малолетних детей. Живет в Немово.

— Это в десяти километрах отсюда, — пояснил Никита. — Деревня в паре десятков дворов.

— Ага, — продолжил парень. — Бывшая учительница младших классов, но с того момента, как школу в Немово закрыли, сидела дома и запыла. Я позвонил в службу по охране детства. Соседи неоднократно жаловались, что она детей постоянно бросала то на сутки, а

то и на три дня. Наши потерпевшие — сестры-близнецы Киселева Ирина и Киселева Екатерина, обеим по 15 лет. Их она оставляла одних лет с пяти. Каждый раз как новый хахаль появлялся, могла исчезнуть без единого слова, предоставив девочек самим себе. Пропивала все пособие, а девчонки голодали и по соседям побирались.

— Почему не забрали-то? — насупившись, рыкнул Никита.

— В службе опеки какая-то ее родственница до последнего времени работала. Вот она и заворачивала все жалобы. Киселева ей божилась, что исправится, и та ей типа верила.

— Тфу! Вечно у нас все через жопу! У нормальных матерей детей из-за всякой херни отбирают, а тут... — в сердцах Варавин стукнул по деревянной панели на стене коридора.

— Вот прямо бесит меня эта алкашка! — сжал кулаки лейтенант. — Разве это мать вообще?

— Агафонов, ты своих бесов при себе держи! — строго одернул его Никита. — Мы тут на работе, и наше дело порядок поддерживать, а не суждения выносить и давать оценку чужим поступкам!

— Нет, ну а чего она... — сдулся под тяжелым начальственным взглядом парень. — Виляет тут... Она, похоже, даже понятия не имеет, когда дочери пропали. В очередном загуле была. С кем дружили, с кем общались, чем увлекались, куда ходили в свободное время — на все один ответ. Не знаю!

— Девочки-подростки могут быть очень скрытными, — тихо произнесла Влада из-за моего плеча.

— Да какая там скрытность! Думаете, она вообще интересовалась даже тем, что едят, пока она шлялась по мужикам!

— Агафонов! — уже не сдерживаясь, рявкнул Варавин и добавил гораздо спокойнее: — Ты это... иди, давай, покури!

Лейтенант кивнул и ушел, вороша по пути свои короткие волосы, что и так уже пребывали в беспорядке.

— Ну что, пойдём мать опросим или сначала в морг? — вздохнув, спросил Никита, настороженно покосившись в сторону Влады.

Она пристально смотрела на дверь кабинета, и на ее лице стало появляться уже знакомое мне проявление напряженной сосредоточенности.

— Можно, я кое-что спрошу у этой женщины? — не глядя на нас, медленно произнесла она.

— Ну конечно. Вы ведь сюда для этого и приехали! — сделал Варавин приглашающий жест и толкнул двери.

В кабинете, сторбившись на стуле, сидела и всхлипывала женщина, то и дело цокая по зубам стаканом с водой, пытаясь хоть немного попить. Рука у нее дрожала так сильно, что вода плескалась на ее изрядно поношенное платье и никак не попадала куда надо. Одежда на ней была вполне опрятная, хотя, похоже, свои лучшие времена видала лет так семь назад. Но не мятая и не в пятнах, значит, собственный внешний вид еще имел для нее значение. Огромные мешки под глазами, отекающий контур лица и попытка замазать все это большим количеством не подходящего по цвету тонального крема, большая часть которого уже осталась на платке, стискиваемого в руках. Разбитая бровь, треснувшая губа, распухший нос, явно красный не только от слез, но и от вылезших под кожу капилляров. В общем, картина маслом — женщина сильно пьющая, хоть и не совсем опустившаяся.

Никита представился сам, усаживаясь за стол, и отрекомендовал нас как следственную

бригаду из столицы, что тут же привлекло внимание женщины.

— Найдите того ублюдка, что сделал это с моими девочками! — взмолилась она, сконцентрировавшись непосредственно на Владе. — Я же теперь не знаю, как и жить без них! Растила, растила, а теперь на старости лет и без куска хлеба, и стакана воды...

— Вам всего-то тридцать пять, — резко прервал ее Никита, который с хмурым видом читал документы перед ним.

— Так у меня-то здоровья никакого не осталось. Все ушло, чтобы девчонок поднять. Думала, вот сейчас школу закончат, работать пойдут, матери помогать будут. А теперь... — Киселева закачалась на стуле и опять зарыдала.

А я вместо сочувствия к ней почему-то испытал острый прилив отвращения. Знаю, что нельзя, что это недостойно и непрофессионально. Пофиг, что собой представляет личность потерпевших и их родни, не мое право их судить. Если позволить себе подобное, то адекватную и беспристрастную картину составить в голове не сможешь.

— Чем отличалась одна ваша дочь от другой и от всех остальных детей? — голос Влады в этот раз был громким и даже жестким, словно хлесткая отрезвляющая пощечина.

Киселева захлебнулась на середине рыдания и выпрямилась на стуле, уставившись на Владу мгновенно загоревшимися откровенной ненавистью глазами.

— Пошла ты, сучка столичная! — буквально выплюнула она, сжимая кулаки так, будто собиралась кинуться. — Нормальная Катька была! Нормальная, как все! Ясно!

ГЛАВА 19

Сказанные первые слова будто сорвали затворы, которые держали внутри этой женщины ее боль и долго копившиеся слезы. Они просто полились, превращаясь из одиноких капель в сплошной поток. Без всхлипов и рыданий, которые меня всегда так пугали, раздражали и вызывали желание ломиться прочь, Влада говорила быстро, почти тараторила, словно боялась, что я остановлю ее в любой момент. Смотрела в одну точку, коротко и поверхностно хватая воздух в краткие паузы. А я слушал, испытывая целый убойный коктейль эмоций: стыд, гнев, боль, сострадание и полное бессилие.

— После того как мама с папой погибли, мы с Евкой одни остались. Мне не хотели опеку давать, даже за взятку. Говорили — не справлюсь одна с подростком. Бабушке тоже в опеке отказали — пожилая и очень больная. Тогда Эмиль и предложил мне расписаться побыстрому. Мы же все равно собирались пожениться, а семейной паре легче с получением опеки. Поначалу все у нас хорошо было. Но потом... У меня как раз карьера в гору пошла, я была так рада, окунулась прямо с головой, была вечно занята. Эмиль стал говорить, что им с Евой меня не хватает, что я постоянно мыслями где-то, что он другого от нашей совместной жизни ожидал. Я отмахивалась, не воспринимала всерьез. Даже злилась. Считала, понять они должны. Ведь я для всех, для общего блага себя загоняю. Слепая дура! Однажды с работы не успевала и попросила Эмиля Еву встретить вечером из музыкалки. У меня же важные дела, а у него так... по мелочи. А он не смог. Или может решил — что там идти, — Влада на секунду стиснула зубы, а потом тряхнула головой, будто решительно отмахиваясь от чего-то. — Не важно. Ева пошла через парк, чтобы сократить, и столкнулась со своими одноклассниками. Она была красивая у меня, — голос женщины дрогнул, как от удара под дых. — Такая красивая, Господи... но из тех, кого заучками зовут, робкая и неуверенная в себе. А там, среди этих мальчиков, был один... ублюдок... она тайно влюблена в него была. Он с ней заговорил, а Ева и растерялась, и не успела сама понять, как они не туда свернули. А когда опомнилась — поздно было. Они ее в подвал какой-то затащили и там... — Влада

начала раскачиваться и кусать губы, а ее слезы вдруг иссякли. — Мы ее под утро нашли только. Полуголую, истерзанную, в крови. Я думала, уже тогда рехнусь... но это только начало было. Эти... твари... они на телефоны снимали все, что с ней делали, и потом все это в сеть... А там другие такие же... хвалили их, глумились и издевались над страданиями Евы.

Влада перестала раскачиваться и выпрямилась, становясь словно деревянной.

— Потом следствие. Каждый опрос — как сеанс откровенного издевательства. Отец одного из этих отморожков оказался каким-то чиновником.

— Твою же ж мать, — пробормотал я, хотя что-то такое и предполагал. Стыд — жгучий и удушливый — подступил тошнотворным комом к горлу, как всегда со мной бывает, когда я сталкиваюсь вот с таким бессилием или откровенной продажностью в системе, частью которой являюсь и сам. Умом понимаю, что не могу нести ответственности за все и всех, но и отгородиться совсем не получается.

А Влада продолжала теперь уже короткими, рубленными фразами, почти лишенными эмоций.

— Следователь нам сразу сказал — ничего им не будет. Они малолетки. Ровесники Евы. Максимум — условный срок. Берите деньги. А потом начались звонки. Гадкие надписи на заборе. В сети писали. Присылали куски видео... А я не знала, Антон! — Влада посмотрела на меня беспомощно и отчаянно-виновато, как будто у меня вымалывала отпущения грехов. — Ева молчала, только плакала и замыкалась все больше. Мне казалось, ей нужно общение со сверстниками, хотя бы такое дистанционное. Как я могла не знать? Как пропустить это могла? В комнате ведь ее спала, стерегла. К психологу за руку водила. Работу практически бросила. А потом в один из дней стала видеть это... Я тогда не знала, не понимала, что это. Аура самоубийцы. Неделя за неделей она становилась все насыщеннее. И у других людей тоже стала замечать что-то. Но я думала, что это у меня уже глюки от усталости, недосыпа и нервов. Эмиль... он сначала просил прощения, помогал мне, а потом сдался. Сказал, что его все это достало, что мы молодые и должны нормально жить. Нужно Еву в клинику, и пусть специалисты ее реабилитируют. Скандал устроил, признался, что у него давно есть другая, а все потому, что я сама виновата. Что замуж за него только из-за сестры вышла, что все внимание ей, а теперь вообще меня не видит, и даже в одной постели не спим. А он живой мужчина и все такое. Ева все это слышала. Я в тот день сломалась. Выпила, когда Эмиль ушел, и просто отключилась. Уснула как убитая, а когда проснулась... поздно было уже.

Влада слезла с подоконника и, развернувшись, уперлась лбом в холодное стекло, глядя в сумерки снаружи широко распахнутыми невидящими глазами.

— Но последней каплей было то, что эти сволочи на похороны пришли, — сипло продолжила она. — Якобы вина их мучала, но я видела, видела, как они ухмылялись самодовольно, едва в сторону отошли. И с ними были девочки, они себя подругами Евы называли и ходили к ней, сочувствовали, а за воротами кладбища они обжимались с этими... и хохотали. А еще в тот момент я поняла, что за мерзкие кляксы их окружают. Моя сестра была первой, причиной чьей смерти они стали, но не последней. Они бы насильовали, а потом и убили еще. Они сотворили это, и им понравилось. Чувство власти над кем-то беззащитным, безнаказанность, тайное и явное одобрение других таких же уродов с извращенным понятием о силе и превосходстве над другими людьми. Это как словно в головах у них поменяли полярность, причем безвозвратно, а я была единственной, кто знал это. Понятия не имела, откуда пришло подобное откровение, но ни секунды сомнений у

меня уже не было с того дня.

Влада надолго замолчала, и даже ее дыхание я едва мог слышать. Мне так хотелось сказать или сделать что-то, что принесло бы хоть какое-то облегчение. Но за все годы постоянных соприкосновений с людской жестокостью и горем я так и не научился находить нужные слова, а просто сотрясать воздух — только добавлять боли, оскорбляя фальшью, уж я сам это знаю на своей шкуре.

— Ну, а в остальном, в принципе, ничего интересного, — глубоко вздохнув, ожила Влада, теперь уже явно подводя черту под своим рассказом. — Двое в могиле, один калека. Я сначала в СИЗО, а потом в психушке... этот момент я почти не помню, если честно. Почти год я как в сумерках металась. Училась различать реальность и видения. И это не так уж и легко в месте, где ты окружен таким количеством людей, в мыслях которых царит нечто сумбурное, а часто даже до дрожи жуткое, и где не у кого спросить совета. И давай закончим обо мне на этом.

Она забрала из моих рук чашку с давно холодным чаем и вылила его в раковину.

— Не жди от меня осуждения и речей в стиле — надо уметь прощать и закон наше все. К сожалению, я сам, работая столько лет в системе, как никто знаю, насколько она несовершенна, как легко ее прогнуть, обойти и даже нагло поиметь. И тогда обычным людям приходится брать на себя ее функции, насколько бы противозаконно это ни было. Я не скажу, что твой поступок был правильным, мне вроде как не полагается даже так думать. Но иногда, сталкиваясь с подобными случаями по работе, мне кажется, что лучше так, чем остаток жизни жить, ощущая унижение свое и близких и вину за то, что подонки ходят дальше по земле и сеют несчастья вокруг себя.

— Я не сожалею о своем поступке. Нет. Я никогда себе не прощу невнимательности, слабости, считай, предательства близкого человека, которому была нужна. У меня было так много, на самом деле, настолько больше, чем есть у большинства людей, и я разменяла это все на суету, рутину, гордыню, а потом на жалость к себе, когда все разрушилось. Я и сейчас все еще такая.

— Так, стоп! — решительно прервал я ненужный поворот в разговоре и невольно поморщился от резкой боли в плече, пострадавшем от бутылки. — А вот это лишнее, Влада. Обвиняя себя в чем-то, ты разве повернешь время вспять и все исправишь? Распиная себя, компенсируешь хоть каплю нанесенного ущерба? Не ты инициировала цепь этих событий, не ты повинна во всех обстоятельствах, и не тебе брать на себя всю вину. Суть не в том, как для всех вовлеченных закончилась эта история. Обрекать себя на всю ответственность абсолютно неверно. Мне стыдно сейчас пользоваться таким избитым и немного нечестным приемом, но вспомни — твоя сестра тебя хоть раз в чем-то обвинила?

Возможно, я говорю резче, чем стоило бы, но вот этот момент, когда люди, по сути жертвы ситуации, начинают навешивать на себя груз вины, всегда выводит меня из себя. Почему всякие подонки и реальные преступники никогда не страдают желанием самобичевания и живут, не парясь, пока не прижмешь их к ногтю, а порядочные люди ковыряют себя, выискивая свои косяки? Может, это как-то и обусловлено психологически и где-то правильно, но я плевал на это и не хочу принимать подобную точку зрения. В гробу я такую психологию видал!

— Нет, Ева никогда не стала бы... — затрясла головой Влада. — Но я и сама...

— Сама что? Сама вынесла себе приговор, сама его и приводишь в исполнение столько лет, разрушая то малое, что осталось от твоей разодранной в ключья души? Думаешь, Ева,

которая тебя любила, смогла бы перенести это? Не ты ее убила, а те подонки. Не ты потеряла мужа, а его собственная слабость и эгоизм разрушили вашу семью. Не твоя вина, что система правосудия гнилая и равнодушная, и всякие твари не только не получают по заслугам, но и становятся гребаными символами нашего времени и примером для подражания для таких же порченных и убогих умом и душой. — Рассердившись, я заходил по кухне, кривясь от все усиливающейся пульсации в районе ключицы.

Влада следила за мной, и ее поза стала немного оборонительной, но уже без тени прежнего отчаянья, и я считаю, что так и надо. По мне всегда лучше злиться, чем окунать себя в дерьмо собственными же руками, причем по большому счету незаслуженно.

— Почему тогда если ты так считаешь, то сам не отпустишь себе грехи? Отчего не уйдешь из системы, в которую не веришь и презираешь? — Ага, а вот и ответный выпад. Bravo, Влада, мне нравится, когда ты показываешь зубы.

— Потому что поучать других всегда проще, чем что-то сделать самому. Не замечала разве? — усмехнулся я. — И если я и другие, сохранившие хоть каплю совести, уйдут из органов, кто там останется, кроме взяточников, тайных властолюбцев или безразличных ко всему бюрократов?

Влада опустила глаза и нахмурилась, кивая.

— Да, ты опять прав, похоже, — согласилась она, вздыхая.

— А то! Я вообще всегда прав, за исключением тех случаев, когда не прав совершенно, — я улыбнулся и пожал плечами. Точнее, попытался, а потом, схватившись за больное место, зашипел, уже не в силах скрыть реакцию.

Влада вскинула глаза на меня почти испугано и подошла вплотную, ища мгновенно возникшим желанием прикоснуться.

— Ты пострадал, Антон, — встревоженно пошарила она по мне глазами и подняла руки, не решаясь коснуться. — Где болит?

— Ерунда, бандитская пу... бутылка просвистела, — попытался отшутиться я и пошевелить рукой, но потерпел в этом неудачу. Если сразу после разборки рука еще немного слушалась, то сейчас повисла плетью и болела просто зверски. — Вот ведь гадство. Придется в травмпункт ехать.

— Прости, — нахмурилась женщина, едва не плача. Ну, снова здорово!

— Так, только не начинай, а! — оборвал почти грубо. Что за бег по кругу в самом то деле? — Это ты меня бутылкой била?

— Но ведь из-за меня же...

— А, ну да, конечно! А все катастрофы в мире ты себе припишешь или что-то на долю случайностей и судьбы оставишь? — уже откровенно подкалывал я.

— Ты смеешься надо мной! — обвинила Влада, впрочем, несколько не обиженно.

— Ты очень догадливая девушка, Влада. Но если серьезно. Ты машину водишь? А то как-то нет особого желания сейчас добираться до травмы на общественном транспорте или на такси.

— Раньше водила. Еще должна помнить. погоди, ты собираешься посадить меня за руль своей машины? — недоверчиво прищурилась Влада.

— Ой, вот только не надо теперь смотреть на меня с таким сомнением в моей половой принадлежности! Не все мужики трясутся над своими тачками! — На самом деле все. Но сейчас, когда с каждой секундой жующая боль растет в разы, я могу пойти на компромисс, даже если он будет стоить нескольких новых царапин на многострадальном корпусе моей

старушки.

— Ладно, — Влада согласилась, выглядя при этом одновременно неуверенно и возбужденно. — Только, если нас остановят, ты сам разбирайся!

— Ну, кто бы сомневался, — пробурчал, наблюдая, как она едва не вприпрыжку выскакивает из дома. Все же какая она странная, изменчивая и при этом непреодолима притягательная чем-то для меня в любом своем проявлении. М-дя-а-а, Антоха, плохи твои дела. А может и нет.

Влада вела машину очень аккуратно, чрезвычайно сосредоточенно, не нарушая ни единого правила. А когда выбралась из-за руля, то щеки ее покраснелись и она прямо светилась довольством и оживлением, бросая на меня короткие косые взгляды, будто ища одобрения. Мне, если честно, жутко некомфортно ощущать себя пассажиром и доверяться другому человеку, давненько я этого не делал. Но к ней у меня претензий не было, так что я вымучил улыбку и кивнул.

— Ну что, пойдём сдавать тебя в руки медицины? — поторопила меня Влада, и я потащился за ней, не ожидая хороших вестей.

Рентген показал перелом ключицы. Твою же ж мать! Как удачно-то. Влада, видно, чисто автоматически вошла со мной в кабинет, а потом помогала мне раздеваться, избегая встречаться глазами и делая вид, что совершенно не заинтересована, отчего я едва мог сдерживать лезущую наружу дурацкую ухмылку. Яркие четкие розовые пятна на скулах выдавали ее, заодно и отвлекали меня от боли. В некотором смысле я самодовольный засранец и прекрасно знаю, что своего тела могу не стыдиться. И интенсивность усилий Влады скрыть свою реакцию на меня разливалась внутри мощным теплом, что разительно контрастировало с ее первоначальной холодностью.

— Ну что, голубчик, допрыгался? — оскалился здоровенный, как гора, взъерошенный врач и сам разминал плечи весьма зловещим образом. — Вот теперь твоей жене возиться с тобой одноруким недели четыре, не меньше.

— Так долго? — возмутился я, отмечая краем сознания, как Влада вскинула голову, желая поправить доктора, но, однако, промолчала.

— Пф-ф-ф-ф! — фыркнул доктор. — Долго? Ты скажи спасибо, что без смещения и осколков обошлось, а то раскромсать бы пришлось, и на все шесть бы растянулось! В гипс я тебя тоже упаковывать не буду, сойдет и эластичная повязка для иммобилизации. А то и задницу себе сам не сможешь подтереть!

А рожая помятая, вся такая жизнерадостная и Владе подмигивал так, будто у него тик нервный начался. До чего же мы все придурки и лоси безголовые, если со стороны глянуть! Прямо что-то напрягся, припоминая, не случилось ли мне так же себя вести в присутствии симпатичной дамы. Не-е-е, эти гримасы точно не мое.

— Да ладно, не может быть все так плохо, — пробормотал я, когда он приступил к упаковке меня в эти самые повязки, но в этот раз меня проигнорировали.

Влада, кажется, вовсе и не замечала припадочную мимику доктора, но, однако, очень внимательно слушала все, что он говорил в процессе о моей травме, рекомендациях и всех «можно» и «низзя». Очевидно, из-за лекарств и хоть и притупившейся, но въедливой боли для меня это был какой-то поток сознания, пронесившийся мимо, нигде не цепляясь.

Не представляю, каким гемором был бы гипс, потому что даже повязка — это нечто грандиозно неудобное. Перемотано плечо, вокруг спины и ребер, вся рука от самой кисти, которая теперь еще и подвешена и закреплена у груди. И это всего лишь из-за какой-то

тонкой косточки? Жесть!

Одеться без помощи Влады вообще не вариант. Она осторожно застегнула едва сошедшую рубашку прямо поверх повязки и сверху тихонько, как на ребенка, натянула свитер. Выходя из кабинета, я озадаченно посмотрел на Владу, а она растеряно и опять виновато на меня, кусая нижнюю губу. Так, только не опять!

— Ну что же, раз я теперь весь из себя раненый, Влада, у меня появилась гениальная идея, — решил я нагло воспользоваться ситуацией и предотвратить заодно новый сеанс ее самобичевания. — Тебе придется какое-то время побыть моей нянькой, водителем и секретарем. Потому как больничного нет в моих планах уж точно.

Конечно, я понимал, насколько это было нахальством с моей стороны, и, мелькни сейчас хоть тень недовольства или отрицания на лице женщины, я бы тут же включил заднюю, обратив все в шутку. Но Влада неожиданно буквально просияла.

— А я не знала, как бы тебе это предложить потактичнее, — призналась она, хотела продолжить явно в том духе, что, раз это ее вина и бла-бла-бла, но, натолкнувшись на мой суровый взгляд, просто закрыла рот.

Я вздохнул с облегчением. Ну и замечательно, что все так срастается. Заодно она будет у меня под присмотром и при деле, а не слоняться по пустому дому, наполненному воспоминаниями и призраками прошлого, где теперь она совсем не в безопасности, на мой взгляд. И к тому, какие желания будит во мне близость к этой женщине и возможному сценарию между нами при длительном нахождении рядом, это не имеет отношения. Ну, почти.

Сказано — сделано, как в сказках говорится. Спустя полтора часа и недолгий заезд за вещами в дом Влады и аптеку, она стояла и озиралась на моей небольшой кухне с объемной сумкой в руках. А я смотрел на нее сзади и гадал, не начнет ли выбешивать мою натуру эгоистичного одиночника ее присутствие на моей территории уже к утру.

ГЛАВА 20

Женщина, хлопчущая на моей кухне. Не как случайная гостья, которой следует уйти как можно скорее. Как хозяйка. Как давно это было? Однажды. Давно. Совсем недолго. Когда Влада предложила заняться ужином, я напрягся, ожидая, что она покажется здесь чужеродной, не нужной, как и все остальные, кто был после... После нескольких недель, когда я был бесконечно счастливым и совершенно слепым идиотом. Но нет. Все же эта женщина воспринималась мною настолько... иной, что ли, что мозг не стал подсовывать мне никакие причиняющие боль ассоциации, и внутренний протест так и не включился.

Первая неловкость окончательно развеялась к тому моменту, как совместными усилиями был приготовлен ужин. Ну, как совместными. Влада плавно двигалась по кухне, тихо спрашивая, где у меня то или другое, и кивала, найдя нужное, делая всю работу. А я восседал на табурете, удобно примостив зафиксированную руку, рассказывал по ее просьбе забавные моменты, приключавшиеся в моей невеселой в принципе работе, и не мог себя заставить перестать пялиться на нее. На ее несуетливые, грациозные жесты, которые мистическим образом превращали элементарную готовку в настоящий танец. На изгиб изящной шеи, вызывающий настойчивое желание провести по тонкой бледной коже кончиками пальцев. На маленькую складочку между бровей, когда она внимательно изучала сроки годности на моих специях и продуктах. На грудь, которая... В общем, я смотрел и смотрел, периодически зависая и немного теряя нить повествования, чем зарабатывал

удивленные, но, слава Богу, не насмешливые взгляды. И еще мне необычайно грела душу ее общая манера поведения. Влада не заглядывала мне в глаза, не засыпала навязчивыми вопросами в попытках угодить любой ценой, но и не вела себя по-хозяйски, хлопая и шаря повсюду, изображая чрезмерно уверенную в себе домохозяйку. Каждую вещь, которую она брала, возвращала точно на то же самое место и никаких комментариев по поводу наличия или отсутствия общепринятого порядка во всем не отпускала. А его у меня точно не было, потому как у меня свой взгляд на то, что и где должно храниться и как удобно именно мне. И все попытки что-то изменить вызывают приступ острейшего раздражения. Тут же взывает сирена, истошно вопящая: «Внимание! Нарушительница!». Вот такой вот я засранец и, можно сказать, даже где-то шовинист. Таскаю к себе в постель женщин при любой возможности, но предпочитаю, чтобы их краткое пребывание в моем пространстве спальни и ограничивалось. А как только происходит что-то вне обычной схемы «знакомство — постель — плохой утренний кофе, который варю я сам — расставание», откуда ни возьмись появляется склочный зануда, который гундит: «Не тронь, это мое! Поставь на место! Не бери, не прикасайся, не двигай это! И вообще, не пора ли тебе уже на выход!».

Но Владе пока удалось не вызвать к жизни этот дух брюзжащего одиночника.

А потом она подарила мне чувство забытого уже кайфа от спокойного домашнего ужина в обществе человека, который тебя не раздражает. Нельзя сказать, что я всегда ел дома в одиночестве. Но, черт, язык не повернется назвать полноценным ужином мои посиделки тире прелюдию с очередной девушкой недели или даже одной ночи. В наше время все поголовно корчат из себя питающихся святым духом, ну, максимум модным салатом и считают нормальный аппетит чем-то вроде кощунства. Сидеть и откровенно хомячить на глазах у такой истовой поклонницы диеты, для которой не есть после шести — это как для верующих «Отче наш», а жареная на сале картошка равносильна цианиду, прямо-таки неудобно. Кусок в горло не лезет. Поэтому и ограничивалось все фруктами и вином. Желательно, на журнальном столике, как можно ближе к месту будущих действий, то бишь к кровати.

Мы с Владой сидели друг напротив друга на моей кухне, никакого тебе интимного полумрака и музыки с вином, но ощущал я себя несоизмеримо более уютно, чем когда-либо раньше. Такое вроде бы совершенно иррациональное чувство комфорта в обществе человека, который практически видит тебя насквозь. Наверное, дело в том, что перед Владой мне нет смысла корчить из себя кого-то, кем не являюсь. Цели немедленно уложить ее на спину у меня нет, хотя однозначного мощного притяжения я больше не отрицаю. Мне хочется узнать ее ближе, можно даже сказать, изучить досконально, оттого что все в ней притягательно и интересно для меня. А это будет невозможно, если она сама не будет открываться. Но если стану притворяться или пытаться произвести ложное впечатление, то это приведет как раз к противоположному эффекту. Единственное, что в этом было трудным для меня, это понимание, что полноценным процесс подобного изучения может быть только при условии взаимности. Когда в одну сторону, то совсем скоро движение прекращается и даже обращается вспять, уничтожая любую возможность доверия. Это я на своей шкуре испытал. Но пока голова тяжелая от притупившейся боли и лекарств, и мне просто хочется съесть ужин и уснуть перед телеком, а не думать о том, к чему мы можем прийти завтра, через неделю или никогда.

— Не пойму, я жарю себе эти самые котлеты день-через день, но у меня они вечно то пригорают, то сырые внутри. Почему у тебя не так? — спросил, отправляя в рот последний

кусочек.

— Может, готовить — это не твое? — Естественно, не мое. Я каждый раз умудряюсь или напрочь забыть, и возвращает меня на кухню устойчивый запах гари, или слишком голоден и не могу вытерпеть достаточно времени. Но все равно делаю возмущенное лицо.

— Почему это!? Ты не знаешь, как я виртуозно пельмени варю!

— Надеюсь, я когда-нибудь смогу по достоинству оценить этот твой талант, — улыбнулась Влада. Сможешь, тем более мне удалось почти без потерь отдраить кастрюлю после последнего раза, когда меня отвлек телефонным разговором с важной инфой по делу наш эксперт.

— Да уж будь уверена, тебе этого не избежать, раз уж мы теперь вместе живем.

Ляпнул и нахмурился, ощутив в душе тревожное эхо. «Вместе живем» ощущалось неправильно. Это однозначно не про меня. Не сейчас и больше, наверное, никогда.

— Антон? — Влада положила вилку и посмотрела так, будто дословно прочла мои дурацкие мысли.

И вот тут мне стало стыдно. Дебил я все же! Она что, ко мне в гости напрашивалась? Хрена с два! Это я сам ее пригласил, причем в такой форме, что воспитанный человек просто не смог бы никак отказаться. Или Влада хоть чем-то дала понять, что интересую ее не только как друг или даже вообще временный коллега? Смущение при виде меня полуголого — это что, однозначный показатель влечения? Ни фига! К чему сейчас включился этот режим параноика, носящегося со своей независимостью, как дурень со ступой? Одна фраза, которую сам и выдал, и тут же красочный ряд возможных вариантов нарисовался в воображении с поразительной отчетливостью. В работе, Антоша, надо такую смекалку и скорость мышления применять, а не тратить на всякие глупые домыслы!

Больше книг на сайте — Knigolub.net

— Не обращай внимания, Влада, — мотнул я головой, отгоняя ненужные мысли и пытаюсь вернуть себе прежнее комфортное состояние духа, которое сам и испоганил. — Есть у меня в голове тараканы особого сорта.

— Ну, с моими элитными громадинами им точно не сравниться, — рассмеялась она, хотя глаз веселье не коснулось. — Но не переживай, мои мирные, захватническими замашками не страдают и прав собственности на чужое пространство не предъявляют. Так что твоим беспокоиться не о чем.

— Зато мои иногда так взбрыкнуть могут, — пробормотал, прекрасно осознавая: Влада только что четко дала мне понять, что никаких планов закрепиться каким-либо образом в моей жизни у нее нет. А мне стало досадно. Вот с какого, спрашивается, такого перепугу, но однако же. Нет, ну не идиот ты, Антон? И так шарахаешься, и по-другому что-то не устраивает! Вот больше в жизни не позволю себе шуток о бабских переменах настроения или о том, что они сами не знают, чего хотят.

Чай мы пили в безмолвии, но потратили некоторое время на препирательства о том, кому достанется кровать, а кто расположится на диване. Спор, как и мой диван, выиграла Влада. А потом пришло время для занимательного квеста с моим раздеванием. В чем состояла его главная сложность — нетрудно догадаться? Правильно, в том, чтобы скрыть от помогающей мне обнажаться Влады мой стояк. Та еще задачка!

Сколько бы я ни говорил себе, что близость с Владой не является безотлагательной необходимостью, у моего члена было прямо противоположное мнение в этом вопросе. Едва она переступила порог моей спальни, для него словно протрубили в рог команду: «Подъем!»

Доводы о том, что эта женщина находится в непосредственной близости к моей кровати совсем не ради секса, его не впечатлили. А все почему? Потому что представить ее сидящей на моей постели, одетой только в свою бледную кожу и свободно спадающие темные волосы, что все время стянуты немного небрежным пучком, было весьма скверной для душевного равновесия идеей. Это сработало подобно ожогу. Терпеть-то ты можешь и боль не показывать, а вот перестать об этом думать, пока жжение не утихнет, уже нет. Пока Влада очень сосредоточенно и аккуратно стягивала мой свитер, я обреченно констатировал, с какой катастрофической скоростью становлюсь твердым. Хоть прямо сейчас гвозди заколачивай! И это при том, что я упорно пытался воскресить в голове самые отталкивающие подробности дел, какие только случались в моей практике. Однако это не помогало. Не-а. Ни-ско-леч-ки. Зараза! Только не смотри вниз, или я сгорю со стыда. Влада взялась за пуговицы на рубашке, глядя на мою грудь, и меня снова накрыло почти неконтролируемое желание запустить здоровую руку в волосы на ее затылке и подставить эти бледно-розовые губы под свой рот. Да так, что аж в голове поплыло. Что же за наказание такое? Не выдержав, схватил ее за запястье, останавливая. Потому как, оказывается, за столько лет не был в курсе, как невыносимо остро ощущается трение ткани по моим соскам. Обычно я как-то на женских сосках сосредоточен. Ну и других частях тела, стимуляция которых способна волшебным образом открывать доступ к глубокому погружению. А тут необходимость обуздывать свои примитивные порывы вдруг стала вытворять странные штуки с моей чувствительностью, превращая всю кожу в какой-то сплошной оголенный нерв, реагирующий новыми импульсами возбуждения на любое легкое касание.

— Спасибо, Влада, я могу и сам. Одна-то рука у меня рабочая. — Наверное, моя фальшивая улыбка сейчас скорее кривой оскал напоминает. — Ложись отдыхать, завтра у меня день в суде, а это всегда дико утомительно. А раз ты теперь ко мне пришита, то расслабиться — самое то.

Вот зачем я сказал «расслабиться»? В моей больной голове это слово тут же трансформировалось в нечто весьма отдаленное от пристойного. Медленное остывание двух разгоряченных потных тел, по которым раз за разом прокатываются утихающие волны недавно пережитого кайфа, превращая все мышцы в желе. Да чтоб тебя, Антон!

Влада чуть отступила и все же бросила быстрый взгляд вниз, вызывая хлесткий удар неловкости и острой похоти одновременно. Не хочу, чтобы она увидела в такой неподходящий момент, что я не могу справиться с собой — чисто малолетка, но при этом так желаю, чтобы однажды она смотрела долго и не отрываясь.

— Антон, я ведь не подросток, — спокойно сказала Влада, хотя тонкие ноздри вздрогнули. — Я знакома с нормальными реакциями мужского тела. И прекрасно понимаю, что это не имеет отношения конкретно ко мне.

Да ладно? Знает она о мужских реакциях! А я что-то и припомнить не могу, когда последний раз так пробирало на пустом почти месте аж до печенок.

— Давай я просто помогу тебе снять брюки, чтобы не пришлось наклоняться, и на этом все. — Она медленно вытащила мою рубашку из-за пояса, прикрывая стратегически важное место, и кивнула, глядя в стену за моим плечом. — Расстегнуть помочь?

Нет, не помочь! Ни в коем случае! Рванув одной рукой ремень, я расстегнул ширинку и, дернув штаны с задницы, тут же плюхнулся на край кровать. Почти произвольным движением цапнул простынь, прикрываясь для верности. Идиотизм полный! Веду себя, как нервная девица, берегущая свое целомудрие от коварных поползновений. Вот над кем

другим бы тупо ржал в такой ситуации, а сам едва не в холодном поту. Влада присела передо мной и потянула за одну штанину, а я чуть не застонал от галопом рванувшего воображения. А она, словно желая меня прикончить выстрелом... совсем не в голову, чуть наклонилась, стягивая вторую штанину, и внимательно посмотрела мне в лицо. Твою-у-у ж дивизию! Сколько женщин я видел стоящими на коленях или сидящими между моих ног? Стоит ли считать? С горящими возбуждением глазами, откровенно дразнящих меня, старающихся продемонстрировать максимум раскованности и энтузиазма отправить в стратосферу своим мастерством. И эти зрелища никогда не оставляли меня безучастным, потому как да — я обожаю оральный секс. Покажите мне мужика в своем уме, что этого не любит.

Но моя обычная реакция и предвкушение в эту секунду показались просто ничем по сравнению с видением того, как Влада, не прерывая контакта наших взглядов, наклоняется и трется щекой о мой пах. Мои яйца тут же как в кулаке стиснули, заливая жаром и тягучей болью низ живота и бедра.

— Все в порядке, Антон?

Я тряхнул головой, зажмуриваясь, а когда открыл, Влада уже стояла, складывая мои брюки на стул.

— Да.

Нет! И близко не в порядке! Я еще навешу этого улыбочивого хирурга из травматологии и спрошу, чем он меня, млин, обколел, чтобы так плющило.

— Спокойной ночи? — сказано с вопросительной интонацией, или это опять мое воображение издевается?

— Спокойной ночи, Влада, — почти ворчливо ответил я, вытягиваясь и тут же понимая, что руку просто так не примостишь.

— Нужна подушка под локоть, наверное, — Влада, уже стоявшая у дверей, шагнула ближе, но я остановил ее жестом. Что-то я не особо своей адекватности доверяю сейчас.

— Я справлюсь.

Уснул я почти мгновенно, хоть и думал, что покой мне не светит после того, как накрывало только что.

Момент истины, то бишь утро на кухне, наступил слишком быстро. Казалось бы, только глаза закрыл, и вот уже орет будильник. Одновременно с сознанием проснулось и тело, оповещающая о боли сразу в нескольких местах. Кряхтя, как старик, я поднялся и стал натягивать штаны одной рукой, ощущая себя столетней дряхлой развалиной. В дверь тихонько постучали.

— Антон, тебе помочь одеться? — спросила с той стороны Влада. — Только честно!

— Я справился, — проскрипел я в ответ, действительно умудрившись застегнуть ширинку самостоятельно.

Открыв дверь, увидел уже полностью одетую и свежо выглядящую Владу. И при этом никакого приторного запаха духов или другой косметики. Какая прелесть.

— Доброе утро? — Опять эта странная интонация превращающая пожелание в вопрос.

— Доброе. — Хотя по моим ощущениям так не особо.

Кивнув женщине, пошлепал босыми ногами в сторону санузла.

— Антон, не против, если я сварю кофе на двоих? Или предпочитаешь чай? — спросила она в спину.

В этом доме я варю кофе. Хотя... какая, к черту, разница, когда чувствую себя побитой собакой. Сейчас, наверное, я и на кормление с ложечки согласился, лишь бы лишних

движений не делать.

Вылезая из машины перед управлением, я увидел Палкина и нескольких стажеров, дымящих на крыльце, и едва не закатил глаза, заметив, какой мерзкий взгляд он бросил в нашу сторону. Ну, сейчас начнется! Пока мы с Владой шли к входу, он что-то быстро сказал остальным, и все вместе взорвались явно злорадным громким ржачем. Весь внутренне напрягшись, я пошел чуть впереди Влады, прикрывая ее хоть немного от их откровенно похабных взглядов.

— Смотрю, ты, Чудо, своих баб уже по полной используешь, — хрюкнул Палкин, глядя в поисках поддержки на молодежь. — Не только ночью под тобой работают, но и днем подрабатывают личными извозчиками.

— Понятия не имею, о чем ты говоришь, — огрызнулся я. — У меня баб, Палкин, нету, только женщины, причем приличные. Но ты все равно не поймешь, так как ни одна из таких в твою сторону и не глянет. — Подвинув здоровым плечом ближайшего стажера, я попытался пропустить Владу вперед, отгораживая при этом собой. Но ублюдох шутник шагнул, заступая дорогу женщине.

— Ни хрена себе, госпожа экстрасенша! Это ты его так в постели заездила, что он, убегая от тебя, навернулся и переломался? — кривя рот, пробухтел он, наклонившись к самому лицу Влады.

Напрасно он это сделал. Раньше чем я успел его отпихнуть, женщина вскинула голову и уставилась ему в глаза. Мгновенно я ощутил мощный поток ее силы, который, даже зацепив меня, можно сказать, рикошетом, стиснул легкие стальным обручем. Палкин побледнел и отшатнулся, но теперь уже Влада подалась к нему вплотную и что-то очень тихо прошептала на ухо. Свинячьи глазки Палкина стали размером с блюдца, и он стал пятиться, глядя на женщину с суеверным ужасом.

— Мне рассказать об этом всем? — недобро усмехнулась Влада, и в этот момент я прямо-таки не узнавал ее. Так, как будто наружу вышла совсем другая, темная и пугающая до икоты сторона ее личности.

— Нет-нет-нет, — затряс головой Палкин, становясь уже каким-то совершенно жалким созданием.

— Хорошо. Но, думаю, мы поняли друг друга, — царственно кивнула она и, оглядев всех, пожелала: — Хорошего дня всем!

С прямой спиной и гордо вскинутой головой она вошла в коридор и шествовала впереди меня, как настоящая королева. Но едва мы переступили порог кабинета, она будто сдулась. Сгорбившись, Влада почти упала на стул и уставилась перед собой остановившимся взглядом.

— Все в порядке? — спросил я, доставая нужные документы из сейфа.

— Нет, Антон, не в порядке, — тяжело вздохнув, ответила она. — Только что я напомнила человеку о самом унижительном моменте в его жизни. Так поступать недостойно, как и поддаваться злости.

— Влада, этот, с позволения сказать, человек сделал смыслом жизни унижение других. Так что не вижу ничего недостойного в том, чтобы ткнуть его носом в собственное дерьмо. Спускать нельзя.

— Невозможно кого-то ткнуть, как ты сказал, в дерьмо и самому не испачкаться, — невесело улыбнулась женщина.

— Ну, тогда оставь это в следующий раз мне. Хорошо? Мне пачкаться не привыкать.

Влада не ответила, продолжая сидеть, погруженная в свои мысли, пока я писал задание Василию и складывал все нужные бумаги.

— Так, все, я готов, — вывел я ее из этого состояния.

— В суд?

— В суд, госпожа личный водитель!

ГЛАВА 21

— Я наряд вперед послал! — отрывисто бросил Варавин, запрыгивая в этот раз за руль служебного УАЗика сам. — Звонили пацаны минут пять назад. Там задница просто. Средневековье, мать его! Давайте быстрее!

Не знаю, дело в дороге, в спешке или в водительском мастерстве Никиты, но до Немова мы набили себе немало шишек и синяков. Влада обеспокоенно смотрела на меня и даже разок схватила за локоть, когда на очередном ухабе особо швырнуло. Но я сварливо пробурчал, чтобы сама держалась покрепче, хватает нам одного калеки. На самом деле я был сердит на то, что она решительно отвергла мою рекомендацию остаться в коттедже Варавина. Если там то, что я думаю, то усмирение разошедшейся толпы — это не развлечение и может обернуться черт его еще знает как. Но Влада неожиданно натуральным образом уперлась, причем без малейшего объяснения.

— Мне нужно туда поехать! — Вот и все тебе доводы. Ну, что сказать? Экстрасенс там или нет, женщина она и есть женщина.

Чем ближе подъезжали, тем более наэлектризованным себя ощущал. Так, словно вместе с колесами дребезжащего УАЗика кто-то вращал и некую динамо-машину, повышая напряжение. Очевидно, Влада тоже это чувствовала. Черты ее лица становились все более напряженными, будто она уходила в себя, переставая замечать окружающее, и вот уже я то и дело ловил ее на очередном ухабе.

— Приехали! — сообщил Никита, но, само собой, ни единого фонаря не наблюдалось, и все, что мы смогли увидеть — покосившиеся заборы в скачущем свете фар.

Вскоре где-то впереди замелькали проблесковые фонари патрульной машины, и Варавин вдавил педаль, ориентируясь на них. И почти сразу вынужден был резко затормозить, едва не влетев в группку из нескольких местных.

— Да какого хрена вы тут... — в сердцах заорал он, распахивая дверцу и вываливаясь наружу, продолжая материть их на чем свет стоит.

Неожиданно стало сразу слышны шум, крики, и появилось зарево впереди. На фоне такой подсветки дерганые силуэты множества людей смотрелись дико и сюрреалистично. Даже удивительно, сколько народу может жить в такой вроде крохотной деревушке! И, естественно, любая толпа кажется в десять раз больше и опаснее в темноте, когда размахивает кольями и топорами и совершенно неуправляема. Выскочив вслед за Никитой, я встал рядом с ним, оценивая всю обстановку. В глубине одного из дворов, хлипкий забор которого был повален, полыхало какое-то строение, вроде бани или сарая. Трое наших парней в форме стойко сдерживали несколько десятков беснующихся местных во главе с выглядящей совершенно невменяемой Киселевой. За их спинами у темной бревенчатой стены старого дома, до которого огонь еще не добрался, стояли двое мужчин, чей возраст сейчас не поддавался определению из-за того, что они были жутко избиты. Один, похоже, сильнее, потому что практически висел на плече второго, покрепче.

— Ладно, один наш клиент, а второй-то кто? — оценив увиденное, спросил у Никиты.

Тот всмотрелся повнимательней в измордованных до неузнаваемости людей.

— Твою ж налево! Это же участковый местный, Серега Баринцев! — наконец узнал он. — Как эти суки бешеные его изукрасили! Ну, я им, тварям, устрою!

Патрульным пока удавалось держать нападающих на расстоянии, но добраться до служебной машины, брошенной за пределами двора, сквозь всех этих орущих и потрясающих подручным оружием людей явно было без вариантов. Толпа — страшная сила, но в ней всегда есть предводители. И здесь в том числе.

— Вон эти трое, прямо за мамашей, — указал Никита на трех здоровых детей, больше всего нападающих на патрульных, помимо самой Киселевой, которая размахивала перед лицами полицейских чем-то вроде самодельного факела, вопила изо всех сил что-то про «порвать» и «спалить» помимо сплошного мата. — Надо бы вырубить их.

— Сначала того, — ткнул я здоровой рукой на одного тощего козла, стоящего в толпе чуть дальше, но при этом явно заводящего всех еще больше своими пламенными визгливыми речами. — Натуральный керосинщик, мля! Если ему хлебало не заткнуть, он нам организует камни в спину, даже если тех нейтрализуем.

— Ладно. Что делаем? — повел широкими плечами Варавин.

— Встань так, чтобы мне большую сторону прикрыть, и давай расчистим дорогу пацанам. Глянь, они же еще совсем зеленые у тебя и едва держатся! — И это была правда. Патрульные, на вид почти мальчишки, глядели на разъяренную толпу шокированно, и, несмотря на попытки держаться уверенно, даже отсюда было видно, что их отвага на исходе. Явно им в их тихой глуши с таким сталкиваться не приходилось. Да и дубинки они держали скорее как орудия обороны, а не нападения.

— Эх, не научил ты, Никитос, подчиненных людей бить. Не научил, — пробормотал я, крутнув шей, и обернулся в сторону машины.

Влада, бледнее обычного, замерла у дверцы, уставившись в толпу широко распахнутыми глазами, что сейчас виделись какими-то жутковатыми черными провалами. Она напоминала животное, попавшее в ловушку и впавшее в ступор от этого факта. Полагаю, что и без ее дополнительных зрительных опций происходящее смотрелось хуже некуда. А что она сейчас видела — и представить страшно. Кошмарного многорукого и многоголового человеческого монстра, охваченного единым желанием убивать, калечить и жечь. Млин, ну просил же ее остаться!

— Влада! — Никакой реакции.

— Влада, черт возьми! — рявкнул уже несколько не любезно. — Быстро в машину села! За руль! И сосредоточься! Мы с Никитой прем вперед, ты прямо за нашими задницами едешь! Надо вытащить тех двоих и наших пацанов срочно! Ты меня поняла?

Она закивала и забралась на водительское место.

— Двери заблокируй! И смотри только на нас, слышишь?

— Я все поняла, Антон, — ломким, будто не своим голосом ответила она.

— Ну что, сиди не сиди, а начинать-то надо? — немного бесшабашно фыркнул Варавин, занимая позицию слева от меня и сжимая свои пудовые кулачищи. Спарринговался я с ним прежде, бывало, и ох, как не завидую всем, кого он одарит своим вниманием.

— Точно, понеслась! — собрался я.

Ну, собственно, сказано-сделано. Все собравшиеся были полностью сосредоточены на событиях у дома и, естественно, не ожидали, что мы начнем буквально прорубаться сквозь них, расшвыривая в стороны, как кегли. Влада же, умница, делала именно то, что и сказал. Практически притерлась бампером к нам с Никитой, уверенно рассекая толпу, не давая им

опять собраться и одновременно работая нам щитом со спин. Вопящий керосинщик успел заметить наше приближение, но сделать ничего не смог уже. Здоровенный кулак Варавина отправил его слегка отдохнуть на неопределенный срок. Добравшись до главных атакующих, я не стал церемониться и хорошенько приложил ближайшего по основанию шеи. Следующий удар пришелся в челюсть второго пьяного вояки, пока Никита ронял последнего. Попал я не слишком удачно, и поэтому моя цель остался на ногах и только шатнулся вперед, одновременно толкая Киселеву с факелом прямо на патрульных. Та, видимо, приняла толчок как поощрение, метнула свою ношу в пацанов с торжествующим криком и кинулась на ближайшего, как взбесившаяся кошка. Один полицейский, слава Богу, успел среагировать и отбил этот кусок палки с горящей тканью своей дубинкой, а мне удалось остановить атаку женщины, поймав ее в последнее мгновение за шиворот и отшвырнув назад. Но искры от факела брызнули во все стороны и несколько упало под ноги избитым парням. Тут же одежда одного вспыхнула, словно пропитанная чем-то горючим. Истошно закричав, он рухнул и закатался по земле, в попытках притушить пламя. Будто из ниоткуда вдруг появилась Влада с автомобильным огнетушителем и мгновенно сбила пламя. Орать на нее за то, что вылезла из машины, само собой, было недосуг. Варавин выхватил у нее огнетушитель и направил в толпу.

— Давайте грузитесь все! — рявкнул он нам, тесня местных с помощью пинков и мощной струи.

Патрульные не растерялись и быстро запихнули обоих пострадавших и Владу вместе с ними в салон, а я прыгнул за руль.

Развернуться было без вариантов и поэтому просто пришлось сдавать назад, прямо за Варавиным и тремя патрульными, которых теперь под его руководством словно подменили. Они перли вперед, сметая толпу прямо как гребаные всадники апокалипсиса! Мы уже выехали со двора, когда Влада неожиданно закричала и вцепилась в мою руку.

— Он здесь, Антон! — хватая воздух, хрипела она, неотрывно глядя куда-то в темноту и дергая ручку двери, пытаясь открыть.

— Кто? — непонимающе завертел я головой.

— Убийца! Он здесь! Совсем близко!

Ручка поддалась, и я опоздал на долю секунды, схватив воздух вместо Влады. Она буквально вывалилась наружу и, не поворачиваясь, забормотала, звуча при этом совершенно отчаянно:

— Красный-красный-красный! — дрожащей рукой она указывала вперед, где невозможно было разглядеть ни зги. — Какой же омерзительно красный! Это невыносимо!

Ну вот и почему я свой гребаный табельный ПМ оставил в сейфе?! Вопрос, сука, чисто риторический, адресованный вселенной и посетил только сейчас, а не даже во время заварушки с толпой. А все потому, что от Влады исходили волны чего-то настолько пугающего, что невольно захотелось иметь какое угодно оружие, кроме собственных кулаков.

— За руль кто-нибудь! — рявкнул ближайшему патрульному, распахивая дверь.

Толпа осталась позади и поутихла, хоть и не рассеялась. Издалека послышались завывания сирены приближающейся пожарки. Хотя чего уже тут тушить то?

— Какого хрена творится? — налетел на меня Варавин. — Нам валить надо отсюда!

— Не сейчас! — огрызнулся я, быстро обходя машину, и крикнул двинувшейся вперед женщине: — Влада, а ну стой!

— Он уходит! — с панической ноткой ответила она и, наоборот, прибавила шагу.

Да твою же ж мать! У кого-то назревают серьезные неприятности, и этот кто-то не я! Ей богу, прямо чувствую в себе пробуждение садиста-извращенца, желающего догнать, перекинуть через колено и всыпать по первое число упрямой бабе. Но, с другой стороны, понимаю ведь, что она сама себе почти не принадлежит в это мгновение.

— Антоха, ты в своем уме, прогулки устраивать! — Никита впопыхах схватил меня за больное плечо, и я зашипел, сталкивая его руку. — Прости, но очнитесь вы! Сейчас эти очухаются, и что делать станем? Опять бить?

Я ему ответил невнятным жестом, боясь отвести взгляд от Влады.

— Ант-о-о-он! — почти истерически взвизгнула впереди Влада, подстегивая меня не хуже электрошока, и сорвалась в бег.

— Да что происходит-то?! — окончательно вышел из себя Варавин.

— Он уходит! — перекрикивая его, кричала Влада, за которой я ломанулся по абсолютно темной улочке, увязая на каждом шагу в лужах.

— Езжайте отсюда! — отдал приказ подчиненным Никита, разворачиваясь на ходу и взмахивая руками. — Живо, давайте! Мы на вашей патрульке потом!

— Влада! — Вот только что сумасшедшая женщина неслась впереди и вдруг резко свернула и будто исчезла в крошечной тьме. — Влада, стой!

— Я тут! — отозвалась она, но тут же громко вскрикнула, и что-то затрещало, зашуршало впереди, и послышалось несколько ее сдавленных болезненных стонов как от ударов.

У меня в башке будто тротиловая шашка рванула, ослепляя и оглушая чистой паникой и яростью. Рванулся на звук, и у самого земля резко ушла из-под ног. Едва удержался, чтобы не покатиться кубарем в невесть откуда взявшийся овраг, но все же плюхнулся на задницу и просунулся несколько метров так, пока не впоролся в первое же дерево. Сжал зубы, чтобы тупо не заорать в голос от того, как это столкновение отозвалось в сломанной ключице. Долбаная природа и сраные сюрпризы ее естественного ландшафта! Немово, похоже, из тех самых деревень в одну улицу, так что, едва выскочив за ее пределы, реально оказываешься прямо в лесу. Или в нашем случае — в овраге.

— Антоха, ты в порядке? — врезался мне в спину Никита, добавляя приятных ощущений. — Влада где?

Пока бежал, то нащупал в кармане телефон и сумел включить фонарик, но от этого стало только хуже. Узкий, режущий глаза белый луч натыкался только на стволы деревьев, листья да коряги, преломлялся, создавая хаос, и делал окружающую тьму еще плотнее и непрогляднее.

— Да выключи ты его к хренам! — зашипел я разъяренной змеюкой. — Без него глаза быстрее привыкнут.

Варавин послушался и попытался меня поднять, но я отмахнулся, со стариковским кряхтением вставая сам.

— Влада, отзовись сейчас же! — взревел на всю округу, вслушиваясь и вглядываясь.

— Я тут. Ногу подвернула, — голос и правда звучал где-то совсем рядом и на удивление спокойно, хоть и с отчетливой виноватой ноткой. — Антон, он впереди! И я уже почти не вижу красного! Быстрее, пожалуйста!

— Кого она не видит? Что за красный? Что за... — встрял Никита, но я его заткнул.

— Тш-ш-ш!

И тут я его услышал. Кто-то явно быстро шел, почти бежал впереди, и под его ногами трещали валявшиеся повсюду здесь ветки.

— Не двигайся! — приказал я Владе и побежал вперед так быстро, как только позволяла корявая и местами зыбкая почва, густые кусты и темнота. — Ну, сука, удавлю!

Никита, не задавая больше вопросов, пыхтел сзади. Но мы безнадежно отставали. Словно вся местная проклятухая природа восстала против нас. То и дело ноги глубоко вязли в какой-то жиже, под них попадались упавшие стволы, цеплялись стелющиеся по земле побеги. Ветки наотмашь хлестали по лицу, норовя выбить глаза, или группы деревьев оказывались стоящими так близко друг к другу, что приходилось огибать их, теряя драгоценное время. Звук, на который я ориентировался, становился все тише и дальше, заставляя сердце бухать в бессильной ярости так, что я уже вообще переставал улавливать хоть что-то. Сука-сука-сука-а-а! Как я себя ни рвал, это случилось. Спустя, казалось бы, бездну времени в этой слепой погоне, а на деле минут пятнадцать перестал слышать убегающего. В сердцах стал метаться и пинать деревья, проклиная все на свете.

— Антох, может, теперь-то скажешь, куда мы и зачем бежали? — тяжело дыша, спросил Варавин.

Он стоял согнувшись, упершись ладонями в колени, и жадно хватал воздух. Да я и сам готов был легкие выплюнуть, ощущая себя загнанным конем, которого стоило пристрелить из гуманности. Но было это не столько от бега, сколько от прущих наружу чувств бешенства и разочарования, готовых разорвать в клочья мозг.

— Убийца там был, — не в силах сдержаться заорал я, тыкая рукой в темноту. — Влада его видела! Видела, понимаешь!? А я, зараза, дурень бесполезный, упустил!

Никита некоторое время молчал, но я ощущал на себе его недоуменный взгляд. И именно вот это его безмолвное изумление стало отрезвлять меня.

— Ладно, как скажешь, — наконец сказал он, но я отчетливо различил эти гадские нотки сомнения и осторожной жалости к себе, и это стремительно понизило градус моего полыхающего бешенства, превращая его в ледяную корку разочарования в себе. — Может, тогда план перехвата какой-нибудь организуем?

— Может! — не сдерживая желчи, ответил я. — Только понятия не имею, кого перехватывать надо. Ни примет, ни транспорта, ни хрена!

— Ясно, — пробормотал Варавин, и я снова уловил этот извиняющийся тон, как у Влады. Вот же я урод! Косяки мои, а виноватыми умудряюсь заставить ощущать окружающих.

— Никитос, прости! Я не в себе сейчас слегка, — извиняясь, пробухтел я, быстро успокаиваясь окончательно. Чего уж теперь пениться, поезд ушел, рельсы остыли.

Выброс адреналина пошел на спад, и мозги стремительно прояснились. Неприглядная реальность происходящего становилась все отчетливее. Каким же психом наверняка выглядел сейчас для Варавина, и при этом ему хватало такта или еще черт знает чего не ткнуть меня в это носом. Растревоженное плечо стало «жевать» просто безбожно, сквозь мокрые по колено ноги холод пробрал до костей. И понимание, что мы тут неслись, чуть не ломая себе шеи, возможно, вообще не за тем — последняя убийственная капля яда. Влада же сама говорила, что сможет увидеть только маньяк это или нет, а вот тот ли он самый... Хотя по логике вряд ли тут убийцы-психопаты стадами пасутся. А с другой стороны, где теперь логика и где я после встречи с этой странной женщиной.

— Влада, черт, — пробормотал я. Пока тут психую и изображаю нервную барышню, она

там одна, замерзшая и в темноте. И что мешает ублюдку, убежавшему от нас, таких, мать его, великих гончих и следопытов вернуться к ней. Да ничего!

— Зараза! — подскочил и заозирался. — Возвращаться надо нам. Она же там одна.

— Надо, — отозвался Никита. — Только не заплутать бы в этой темнотище! Ты же под конец метался тут, как подстреленный заяц. Хрен его знает, где теперь нужная сторона!

— Не-не-не, Никитос! Здрате, не надо так шутить! Ладно я городской лох, а ты-то у нас матерый лесной местный волчара! Выводи давай.

Варавин ответил мне общеизвестным жестом и тирадой без единого печатного слова.

— Никитос, ты матерого с матерным не перепутал? — поддел его я. — Разница-то имеется!

Выбраться нам все же удалось. Не сразу, конечно, но, повопив в две глотки до хрипоты, мы докричались до Влады и пошли на ее голос. Когда добрались до нее, женщина стояла, прислонившись к дереву, дрожа от холода, и явно берегла правую ногу.

— Я его упустил! — буркнул я, подходя и опережая вопросы. Как будто и так это не было очевидно.

— Мы упустили, — поправил Никита. — У меня такое чувство, что он в каком-то приборе ночного виденья бежал. Ну реально невозможно так нестись в темноте и не убиться к чертовой матери! Ты не успела увидеть ничего у него на лице, Влада?

Она только молча покачала головой. Плечи женщины опустились как под неподъемной тяжестью, вызывая острое желание попросить Никиту отстать сейчас от нее.

— А приметы? Одежду? Хоть что-то? — Снова тот же ответ. — Ясно. Ну и хрен с ним пока! Давайте-ка мы свалим отсюда в тепло.

Я был благодарен Варавину, что он не продолжил расспросы, тыкая нас еще больше в явное безумие собственного недавнего поведения, а просто обхватил Владу за талию, вынуждая опереться на его плечо, и повел вверх по поросшему кустами склону. Дорога назад и наверх само собой давалась труднее, мы то и дело соскальзывали обратно, и приходилось хвататься за кусты, еще добавляя царапин. Но как только вышли опять на немовскую темную улицу, Влада оглянулась на меня, словно ища поддержки, и я сменил Никиту, подставляя ей здоровое плечо. И только тогда ощутил, как же ее колотит. И я видел: не только и не столько холод — причина этой трясучки. Влада боролась с собой, стискивая челюсти так, что аж выдыхала с тихим фырканьем, загоняя эту дрожь внутрь, но полностью справиться и скрыть ее от меня не получилось.

— Ну, прекрасно! Мы с тобой теперь чудо, а не парочка! — попытался я отвлечь ее, позволяя своему языку нести всякую фигню. — Один однорукий, другая хромая — настоящая команда! Плюс еще синяки-царапины! Ты представляешь, что будет в управлении, когда мы там такие все красивые рисуемся? Они же там или от смеха животы порвут, или мозг сломают, придумывая новые версии наших приключений. А мы им ни черта-то и не расскажем. Пусть мучаются, неудачники. Скучно живут, не то что мы!

Но вызвать хоть тень улыбки на абсолютно белом лице не вышло. Влада просто кивала невпопад моим словам, совершенно меня не слыша. Встряхивать ее и пытаться привести в чувство сейчас не самое подходящее время. Хотя и думать о том, что она, возможно, продолжает видеть тот самый красный, о котором говорила так, что волосы шевелиться начинали, тоже было не по кайфу. Патрульная машина так и стояла, мерцающая издали синекрасными огнями, а вот толпы как ни бывало. Так ведь всегда и случается. Угар прошел, вместе с ним иссякли смелость и жажда справедливости негодующего большинства. Все

быстренько расползлись по норам в надежде завтра зажечь снова по-прежнему. В уверенности, что все сотворенное ночью станет камнем неподъемной вины на чьей-то чужой шее. И когда или если придет время нести ответственность, то сия чаша именно их минует. Просто не хочу представлять, сколько работы ждет Варавина, если он и правда решит притащить хоть кого-то из них в суд.

— Я каждого привлеку! — бормотал, однако, по-прежнему пылающий жаждой мести и правосудия Варавин, усаживаясь за руль. — Они у меня замануются по судам таскаться, линчеватели сраные!

Вместо дома он повез нас в районную больницу, где, несмотря на глубокую ночь, по случаю ЧП собрался почти весь немногочисленный медперсонал. Плюс еще снаружи пара десятков «неравнодушных граждан с активной жизненной позицией», читай, главных местных сплетников. Когда еще такое в их Мухосранске-то случится. Даже какой-то репортер из местной газеты образовался с диктофоном и праведно-обеспокоенным выражением лица. К нашему приезду избитых обследовали, загипсовали, перебинтовали и уложили в койки. Патрульные — молодцы ребята — сориентировались сами и организовали дежурство в палате избитого парня. Он оказался приезжим художником, дальним и единственным родственником местной недавно почившей бабульки, и наведывался в перешедший по наследству домик каждые выходные. Разбираться, по какой такой причине немовские аборигены определили его в маньяки, решили завтра, как только его обезболивающие попустят. Влада же только разок мельком глянула в его сторону и покачала головой. Конечно, мне следовало еще осилить кучу канцелярщины, прежде чем определить его статус, подтвердить или опровергнуть невиновность, но этому ее незаинтересованному взгляду вкупе с равнодушным движением головы я уже доверял больше, чем всем возможным будущим обвинениям и доводам. Дожил, мля. Вывих Влады оказался, слава Богу, не слишком серьезным и был тут же вправлен, а многочисленные ссадины обработаны. Мы же с Никитой вообще отмахнулись от настойчивых попыток полечить нас от чего-нибудь, одновременно добывая подробности для сенсационных завтрашних сплетен. Уже через полчаса подъехали к коттеджу Варавиных с гостеприимно светящимися окнами, хоть и было уже под утро. На секунду заныло-зацарапало внутри, когда Ольга выскочила на крыльцо в теплом домашнем халате и, кратко взглядевшись в усталое лицо мужа, обвила его шею в каком-то бесконечном интимно-родственном жесте. Когда мы все ввалились в светлую кухню, хозяйка, мягко выражаясь, одарила нас недоуменным взглядом. Вид у нас, прямо скажем, был тот еще. Влада вообще выглядела так, будто ее волочили за ноги по лесу. Растрепанная, листья в волосах, лицо исцарапано, одежда порвана. Мы с Никитой в грязи по колено и расхлыстанные после пробежки. Можно сказать, красавцы-огурцы даже. Но Ольга, проявив настоящую женскую мудрость, не стала никого пытаться расспросами. Щедро наделив каждого почти стаканом коньяка, велела одежду оставить на полу в ванной и немедленно ложиться спать. Само собой, желающих возразить не нашлось.

— Раздевание, попытка номер два! — пробубнел я, торопливо и совсем не деликатно помогая Владе лишать нас одежды.

Именно нас, потому что оба словно боялись не успеть оказаться голыми в этом душе под хоть частично очищающими от всего, в том числе и от реальности, горячими струями. Нет, не нежность. И близко. Не глаза в глаза. Только плоть к плоти. Точно не некая связь, которая рождается в изучающих, где-то робких движениях. Это вообще не было чем-то «вместе». Сейчас мы были глухи к внешним вибрациям, невосприимчивы к эмоциям. Секс

вдвоем, но при этом каждый в себе. Два схлестнувшихся в этой точке пространства примитивных, ни под что не замаскированных голода, спровоцированных, подстегнутых всей увиденной сегодня человеческой необузданностью и жестокой первобытностью. Откровенное использование ради того, чтобы быть использованным. Так, казалось бы, мало и только на поверхности. Но просто жизненно необходимо обоим.

ГЛАВА 22

«... — Красный-красный-красный! — лицо Влады искажено ужасом и отвращением, а темные омуты глаз прожигают во мне не просто дыру, а целый бездонный тоннель, в который с размаху проваливается моя порченная душа. Образ Влады размывается, голос трансформируется, становясь голосом моей матери.

— Какой же ты омерзительно красный, Антон!!»

Проснулся от истошного крика в моей голове, весь напряженный и сжавшийся от ощущения падения, и тут же стал шарить глазами в поисках Влады. Ее нет. Место рядом со мной в постели оказалось пустым и холодным, и это мне отчего-то жутко не понравилось. Вытер ладонью мокрый холодный лоб и поднялся, чуть не воя от того, как ломало все тело. Проковылял в гостиную и нашел Владу спящей на диване. Она лежала головой на мягком подголовнике, подтянув к животу колени, будто ее мучала боль, темные спутанные волосы почти скрыли лицо. Внутри, за ребрами что-то опять начало щемить и скрестись от того, какой незащитной выглядела она с этими сильно выступающими ключицами и угловатым торчащим из-под ткани плечиком. Но потом мой взгляд упал на тонкую кисть, сжимающую покрывало, словно она во сне опасалась его исчезновения, и вид этой исцарапанной руки с очень бледной, почти прозрачной кожей неожиданно ударил меня прямым в пах, вызывая не просто мощное влечение, а тяжкую, прямо-таки безотлагательную необходимость. Воспоминание о том, как эти тонкие, стискивающие сейчас ткань пальцы белели от напряжения, царапая розоватый кафель стены в бессильных поисках опоры, пока я совершенно остервенело вколачивал себя в горячее тесное тело в погоне за облегчением, вдруг оказалось в миллион раз более возбуждающим, чем весь самый развратный прежний опыт. Член подпрыгнул, почти мгновенно налившись дурной кровью до предела, загудел, как долбаный высоковольтный провод. Мне до зубовного скрежета захотелось прямо сию же секунду проскользнуть за спину Владе и, вжав в себя, закинув ногу на мое бедро, повторить вчерашнее. Только уже медленнее, смакуя запахи и ощущения, вслушиваясь в каждый звук, ловя любую дрожь и судорожное сжатие мышц до того момента, пока самого не скрутит от дикой потребности кончить. Остатки совести, еще не убитые эрекцией, и какое-никакое знание женщин и их физических возможностей настойчиво тыкали, что подобному пробуждению Влада вряд ли обрадуется. Ночью все было слишком быстро и интенсивно, почти грубо с моей стороны, а подсказок и наводящих вопросов мне как-то не было нужно, чтобы понять, что у нее давно не было секса. Чувства вины за собственную дикость я и не испытывал, нет. Вчера все происходило на совершенно другом уровне, и обоим нужно было именно так. Но сейчас, в сероватом свете нового утра прежняя простота и примитивная однозначность быстро таяли под натиском реальности. Вот только той откровенной похоти, что сжала как тисками мои яйца, было начхать на очевидность, а мой член ей поддакивал, дергаясь у живота и требуя допуска внутрь этой женщины любым возможным образом.

— Уймись, гадский попрошайка! — шепнул я ему, твердо намереваясь уйти и дать Владе нормально спать дальше.

— Антон? — Мля-я-я, голос Влады со сна был такой чувственно-хрипловатый, что звук

собственного имени прошелся по коже остро-сладкой лаской, тут же отключившей четкую ориентацию в пространстве. Ладно, может и не так уж твердо я был намерен уйти, подумал, опускаясь на колени перед диваном и отодвинул край покрывала, обнажая стройные голени Влады. Она сначала затаила дыхание, когда я прижался к гладкой коже губами и языком, вдыхая ее дурманящий запах. Потом еле слышно выдохнула и снова прошептала мое имя, запуская руку в волосы, и меня буквально заколотило от вновь накотившего возбуждения. Да к черту! Ей придется прогнать меня, если хочет, чтобы ушел!

— Скажи мне уйти, если для тебя слишком, — пробормотал, выцеловывая ее колени. — Я сам не остановлюсь.

Но вместо этого Влада просто совсем отбросила покрывало и вытянулась на диване, словно преподнося мне свое хрупкое тело в дар. И чтоб я сдох, если когда-то за мою жизнь получал более желанный подарок.

— Я же сказала, что возьму все, что ты мне захочешь дать, Антон. — Снова эта легкая хрипотца и прямой открытый взгляд, говорящий все без утайки о ее желаниях. Боже, передать не могу, что это сотворило со мной. Даже извивайся она сейчас в неистовстве и умоляй ее трахнуть как угодно, я бы не завелся сильнее.

Шипя, потерся лицом о плоский живот Влады, кайфуя от того, как она вздрагивает от легкого царапанья моей отросшей за сутки щетины. Облизал тазовые косточки, уткнулся носом во впадинку пупка. Влада была такой тихой и сейчас, и даже тогда в душе. И мне безумно нравилась эта необходимость напряженно вслушиваться в каждый ее прерывистый вздох, чтобы уловить безмолвные ноты мелодии того удовольствия, что я отчаянно хотел ей дать. Поднявшись выше, жадно смял мягкую плоть одной ее груди, дразня языком и губами твердый сосок второй. Как же мне сейчас были нужны обе руки, да и вообще полная дееспособность не помешала бы. Очередной резкий, но поразительно тихий выдох снял уже с дрожащих припухших губ, но тут же ахнул, когда Влада, не выдержав больше неподвижности, схватилась за мои плечи.

— Прости-и-и! — тут же отстранилась она, отдергивая руки.

— Да похрен! — рыкнул, настойчиво захватывая ее губы снова.

— Нет-нет-нет! Стой! — накрыла мой рот пальцами Влада. — Сядь, пожалуйста, Антон.

Тяжело дыша, я замер. Вот придурок, знал ведь, что нужно сдержаться. Наверняка же у Влады все внутри болит, а я опять лезу со стояком, как подросток неумный. Но твою же мать! Борясь с разочарованием, чуть прикусил кончики пальцев Влады и, отстранившись, сел на задницу, вытягивая ноги. Тут же остро захотелось прикрыться, чтобы не ощущать себя уж полным идиотом и мудаком с торчащим как гребаная свечка прибором.

— Извини, — попытался улыбнуться, но вышла кислая гримаса. — Я вчера был слишком грубым? Обычно я не такой чурбан, ну, по крайней мере, во всем, что касается заботы о...

— Заткнись! — резковатые черты лица Влады, кажется, еще больше обострились, и не было и намека на улыбку. — Ты сел не туда! Но, в принципе, совершенно наплевать.

Соскользнув ко мне на пол, Влада встала на колени надо мной и, обхватив ствол, потерла свою мокрую плоть головкой. Меня прострелило так, что только спазм в горле не позволил заорать. Я целую вечность не позволял даже приблизиться своему неупакованному члену к женскому влагалищу. Не важно, в чем меня пытались убедить. Но Владе оказалось достаточно просто вчера шепнуть мне о таблетках, и я, кажется, тут же забыл о том, что на

свете вообще существуют презервативы. Знаю, я псих и придурок, но кому какое до этого дело, когда ее влага на моем члене ощущалась так охренительно.

— Не извиняйся за то, что хочешь меня, — ломким голосом прошептала она, коротко прихватывая мои губы своими. — Никогда!

Шевельнув бедрами, она чуть опустилась, впуская меня в горячую тесноту своего тела совсем немного. Обхватив мой затылок, стала целовать жадно и бесстыдно, превращая контакт наших ртов в полноценный секс, при этом не двигаясь вниз, очевидно, собираясь медленно убить меня или заставить умолять, выпрашивая принять каждый новый сантиметр. А я ведь попрошу, не гордый.

— Сядь уже на него к хренам, жестокая ты женщина! — жестко стиснув ягодицу Влады здоровой рукой, толкнулся бедрами вверх и прикусил ее подбородок.

И это чрезвычайно вежливая просьба, учитывая мое состояние. Просил — получи. Влада опустилась резко, сразу до конца и порочного шлепка плоти об плоть. Мой позвоночник выгнуло, и я просто рухнул под ней на спину, сдавленно матерясь и плясь в потолок на миг ослепшими глазами. Но это не замедлило и не остановило Владу. Она снова и снова поднималась и резко опускала свои бедра на меня. Молча, без единого стога, шумно и яростно выдыхая сквозь сжатые зубы и не сводя глаз с моего искаженного наслаждением лица. Я балансировал на грани, едва она начала. Эта ее безмолвность, за которой скрывалась свирепая страстность, взрывала мне мозг. А когда ее внутренние мышцы затрепетали, делая тугой захват ее тела просто уже невыносимым, я понял, что больше просто не могу.

— Влада, сейчас! — Фиг его знает, умолял я или приказывал, но это сработало.

Влада выгнулась дугой, запрокидывая голову, и издала наконец тот самый тихий, долгий, выворачивающий душу стон, что добил меня вчера и мгновенно освободил сейчас. Я хрипел и трясся под ней, кончая так, что, наверное, после этого во мне не должно было остаться ни капли жидкости.

Я оставил Владу спящей в постели, куда, как смогли передвигаться, вернулись в полном молчании, которое, однако, не ощущалось тягостным или неправильным. Не молчание — «Мне нечего тебе сказать». Нет. Это было молчание — «Нам слова не нужны». Влада уснула практически мгновенно, будто в ее теле совершенно иссякла энергия. Не стала липнуть ко мне, требуя объятий или поцелуев, а просто свернулась опять клубком под боком и затихла. У меня же сна не было ни в одном глазу. Почему-то остро захотелось на воздух, да так, что в голове закружилось и зазвенело, будто в горах на большой высоте, где недостаточно кислорода. Наша грязная одежда пропала из ванной, зато обнаружили две аккуратные стопки чужой, явно принесенные Ольгой на замену. Надеюсь только, что она приходила не тогда, когда мы с Владой были поглощены сексом в душе. Потому что я бы наверняка в тот момент ничего не заметил, а, и заметив, не факт, что был в состоянии остановиться. Быстро одевшись, я вышел на крыльцо и уселся на деревянные перила, шумно вдыхая и выдыхая, захватывая утренний морозный воздух полными легкими, но особого облегчения не почувствовал. Разве что болезненная тяжесть сконцентрировалась в самом центре груди. Неужто пришло и твое время, Антоха, идти всерьез сдаваться докторам? Говорят, эта сердечная фигня у мужиков раньше, чем у женщин, начинается, а все потому, что мы много сдерживаемся. Откуда взялась эта инфа в моей голове? Ах, да, одна из прежних подружек читала мне иногда вслух подобную хрень из сети, прозрачно намекая на отсутствие с моей стороны достаточной эмоциональности. Она что, думала, до меня дойдет, и я однажды

разрыдаюсь после очередного раунда, потрясенный силой ощущений? Мысли совершили кульбит, и картинка недавнего секса с Владой встала перед глазами. Мышцы пресса и спины резко сократились совершенно произвольно, да так, что все тело содрогнулось, и я чуть с перил не свалился. Густая тягучая волна насыщенного тепла прокатилась по телу от паха и до самых корней волос, и я снова как наяву видел ее выгнувшееся тело, такое хрупкое, что, казалось, могло сломаться пополам в следующей сладостной судороге. В груди заболело еще сильнее, и на горизонте отчетливо замаячила самая натуральная паника. Шипя и кривясь, я потер кулаком в районе сердца и спрыгнул с перил. Пошел в сад, примыкающий к коттеджу Варавиных, и принялся вышагивать среди обнаженных в зиму яблонь и слив, пиная влажные, прихваченные изморозью, опавшие листья. Перебирал в голове каждый момент прошлой ночи, пытаюсь настроить себя на рабочий лад, но, словно издеваясь, мозг упорно возвращал меня в минуты нашего совместного с Владой безумия, будто это было гораздо важнее всего остального.

— М-дя, мой дед бы мне уши оторвал бы за такой бардак в саду, — сиплый сонный голос Никиты заставил дернуться и развернуться.

— Варавин, ты хоть топал бы погромче, а то подкрался тут! — неожиданно сам для себя выверился я. Ну в самом деле, вот так глянешь — медведина натуральная, а подобрался беззвучно, как мышь.

— Антох, я нормально топал, но ты думаешь так громко, что хоть на тракторе подъезжай, а ты бы не услышал, — зевнув, огрызнулся Никита и передернулся: — Холодно, зараза! Чудинов, пойдем кофею, что ли, попьем.

— Да рано еще. Стыдно Ольгу твою опять беспокоить. Да и подышать я еще хочу, — произвольно я снова потер упорно саднящую грудь, но быстро опустил руку, заметив, как внимательно проследил Никита за моим движением.

— Подышать, говоришь. Ну, давай подышим, — подойдя к ближайшему дереву, он аккуратно обломал сухую ветку. — А Ольгу мы не побеспокоим. Я уже пару месяцев варю себе кофе исключительно сам и рано утром, пока она спит. Тошнит ее от этого запаха.

— Тошнит? Так она... — уставился я на Никиту. Нет, ну не дурак ли? Они семья, сто лет вместе, понятно, что дети это само собой разумеющееся.

— Не она, а мы, — поправил меня Варавин и расплылся в самой идиотско-счастливой улыбке, какую я только у него видел.

— Поздравляю! Но, если честно, не понимаю, как люди на это решаются! — ляпнул я, прежде чем прикусил свой длинный язык.

— В смысле? — удивленно покосился на меня Никита и чуть нахмурился.

— Мир сейчас — такое поганое место, что быть ответственным за приход в него еще одного существа я не решусь никогда. — Чего уж, начал, так надо договаривать. Хоть и чувствовал себя при этом скотиной бесчувственной.

— Решишься, Антох, — спокойно, но при этом шокирующе уверенно возразил Никита, несколько не рассердившись. — Мир не стал ни хуже, ни лучше, он такой, каким мы его воспринимаем. А дети — это основа жизни и будущее. И твое, и этого самого мира, между прочим. А решишься ты в свое время и со своим человеком. Ответственность поровну разделите, зато радость надвое умножите.

Философ, блин!

— Это ты где вычитал? С Ольгой книги для беременных вместе изучали? — съязвил я, пытаюсь уже соскочить с темы, потому что она почему-то была созвучна с этой противной

болью в груди.

— Нет, я больше теперь как-то по женским любовным романам, — в тон мне ответил он. — Гормоны, сам понимаешь. Дурень ты, Антоха. Но, слава Богу, не безнадежный, как я погляжу.

— И что сие значит? — тут же напрягся я.

— Сам поймешь, — коварно усмехнулся Варавин. — Думаю, скоро.

— Да ну тебя! — отмахнулся я и стал снова пинать мерзлые листья. — Вот ты мне скажи, эта твоя хрень со своим человеком. Это вообще как? Типа шел, увидел и тут же понял — мое-о-о!

Никита опять взялся за обламывание мертвых веток, морща лоб и выглядя задумчивым, а может просто вспоминал.

— Вовсе не обязательно, чтобы вот так сразу. Жизнь-то не сказка, чтобы все в секунду делалось, — наконец ответил он. — Хотя... Мы же с Ольгой росли почти по соседству, чуть ли не каждый день пересекались. А однажды иду по улице, а она впереди, пакет с продуктами из магазина несет, зеленый такой, — взгляд Варавина остановился, и он вдруг улыбнулся как-то смущенно и счастливо одновременно, что показалось, в этом чертовом саду сразу в разы потеплело. — И тут как обернется... А я гляжу на волосенки ее, ветром растрепанные, на щеки и нос в веснушках и понимаю, что дышать не могу. В общем, шел я себе по своим делам, а тут раз... и все.

— Что все? — я уставился на его кулак, которым он сейчас тер ребра.

— Попал я. Насовсем, — пожал Никита плечами, будто говорил самую очевидную вещь в мире. — А она тогда же еще соплячка шестнадцатилетняя была. Но я ей сразу сказал — про других забудь. Только отучусь — сразу женимся. И к отцу ее перед отъездом в город пришел.

— А он что? — не мог не улыбнуться, представив себе это явление решительно настроенного Варавина.

— Ржал надо мной. Сказал, время покажет. А чего ему показывать? Все один раз показано. Я и всем пацанам местным провел инструктаж с предупреждением. Объяснил, что оторву и куда засуну, если к моей Ольге кто близко подойдет, — он потряс здоровенными кулачищами.

Ясное дело, что местные вняли таким его аргументам. Я бы тоже принял их во внимание.

— А я, если честно, думал, что ты слегка по расчету женился, — не стал скрывать я. — Прости уж.

— Да ерунда, — махнул он рукой. — Так многие думают и по сей день. Нам с Ольгой без разницы.

— И что, ни разу не хотелось ничего и никого другого, Никитос? Ты же вроде с нами всегда тусовался, не сидел монахом. Ни за что не поверю, что соблазна не было.

Никита вдруг помрачнел так сильно, что меня аж передернуло. Чего я лезу вечно со своими вопросами? Надо было до всего докопаться, доковырять. Вот же, мля, профессиональная болезнь!

— Был, Антоха, — Варавин ответил тихо, но при этом как-то зло и явно нарочно избегая встречаться взглядом. — И я ему поддался. Один раз.

Я на пару секунд завис. Как-то все это...

— И что же? — буркнул, чтобы сказать хоть что-то.

— Ничего.

— В смысле? Не понравилось? — Нет, ну не дебил ли ты, Антоха!

— А при чем тут понравилось или нет? — на щеках Никиты вспыхнули красные пятна. — Секс на то и секс, чтобы нравиться, особенно нам, мужикам.

— Ой не скажи, Никит. Секс сексу рознь. — Да заткнись ты уже, Чудинов!

— Ну, ты у нас профи, тебе виднее, — вздохнув, Никита принялся с новой силой ломать не угодившие ему ветки. — А вот мне потом так погано было... В общем, повторений для осознания мне не потребовалось, Антоха. На то нам Бог мозги и дал, чтобы понимать, когда мы совершаем ошибки, и делать из них выводы.

— Ясно. Однолюб ты у нас, Варавин. Наверное, даже завидую тебе. Хотелось бы знать, каково это — иметь такую полную однозначную ясность.

И я не кривил душой, говоря это. Кто не хотел бы быть однозначно уверенным, что вот именно этот человек и есть источник твоего счастья и останется им даже годы спустя.

— Еще узнаешь, Антох. Какие твои годы!

— Ну да, ну да! Слушай, а Ольга знает? Ну, об этой твоей... ошибке.

— Нет! Зачем это? — Варавин оглянулся на окна дома с почти суеверным страхом. — Это моя ошибка, Чудинов. Мне с ней и жить до скончания века.

— А как же полная честность в семье и все такое?

Никита повернулся ко мне и уставился прямо в глаза.

— Ты сделаешь что-то, чтобы нарочно причинить боль человеку? — раздраженно спросил он. — Любому, даже чужому-постороннему?

— С чего бы это? Я же в своем уме.

— Вот и я в своем, Антоха. Я совершил косяк, я — не Ольга, — махнул он рукой в сторону дома. — Она не виновата, никак меня к этому не подтолкнула. Только мое любопытство или черт знает еще что. Но это никак мое восприятие Ольги как главного человека в моей жизни не поменяло. Наоборот, все стало очевиднее некуда. И с какой стати я тогда должен с ней делить груз этой ошибки, зная заранее, что это причинит ей боль?

— И что же тогда? Ты просто решил простить себе и забыть тот случай?

— Нет. Не простил и тем более не забыл. Просто научился жить с этим опытом. Думаешь, я в этом не прав?

Так, надо закругляться. Чего это меня практически допрашивать его потянуло? Весь разговор какой-то вышел кривой и неуместный, а вопросы мои вообще шедевральны.

— Не спрашивай меня. В чем-чем, а в этих вопросах я полный ноль. И вообще, Никитос ты такой, мать его, правильный, что у меня уже от тебя долбаный токсикоз начинается!

— Ну не ной, Чудо! На соленькое хоть не тянет? А то я тебе Ольгины огурцы вместо кофе достану! И пойдем уже в дом! У меня уже яйца на этой холодине внутрь втянулись! Приспичило погулять ему!

ГЛАВА 23

Влада тихонько постучала в дверь, когда Никита уже разливал ароматный напиток из большого прозрачного кофейника по чашкам.

— А здесь кофе всем дают, или это чисто мужские посиделки? — спросила она с мягкой расслабленной улыбкой, наличие и особое сияние которой я нахально приписал себе.

Ну, а почему бы и нет, если от одного звука ее голоса я моментально ощутил себя слегка невесомым. Необъяснимая тяжесть в груди вдруг стала здоровенным таким шаром,

наполненным гелием, норовящим оторвать мой зад от стула и потянуть как на веревочке навстречу Владе.

— Нет, у нас кофепитие унисекс! — радостно ответил Варавин, извлекая из шкафа еще одну чашку. — Присаживайся, Влада, сейчас и бутербродов организую, а то когда потом еще поедим.

Ольгина одежда выглядела на Владе чуть мешковатой, широкой в груди и плечах, но смотрелась отнюдь не небрежно, наоборот, заставляла выглядеть ее моложе своих лет. Цыпляче-желтый цвет свитера с высоким горлом будто подсвечивал ее бледную кожу и акцентировал внимание на насыщенно-карем цвете глаз, в которых сейчас не было и следа скрывающегося в этой женщине пугающего дара. Если так удачно прищуриться, то Влада вообще могла сойти за подростка. А может, дело в том румянце, что проступил на ее щеках под моим ни капли не скромным взглядом.

— Какие у нас планы на сегодня? — хлебнув горячего напитка, она прикрыла глаза и глубоко, с каким-то абсолютно искренним наслаждением вдохнула, от чего изящные ноздри расширились и задрожали. Трепетно, изысканно, возбуждающе, совершенно... э-э-э-э, Антоха! Стопэ! Куда это тебя поперло? Белый день на дворе, дел — вагон и маленькая тележка! Переключаемся в рабочий режим! Тем более похоже, именно на это Влада тебе и намекала, упорно избегая прямого визуального контакта. Все правильно: сначала маньяки, а потом уже личное. Хотя похоже, что для меня это дело как-то странно смещается в сторону личного, а это совсем не хорошо.

— Первым делом обыск, точнее, осмотр жилища наших жертв, — пробурчал я, уткнувшись взглядом в кружку и делая вид, что кружение пены поверх темной поверхности необычайно занимательно. — Потом в больницу. Опрос пострадавшего во вчерашнем немовском шабаше и определение его статуса подозреваемого либо чисто потерпевшего. В первом случае — он наш, во втором — исключительно Никитина головная боль. Дождемся Василя, пообщаемся для верности, выдадим ему начальственные ЦУ и двинем в город. У экспертов к тому времени должны быть готовы первые результаты.

— Вот, кстати, о потерпевших, — тут же нахмурился и потянулся к телефону Никита. — Позвоню-ка я в службу защиты детей. Вот прям хочу лично убедиться, что младших Киселевых заберут от матери такой! Ну надо же, нет чтобы дочерей оплакивать, она нажралась и пошла народные волнения устраивать!

— У всех по-разному горе выходит наружу. — Волшебную лампочку, что подсвечивала изнутри черты Влады, когда она пришла, будто кто вырубил, и теперь она снова стала такой, какой я видел ее поначалу — закрытой и напряженной, словно готовящейся к обороне каждую минуту.

— Да я же не спорю, что по-разному, Влада, — не глядя на нее, Варавин сосредоточенно искал нужный номер в списке контактов. — Но простить вчерашнее безобразие не готов ни как мент, ни как человек, и плевал я на причины. Так что сидеть мадам Киселевой и ее ближайшим прихлебателям сегодня в отделении. Я костями лягу, но хоть на пятнадцать суток их всех позакрываю! Алло!

Никита поднялся и вышел из кухни на веранду, и оттуда до нас доносился его «начальственный» голос. Судя по всему, его собеседник не спешил с ним соглашаться, и поэтому Варавин вскоре уже громыхал всюю.

— Влада, у нас правило в работе — не проводить никаких личных аналогий, помнишь? — строго спросил я резко помрачневшую женщину, и она вскинула в голову. Ее

темные глаза пару мгновений гневно сверкали, а губы искривились и задрожали, будто она сдерживала желание сказать мне что-то резкое, но боролась с собой. Я же, схватив ее сжавшуюся в кулак руку, погладил острые тонкие косточки и кивнул, поощряя. Хочется вмазать словами — пускай. У меня такое желание сплошь и рядом возникает. Но Влада загнала вглубь свою вспышку и только сдержанно кивнула мне в ответ.

— Да, Антон, — она отвернулась к окну и мягко освободила руку из моего захвата.

— И почему твое «Да, Антон» так похоже на «отвали»? — усмехнулся, возвращаясь к своему кофе.

— Ну вот, а говорил, что невосприимчив к намекам, — улыбнулась Влада, только эта улыбка была неправильной. Улыбка-маскировка или преграда, которыми так часто пользуемся мы, люди, чтобы дать понять, что доступа внутрь нет.

— Я вот думаю, — продолжила она, отвлекая меня от размышлений, с чего это демонстрация дистанции, инициатором которой сам и был в первую очередь, вызывает нечто вроде дискомфорта. — Если мое дикое предположение верно и наш маньяк действительно охотится за теми, кто обладает определенными способностями, может, убийства, что ему приписаны, не первые? Что, если он, скажем, не сразу научился выделять тех, кто и правда другой, а кто просто хочет таким показаться?

Тоже вариант. К делу подшивались только те трупы, которые укладывались в первоначальную схему, но допустим у убийцы и раньше случались «проколы», такие как с Ириной Киселевой? И учитывая, что девочку он насильовал и убивал явно в ярости, мало отдавая себе отчет в своем поведении, в отличие от обращения с более «ценными» для него жертвами, то вполне мог и оставить больше следов. Любая версия имеет право на существование, и пофиг, по каким крошкам идти, главное оказаться в итоге где надо.

— Надо запросить инфу по подобным случаям. Как в контору приедем, займемся. — Мог бы и сам, между прочим, подумать, если бы... Новый приступ острого недовольства собой изрядно испортил настроение.

— Доброе утро! — Ольга, хоть и немного бледная, но улыбочивая и бодрая, появилась в дверях кухни совершенно бесшумно и тут же направилась к холодильнику. — На кого это там так муж мой шумит? Еще и заставил вас кофеи пустые гонять!

— Доброе! С опекой, очевидно, ругается, — ответил я, жизнерадостно скалясь и невольно задерживая взгляд на едва заметном животе хозяйки.

Как ни странно, Влада промолчала, даже не ответив на приветствие. И холодные покалывания на коже безошибочно сообщили мне о «включении» ее дара. Ольга, видимо, тоже что-то почувствовала и недоуменно оглянулась через плечо. Рука ее, в которой она держала кусок сыра, мелко задрожала. Влада же сидела с широко распахнутыми глазами, глядя на женщину так, словно увидела ее впервые. Но спустя пару секунд она часто заморгала и порывисто поднялась. Ее стул громко и противно шаркнул по полу и едва не упал.

— Простите, что-то мне... нехорошо, — сдавленно пробормотала она и, развернувшись, помчалась к выходу, сильно ссутулившись, словно боялась, что в спину вот-вот прилетит камень.

Я слегка растерялся, оказавшись как в ловушке между мощным желанием, прямо-таки потребностью помчаться следом за Владой и необходимостью остаться и успокоить явно сильно разволновавшуюся Ольгу. Она оперлась одной рукой на стол, а вторую в чисто инстинктивном жесте расположила на животе и выглядела испуганной и растерянной.

Смотрела какое-то время на закрывшуюся за Владой дверь, а потом вопрошающе уставилась на меня так, что остро захотелось быть в каком угодно другом месте. Вопросы — это то, что я люблю и умею задавать в силу профессии или собственной природы, но отвечать на них, даже на такие безмолвные, точно не мое призвание.

— Что-то не так? — спросила Оля дрогнувшим голосом.

— Не переживай, просто у нее проблемы по утрам с желудком, — ляпнул я первое, что пришло на ум.

Ответный взгляд Ольги ясно дал понять, что весьма сложно обмануть женщину, если она не хочет быть обманутой.

— Антон, Влада так смотрела... — она передернула плечами и поежилась. — Мне страшно стало. Аж до жути.

Ох, как я тебя понимаю, Оля. Вот только не соображу, с чего вдруг дар Влады сработал столь неожиданно. Вчера она с Ольгой общалась вполне раскованно и, я бы даже сказал, с открытой доброжелательностью, а сейчас уставилась, будто призрака увидела.

— Показалось тебе, Оля, — продолжил врать ради успокоения я. — Просто дело у нас сейчас сложное очень. На психику давит, сама понимаешь.

— Мне Никита рассказывать подробности отказался. — И правильно сделал! — Наивный! Как будто мне уже сто раз не позвонили, на все лады не переврали и жути не навели!

Да уж, деревня — она деревня и есть!

Никита влетел обратно в кухню, на его лице прямо было написано желание как следует шарахнуть дверью, но, притормозив, он тихонько прикрыл ее, а потом смачно и с чувством выругался.

— Нет, ну они у меня дождутся! — прорычал он сквозь зубы, но, заметив жену, мгновенно растерял весь свой гнев. — Солнышко, ты чего так рано-то? Все нормально?

Прошагав по кухне, он аккуратно сгреб жену своими здоровенными ручищами, прижал к себе, и снова меня царапнуло предельной интимностью их простого, практически целомудренного объятия. Я отвернулся, ощущая, что энергетика, излучаемая их контактом, не предназначена для посторонних. А может потому, что от наблюдения за этой парой опять заныло в груди, от противного и противоречивого чувства одновременно тяжести и пустоты.

— У меня — да, — ответила Ольга, с готовностью подставляя лоб под мимолетное касание губ мужа. — А вот Владе нездоровится!

— Тогда, может, мы первым делом в больницу, Антох? — тут же встревожился Никита. — Пока ты опросишь парней, Владу пусть осмотрят еще разок?

Он глядел на меня так, будто это за мной было решающее слово в вопросе здоровья Влады и одновременно основная ответственность за него.

— Я спрошу у нее, — ответил я, поднимаясь.

Владу я нашел на том же месте, где утром обретался и сам, проясняя голову. Она сидела на перилах, сторбившись, засунув ладони в подмышки и зарывшись носом в высокий воротник Ольгиного желтого свитера, и напоминала нахохленного, озябшего воробья. Опустился напротив на корточки и обхватил тонкие лодыжки, заглядывая в глаза, замечая их красноту и слипшиеся мокрые ресницы.

— Я не хотела... этого, — она дернула головой в сторону Варавинской кухни, но почему-то мне показалось, что говорит она о своей способности видеть ужасные вещи в принципе.

— Я знаю. — Кто вообще мог бы хотеть такое, да еще и не от случая к случаю, а постоянно. — Нам стоит о чем-то их предупредить?

— Как? — вскрикнула она, и ее брови сошлись, образуя несколько глубоких складок, будто подчеркивающих горестный надрыв в ее голосе. — Хочешь пойти и сказать своему другу, что его нерожденный ребенок уже мертв?

Первым побуждением было отшатнуться. Или поддаться полному отрицанию. Психануть, закричать: «Что ты городишь! Это уже чересчур!», или вообще — «Знать ничего такого не хочу!» Потому что это было и правда слишком. Слишком для этого утра, для этой чокнутой недели, на которой Влада вторглась в мою жизнь, слишком вообще для всего! Вот только обреченность и однозначное горе в больших темных глазах были как приговор. Его не оспорить даже в самой высшей инстанции и не проигнорировать, не сбежать на край света. И всю его тяжесть сейчас водрузила на свои поникшие плечи Влада.

— Это... Может, еще что-то можно сделать? — она не покачала головой, не возразила, просто смотрела с такой бесконечной виной, будто считала себя причиной непоправимого. Но это неправильно!

— Что, если в этот раз ты ошиблась?

— Я бы так этого хотела. Не представляешь до какой степени.

Я вскочил и стал расхаживать. По работе я сталкивался с людскими трагедиями ежедневно. Чужая боль до сих пор не стала для меня чем-то обычным, привычной декорацией, от которой не избавиться, но можно уже просто не замечать. Но все же когда плохое происходит с кем-то близким, ощущается все совершенно по-иному. Тут уже не выйдет отстраниться от эмоций, стараюсь глядеть на события непредвзято.

— Нужно как-то им сказать, — Влада, видно устав от моих молчаливых хождений, сползла с перил.

— Я сам! — остановил ее.

— Ты? — она посмотрела с изумлением и в то же время с надеждой. Прекрасно понимаю ее. Это так нормально для человека — желать разделить подобный груз хоть с кем-то. Будь ты хоть сто раз сильным и негнибаемым, любой из нас может испытывать совершенно неконтролируемое желание, чтобы некоторые вещи кто-то сделал за него. И это не слабость и не трусость, а нормальный инстинкт самосохранения. Сопереживание — это та еще боль, а избегать боли — естественное стремление.

— Нет, это будет неправильно, — отвернулась Влада. — Я тот посланник, что принесет дурные вести, моя и голова с плеч.

— Нет уж! Твоя голова мне еще понадобится. Где еще одну такую найдешь.

Развернув Владу и положив руки на хрупкие плечи, я практически затолкал ее в гостевую половину Варавинского коттеджа, в которой мы ночевали.

— Ждешь меня здесь! — приказал я и, стремительно развернувшись, почти сбежал. А все потому, что собирался если не солгать Никите, то сделать так, чтобы самое ужасное он узнал не от меня и не от Влады. Не нужно этого.

Заглянув на кухню, я позвал Варавина на улицу.

— Слушай, Никита, я решил, что в Немово мы сами с Владой поедem. А ты выходной возьми, смотайся с женой в больницу.

— Антох, ты чего?

— Я ничего. Дело-то мое, чего тебе в него влезать больше чем нужно? А то еще изловишь маньяка сам, отберешь у меня все лавры!

Никита побледнел и мгновенно поменялся в лице. Шагнув ко мне, схватил за грудки.

— Чудо, ты мне голову не морочь! — сказал он, сильно понизив голос и оглянувшись на дверь. — Я ведь был там, в том овраге, вчера! Может, понял и не все, но кое-что точно! Влада — она из этих... что по телеку показывают. И не проста она... Что ты пытаешься сказать мне?

— Только то, что и говорю, Никит. Останься сегодня дома, возьми жену и езжай больницу. Остальному не мне тебя учить.

Варавин медленно разжал руки и отступил от меня и, стиснув зубы, посмотрел куда-то вдаль, мне за спину.

— Машина будет через пятнадцать минут, — безжизненным голосом сказал он спустя минуту и, больше не взглянув в мою сторону, ушел в дом.

Когда мы уже уселись с Владой в служебную «Ниву», вдруг подбежала Ольга.

— Ребята, я вам тут бутербродов и термос с кофе собрала. Вы же так и не поели ничего, — она положила мне на колени объемный пакет из плотной бумаги и, чуть поколебавшись, добавила: — Вы приезжайте еще. Мы всегда будем вам рады.

Я благодарил ее, думая про себя, что если Влада права, то вряд ли они с Никитой еще захотят видеть нас на своем пороге.

Влада явно через силу попрощалась, а потом до самого Немово просидела молча, постоянно вытирая то и дело срывающиеся слезы.

Тяжкое облако, накрывшее с утра, не развеялось и в течение всего дня. Жилище семьи Киселевых даже среди совсем не роскошных деревенских домов вокруг смотрелось убогим. Низенький перекошенный деревянный домик, больше похожий на сарай как снаружи, так и внутри. Окна, забитые пленкой вместо разбитых стекол, сто лет не беленые стены, скрипучая перекошенная дверь. Саму Киселеву мы дома не застали, там оказались только двое неухоженных малышей: девочка лет пяти и парнишка в мятой школьной форме. Вынуждены были прождать еще почти полтора часа, пока прибыла дама из опеки и лейтенант, назначенный исполнять обязанности участкового. Едва выбравшись из машины, госпожа из охраны детства уже издалека одарила нас таким гневным взглядом, будто мы тут главные нарушители спокойствия и источник неприятностей, и мне остро захотелось сделать так, чтобы эти самые проблемы у нее действительно появились в достатке. Участкового отправили на поиски блудной мамыши, а дама из опеки, представившаяся Альбиной Львовной, по-хозяйски вошла в дом и первым делом сунулась в допотопный холодильник. Впрочем, быстро захлопнула дверцу и с каменным лицом уселась на стул. С ее появлением и без того зажатые дети вообще притихли и затаились в углу, зыряка оттуда испуганно. Все мои попытки разузнать что-то о жизни старших сестер разбились об их упорное молчание. Участковый не возвращался, очевидно, не преуспев в поисках. Осмотр комнаты тоже ничего особого не дал. У покойных сестер-близнецов Киселевых не оказалось не только компьютера или сотовых, но даже таких элементарных вещей как простенькая косметика или бижутерия, без которых, кажется, девчонки их возраста просто жить не могут. Ни дневников, ни записок, ни рисунков. Ничего, что могло бы дополнить хоть как-то их образ. Разве что Ирина была аккуратисткой, судя по тому, как тщательно были сложены ее немногочисленные вещи, а вот Катя, похоже, относилась к подобному безразлично. Влада все время, пока я шарил по полкам и заглядывал во все закоулки, сидела неподвижно на стуле посреди грязной захлавленной кухни и переводила взгляд с неприятной тетки из опеки на зашуганных малышей. И постепенно ее лицо становилось все холоднее и злее.

— Вы ведь не собираетесь забирать их сегодня, да? — наконец не выдержала она.

— Вас это не касается, — огрызнулась Альбина Львовна в ответ.

— Подобное, — Влада жестом указала на окружающий бардак, — касается всех и каждого!

— У вас свои дети есть? — агрессивно прищурилась ее оппонентка, и Влада вздрогнула, словно от пощечины.

— Нет.

— Вот когда будут, тогда и порассуждаете, девушка! Женщина и так только что потеряла двух дочерей, а вы предлагаете и остальных забрать! Мы же не звери.

— Если бы вы проявили больше участия в жизни этой семьи раньше, то, может, не было и этих смертей! — и не подумала миндальничать Влада, и хоть я был с ней согласен, но подошел и положил руку на плечо, останавливая. Ничего тут уже не докажешь и не изменишь.

— Вы меня в чем-то обвиняете? — взвизгнула уже заведенная тетка, покрываясь красными пятнами.

— А вы себя? — не повышая голоса, парировала Влада.

Несмотря на раздражение, свой дар она не применяла, скорее всего, из-за присутствия и без того испуганных детей.

— А вы сторонница того, чтобы изымать детей без разбора у всех?! — ткнула в нее обвиняюще пальцем опекуна.

— Я сторонница того, чтобы дети были живы и защищены. Любой ценой! А вот знать: забирать или оставлять, — и она снова указала жестом на окружающую обстановку, — это ваша профессиональная обязанность!

— Мы здесь закончили! — почти рявкнул я, предупреждая возможный поток гневных возражений. Кроме всего прочего, еще только склоки, неважно, по какой причине, мне тут не хватало.

— А вы имейте в виду, что гражданка Киселева будет как минимум задержана за участие во вчерашних хулиганских выходках, — как можно спокойнее обратился напрямую к Альбине Львовне. — Так что в вопросе: забирать детей или нет прямо сейчас, у вас нет выбора!

Покосившись на малышей, я ожидал слез и страха, но с недоумением увидел, как мальчишка обнимает за плечи младшую сестренку и глядит с надеждой.

— Тетенька, вы Аньку заберите, — неожиданно впервые подал голос он, просительно глядя почему-то на Владу. — Ей надо. А я останусь за мамкой присмотреть, как придет, чтобы хату не спалила.

Влада молчала, и тогда он посмотрел уже на меня.

— Аньке кушать надо хорошо, Катька так говорила, — будто оправдываясь, продолжил он. — Заберите, а? А я вам за это кое-что отдам.

Он решительно поднялся, и это спровоцировало истерику у младшей. Разрыдавшись, она стала цепляться за брата, отворачиваясь от нас.

— Заберем обязательно! — заверил детей, чувствуя, как голова стремительно наливается тяжестью и болью. — Обоих вас заберем. И за маму не переживай, она тоже без присмотра не останется.

Сказал и сам почти скривился от того, насколько цинично это прозвучало. Но, по крайней мере, это правда.

Мальчишка что-то зашептал на ухо сестре, она притихла и закивала.

— Я сейчас, — сказал он и выскочил из дома и спустя пару минут вернулся с небольшой коробкой.

Яркая, с позолотой, в форме изящной шкатулки, она была от очень дорогих конфет известной марки. И среди общей нищеты в этом доме смотрелась чужеродным объектом из другой жизни.

— Это Катькино, — протянул мне коробку мальчишка.

Я аккуратно снял обычную тонкую резинку и открыл вычурную крышку. Новенький, хоть и недорогой сотовый, пара сережек-гвоздиков с голубыми камушками, бледно-розовый блеск для губ и цепочка с подвеской в виде половины сердечка. Тайные сокровища погибшей девочки.

— Ты знаешь, откуда это у нее?

Ребенок замотал головой.

— Нет. Она нам с Анькой не рассказывала, боялась, что мы мамке проболтаемся и она пропьет. Но я слышал, как они ночами шептались про то, как скоро у нас все хорошо будет.

Именно в этот момент дверь с грохотом распахнулась и ввалилась совершенно пьяная Киселева в сопровождении лейтенанта.

— Пр-р... права не имеете! — удалось произнести ей, еле ворочая языком, и, наткнувшись мутным взглядом на представительницу опеки, она потребовала: — Львовна, подтверди!

Альбина Львовна покраснела и отвернулась, избегая наших с Владой взглядов.

— Доигралась ты! — ответила она и, больше не обращая внимания на невнятные возмущения Киселевой, пошла собирать детей.

Недолго думая, Киселева попыталась броситься на нее с кулаками, и нам с лейтенантом пришлось не только утихомирить ее безобразный дебош, но и заковать в наручники.

— Только попробуй, Львовна! — плевалась она. — Пособие отберут — на что я жить буду?

— Работать пойдешь! И пить, может, бросишь!

Отыскивать понятых и оформлять получение вещдоков пришлось в ускоренном темпе и под звуковое сопровождение многоэтажного мата и воплей.

Везти до Гуляева буйствующую мамашу пришлось нам. Не доставлять же ее в одной машине с детьми. Я вручил Владе коробку и отправил на переднее сидение, а сам сел на заднее и полдороги пресекал попытки пьяной женщины донимать и даже избить нас скованными руками, что, впрочем, не мешало ей вопить еще какое-то время, пока она просто неожиданно не отключилась.

Господи, что же за судьба такая паскудная, подумалось, когда наконец воцарилась относительная тишина. Одним отвешивает сверх меры того, чего они не ценят и не берегут, а другим и капли желаемого не даст. И так во всем.

ГЛАВА 24

О том, что за вид у нас с Владой после стремительных сборов, и на какие мысли это наведет окружающих, я неожиданно подумал только тогда, когда мы ввалились к Крюкову и он в первый момент недоуменно уставился на нас. Хотя, конечно, скорее, на Владу. Потом его настроение отчего-то резко испортилось, он поджал свои тонкие губы, причем могу поклясться, что с осуждением, и поглядывал на меня с отчетливо читаемой неприязнью. Даже ни единой шуточки в своем неповторимом стиле себе не позволил, лишь монотонно

изложил факты:

— Как вы понимаете, половой контакт у нашей жертвы носил сугубо насильственный характер и, по моим выводам, был неоднократным, продолжительным, и привел к многочисленным внутренним разрывам и кровотечениям, — нарочито механическим голосом перечислил Крюков, пристально и даже нахально наблюдая за реакцией Влады. — Сопровождался данный акт причинением всевозможных телесных повреждений. Другими словами — эту девочку насильовали всевозможными способами, били и прижигали.

Влада, похоже, и дышать перестала, пусть внешне не дрогнула, хоть мне и показалось, что ее черты вдруг болезненно заострились. Дурак я, нужно было дома ее оставить. Слышать такое должно быть для нее то еще испытание. А Крюков, словно добившись только ему понятной реакции, уставился теперь на меня, не скрывая обвинения во взгляде. Ну и с чего бы это вдруг?

— Половой акт был защищенным, и после убийства тело мыли. Причем не просто так мыли. Похоже, использовали напор воды под сильным давлением, предварительно обильно нанеся дезинфицирующее моющее средство. В общем, если бы не пренебрежение убийцы к удалению растительности в интимной зоне и не парочка его волосков, которые я сумел отыскать, у нас ни черта бы не было, — чем дальше, тем больше настроение Крюкова становилось хуже, и меня это уже начало раздражать, хоть я старался удержаться покер-фейс.

— Санек, мы уже прониклись пониманием, какой же ты профи в своем деле и какой объем работы провел, но не перейдешь ли ты уже к главному? Куда ехать и кого брать за задницу? — попытался я разрядить неприятную атмосферу.

— Чудинов, если ты слишком занят, чтобы дослушать мой устный отчет до конца, то я тебя не задерживаю, — тут же окончательно окрысился Крюков. — Можешь идти и дальше заниматься своими еженощными развлечениями. Все данные будут на твоём столе в официальном порядке не позже обеда.

Санек уставился на меня теперь с открытым вызовом, окончательно озадачивая меня, и это слабо сказано. За все годы совместной работы нам не случилось сцепляться, да и с какой стати? Да, не упускали ни одного случая поддеть друг друга позаковыристей, но никогда это не было причиной хоть малейших обид или напряженности. Скорее наоборот, я был склонен относить его к числу своих друзей. Ну и какого черта сейчас тогда происходит?

— Готов выслушать каждое твое слово, о величайший среди экспертов, и обязуюсь держать рот закрытым, пока не впитаю последнюю каплю твоей бесценной мудрости! — язвительно отшутился я, не собираясь выяснять, понос там у Крюкова или геморрой открылся, раз он вел себя как баба в ПМСе. Уж не при Владе это делать!

— Смерть нетипичной жертвы наступила от обильной артериальной кровопотери из обширной раны на шее, — сухо продолжил Крюков. — Там, где ее убили, должно быть очень-очень много крови, и одежда того, кто это делал, однозначно должна быть в ней, так как, судя по характеру ранения, сделал он это лицом к лицу и далеко не с одного движения, что, по моему мнению, говорит о том, что в подобных манипуляциях он явно никакого опыта прежде не имел. Под ногтями жертвы — микроскопические частицы цемента с примесью всевозможных масел, мазута и химических веществ, входящих обычно в автомобильные присадки, что позволяет сделать мне вывод, что она какое-то время находилась в гараже, автомастерской или любом другом помещении, связанном с автомобилями. Название моющего средства, которым обработали тело, будет указано в отчете, так как лаборатория до сих пор сравнивает. И наконец. Наша база выдала результат:

обнаруженная на трупе Ирины Киселевой ДНК принадлежит некоему Славскому Сергек Николаевичу, двадцати лет, неоднократно задерживавшемуся за сексуальные домогательства и нападения на женщин с целью насильственного склонения к сексуальной близости.

— Вот уж правда — наконец-то! — пробормотал я. — А имя-то не изменил.

— Двадцать лет! — повторила Влада еле слышно.

— Да уж, ранние все сейчас стали, — подтвердил я и обратился в Саньку, продолжавшему сверлить меня неприязненным взглядом: — У тебя для меня все, или есть еще что-то?

— По делу — все, — недобро прищурился он. — Но хотел бы парой слов наедине перекинуться, Чудинов.

— Я вас в кабинете подожду, Антон, — торопливо сказала Влада, едва я обернулся к ней.

— Ну и какого хрена происходит? — набычился я на Саньку, уже не считая нужным сдерживаться в отсутствие Влады.

— Это ты мне скажи какого, Чудо! Экстрасенсов потрахиваешь? Я думал, ты поумнее! — практически оскалился Крюков в ответ. — Или ты, наоборот, очень сильно поумнел и решил-таки начальству угодить?

При всей моей всегдашней симпатии рука так и дернулась ему врезать.

— Санек, ты не забылся? Тебе, может, почаще среди живых людей тусить, тогда будешь помнить, что в чужие личные дела нос совать чревато неприятностями, а иногда и тяжкими телесными?

— Чудо, личное в принципе и личное на работе — это, как говорится, две большие разницы! — огрызнулся эксперт. — Ты хоть немного башкой, которая сверху, подумал, прежде чем член в эту Владу совать?

— Ты удивишься, но я всегда это делаю, вне зависимости от того, кто партнерша! — ответил в тон ему.

— То есть ты совершенно осмысленно переспал с ней и не особо скрываешься, зная, что этого и хотел шеф, прикрепляя ее именно к тебе, потому как все в курсе, какой ты у нас мастер в короткие сроки баб на спину опрокидывать? — Крюков с силой подвинул какой-то журнал с записями, с другого конца стола на кафельный пол посыпалось что-то. — Или вы с ним совместно этот план по дискредитации этой госпожи Арифеевой продумали? В таком случае смею заявить, что я не знал, что ты за человек, Чудинов.

— Ты за тем, что говоришь-то, следи, Крюков! — рывкнул я, выходя из себя.

— А я и слежу! А теперь в твоём присутствии буду делать это еще тщательнее, а то мало ли что! — Санек отвернулся, будто видеть меня больше не мог, и вытащил из кармана халата пачку сигарет.

— Может, уже прекратишь? — попытался я хоть немного внести конструктивности в этот идиотский разговор. — Не было у меня никакого умысла, и я скорее уволился бы, чем пошел бы на поводу у шефа в таком подлом смысле! И ты это прекрасно знаешь, но за каким-то хреном мне тут мозг полощешь!

Ага, Антох, ты весь из себя белый и без пятен, просто по умолчанию согласился в отчетах писать, что от Влады пользы — ноль и в управлении ей не место. Но, по крайней мере, я от нее самой это не скрыл, а никого другого вся эта канитель не касается!

— А потому что я тебя считал каким-никаким другом, Антоха! А спать с Владой... короче, это со всех сторон херовая идея!

— Кончай это, Санек! Если уж на то пошло, нигде не прописано, что сотрудникам друг с другом спать нельзя, да и Влада — сотрудник чисто формально и временно.

Тот самый паскудный момент, когда и сам знаешь, что поступил во всех отношениях глупо, но когда кто-то тебя в это со стороны тыкает, как дворнягу нашкодившую, появляется острое желание послать в пеший эротический тур, а не признавать его правоту.

— Формально там или нет, но это даст повод и шефу, и всем остальным сказать, что она просто телка, что таскалась за тобой из-за красивых глаз и большого члена, и никакой пользы следствию от этого не было! Я понюхал и послушал у коллег и в курсе, что ближайшие несколько недель будут решающими в вопросе, есть ли в этом проекте с экстрасенсами вообще какая-то целесообразность. Мне, если честно, глубоко наплевать, чем все закончится, но как человек, имеющий хоть какое-то отношение к науке, считаю неправильным, если у всех создается ошибочное мнение о жизнеспособности начинания только потому, что ты переспал с Владой. И это только одна сторона вопроса.

Прав, однозначно прав, что тут возразишь?

— А есть еще и другая?

— Есть, Антоха. Я, конечно, как ты не забыл ткнуть, в основном с покойниками дело имею, но это не значит, что медиком от этого быть перестал или в живых разбираться совсем разучился. И могу тебе однозначно сказать, что у этой Влады собственных психологических проблем хоть отбавляй, и ты совершенно точно не тот тип мужчины, что поможет с ними справиться. Твой подход к отношениям с женщинами может не только их усугубить, но и привести к весьма неприятным последствиям для тебя.

— Каким же образом?

— А таким — что, когда ты решишь, по своему обыкновению, отряхнуться и пойти дальше, она может с этим не согласиться. Или прореагировать очень даже неадекватно. Хочешь нести за это ответственность? — Неожиданно в живот словно бухнулся здоровенный холодный камень. А и правда, какой может быть реакция Влады, когда все будет закончено между нами. А моя собственная?

— Санек, не спорю, что ты умный и все такое, — отвернулся я, решив, что с этим разговором пора заканчивать. — Но по поводу адекватности Влады ты ошибаешься. А что касается личного — между нами все ясно и без недосказанностей.

— Это ты, Чудо, видно, слегка нюх потерял и ошибаешься. Дело твое. Не собираюсь доставать советами, о которых не просят. Но делать связь между вами очевидной для окружающих поостерегся бы. Ни к чему хорошему это не приведет.

— Интересно, ты о ком больше волнуешься: обо мне или о Владе? — усмехнулся уже от дверей.

— Вот только этого мне не надо разводить! — грозно ткнул в меня пальцем Санек. — Эта твоя Влада пугает меня, если честно, до усрачки, но это не значит, что я считаю, что повестись на тебя — удачная мысль с ее стороны. Мужская солидарность и все такое, Чудо, но ты вообще ни для какой бабы не счастливый лотерейный билет. А теперь давай, отваливай работать и дай этим же заняться и мне.

Испортил ли разговор мне настроение? Еще как! Одно дело — самому знать себя как облупленного и быть уверенным, что отношения — это не то, в чем ты успешен, и жить по принципу: «на хер и не надо». Прикалываться и даже при случае бравировать этим, дразня своей извечной свободой и независимостью давно женатых коллег, нарекая их поголовно подкаблучниками. И совсем другое — внезапно честно посмотреть на себя с иной точки

зрения. С той самой, с которой Антон Чудинов не гордый волк-одиночка и не холостяк по призванию, не имеющий проблем с тем, чтобы заполучить в постель любую женщину, а банальный неудачник и абсолютная бездарщина в отношениях. Там, где мои женатые сверстники уже пережили некую личностную эволюцию по совместному с кем-то существованию с разной степенью везучести, я был практически полным нулем. Краткий негативный опыт супружества, память о котором уже почти стерлась, — это все что у меня было. И я осмысленно и принципиально не желал двигаться в этом направлении. Или все же изначально подсознательно смирился с тем, что для любой женщины могу стать только разочарованием, и прикрывался маской блядуна-весельчака и не желающего большего? Кому может понравиться взглянуть на себя с такой точки зрения и озадачиться подобными размышлениями в гребаных полшестого утра, на пустой желудок и без капли кофеина в крови? Не мне уж точно.

Влада подпирала спиной стену в коридоре, разглядывая покрытый трещинами и странного вида желтоватыми разводами потолок. Ну конечно, потому что один олень, не будем тыкать пальцем в грудь, не позаботился о том, чтобы дать ей ключи, когда она уходила!

— Неприятности? — спросила в спину Влада, когда я молча отпер дверь и первым делом поставил чайник.

— Никаких, — не оборачиваясь, пожал плечами.

И верно: разве начать с какого-то перепугу рассматривать себя любимого с иного ракурса — это неприятность? Так, мелкий коллапс, типа смены магнитных полюсов Земли, которым в телеке пугают. И на кой черт мне все это сейчас?

— Какой должен быть теперь порядок действий? — голос Влады стал гораздо холоднее, она явно почувствовала мое нежелание общаться сейчас на окололичные темы.

— Порядок действий? — переспросил, все еще не в состоянии нормально сосредоточиться на работе.

Честно сказать, например, Владе, что нам стоит остановиться и прекратить все контакты, кроме рабочих, вечером отвезти ее домой и перестать париться о том, что она делает и о чем думает, просто поступить как всегда и делал эти годы — вот какой порядок, мать его. Больше никакого аромата ее кожи в моей постели, никаких грациозных завораживающих передвижений на кухне, никаких совместных поздних ужинов и утреннего дешевого кофе, который она умудряется сварить не похожим на мои извечные помои. Резко заныли зубы. Все и сразу. И снова захотелось прижать кулак к груди и помять, прогоняя противную боль.

— Выясним местожительство нашего подозреваемого по базе и поедем сначала с тамошним участковым покалякаем. А потом — по обстановке. Понадобится — запрошу группу захвата, но тогда тебе точно в управлении дожидаться придется. Если хоть намек будет на возможность сопротивления при задержании — тебя там не будет, Влада. По уму — мне вообще сейчас тебя стоит домой отправить досыпать, а дальше самому поработать. Когда будет этот Славский в наручниках сидеть, тогда и посмотришь на него своим суперзрением.

Чайник закипел и отключился, и я наконец отвлекся от его разглядывания, встречаясь глазами с Владой.

— Это так трудно для тебя, да? — спокойно спросила она, и, естественно, я сразу понял, что речь не о работе.

— Дело не во мне. — Прекрасно, а теперь покатила тупо-мелодрама из твоих уст, Антоха. — А в том, что грозит вылиться в неприятности именно для тебя, Влада.

— Понимаю, Антон. — Линия ее рта стала напряженнее, но взгляд она так и не отвела. — Теперь только работа?

— Да. Для твоего будущего так безопаснее. — Ну ты сука, Антоха, и брехун! Свою, свою ведь душонку хочешь трусливо уберечь именно в том самом статично-безразличном состоянии, в коем она и пребывала годы. А Влада — скальпель, взрезающий твою защиту и привычное существование, вот ты и уворачиваешься от нее, как только задело за по-настоящему живое.

— Как скажешь. — Легкая отстраненная усмешка — все, что получаю в итоге? Вот так просто? Да уж, а чего спорить и пытаться бороться, разве такой вот я иного заслуживаю?

— А райончик-то не из простых, — пробормотал я, проезжая между особнячками явно успешных в бизнесе граждан, когда наконец увидел нервно мнущегося на обочине участкового в форме.

По выработанной годами привычке тут же засек его дорожные туфли, на которые нужно две его зарплаты, смотревшиеся вместе с формой слегка нелепо. Какой район — такой и участковый.

— Старший лейтенант Пономаренко, — протянул руку для приветствия парень и широко улыбнулся, демонстрируя хорошую работу своего стоматолога.

Точно, фамилия-то знакомая. Папаша — высокий чин — пристроил сыночка начать карьеру в хорошем тихом месте. Такие в участковых больше полугода не сидят.

Очень недешевые часы «Ulysse Nardin», повернутая внутрь массивным навершием печатка, запах изысканного парфюма, холеное личико. Да ладно, Антоха, может, он человек зато хороший и трудится на благо граждан в поте лица круглые сутки и без выходных.

— Капитан Чудинов. Это я вас вызвал, лейтенант, — пожал я его ухоженную узкую ладонь и перехватил любопытный взгляд парня на Владу. — Владислава Арифеева, приглашенный эксперт.

— Эксперт по чему? — еще больше заинтересовался Пономаренко, цапая протянутую тонкую кисть вежливо улыбающейся, но не смотрящей на него прямо Влады и задерживая ее дольше, на мой взгляд, необходимого.

— Неплохо пристроился! — проигнорировал я его вопрос и кивнул на ближайший роскошный особняк.

— Куда распределили, — забежал он глазами. Ага, а то я не в курсе, как это происходит. Да и плевать, собственно.

— Славский Сергей Николаевич, — тут же перешел к делу я. — Что можешь сказать по нему?

— Ничего, — Пономаренко уткнулся взглядом в выложенный цветной плиткой тротуар, переминаясь с ноги на ногу.

— То есть на твоей земле зарегистрирован человек, неоднократно имевший приводы за домогательство и даже осужденный за попытку изнасилования, а ты ничего о нем не знаешь?

— Так то же все у него еще по малолетке было и при прежнем участковом, я тут всего три месяца. При мне все тихо. Его же тогда признали с отклонениями, и мамаша устроила в частную психиатрию. Как выписался через два года, так и сидит тихо.

Конечно, я целенаправленно вынудил Пономаренко защищаться, потому что... ну раздражал. Хотя вполне возможно, дело не в нем, а в полной безэмоциональности и отстраненности Влады по дороге. После нашего разговора она не выглядела ни грустной, ни сердитой, ни задумчивой — вообще никакой. Смотрела невозмутимо на дорогу, иногда задавая вопросы по делу. Зато я только и ловил себя на том, что кошусь на нее постоянно в поисках не пойми каких признаков. Ну не идиот ли после этого?

— Что ты под этим «тихо» подразумеваешь? — грозно нахмурился я.

— Дома сидит большую часть времени за компьютером. Ничего не употребляет, не замечен, по крайней мере. Нигде не работает, его мать содержит, слава богу, позволить себе может. С соседями не общается почти. Ни от кого жалоб на него не поступало. Короче, явно исправился и все такое.

— Да неужели? — Ага, настолько исправился, что зверски замучил пятнадцатилетнюю девчонку. — И ничего тебе твои источники на него не нашептали?

Пономаренко замялся и теперь уже совсем смутился.

— Не сильно-то я тут богат осведомителями, капитан, — пробормотал он.

И то верно. В таком районе если и есть алкаши и наркоманы, то элитные, а не опустившиеся нищелюды, которые станут стучать ментам на друзей и собирать сплетни, лишь бы самих за задницу не прихватывали. Они скорее сами на погоны участковому по крупной купюре повесят, чтобы отвалил и замаял все по-тихому.

— Ладно. Спасибо за необычайно ценную информацию, — язвительно подвел я черту, и в этот момент около нас притормозил микроавтобус с группой быстрого реагирования и из него почти на ходу выпрыгнул Василий, демонстративно помахивая нужными документами.

— Ну, понеслась! — пробормотал я и кивнул Владе на мою машину: — Сидите там, госпожа Арифеева, и носа не высовываете, пока я сам лично не приду и не скажу что можно.

— Как прикажете, капитан Чудинов. Вы тут главный, — спокойно ответила она. Ну да, я главный, только вот еще бы и собственные эмоции подчинить, а не пялиться побитой псиной ей вслед.

Никакого особого экшена при задержании не случилось. Все предсказуемо. Сначала Пономаренко минут десять торговался по домофону с матерью подозреваемого, которая упорно не желала пускать нас внутрь, но после того как я, потеряв терпение, пообещал устроить ей штурм дома со всеми спецэффектами в виде выбитых окон, вышибленных дверей и укладыванием всех мордой в пол, замок щелкнул, впуская нас внутрь. И в этот самый момент из рации захрипело от одного из засевших в засаде спецназовцев: «Вижу мужчину с рюкзаком. Соответствует по приметам подозреваемому. Выпрыгнул из окна, идет на меня».

— Берем его! — скомандовал я, и спустя минут пять помятый и взъерошенный Сергей Славский стоял передо мной. Руки скованы за спиной, ворот серой футболки разорван, губа разбита, но взгляд полон спокойного презрения, которым он щедро поливал всех нас. Высокий, длинноногий, но не дрыщ. Он выглядел заметно повзрослевшим, в глазах ни тени того испуга и растерянности, которые я увидел на фото трехлетней давности в нашей базе.

— Сережа-а-а! Сынок! — из дома выбежала женщина средних лет в шелковом темно-синем халате, развевавшемся на ветру. Один из бойцов перехватил ее, не давая приблизиться, что привело к приступу натурального безумия.

— Не трогайте! Твари! — рвалась она из рук спецназовцев, так и метаясь длинными ногтями в лицо. — Вы — сволочи! Мой мальчик ни в чем не виноват! Все эти сучки сами его

всегда провоцировали! Я им всем рты их поганые позамазываю!

Она проклинала нас и вела себя как полоумная, крича сыну, что вытащит его очень скоро, и сулила нам массу неприятностей. Ничего необычного. А вот поведение самого Славского было весьма показательным. Он ни разу даже не взглянул в ее сторону, словно и не слышал, и вообще не произнес ни единого слова, а только наблюдал за всеми с таким видом, будто мы — приглашенные клоуны, тщетно пытающиеся его позабавить. Ну ничего, посмотрим, что дальше будет.

Со двора я вышел вместе с бойцами, выведившими Славского, и глянул в сторону своей машины, желая увидеть реакцию Влады. Но в салоне было пусто. С вмиг забухавшим о ребра сердцем крутанулся, осматривая пустынную в такой час улицу.

Рванул к машине, тщетно выискивая ее, и, не особо беспокоясь о том, кто меня услышит, заголосил:

— Влада! Где ты?!

Она выскочила из-за ближайшего угла, озабоченно хмурясь. Лицо немного покраснелось, дыхание — сбившееся, как после бега.

— Какого черта ты творишь? — налетел я на нее. — Разве я не сказал тебе сидеть в машине и никуда не высовываться?

Она рассеяно глянула на меня, словно и не замечая моего состояния, и я сразу понял, что опять наблюдаю последствия работы ее дара. Вот только моим взбрыкнувшим в испуге за нее нервам было начхать, что там ее в очередной раз посетило. Прямо руки сводило от желания схватить ее, встряхнуть и заорать на всю улицу, чтобы не смела больше пропадать без предупреждения.

— Мне показалось, Антон... — пробормотала она. — То есть... Я почти уверена, что что-то увидела.

Показалось ей!

— В машину сядь, — прошипел я змеюкой, которой наехали на хвост большегрузом. — Мы потом поговорим!

Обернувшись, я успел засечь пристальный, немигающий, прикованный к Владе взгляд Славского, которого подвели к микроавтобусу. В последний момент его узкие губы расплзлись в улыбке, и мне она жутко не понравилась.

ГЛАВА 25

Видимо, дерьмо должно всегда достигать критического уровня, потому как только мы вышли в коридор, то сразу же столкнулись с шефом, явно собиравшимся домой. Заметив нас с Владой, он моментально развернулся. И почему мы не могли разминуться?

— Вечер добрый, госпожа Арифеева, — скривившись, проскрипел он, будто с большим удовольствием пожелал ей провалиться сквозь землю, и уставился на меня. — Капитан Чудинов, вы, очевидно, или совсем не держитесь за возможность работать здесь, или считаете, что для вас существуют какие-то исключительные условия. За последние дни я что-то не пронаблюдал ни единого вашего отчета. Писать разучились?

— Я займусь этим...

— Немедленно! — рыкнул шеф. — Завтра с утра он должен уже лежать на моем столе! Никаких отговорок! Всего хорошего!

И с самодовольным видом он отчалил. Прекрасно, бюрократическая писанина — это мой самый любимый способ скоротать вечерок!

В кабинете Влада уселась за стол Василия, готовясь ждать, пока я разберусь с

формальностями. Смотрела она прямо перед собой, явно находясь еще под впечатлением допроса.

Мог ли я сам перестать думать, что все сказанное Славским о том, что некий Экзорцист выбрал Владу в качестве своей следующей цели, является чистым бредом и порождением его больной фантазии? Нет, конечно. И главное — не имел права. Мой опыт подсказывал, что, когда имеешь дело с маньяками, возможны любые варианты. Полностью отвергать нельзя ни один. Не важно, было ли это просто коварным способом запугивания или реальной угрозой. Вот только все во мне восставало против того, чтобы позволить Владе погрузиться в страх. Тогда вышло бы, что Славский добился цели.

— Ты не должна верить его словам, — пробормотал я, косясь на нее одним глазом и стуча по клавиатуре с максимальной скоростью, на которую был способен.

— Вряд ли это получится, Антон, — вздохнула Влада. — Ты не забыл, что я сама прошла через ту же систему? Я убийца, но, однако же, не сижу в тюрьме, а гуляю на свободе.

С одной стороны, вроде и облегчение, что подняла она совсем не ту тему, а с другой — и эта была не менее болезненной и, самое противное, почти тупиковой.

— Вообще-то я не это имел в виду. А то, что ты ни в коем случае не должна всю эту хрень про «заражение» и психа, от него избавляющего, примерять на себя. А что касается пребывания в лечебнице... хочешь меня убедить, что там было как на курорте, Влада?

— Нет, — она содрогнулась всем телом, и мне захотелось заставить проглотить зубы тех, кто был причиной такой ее реакции. — Для меня — нет, но кто знает, как все обернулось бы, если бы кто-то захотел приплатить. Я видела своими глазами, как «лечатся» такие вот особые пациенты. И не важно, что они сотворили.

Сказать мне на это было нечего. Влада права. Что говорить о клиниках, если я знал, что некоторые весьма состоятельные граждане оплачивали продажному руководству колоний право только числиться заключенными, а сами преспокойно жили на воле, не особо светясь. Но что я могу сделать с системой в целом и со Славским в частности? Взять табельный пистолет и всадить ему пулю в башку в открытую? Или заделаться мстителем в маске и казнить таких в обход закона? А что, мы с Владой были бы той еще командой! Она видела бы таких тварей в толпе и говорила мне: «Фас!», а я был бы карающими руками и все такое. Эх, отдохнуть тебе надо, Антоха, ей-богу!

— И если говорить об этой теории заражения... — Вот я так и знал, что это сумасбродная муть в голове у нее засядет. — Разве в ней нет некоей доли истины? Ты хоть раз видел людей со способностями, которые были бы счастливы? Я нет.

Я отодвинул в сторону клавиатуру, развернулся к Владе и нахально похлопал по своим коленям:

— Идите-ка сюда, госпожа экстрасенс!

Она, замешкавшись лишь на секунду, подошла, и я усадил ее верхом на себя так, чтобы наши глаза оказались прямо напротив. Обхватив ее лицо ладонями, погладил уголки напряженных губ подушечками больших пальцев, с удовольствием наблюдая, как они расслабляются и как зарождается на скулах Влады этот великолепный, едва заметный румянец, буквально высвечивающий потрясающий оттенок ее кожи.

— Единственный человек, в чьи способности я действительно верю, это пока что ты! — сказал я, чувствуя, что стремительно становлюсь твердым. Что поделать, моему члену глубоко насрать на то, насколько неподходящий для этого момент и его никто не собирается пригласить выйти поиграть, ему достаточно просто ощущения тепла и давления. — И,

несмотря на все недостатки, я считаю твой дарственным и чрезвычайно полезным. Я считаю ТЕБЯ необыкновенной, ни на кого не похожей, абсолютно исключительной, и все это со знаком плюс, Влада. А если говорить о такой, в принципе, странной и сугубо субъективной шпуге как счастье... Как много ты вообще знаешь безоговорочно счастливых людей, не важно, есть ли у них способности или нет? Часто их видишь в толпе? У них есть свой, ни на кого не похожий цвет? Они вообще существуют?

— Ты совсем в это не веришь?

— Я верю в то, что сегодня ты можешь считать себя счастливым, завтра решить, что жизнь — говно, а через неделю, месяц снова приподниматься над землей. Вот посмотри на меня. Когда шеф навязал тебя, я решил, что ты сущее наказание. Но теперь могу смело заявить, что у меня в жизни еще не случилось таких охрененно удачных и возбуждающих наказаний. Я готов принимать такие взыскания сколь угодно часто и подолгу.

Чуть запрокинув голову Влады, я поцеловал ее в шею и толкнулся бедрами вверх, показывая, что «готов» — это не фигура речи. В задницу шефа с его отчетом! Она издала один из этих едва слышных вздохов, которые заводили меня до умопомрачения своей убийственной чувственностью, и выгнулась, открывая мне еще больше пространства для поцелуев и притираясь своей грудью к моей.

— Ты ведь сейчас меня просто отвлечь стараешься, — мягко рассмеялась Влада, обхватывая мой затылок, и я поймал вибрацию ее горла губами.

— Ты меня с первого дня отвлекаешь и жалоб от меня не слышала, — пробормотал, сжимая сквозь ткань ее грудь и пьянея от того, как мгновенно затвердели ее соски.

— Разве реальную проблему можно решить простым отвлечением? — спросила Влада, прижимаясь плотнее к моим ладоням и губам.

— Саму проблему, может, и нет, но ее восприятие — вполне, — ответил, дергаными движениями расстегивая ее джинсы. — Попробуем?

— Дверь не заперта! — прошептала Влада, при этом даже не обернувшись, и мышцы ее живота вздрогнули, когда я бесцеремонно протолкнул руку между нами и нашел под тонкой тканью повлажневшего белья ту самую нужную точку.

— Почти все уже по домам разошлись! — конечно, я привирал и даже не слегка, но не видел тут желающих остановить меня. — И ты ведь умеешь быть тихой?

Конечно, она умела, я это знал, но не мог себе отказать в удовольствии подразнить Владу и кайфануть от того, как она содрогалась от моих слов вкупе с синхронными движениями пальцев.

— Обожаю, как ты меняешься, когда возбуждаешься... гребаное волшебство... как звучишь... сроду ничего сексуальнее не слышал... — И это было чистой правдой.

То, как она едва слышно выдыхала, заставляло меня до немыслимого предела концентрироваться на ней, делая Владу и те ощущения, что я ей дарил в интимные моменты, центром моего восприятия. Это чувствовалось... неожиданно ценным. Конечно, мне, как и любому нормальному мужику, нравилось, когда женщина открыто демонстрировала, насколько я хорош в том, чтобы доставить ей удовольствие. Это мне всегда казалось правильным. Ведь именно для обмена этим самым удовольствием мы и оказывались так близко. Заставить партнершу покричать — что может быть лучше? Но вот, странным образом, эта почти безмолвная буря, которую мне удавалось породить во Владе, самого сотрясала до мозга костей. Она была как обманчиво спящий вулкан. В том смысле, что все, смотрящие на нее издали, и понятия не имели, какая мощь скрыта под образом хрупкой и

внешне отстраненной и холодной женщины. Могли попадать под краткие вибрации ее силы, которая их пугала и отталкивала. И только я один, внезапно допущенный ближе некуда, знал, что же скрывается внутри. Стихия, от необходимости пропускать через себя которую снова и снова мгновенно стал зависимым.

— А... Анто-о-он! — выдохнула Влада, запрокидывая голову, и вжимаясь в мою руку так, что наверняка это было почти больно, и намертво впиваясь в мои плечи, и я как ненасытный поглощал вид наступающего ее финала. В этот момент я будто превратился во взрывоопасную смесь, алчно ожидающую той самой последней искры.

Ее тело содрогнулось раз, потом еще один, еще сильнее, она выдохнула с сиплым стоном, как от невероятного облегчения, и обмякла на мне, продолжая мелко сотрясаться. И каждый всполох этой ее дрожи струился сквозь меня, задевая все нервные окончания разом и награждая удовольствием, не сравнимым даже с собственным оргазмом.

Спустя несколько минут Влада пошевелилась и отстранилась.

— Спасибо, мне это и правда было нужно. — Она смотрела сквозь ресницы, и ее лицо выглядело таким необыкновенно расслабленным, что решил: у меня есть повод собой гордиться.

— Всегда обращайся, это теперь вроде как входит в круг моих приятных служебных обязанностей, раз я твой мужчина, — усмехнулся я, с огромной неохотой вытаскивая руку из обжигающего плена между нами.

— А как насчет взаимности для моего мужчины? — ответила мне в тон Влада, и как же мне было офигенно тепло внутри от ее улыбки!

— Нет-нет-нет! — Поставил я ее на ноги. — Я, в отличие от тебя, тихим быть не умею, и нас точно спалят. Так что дай мне поскорей закончить с этой писаниной, чтобы я мог отвезти нас домой и провести в тебе часик-другой.

— О! Не многовато будет? — засмеялась Влада, приводя в порядок свою одежду.

— После того что случилось только что, и учитывая ароматерапию, в которой мне придется работать? — Я поднес еще влажные пальцы к лицу и вдохнул ее запах, измываясь над своими вмиг сжавшимися яйцами. — Как бы маловато не было.

На парковке мы оказались уже очень поздно и вынужденно ускорили шаг. Накрапывавший ранее дождь превратился в полноценный ледяной душ, и поднялся противный, пробирающий до костей ветер, так что к машине почти бежали, перескакивая через стремительно растущие лужи. Вдруг Влада замерла, будто на стену налетела, и я едва не снес ее, еле успев остановиться. Она, совершенно перестав замечать щедро льющую сверху небесную воду, опять принялась тревожно озираться, всматриваясь в темноту широко распахнутыми глазами, почти полностью черными от расширившихся до предела зрачков.

— Что случилось? — выхватив из кармана фонарик, который никогда не выкладывал, стал шарить узким лучом по окрестностям.

— Снова смотрит! — хрипло прошептала Влада и неожиданно затряслась всем телом. — Какое же от этого омерзительное ощущение.

Я даже не переспросил, чудится ли ей, а только стал настойчиво толкать к машине, продолжая метаться белым узким лучом повсюду. Но никого не было вокруг. Парковка была пуста в столь поздний час, даже курить никто не удосужился выйти в такую похабную погоду. Только большая дворняга, которая лежала, скрутившись, на сухом пяточке под балконом на противоположной стороне улицы, подняла лохматую голову, щурясь на нас с

упреком.

— Уже ушел, — Влада расслабилась так же неожиданно, как и впала в свое странное оцепенение.

Я почти запихнул ее в салон, быстро обошел машину, продолжая подозрительно коситься по сторонам. Все-таки какая же заразная хрень эта нервозность!

— Не хочешь объяснить мне, кто смотрит? О чем мне начинать беспокоиться, Влада?

— Я не знаю, Антон, — виновато пожала плечами она, вытирая ладонью мокрое лицо и все еще вздрагивая, но теперь, похоже, от обычного холода, а не сверхъестественного. — Может, мне вообще это все чудится на фоне общей нервозности.

— Во-первых, не воруй мои реплики! — фыркнул я, выезжая на проспект. — А во-вторых, лучше перебдеть, чем недобдеть, так что готов услышать твои самые фантастические версии и принять их к сведению.

С минуту Влада сидела, моргая и прикусывая губу, будто взвешивала что-то.

— Даже если я скажу, что верю Славскому и думаю, что вполне могу быть следующей целью этого самого Экзорциста, и на данный момент именно он за мной и наблюдает?

Конечно, я открыл рот, чтобы первым делом возразить. И не важно, считаю ли я высказанную Владой угрозу реальной или из области чистой фантастики. Надо заметить, что эта самая область весьма отодвинулась в последнее время, так что многое, о чем и слушать не стал бы, воспринимаю по-другому. Но дело не в том. Это просто какой-то инстинкт, что ли, всегда начинать успокаивать испуганную женщину и заверять ее, что все прекрасно, даже если дела совсем дрянь. Иногда мотивация — жалость, иногда — тупо практичность, потому как паникующая, истерящая и выдумывающая себе все больше страхов баба рядом — ну кому такого счастья надо-то? Но Влада была не тем человеком, кого нужно и можно обманывать и внушать иллюзию призрачной безопасности. Потому что это бы означало отрицание того, что она интуитивно чувствует или даже знает, а я больше такой ошибки делать не собираюсь. Если она говорит, что Славский не «наш» маньяк, то это неспроста. И если верит этому мерзавцу по поводу существования Экзорциста, значит, так и есть.

— Учитывая все обстоятельства, вполне жизнеспособное предположение, Влада. Без обид, но погнавшись тогда в Немово за ним, ты вполне могла привлечь к себе его ненужное внимание. — Она не отвела глаз, но снова пожала плечами, как бы говоря: «Ну что я могу с собой поделать?». — Мы все еще не в курсе, как и по какому принципу он выбирает жертвы. Единственное наше предположение, подтвержденное весьма сомнительными заявлениями Славского, что все они были со способностями и он как-то это узнавал. Соответственно, логично думать, что ты попадаешь в сферу его интереса. И надо сказать, это ставит меня в весьма сложное положение. Если ты потенциальная жертва, то мне нужно организовать тебе официальную охрану, но отпускать жить домой под присмотром не знамо кого, только чтобы скрыть наши внерабочие отношения, я не готов.

— Почему?

— Потому что я неоднократно был свидетелем того, насколько оказывается бесполезна эта самая охрана на деле.

— Какие у нас еще варианты?

Я притормозил перед круглосуточным универмагом. Война войной, а обед, как говорится, по расписанию. И ужин сегодня за мной. К тому же отвлечение на насущные потребности организма помогало игнорировать противное тянущее ощущение внутри от того, что собирался сказать.

— Мне нужно отказаться от дела на основании того, что присутствует долбаный конфликт интересов, взять отпуск и сторожить тебя самому. Следствию же помогать на общественных началах.

Сказал и сам себе не поверил. Такое чувство, будто частично кастрировать себя добровольно предложил.

— Нет! Это нам категорически не подходит, Антон! — Влада не только решительно отмела это предложение, но и уставилась на меня как на ненормального. — Пока новый следователь вникнет в дело, уйдет много времени, и это может стоить еще кому-то жизни! Как ты и я будем с этим жить? Плюс это однозначный повод для отстранения меня от работы, а значит, просто бесполезность пребывания в управлении.

— Только не говори, что этот индюк крашенный Гарденин тогда посмеет прийти и забрать тебя обратно в психушку! Мы пошлем его, пусть только сунется! — я слишком повысил голос, и на нас стали оглядываться немногочисленные покупатели.

— Официально это была не психушка. Центр реабилитации и развития, — Влада опустила голову, и щеки ее порозовели, когда она заметила, что у нас есть невольные слушатели.

— Да похрен! Ты свободный человек! — Я грозно глянул на особо любопытного мужичонку, «греющего ухо» около нас, и он стремительно ушел, схватив из холодильника пачку пельменей.

— Нет, Антон. Обвинений с меня никто не снимал, — понизив голос, ответила Влада. — Если начну брыкаться, то наставник вполне может настоять на возвращении дела на доследование, в связи с тем, что сейчас-то я уже прекрасно отдаю отчет своим действиям и способна нести за них ответственность!

Я скрипнул зубами, чуть не оторвав дверцу морозильного шкафа. Влада права. Закон у нас что дышло — куда повернешь, туда и вышло! Особенно если у тебя есть власть влиять на решения чиновников, а у этого мудака Гарденина она имеется. Так что он действительно может тупо забрать Владу под любым предлогом, и я даже не смогу быть рядом, чтобы хоть как-то поддержать. Я вообще могу ее больше не увидеть черте сколько! Вот вам и весь хрен до копейки! Швырнул пачку любимых пельменей в корзину так, словно это была голова гребаного наставника, и сдержался от самого важного вопроса, который наверняка стоило задать давно, но то это было не мое дело, то недосуг, а потом... наверное, я не готов к возможному ответу. Что планировала сама Влада после окончания нашей совместной работы изначально? Помню же, что она была готова сбежать, когда я облажался в становлении наших служебных взаимоотношений. То, что мы теперь вместе, как-то меняет ее планы на будущее? Это вообще реально? И если она опять решит бежать от системы, я буду помогать ей или убеждать остаться и пытаться бороться на месте? Ой, что-то до хрена вопросов на голодный желудок и больную голову, Антоха! Тут надо хотя бы самые неотложные решить!

— Итак, что предлагаешь сделать? — нахмурился я так, что аж между бровей зачесалось.

— Ты нигде не упоминаешь о том, что я могу быть потенциальной жертвой, и тем самым мы избежим любого ненужного вмешательства. Во-первых, это может быть полной чушью, а во-вторых, если это правда, то маньяк теперь сам меня будет преследовать, а не мы его. Если я ему действительно нужна, то рано или поздно он придет за мной, а учитывая, что ты всегда рядом, то тут и конец всему.

— Вот так все просто, по-твоему, Влада? — нервно хохотнул я. — То есть мы делаем из тебя чертову приманку — на это я должен согласиться? И из всего прикрытия у тебя один я?

— Я тебе доверяю! — ответила Влада так, словно это все решало, и прямой ее взгляд подтверждал ее слова.

— А я себе? — огрызнулся я, зашагав на кассу.

— Это слишком много для тебя? — вопрос Влады заставил резко развернуться, а выражение уязвимости на ее лице ударило как камень в грудь.

— Ты хоть понимаешь... — я взмахнул корзиной, чуть не растеряв все содержимое. — Я же жить не смогу потом, если допущу, чтобы с тобой...

Даже вслух такого не произнесу! Чур меня! Влада подступила ко мне ближе, обхватила руками вокруг тела и коротко прижалась ухом к сердцу. И-и-и... черт, как-то разом отлегло.

— Мы его поймаем так или иначе, — абсолютно уверенно сказала она, отстраняясь. — Должны поймать. К победителям совсем другое отношение. Может, наблюдать за мной не перестанут, но и обратно в центр не вернут. Я не готова расстаться с тобой, Антон.

А вот тебе, мужик, и ответ на твои незадаанные вопросы о будущем! Я покачал головой, смиряясь с тем, что нет у меня права ни отказаться, ни подвести эту женщину.

— Поймаем так поймаем, — проворчал я, соглашаясь с неизбежным. — Поехали домой. Я жрать хочу как собака.

В квартире я сразу отправил уже слегка хлюпающую носом Владу набирать горячую ванну, самостоятельно сварив пельмени, навалил их в большую миску и, прихватив только одну вилку, пошел к ней. Вручив ей тарелку, разделся и влез в горячую воду, втиснувшись в мою совсем не огромную ванну за ее спиной и обхватив ногами и руками. Так мы и сидели, выгоняя из тел уличную промозглость, плотно прижавшись друг к другу и поглощая мужскую пищу богов, и болтали о чем угодно, только не о работе, до тех пор, пока Влада не стала клевать носом. Вытащив ее сонную из воды, я завернул Владу в свое единственное большое полотенце и велел отправляться под одеяло. Когда пришел в постель сам, она уже спала. Прижался к ней со спины, уютно уткнувшись в затылок носом, а в поясицу стояком, который намекал, что неплохо бы немного заняться подвижными играми. Но, как ни странно, мое мнение с его сегодня не совпадало. Успеется еще. Я никуда Владу отпускать теперь не намерен. Никогда, так что еще играть не наиграться.

ГЛАВА 26

В полном людей приемном покое я не сразу разглядел Владу, а когда наконец увидел — сгорбившуюся и съжившуюся, спиной ко всем, на банкетке в самом дальнем углу — сердце грохнулось об ребра от беспокойства на нее. Вот понесло же ее в такое место, хотя знала ведь, как погано будет себя чувствовать! Все удовольствие от самостоятельного вождения мгновенно рассеялось, и я стремительно пошел к ней, по пути отмечая присутствие двух Гудвиновских амбалов, стоящих с мрачными рожами чуть поодаль от Влады. Если чем обидели... Спокойно, дышим, Антоха.

От прикосновения к плечу Влада вздрогнула, но, едва вскинула голову и увидела, что это я, тут же почти сбила меня с ног улыбкой. Один открытый взгляд и небольшое движение губ — и у меня аж в голове поплыло от того, какая же волна облегчения, радости и надежды исходила сейчас от Влады. На меня надежды, на вот такого-сякого Антона Чудинова, который для других — одно сплошное скопище косяков и недостатков. Повинуясь импульсу и наплевав на все вокруг, поднял Владу и, стиснув впервые уже двумя здоровыми руками, прижался своими губами к ее, чуть распухшим и соленым от слез. Никакого пока языка и

откровенной чувственности. Просто контакт, связь с ней, в которой я неожиданно сильно нуждался. Влада только на долю секунды была неподатливой в моих объятьях, но потом прижалась в ответ, расслабляясь и почти повисая на мне, демонстрируя всем своим хрупким телом безоговорочное доверие. Да разве я заслужил от тебя такое, странная ты моя женщина? По мне, так нет, но теперь хочу, ох как хочу.

— Как же ты вот так охрененно ощущаешься, — пробормотал именно то, что пришло на ум в этот момент, просто кайфуя от возможности вообще не фильтровать, что говоришь.

— Ты такой... удивительный. — А вот Владе, похоже, понадобилось несколько секунд для того, чтобы дать определение моему, мягко скажем, своеобразному поведению в последнее время, и, надо сказать, она чудо как дипломатична.

Сдерживая смех, я потерялся лицом о ее скулу и поцеловал несколько раз в шею и ухо, заставляя поежиться от щекотки.

— Молодые люди, тут вам не дом свиданий! — раздался рядом дребезжащий женский голос. — Нечего тут обжиматься, здесь больные люди вокруг!

Можно подумать, больным от вида обнимающейся парочки окончательно заплохеет. Обернувшись, я увидел гневно глядящую на нас очень полную и при этом низенькую даму в бело-голубом халате. Высоченная, замысловатая прическа из неестественно ядовито-рыжих волос, видимо, была призвана хоть немного компенсировать недостаток роста своей обладательницы; тонкие, брезгливо поджатые губы, густо покрашенные «вырви глаз» помадой. Огромные золотые серьги раскачивались в ушах, подчеркивая степень ее раздражения нашим непотребным поведением. Такие поборницы чистоты нравов всегда находятся везде и всюду и обладают способностью выскакивать как черт из табакерки в самый неподходящий момент.

— Вы тут вообще с кем? — рассердилась она еще больше, узрев мою улыбающуюся физиономию.

— У нас здесь... друг, — неуверенно ответила Влада. — Но нам ничего не говорят о его состоянии.

— И правильно! — процедила тетка «так вам и надо» тоном. — Не родня вы ему, вот ничего и не скажем.

Неужели обязательно вести себя так? Такое чувство, что у них всех программу загрузит, если проявят чуть больше человечности.

— Капитан Чудинов! — Сделав строгое лицо, я неохотно разжал свой собственнический захват и выудил из кармана удостоверение, и только тогда до Влады вдруг дошло, что я теперь не «однорукий бандит».

— Антон! — удивленно прошептала она, уставившись на исцеленную руку.

— Потом поговорим! — кивнул ей я и повернулся снова к мадам-блустительнице целомудрия больных. — К вам поступил Тимур Глазов с черепно-мозговой недавно. Он фигурант по делу, и мне срочно нужна информация о его состоянии.

Тетка внимательно прочитала написанное в удостоверении, тщательно сличила меня с фото, и только после этого ее лицо изменилось.

— Я уточню и сообщу вам. И если операция закончилась, попрошу выйти к вам хирурга! — И, осуждающе зыркнув последний раз на Владу, она удалилась с видом человека, исполняющего миссию по спасению мира как минимум.

Настроение было потеряно вмешательством, и поэтому я решил сразу перейти к делу.

— А вот теперь, госпожа Арифеева, быстренько рассказала мне, какой черт тебя понес

к этому Гудвину, и желательно сделала это так, чтобы желание придушить тебя не выиграло во мне с новой силой, — скомандовал я.

— О подобном экстриме мы не договаривались, — поддразнила Влада, удивляя меня в очередной раз. — Тимур мне позвонил и сказал, что намерен вручить нам маньяка в качестве подарка.

— Вот прям так и сказал? — Хвастливый мелкий засранец и позер. Сначала сделай, потом хвастай, вот тебе и наука, Гудвин. И ни разу мне тебя не жаль!

— Примерно так. Намекнул, что у него сейчас будет с ним встреча, на которую он идет один. Я просила не делать глупостей, но он перестал отвечать мне. Ты тоже игнорировал мои попытки связаться...

— Вот только не надо! — возмутился я. — Если бы ты хотела, тебя что, дверь остановила бы?

Влада отвела глаза и прикусила губу, засопев как ребенок, которого поймали на месте преступления.

— На самом деле, я подумала, что после нашего последнего разговора, ты все равно проигнорируешь мою просьбу как-то помочь Гудвину, — призналась она, и желудок скрутило от чувства вины. — Побежала в техотдел, и они оказались милыми ребятами и установили местонахождение Тимура по сигналу сотового.

Я этим милым ребятам еще устрою групповую клизму.

— Ага, и после такого это у меня комплекс Бэтмена, — пробормотал себе под нос.

— Прости, что?

— Ничего, дальше рассказывай!

— Местом встречи оказались какие-то дома под снос, и никого не было видно, когда я приехала. — Влада стала нервно комкать низ своего свитера, и я поймал ее руку, удерживая от этих дерганных движений ее и заодно заставляя успокоиться и себя.

— Боже, я тебя точно придушу!

— Перестань, Антон! Увидев, куда попала, я почти ушла! Я же не совсем сумасшедшая, чтобы бродить в одиночку в таком месте!

— Без комментариев, учитывая, что мы сейчас сидим здесь, а Гудвин — с проломленной башкой в операционной. Дальше!

— Да особо рассказывать нечего, — виновато опустив голову, Влада стала монотонно перечислять: — Услышала шум, выстрел и поймала ауру убийцы, испугалась... Потом перестала толком соображать... Быстро потеряла след... Ну, ты знаешь, как это со мной...

— Вот именно, что знаю, Влада! — Не хотелось упрекать, ведь я на самом деле уже понял, что в определенные моменты она сама себе не принадлежит, но, блин, что-то надо с этим делать. — Ты хоть понимаешь, насколько уязвима, когда тебя накрывает?

Она кивнула.

— Ладно, я тебе потом этим еще мозг вынесу, — смиряясь, выдохнул я. — Как ты Гудвина нашла?

— Когда отпустило, стала набирать его телефон. По звуку шла. Вызвала скорую и по его телефону — парней, — она мотнула головой в сторону типа телохранителей Гудвина. — Просто подумала, что ему охрана понадобится, мало ли что!

— То есть о его безопасности ты, умница такая, подумала, а о своей вообще ни разу? — Стоп, я не завожусь!

В ответ Влада только вздохнула. Ну нет уж, меня этим виновато-покорным личиком не

проймешь! Однозначно накажу, как только придумаю как! А пока... В мозгу словно загорелась красная лампочка.

— Так, секундочку! Ты сказала, что выстрел слышала?

— Да, или что-то очень похожее, по крайней мере, — согласилась Влада.

— А у Гудвина кроме черепно-мозговой еще и огнестрел есть? — насторожился я.

— Нет. Я не заметила.

— А оружия там, где его нашла, не было?

— Нет.

— А тебя уже опрашивали?

— А должны были?

— Естественно!

— При таких обстоятельствах скорая должна была и полицию привлечь!

Влада только растеряно пожала плечами. Вечно у нас такое разгильдяйство! Сто процентов решили, что, если жертву нашли в таком месте, он или нарик конченный, или бомж, и можно тупо отписаться и забить на разбирательство и выезд на место.

— Ладно, это все мы позже выясним, — отмахнулся, ставя себе, однако, заметку проявить в этом случае реальную сучность и добиться наказания виновных в случае, если правда решили спустить на тормозах. — Сейчас другое важно. Кто стрелял? Если наш маньяк, то почему только один раз, и вместо того, чтобы попытаться снова, долбанул Гудвина по башке? Значит, все же не он. Но тогда — если стрелял Глазов, то сумел он ранить ублюдка, или нет? Ты не видела поблизости кровь?

— Ты же знаешь, я не очень хорошо вижу в такие моменты, — смущенно замаялась Влада. — А потом, когда Тимура нашла, уже не до того было.

— Понятно. Значит, мы сейчас едем на место, обшарим там все до темноты, или пока дождь не случился. Если мы везучие, то найдем и оружие, и следы крови нашего маньяка. Если нет, то констатируем весьма дерьмовый факт, что теперь у него есть еще и пистолет.

Влада, покусывая губу, пристально уставилась на меня.

— Что? — поднял я брови, борясь с невесть откуда взявшейся неловкостью от такого ее взгляда.

— Ты сказал — «наш маньяк».

— Да неужели?

— Дважды. Хотя еще совсем недавно заявил, что не веришь в существование коллективно действующих убийц.

— Во-первых, я способен быстро и качественно эволюционировать, и прошу тебя это все время держать в голове. А во-вторых, я, опять же, не утверждаю, что верю, просто мы должны изучить каждую версию. Может, этот случай с Гудвином вообще никак с маньяком не связан! Мало ли, кого он мог достать с его-то бизнесом.

— Все равно ты удивительный, Антон, — покачала головой Влада, открыто улыбаясь, и стало внезапно так хорошо, будто она как минимум признала меня божественным и всемогущим.

Из дверей появилась мадам поборница нравов, прерывая краткий момент моего самодовольства. Сопровождал ее долговязый мужчина, в светло-голубом халате и шапочке, выглядящий, на мой взгляд, слишком юно, чтобы быть опытным врачом.

— Вот, товарищ из органов, — важно представила меня ему тетка. — Он по поводу Глазова.

Я еще раз для порядка продемонстрировал удостоверение и просветил так и не представившегося доктора, странно поглядывающего на Владу, что Гудвин — особо важный свидетель по делу. Не думаю, что это заставило бы подойти к процессу лечения как-то более тщательно, но если Владе от этого спокойнее, то мне не трудно.

— Внутричерепное кровоотечение мы остановили, но дальше все будет зависеть от того, как хорошо будет рассасываться отек, — проинформировал меня безымянный доктор, и я поманил ближе Гудвиновских громил.

— Это наши работники под прикрытием, — с нарочито серьезным видом тихо сказал я врачу. — Вы должны обеспечить возможность постоянного дежурства одного из них под дверями палаты Глазова. Мы понимаем друг друга?

Парень начал что-то мямлить про то, что не положено и против правил, но мой пристальный взгляд с легкостью переубедил его, и, смирившись, он кивнул.

— И само собой, как только гражданин Глазов придет в сознание, я должен тут же об этом узнать, — сунул я ему в руку визитку, не теряя времени понапрасну, сухо попрощался и, схватив Владу за руку, пошел на выход.

Вот и замечательно. Пусть Гудвина стерегут его же цепные псы, а мне не придется преодолевать кучу бюрократической волокиты, организовывая ему охрану в официальном порядке. И без этого у меня забот хватает, особенно учитывая, что может от этого крысеныша и толку-то никакого не окажется.

На больничной парковке Влада неожиданно остановилась, вырывая у меня свою руку, и стала встревоженно озираться.

— В чем дело? — невольно и сам стал прочесывать взглядом окрестности.

— Не знаю, — растеряно пожала она плечами. — Странное какое-то ощущение.

— На что похоже? — Ничего необычного вокруг я не засек. Приезжали и уезжали машины, люди спешили по своим делам. Никто даже не смотрел в нашу сторону.

— Не могу сказать, — пробормотала девушка. — Возможно, это просто нервы.

— Твоя ключица, как понимаю, в порядке, — констатировала она уже в машине, все еще поглядывая по сторонам настороженно.

— Ага, так и есть. Имел счастье получить сеанс чудесного исцеления от твоего наставника, вкупе с беседой по душам, — небрежно ответил, вырываясь с парковки под пристальным взглядом Влады, неизвестно что выискивавшей на моем лице.

— Могу я узнать, что он сказал тебе, или это какая-то тайна?

— Не-а. Никаких тайн, ибо я молчать не клялся и не собираюсь. Он меня заботливо предупредил, чтобы я сильно губы на длительные отношения с тобой не раскатывал. — Я покосился на девушку, не желая пропустить ее реакцию, но Влада быстро отвернулась к окну, прячась от меня.

— Надеюсь, ты сказал ему, что его беспокойства не обоснованы?

— Нет.

— Почему?

— Потому что это ни черта не его дело, Влада! Ты вправе сама распоряжаться своей судьбой и выбирать, как и с кем тебе жить.

— В самом деле? — Влада повернулась ко мне порывисто, сразу всем телом, будто хотела напугать этой стремительностью. — А если я вдруг выберу быть с тобой?

Зажегся красный, и я, повторяя ее движение, развернулся к Владе и посмотрел прямо в темные ищущие глаза с нервно мерцающими расширенными зрачками.

— А выбери!

— Я серьезно, Антон. — Густые ресницы стали опускаться, но я аккуратно обхватил ее подбородок, настаивая на продолжении нашего визуального контакта.

— Я тоже не шучу. Я готов попытаться. С тобой. Но только если и ты тоже готова.

— Ты только сегодня утром собирался прекратить между нами вообще все, кроме работы.

Все же поражает меня в этой женщине способность говорить обо всем, не вызывая у меня чувства неловкости за собственное поведение. Там, где другая женщина заставила бы меня извиняться, даже нашла бы повод для целой драмы на тему доверия к моим словам, Влада просто хотела знать. Вот поэтому мне так легко говорить с ней честно, а не выискивать вариант ответа, который должен ее устроить.

— Потому что наивно полагал, что мне нечего привнести в твою жизнь, кроме неприятностей и разочарований.

— И что же изменилось? Ты уверен, что это больше не так? — И снова ни малейшей тени сарказма или оттенка неверия. Просто вопрос, нуждающийся в ответе.

— Вовсе нет. Я же, хотелось бы верить, не полный идиот, чтобы пребывать в уверенности, что никогда не стану причиной твоего разочарования. Просто понял, что это не повод полностью отказываться от возможности попытаться... сделать что-то по-настоящему стоящее усилий.

— И что же это?

Ну, давай, Антоха. Внеси полную ясность.

— Ты и я. Вместе. Уж какие есть.

Внутри ничего не дрогнуло в панике от собственных слов, не включилась гребаная система оповещения о катастрофе, небо тоже вроде кусками на землю валиться не собиралось.

Сзади просигналили, намекая на то, что давно уже зеленый, и я тронулся.

— Думаешь, правильно... говорить об этом вот так? — задумчиво глядя на дорогу, тихо спросила Влада.

Я понимал, она предполагала, что все сказанное — очередной мой импульс, который быстро себя исчерпает, вот только я знал, что это не так. Импульс — это когда возбуждение, ощущение некоей срочной безотлагательности в душе, смута и беспокойство. А от того, что я хотел между мной и Владой, внутри чувство покоя. Мне от этого хорошо. Комфортно.

— Как? — усмехнулся я.

— Посреди дороги.

— Это ощущается неправильным?

— Для меня? — почему-то удивилась Влада. — Нет.

— Ну, а для меня тем более.

Минут пять я лавировал между машинами, пока она хранила молчание, но оно не нервировало меня, хотя я и понимал, что сейчас за Владой решение о том, изменится ли моя жизнь. В смысле окончательно, потому как с ее появлением я и так уже вроде как был не прежним Антохой Чудиновым. Всегда бесило, когда женщины прямо или исподволь старались что-то поменять во мне. Влада ни о чем не просила, не настаивала, не намекала и даже не позволяла почувствовать, что ждет от меня хоть каких-то усилий над собой. Но вот посмотрите-ка на меня — я и сам внезапно рад взглянуть на все и на себя, в частности, по-другому. И никто мне яйца для этого, давайте заметим, в тиски не зажимал.

— Ладно, — наконец выдохнула Влада.

— Ладно что?

— Я готова попытаться. — И она снова одарила меня тем самым взглядом, от которого за ребрами появилась щемящая теснота, и улыбкой, что дико хотелось сцеловать с ее бледных губ.

— Вот и замечательно, — тоже оскалился я в ответ счастливым придурком. Мы, конечно же, еще сто раз поговорим об этой... что бы там ни зародилось сейчас между нами, но пока достаточно и того, что уже есть.

Добравшись под руководством Влады на то место, где она нашла Гудвина, я был готов согласиться, что и у меня бы нервишки заиграли. Целый квартал выселенных домов под снос, обнесенный чисто условным, состоящим из сплошных прорех забором. Горы брошенного хлама, битых кирпичей, бутылки, использованные шприцы. Бродить тут в одиночку и мне, здоровому мужику было некомфортно, а что уж о ней говорить.

— Я лучше помолчу, чтобы после не сожалеть о сказанном, — пробурчал я, прожигая спину Влады взглядом, когда она пролезла в одну из дыр забора, показывая мне дорогу.

Сразу вызвал наряд и эксперта, на случай, если найдем что-то стоящее. До самой темноты мы шарили по этим почти развалинам дружной компанией, но найти ничего так и не смогли. Ни пистолета, ни хоть малейших капель крови. Только небольшое пятно, но Влада сразу сказала, что это кровь Гудвина, потому как именно тут она его и нашла. Если звук, который слышала она, и был выстрелом, то, похоже, Гудвин самый великий мазила всех времен и народов. Или вообще никакого пистолета и не было, и могли какие-нибудь подростки петардами тут баловаться. Что невольно возвращало меня к тому, каких, на хрен, неприятностей могла нажить на свою задницу Влада, находясь тут совсем одна. Стемнело, и стал срываться дождь, все устали и продрогли и поглядывали на меня с раздражением, намекая, что я тупо заставляю всех заниматься онанизмом. С чем трудно было не согласиться, учитывая полнейшее отсутствие результата. Ну вот такая, млин, у нас работа. Большую часть времени она и является энергозатратной, но не приносящей никакого выхлопа, если не придерживаться философии, что отсутствие результата — тоже результат. И только когда уже собрались сворачиваться с поисками, раздался радостный возглас от молодого постового, шарившего в густом бурьяне, проросшем на груде битых кирпичей.

— Нашел! — радостно заорал он, поднимая над головой мутно поблескивающую металлическую каплю пули.

— Ну что же, поздравляю, господа и дамы! — мрачно произнес я. — Может, теперь у нашего маньячилы больше и нет наркоты, но есть долбаный пистолет. Спасибо за это гражданину, мать его, Глазову.

Конечно, я понимаю, что в наше время найти оружие никакая не проблема. Имея достаточно мозгов и бабла, покупай что хочешь. Но бесил сам факт, что из-за тупого геройства Гудвин практически преподнес пистолет в подарок существу, что и без него было зверски опасным. А только наивные и идеалисты не знают, что делает с человеком обладание оружием. Влада смотрела на меня виноватым взглядом, словно она была причастна к бестолковости Гудвина, и это злило особенно сильно, увеличивая и так немалый счет, что был у меня к этому засранцу.

— Ну что, поедем еще разок этого Славского опросим? — подмигнул я Владе. — К этому времени все его адвокаты и врачи должны уже разбежаться.

— А разве можно допрашивать его без адвоката? — заинтересовалась Влада.

— Допрашивать — можно, но отвечать он мне не обязан. Но ведь он так хотел с тобой поговорить. Посмотрим, что это нам даст.

— И ты позволишь мне присутствовать?

— Только при условии, что ты мне пообещаешь тут же уйти, если почувствуешь себя плохо или некомфортно... не важно как, — строго нахмурился я. — Вопрос не стоит в выборе между твоим здоровьем и здравомыслием и получением информации от этого засранца. Дело, насколько бы важным оно ни было, — всего лишь работа. Так к этому и нужно относиться.

— Хорошо. Я последую твоему совету тогда, когда увижу, что ты сам придерживаешься именно такой линии поведения, — усмехнулась Влада.

— Я вас попрошу, госпожа Арифеева! — рыкнул я, подъезжая к управлению. — Я — это я, толстокожий, твердолобый и непробиваемый, а ты...

Так странно, что я не мог дать ей четкую характеристику, даже в этом условно-шуточном нашем препирательстве. В одно мгновение она казалась хрупкой, тонкой, будто паутинка, способная порваться даже от резкого выдоха, но в следующий момент я вспоминал, сколько всего она пережила и сохранила себя и способность к сопротивлению. Не женщина, а магическая сущность, что прогибается и льнет к любому доброму и мягкому касанию, ощущаясь нежнее всего на свете, но становится сталью, пожелай нанести ей удар.

— В общем, Влада, ты меня поняла! — посмотрел я на нее через крышу разделявшей нас машины. — Если мне покажется, что этот гад на тебя плохо влияет, я прикажу тебе уйти. И ты не станешь спорить. Ясно?

— Антон... — попыталась она, но я покачал указательным пальцем.

— Кто у нас главный, госпожа экстрасенс? Правильно, капитан Чудинов, — ответил сам, когда она промолчала. — Поэтому что он, то есть я, скажет, то ты и сделаешь.

— Ладно, капитан Чудинов. Но это работает только на работе! — хмыкнула Влада и пошла вперед.

— Посмотрим-посмотрим.

ГЛАВА 27

На обратной дороге Влада вела машину рассеянно и пару раз чуть не въехала в зад микроавтобусу со спецназом. И это при том, что до этого она была чрезвычайно аккуратным водителем. При каждом резком торможении в последний момент она бормотала извинения и виновато косилась в мою сторону, при этом умудряясь смотреть как бы сквозь меня.

— В чем дело? — в конце концов спросил я, хоть сейчас мне стоило размышлять над стратегией будущего допроса, нежели над нашими личными заморочками.

Честно говоря, почти подготовился к разговору о наших внерабочих отношениях. Ну не могут женщины заканчивать все парой фраз, тем более если инициатива была не их. Даже если нет сразу эмоций, они приходят потом. Нужно им все обязательно проговорить, хотя чаще проорать, высказав тебе, какой же ты мерзавец и потративший ее время даром мудака.

— Я сказать тебе кое-что хочу, — пробормотала Влада, когда мы остановились на очередном светофоре, и нервно застучала ногтем по рулю.

Ну вот, сейчас начнется! Внутренне весь напрягся, предвидя неприятную беседу. Нет, конечно, криков и обвинений от Влады я не ожидал. Но сам факт, что мне нужно найти слова убедить в том, что мы вместе — плохая идея со всех возможных сторон, уже вызывала зубную боль. А все потому что в глубине души мне хотелось послать на хер все эти правильные причины и возможные последствия и признать, что думать членом в случае с

Владой совсем не было такой уж глупой затеей. Антоха, в кого ты превращаешься? В чертова неврастеника, тыняющегося между «правильно и безопасно» и «хочу, чтобы все шло как идет». Это вроде как бабский удел, мужику следует четко знать, в каком направлении надо двигаться. Загадок, непонятностей и всевозможных вероятностей развития событий мне и на работе выше крыши.

— По поводу этого арестованного, — пояснила Влада и снова глянула рассредоточенно, и я поймал себя на облегченном и одновременно разочарованном вздохе.

— Задержанного, — чисто автоматически поправил ее, задаваясь вопросом, откладывается ли разговор на нежеланную тему или отменяется вовсе.

— Задержанного, — послушно кивнула Влада. — Так вот, мне кажется, он не тот. В смысле, он, конечно, тот самый, но не совсем.

— Внятно объяснить не хочешь? — раздраженно нахмурился я и ткнул рукой вперед, показывая, что все уже тронулись на зеленый.

— Я и объясняю, Антон. Этот парень абсолютно точно мучил и убил Иру Киселеву. От него буквально прет этой потребностью разрушать, причинять боль, калечить морально и физически. И однозначно теперь, единожды попробовав, он уже не остановится. Он убийца, тут никаких сомнений. Но он не тот убийца, которого мы ищем изначально.

— Влада, тебе не кажется, что это уже слишком? — озлился я. — Что это еще за «он убийца, но не наш»? Девчонок убил один и тот же человек, это же и коню понятно! Если Славский сделал это с Ирой, то и с Катей, просто способы разные! Но только потому, что Катя была его непосредственной целью, а Ира оказалась помехой, побочным раздражающим фактором, отсюда и такая жестокость при расправе! А значит, и остальные жертвы на нем! Или ты думаешь, что маньяки собираются в клубы по интересам, режут и насилуют женщин, а потом еще от трупов в одном месте избавляются?

— Я не это пытаюсь сказать, Антон.

— А что?

— То, что тогда в Немово я видела кого-то совершенно другого.

— На минуточку, Влада, ты вообще никого не видела. Только чертову... не знаю... ауру! И совсем не факт, что тебе все это тупо не причудилось после того безумства и бардака человеческого, свидетелями которому ты стала сразу перед этим!

Влада затормозила так резко, что я почти врезался мордой в лобовое стекло. Сзади тут же засигналили, но, не обращая на это внимания, она развернулась всем телом в мою сторону. И вот теперь она точно смотрела именно на меня. Холодно прищурившись, пристально, изучающе, прошивая насквозь потоком своей жутковатой энергии, словно мы опять были незнакомцами.

— То есть ты резко перестал верить тому, что я вижу? — горько усмехнулась она.

Черт, вот только я могу так обосраться и, обойдя одну неприятную тему, по самые здрости вляпаться в другую, возможно, еще более неудачную. И не совершь ведь, потому как такое чувство, что сейчас Влада этим своим взглядом мне мозги как рентгеном просвечивает. И это, надо сказать, взбесило окончательно. Потому что, знаете ли, мужики терпеть не могут, когда их насквозь видят. Все без исключения причем!

— А я разве когда-то вообще утверждал, что верю на все сто? — спросил упрямо, не избегая прямого визуального противостояния. — Я обещал стараться понимать, принимать во внимание, что, между прочим, и делаю, но не верить в то, что каждое слово — истина, Влада. И давай начистоту. Разве ты сама не испытываешь ни тени сомнений в том, что

видишь, или тебе кажется, что видишь? Потому как не сомневаться вообще — это... — я прикусил язык, едва не ляпнув «ненормально», но Влада поняла абсолютно точно.

Она не вздрогнула, не разозлилась, всего лишь медленно опустила ресницы, пряча от меня эмоции, отражающиеся в глазах. А когда снова подняла их, то я прочитал четкое и однозначное послание. «Лишен доступа».

Влада вытащила ключи из зажигания и протянула мне.

— Приехали, — безразлично сказала она, и, оглядевшись, я понял, что мы и правда давно стоим на служебной парковке, естественно, привлекая внимание тем, что долго не выходим из салона.

— Вот уж правда приехали, — пробормотал себе под нос, вылезая наружу. Соберись, Антоха, соберись! Работу работать надо, а остальное подождет.

Первый допрос Славского прошел отвратительно. Хотя правильнее будет сказать, что он вообще как таковой не состоялся. Ублюдок просто игнорировал и меня, и все мои вопросы. Сидел со скучающим видом и демонстративно изучал фактуру стен и потолка, пока я спрашивал, пугал, обрисовывал его невеселое ближайшее будущее, снова спрашивал, озвучивал результаты экспертизы и давил всеми за годы работы освоенными методами.

Единственное, что я услышал от него за те два часа, пока не добралась до управления его мамаша с адвокатом и даже лечащим врачом, это:

— А ваша интересная подружка не будет со мной беседовать? А жаль, вот с ней я бы нашел, о чем поговорить.

Мой телефон беззвучно задергался, и, вытащив его, я увидел имя Влады на экране и тут же отклонил звонок. Черта с два я пойду на поводу у засранца и позволю ей войти.

Владу я оставил наблюдать за процессом допроса снаружи, через зеркальное окно, и сделал это, надо сказать, скорее из дурацкого упрямства, порожденного нежеланием снова замечать, с каким плотоядным любопытством пялится на нее этот мерзавец. Но мысль о том, как она видит, что я терплю однозначное фиаско, пытаюсь прошибить это невозмутимо-презрительное выражение лица Славского и добиться от него хоть какой-то реакции, кроме тотального молчания, доводила до окончательного тихого бешенства. Телефон прозвонил еще дважды, но я и не подумал заглядывать в него. Последним пришло сообщение, а потом, наконец, тишина.

Естественно, адвокат, появившись, закрыл своей хорошо заплаченной грудью Славского, потребовав время на разговор со своим подзащитным, а так же немедленное обследование одного его лечащим врачом на предмет травм физических и психологических.

Я убрался из допросной, но Влады снаружи не нашел. Столкнулся в коридоре с экспертами, которые шли к задержанному для забора новых проб, но они ее не видели.

В кабинете тоже было пусто. Сунувшись в телефон, чтобы набрать ее, я увидел сообщение, от которого у меня реально начал дергаться глаз.

«Звонил Гудвин и просил о срочной встрече! Как только разберусь, в чем дело, сразу же наберу тебя».

Просто, млять, какой-то апофеоз эпически паршивого дня! Да как она вообще посмела! Курица безмозглая, даром что экстрасенс! Удавлю, когда найду! Удавлю и сяду, хоть отдохну на нарах от всего!

Влада ответила, когда я уже готов был сбросить звонок и отправиться объявлять ее в розыск.

— Ты где, твою дивизию...

— Антон, я в приемном покое первой городской больницы, — перебила она меня дрожащим голосом, от которого мое сердце совершило отчаянный тошнотворный кульбит от внезапного, какого-то почти дикого испуга за нее. — Приезжай, пожалуйста, если сможешь! На Гудвина напали.

— Ты сама в порядке, Влада? — практически перебил я ее на полуслове, задавая лишь один вопрос из десятков, что крутились в голове, создавая какой-то хаос.

Каким местом ты думала, когда уходила? Отдаешь ли себе отчет, до какой степени перепугала? Можем ли мы сделать вид, что моего идиотского заявления просто не было, и этой ночью ты опять окажешься в моей постели? Хотя бы на сегодня? Потому что я неожиданно нуждаюсь в том, чтобы утопить в тебе себя настолько глубоко, насколько требуется для наступления полной тишины внутри. Временно притвориться, что всей поганой реальности вокруг нет и она не сможет до нас дотянуться, как бы ни старалась. Словно в детстве: мы в домике, и все дерьмо мира — мимо! И да, я в курсе, что это чистой воды эгоизм с моей стороны, но меня это нисколько не волнует, пока мы разгоряченные, обнаженные, и других людей, со всеми движущими ими причинами, не существует. Я что, совсем выдохся? Может, и так, но почему у меня такое чувство, что не я один такой, кто отчаянно нуждается в отрыве от действительности.

— Я — да. Но Гудвин... Антон, ему голову проломили! — всхлипнула Влада, заставляя меня в этот момент возненавидеть чертова крысеныша еще сильнее. — Врачи говорят, что он вряд ли выживет.

— Да... — «В гробу я его и видал, туда ему и дорога, прости Господи», — очень хотелось рыкнуть мне. — Нормально с ним все будет.

Такие легко не помирают. Выскочив из кабинета, я нос к носу столкнулся с шефом.

— Чудинов, в мой кабинет! — рявкнул он и ткнул в нужную сторону указующим перстом, обрывая мои возражения. — Немедленно!

Вздущаяся на виске вена и красные пятна на лице, как и все его выражение, ясно давали мне понять, что начальство сейчас пребывало в том настроении, когда от общения в интимной обстановке я вполне мог заработать повреждения собственной тонкой душевной организации, несовместимые с ее нормальным функционированием какое-то время. Но, похоже, уклониться от randevu не представлялось возможным.

— Шагай! — последовал короткий приказ, но я отметил еще кое-что кроме злости. Досаду и некую растерянность. Уже прямо интересно.

— Вообще-то в данный момент мне очень нужно быть в совершенно другом месте, — попытался я, ощущая себя долбаным арестантом, которого конвоируют к кабинету, сверля взглядом дыру в затылке.

— Будешь и в другом, — буркнул шеф и остановился около стола секретарши. — А сейчас давай, внутрь!

Недоумевая, толкнул дверь и сразу встретился глазами с незнакомцем, уютно расположившимся в начальственном кресле. Уже слегка сидящие коротко стриженные темные волосы, в штатском, лет сорок пять, очки в тонкой золотой оправе, расслабленная поза, вот только взгляд темный, острый, цепкий, не просто пробиравший аж до самых почек, но и просветивший, казалось, на наличие камней в них. Похоже, после плотного общения с Владой мне уже не нужны подсказки, чтобы четко различать «не таких». Переопылился, блин.

— Капитан Чудинов. — Легко поднялся мне навстречу захватчик чужого кабинета,

улыбаясь так лучезарно, что можно было бы и купиться, если бы не волосы дыбом на собственном затылке и это манера утверждать, а не спрашивать, присущая бывшим и действующим работникам спецслужб.

— Могу узнать, с кем доставлен на беседу? — сухо поинтересовался я, не возвращая улыбку, потому что уже почти догадался, кто передо мной.

— Доставлен, — усмехнулся он, но веселье и близко не затронуло его глаз. — Леонид Гарденин. Куратор проекта «Ворожея».

Ага, а то я не догадался, господин куратор. В каком же ты звании, интересно?

— Ну, я вроде как согласия на участие в этом проекте не давал, бумаг никаких не подписывал, так что не понимаю, чем могу быть вам полезен, — указал я, демонстративно безразлично посмотрев в сторону двери.

— Вы так считаете, капитан? Думаете, вам случайно не повезло стать напарником госпожи Арифеевой, просто потому что начальник счел нужным так наказать вас за легкомысленное отношение к дисциплине? — изобразил Гарденин почти искреннее любопытство.

Вообще-то уже какое-то время ни невезением, ни наказанием совместное времяпрепровождение с Владой я больше не считал, хотя и полного понимания, чем же это является для меня, тоже пока не достиг. А мотивы шефа — это его личные трудности, но распространяться ни о чем из этого не собирался.

— Судя по многозначительному выражению вашего лица, господин Гарденин, это не так.

— Присядьте, капитан. — Само собой не радушное предложение, а лишь слегка завуалированный приказ, подкрепленный неким невидимым, но абсолютно реальным давлением, вынуждающим подчиниться. — Ваш начальник, возможно, и считает, что решение он принял самостоятельно, но вы же понимаете, что я не мог доверить такую особенную милую девочку, как Влада, кому попало.

В желудке образовалась невесомость от внезапного прилива чистой злобы из-за откровенного собственничества, с которым он сказал это. Не такого, какое исходит от мужчины, претендующего на женщину, а того, что есть владение кем-то будто вещью. Ну и мразь же!

— Не торопитесь с выводами, капитан! — хищно оскалился мой собеседник, будто точно считав мысли.

— С выводами о чем?

— Обо мне и моей якобы негативной роли в судьбе нашей милой Влады. — У меня аж желчь вскипела, когда он уже второй раз назвал ее «милой», словно у него было на это право, и как будто это было правдой. — Именно благодаря мне она сейчас гуляет с вами на свежем воздухе, играя в детектива, а не ведет существование живого растения. Моими хлопотами и с моего позволения Влада получила свой глоток свободной и, вашими стараниями, капитан, довольно насыщенной жизни. И впредь я собираюсь принимать в ее судьбе непосредственное участие.

Как-то особенно остро зачесались язык и кулаки от того, как много захотелось подробно донести до этого козла. И на краткое мгновение посетило желание, черт возьми, хотя бы высказать этому мудаку и в его лице всем ему подобным экспериментаторам на людях, какие же они в моих глазах твари. Но потом пришла мысль: «А смысл? Таких пламенными речами не затронешь, они и сами идейные. Считают, что творят своеобразное

благо для мира в целом, используя подручный расходный материал». И только после этого мой разум достаточно просветлел от накрывшей вспышки злости, чтобы различить все, что пряталось за тяжелым сверлящим взглядом Гарденина. Провокация. Плюнь в лицо оппоненту и посмотри, как он раскроется, приходя в ярость. И понимание этого странным образом успокоило.

— А вы к судьбам всех своих подопечных проявляете столь пристальное внимание, или только госпоже Арифеевой так свезло? — спросил, не особо скрывая насмешку.

— Считаете, что я потратил бы свое время на проезд сюда только ради того, чтобы ответить на ваши вопросы? — Гарденин не изменился в лице, голос его оставался все таким же ровным.

— Нет, предполагаю, вы тут, чтобы задавать свои, или же явились обозначить позицию, возможно, указать на некие границы. — Ага, например, мне на то, что чужое трогать руками не хорошо. Вот только... пошел ты!

— Люблю, когда кто-то обладает достаточным количеством интеллекта, капитан, что не приходится вдаваться в долгие объяснения, — откинулся на спинку мягкого кресла Гарденин, не прерывая визуального прессинга, выдерживать который, однако, мне стало совершенно ненапряжно. — Поэтому просто озвучу все и сразу, и на этом закончим. Влада Арифеева на самом деле для меня весьма особый случай и объект, на который я возлагаю очень большие надежды и имею далеко идущие планы. Я бы сказал, что она лучший исходный материал, попадавший мне в руки. Но при этом и весьма проблемный.

— Гарденин, называя ее «объектом» и «материалом», вы отдаете себе отчет, что говорите о человеке? О живой женщине с реальными чувствами и способностью ощущать боль? — пусть внутри все и кипело, но я заставил свой голос звучать тем же холодным, отстраненным любопытством, как и у него.

— Я здесь не для того, чтобы отвечать вам, Чудинов, помните? — не повышая голоса, стегнул меня он. — И да, я абсолютно точно и гораздо лучше вас представляю, что такое Владислава. И именно поэтому я выбрал ей в напарники такого, как вы.

— И что же во мне такого особенного?

— Не особенного, капитан, не обольщайтесь. Лишь нужный набор качеств и черт характера, которые станут моим инструментом для того, чтобы Владислава приняла себя целиком и начала наконец эволюционировать в нужном направлении. Ведь все время, пока я с ней работал, она упорно отвергала собственные способности.

— Уверен, что эти качества — не моя потрясающая манера беспрекословно следовать приказам и способность сразу располагать к себе людей, — саркастически заметил я и был награжден «умная псина» взглядом. Ну-ну, сука, посмотрим.

— Пока все развивается именно так, как я и задумывал, капитан, но я счел нужным встретиться с вами, дабы избежать недопонимания в будущем. Вы должны четко понимать, что являетесь лишь эпизодом в жизни Владиславы, некой ступенькой, необходимой для ее развития. Не позволяйте себе думать, что ваше присутствие рядом с ней может затянуться и перерасти во что-то постоянное.

— А похоже, что я могу?

— Что вы можете или не можете сверх необходимого — для меня не представляет интереса. Просто уясните: вы не тот мужчина, который необходим Владиславе в долгосрочной перспективе.

А вот, судя по всему, мы и подошли к истинной цели данного визита. Все же

обозначение границ, и никак иначе.

— А какой мужчина ей необходим, Гарденин? — насмешливо поинтересовался, позволяя себе нарочито недоуменно изучающий его взгляд. — Некто вроде вас?

— И опять же, я здесь не для того, чтобы потворствовать вашему праздному любопытству, капитан. — В этот раз, скорее, пренебрежительный щелчок по носу, чем удар плетью, указывающий, где чье место.

Но это еще большой вопрос, где и чье место, господин говно-наставник. Возомнил себя гребаной версией Пигмалиона 2.0, который достаточно умен, чтобы заставить других шлифовать его лучшее творение до совершенства? А самому потом явиться и воспользоваться готовым результатом?

— Естественно. Вы здесь потому, что осознаете, что на самом деле все может пойти совсем не так, как вам хотелось бы.

— Вам так кажется?

— Да я почти уверен! Но знаете что, Гарденин? Влада не ваша собственность, и не вам решать, как ей дальше жить. Вообще никому, кроме самой Влады!

— Если вы рассчитываете на какое-то противостояние между нами, то его не будет, Чудинов.

— Почему же? Обожаю подобные игры.

— Потому что вы, капитан, относитесь к типу «Бэтмен». Вы бросаетесь на чью-либо защиту отчаянно и рьяно и даже готовы рисковать всем, и собой в том числе, но это сиюминутная, краткая потребность. Как только жертва спасена и некая справедливость в вашем понимании восторжествовала, ваш интерес переключается на другое. Владислава же нуждается в ком-то, кто станет ее постоянной опорой, лишенной мелочных личных заморочек, и будет сосредоточен на ней, а не новых свершениях во благо всех вокруг. Так что мне совершенно не о чем беспокоиться в этом смысле.

— Раз так, то что вы делаете здесь, Гарденин?

— Убеждаюсь в собственной правоте.

— Ну, раз это все, зачем вы явились, нашу встречу можно считать законченной на прекрасной ноте взаимного полного понимания? — поднялся я и тут же ощутил новую волну ментального прессинга, обрушившегося на меня как бетонная плита. Сжав зубы, остался на ногах, хоть колени так и подкашивались.

— Владислава скоро перерастет вас, Чудинов. Вы никогда не сможете стать чем-то достаточным для нее, оставаясь прежним. Так что не поддавайтесь излишнему драматизму, даже если вдруг захочется. Вы не станете за нее бороться по-настоящему, для этого слишком эгоистичны. — Его слова, казалось, работали как сверла, бурящие себе дорогу прямоком в мой разум. И тогда я представил, что мой чертов череп — алмазная скорлупа, об которую все они обломались. Смешно? Но, однако, тут же полегчало, и давление почти исчезло.

— Даже такое эгоистичное и никчемное барахло, как я, может оказаться именно тем, что кому-то нужно для того, чтобы просто нормально жить. Кто сказал, что абсолютно всем по нутру эта ваша долбаная личная эволюция? Есть и те, кому нужен просто покой!

— Владислава не из их числа, капитан. Если она не примет собственные способности полностью и не позволит им нормально развиваться, они просто раздавят ее и рано или поздно разрушат ее сознание. — Впервые за разговор сквозь его ровный, почти безразличный тон пробилась нотка беспокойства.

Гарденин вышел из-за стола и стал прямо напротив меня, будто намереваясь мне

врезать, и, ей-богу, мне этого хотелось, потому что тогда я мог бы со спокойной душой сделать то же самое в ответ. И наплевать, что сейчас однорукий.

— Тогда почему вам не озадачиться поиском средства, как их блокировать у людей, не желающих принимать подобное дерьмо в своей голове, вместо того, чтобы использовать их, толкая в том направлении, в котором они двигаться не хотят?

— Нет таких средств! Способности — не заболевание, требующее излечения, а просто часть их сущности, которой нужно научиться пользоваться! Вы же не попросите ампутировать вам руку, потому что сейчас из-за перелома использовать ее больно?

— Не сравнивайте! Это абсолютно разное! — огрызнулся я и понял, что пора сворачивать этот разговор. Никто тут никому ничего не докажет.

— Не настолько разное, как вам видится! — Новая волна обездвиживающего давления от Гарденина застала меня почти врасплох, отвлекая, и я пропустил то, как он вскинул руку, впиваясь жесткими пальцами прямо в место перелома.

Боль была просто охренительно дикой, и на мгновение я просто ослеп и, может, даже позорно заорал, точно утверждать не могу. Ощущение, как будто раскаленные здоровенные зубищи пережевывают мою ключицу, чуть не заставило рухнуть на колени. Не глядя махнул кулаком, но он не нашел цели, и спустя пару секунд зрение прояснилось, а боль отхлынула.

Гарденин стоял в паре шагов от меня и самодовольно усмехался.

— Можете избавиться от своего банджа, капитан Чудинов. И на этом наша встреча закончена. Но советую подумать над тем, что способности даруются не всегда как наказание или поощрение для нас самих, а еще потому, что они могут быть жизненно необходимы окружающим.

— Если вы об этом, — дернул я уже совершенно не причиняющим беспокойство плечом, — то я вас не просил ни о каком чудесном исцелении.

— А я это и не для вас лично сделал, Чудинов. До свидания!

— Прощайте!

Вывалившись из кабинета, шефа я не встретил и весь путь до больницы задавался вопросом, что за бредовый разговор вышел у меня с этим проклятым наставником. А еще о том, как я скажу Владе, что отныне все между нами меняется, и насколько идиотом при этом буду выглядеть, если она заявит, что ей ничего такого не нужно. Ну еще бы! Кому нужен мужик, которого штормит из одной крайности в другую? Антоха, ну не клоун ли ты после этого? Вот только плевать. На этот раз я знаю, чего хочу!

ГЛАВА 28

— Вы меня, конечно, простите, но я не могу допустить, чтобы вы допрашивали моего пациента в подобном состоянии! — на мой взгляд, чрезмерно строго сдвинул густые седые брови главврач районной больницы.

— Прошу прощения, как к вам обращаться, гражданин? — натянув маску настоящего говнистого мента, сухо осведомился я.

— Ко мне обращаться — Леонид Петрович Малов, — поджал губы полноватый низенький доктор, вызывающе глядя на меня снизу вверх.

— Так вот, гражданин Малов Леонид Петрович, ваш пациент вполне может оказаться опасным преступником, а таким место не в вашей больнице, где и нормальных задвижек нет, а в тюремном лазарете. — Конечно, Влада утверждала, что парень невиновен, и я склонен был ей верить, но одно дело моя вера, а другое — неизбежная канцелярщина. Мне она и самому-то не в кайф, а тут еще доктор этот встал на пути с таким видом, будто я

эмиссар гестапо, прибывший изопренно измыться над больными.

— И мы пришли не допрашивать, как вы изволили выразиться, а опросить, дабы получить внятную картину вчерашних событий, причем именно с точки зрения вашего... хм... подзащитного.

— Даже если так, — ноток праведного гнева в голосе врача стало в разы поменьше, но вход в палату он все продолжал загоразивать. — У Кравцова ожоги второй степени почти тридцать процентов тела, это безумно больно, и мы сейчас держим его на сильных обезболивающих. Человека под действием подобных препаратов сложно назвать адекватным и имеющим четкое представление о реальности. А что, если он оговорит себя?

— Леонид Петрович, мы не собираемся ничего требовать от этого молодого человека, — мягко вмешалась Влада. — Не думаю, что под действием любых препаратов некто, не совершавший ужасных вещей, объявит себя виновным. Мы заинтересованы в поимке настоящего преступника, а не в склонении кого-либо к самооговору.

— Было бы сказано, — проворчал главврач, отступая, однако, с дороги и раздражая меня еще больше.

Все-таки бесит этот идиотский стереотип, что все поголовно в нашей системе только и мечтают любой ценой побыстрее найти крайнего, навесить на него всех собак и закрыть дело, получив лишние звездочки на погоны. Понятно, что и таких в органах в достатке, но не все же. Хреновых врачей тоже пруд пруди, но я же не позволяю себе тут встать в позу и начать строить столичного говнюка, уверенного, что все медработники с периферии — криворукие некомпетентные недоучки, только и думающие, как кого-то залечить до смерти.

— Кравцов Михаил Николаевич?

Лежащий на больничной койке парень никак не прореагировал на наше появление, хоть и не спал. Он был буквально запеленут в бинты с разноцветными разводами крови и препаратов с ног до головы и, само собой, выглядел ужасно. Сломанный нос, фингалы в поллица, разбитые в мясо губы, сломанная рука подвешена, в общем, досталось ему изрядно. Но гораздо более тягостное впечатление произвел его короткий взгляд, которым он одарил нас, прежде чем отвернуться. Меня буквально передернуло от интенсивности боли и окончательной безнадежности в нем. Причем показалось, что к физическим страданиям это всепоглощающее отчаянье имеет весьма отдаленное отношение. Это был взгляд приговоренного к смерти, которому было отказано в помиловании, и никакое чудо его уже не спасет. Конечно, не приведи господи очутиться в полной власти разъяренной толпы, но все же обошлось относительно благополучно, так неужели его сам факт нападения и временного бессилия настолько сломал? Или тут нечто совсем другое?

К этому времени у меня были основные данные на парня. Кравцов Михаил, двадцать четыре года, недавно с отличием закончил Питерский институт живописи, скульптуры и чего-то там еще. По месту учебы и практики зарекомендовал себя со всех сторон положительно. Неконфликтный, мягкий, но не слишком активный во всем, что касалось общественной жизни ВУЗа. Вернулся домой, но с родителями не остался, а перебрался в оставшийся от бабки домик в Немово. Собственно художествами своими и занимался все время. Ими же и зарабатывал, неплохо, причем, для начинающего.

Твою ж налево! У меня из-за этого дела уже, по-моему, скоро будет аллергия на все, что имеет хоть какое-то отношение к искусству во всех его проявлениях!

Я задавал формальные общие вопросы, а парень продолжал меня игнорировать, безжизненно глядя в оконный проем. Ладно, чего уж там — перейдем к делу.

— Михаил, вы были знакомы с погибшими сестрами Киселевыми? — чуть вздрогнул — вот и вся тебе реакция, но когда нас полный игнор-то останавливал?

— Какого рода отношения связывали вас с девочками?

Кравцов громко сглотнул и прикрыл глаза, продолжая хранить молчание. Но я успел уловить краткое выражение, промелькнувшее на его лице. Вина. Вот только за что?

— По какой причине вы вчера подверглись нападению жителей Немово с гражданкой Антониной Киселевой во главе? В чем они сочли вас виновным? — снова только неподвижный взгляд в окно.

Понятно, общения не будет. Заставить, при всем желании, его говорить я не могу, так что выходит — просто теряем время.

— Знаете, Михаил, столь упорное нежелание сотрудничать я могу счесть признаком причастности к преступлению. — Вот, видно, не выйти мне сегодня из ампула плохого копа.

— Антон! — одними губами прошептала Влада, глядя просительно, но я строго на нее зыркнул, и она покорно застыла на своем стуле в углу палаты.

— И правильно! — неожиданно раздался надломленный сиплый голос Кравцова.

— Правильно что? — не понял я.

Парень очень медленно повернул ко мне голову и уставился снова взглядом обреченного, и я еле сдержался, чтобы не поморщиться и не отвести глаза.

— Правильно, что сочтете причастным. Я это заслужил.

— Пояснить не желаете?

— Чего уж тут пояснять, — болезненно искривил он искалеченные губы. — Встретил я двух девочек, недоверчивых и колючих. Показалось мне, придурку, что заставить их поверить, будто в мире полно хороших людей — это замечательная идея. И вот чем все закончилось. Так что виновен... во всем.

Слова Кравцов произносил отрывисто, словно хлестал самого себя. А во мне опять вскипело извечное возмущение и злость. Ну вот какого хрена люди, у которых есть зачатки добра и совести вечно взваливают на себя груз ответственности за поступки тех, кто начисто лишен понятий человечности и порядочности? Скрипнув зубами, я отогнал ненужные сейчас мысли и продолжил опрос:

— То есть факт своего близкого знакомства с сестрами вы признаете? — парень кивнул и тут же поморщился от боли. — Они носили сугубо дружеский характер?

Кравцов снова перевел взгляд на окно. Ну вот оно. Стыд.

— Нет. Не для меня. Я хотел... собирался... В общем, Ира и я...

Не слишком пострадавшей рукой парень стал судорожно комкать простынь, и его дыхание участилось, прибор, к которому он был подключен, издал какой-то неприятный, тревожный звук. Ну вот, сейчас примчится этот воинственный Айболит и пнет нас с Владой под зад из палаты.

— Продолжайте, гражданин Кравцов, — поторопил я парня, — вы и несовершеннолетняя Ирина Киселева состояли в интимной связи?

Кравцов дернулся так, словно я ткнул его шокером, и дурацкий прибор заорал совсем истошно.

— Что? Нет! Как вы такое могли подумать! — прокричал он и зашелся в кашле.

Влада метнулась к нему со стаканом воды, но парень от нее отмахнулся, сверля меня яростным взглядом.

— Моя работа — думать о людях не самые хорошие вещи!

— Но не такое же! Да как вы вообще...! — сипел он, стараясь совладать с непослушным горлом, — Ире же шестнадцать только было бы через два месяца! Мы бы ждали, как положено! Я не педофил какой-то! Просто хотел вытащить девчонок из этого гадюшника, жизнь им нормальную показать пока! Занимался с ними, убеждал после девятого уехать и поступить в художественное училище. С жильем хотел помочь. Ира — она талантливая такая, потрясающая просто... была.

Последнее слово вдруг сработало как некий выключатель, и парень обмяк на кровати, уставившись в потолок и повторяя беззвучно это «была».

— Я так понимаю, что из-за вашего участия в судьбе девочек и вышел конфликт с их матерью? — покосился я на дверь, ожидая эпичного появления доктора Малова в любую секунду.

— Да, я раньше ходил к ней постоянно. Пытался помочь финансово хоть немного. Толку — ноль, все пропивалось, девчонкам ничего не доставалось, — теперь Кравцов отвечал мне безэмоционально и монотонно, глядя в потолок. — А когда заговаривал о художке, чуть не с кулаками меня выставляла эта горе-мамаша. А когда узнал от местных, что случилось — к ней помчался. Не мог поверить. А она уже с какими-то друзьями пьянствовала. И взбесилась, стала орать, что это я сотворил такое с Ирой и Катей. За то, что она отказывалась их в город отпускать. Что она несла... повторять тошно. Что я их в притон продать хотел, что вообще все художники — моральные уроды и только и мечтают совратить юных девчонок. Событыльники поддержали, потащили меня в бабкин дом. А там у меня несколько портретов Иры... ну и понеслось.

Дверь ожидаемо распахнулась. Ага, а вот и местный ангел мщения от медицины.

Доктор Малов оказался в итоге один против нас троих, потому как пациент Кравцов неожиданно отказался последовать его рекомендации и настойчиво пожелал закончить нашу беседу. Хотя ничего особо полезного по делу нам узнать не удалось. Ни самую дорогую конфетную коробку, ни ее содержимого Михаил никогда не видел, откуда все взялось, понятия не имел. По характеристике Кравцова Катя была более скрытна и ничем не делилась с ним, а Ира тоже хранила молчание, берегла секреты сестры. Судя по тому, как, отвечая на эти вопросы, парень отводил глаза, стало понятно, что центром его интереса и внимания всегда была Ира, а Катя просто воспринималась как неизбежное приложение, так что ее жизнью он никогда по-настоящему и не озадачивался.

Может, провинциальные больницы и тихое место, но очень уж компактное. Даже если и хочешь избежать с кем-то встречи тут, то все равно столкнешься.

Варавин сидел в приемном покое на банкетке и бездумно водил рукой по истертому и потрескавшемуся, когда-то коричневому коззаму рядом с собой. Только взглянув на него, я понял — все плохо, никакого чуда не случилось и Влада оказалась права. В Никите сейчас было почти не узнать того мужчину, с которым мы утром бродили по прихваченному первым морозцем саду. Там был Никита счастливый, точно знающий, как все обстоит в его жизни, и уверенный, что в каждом новом дне не просто останется так же, но будет только лучше. Сейчас же перед нами оказался раздавленный, разом постаревший, почти незнакомый человек, взирающий на мир даже не с отчаяньем и болью, которые, скорее всего, придут позже, а с растерянностью, даже изумлением.словно в единое мгновение очутившийся в бескрайней пустыне без всяких ориентиров и не понимающий, как вернуться к тому, что знал и любил. Плотная, непробиваемая аура безвозвратной потери окружала его

как мрачное облако, и чтобы видеть ее, совсем не нужно было обладать никакими сверхспособностями. Тянувшее, противное ощущение родилось где-то в горле и неотвратимо поползло вниз до самых пяток, делая ноги деревянными.

— Никита! — окликнул я его, буквально заставляя себя подойти ближе.

Он медленно поднял глаза, глядя сначала будто сквозь меня, не узнавая. А потом, сосредоточившись, нахмурился и выставил вперед руку и покачал головой. И я остановился. Что я мог сказать ему? Выдать бессмысленный набор слов, который принято выдавливать из себя при виде чужого горя? Тех самых, почти ритуальных и известных каждому из нас, но не приносящих ни облегчения, ни реальной пользы. Возможно, кто-то и знает волшебную формулу, при которой они способны хоть немного унять чью-то боль. Я уж точно не из тех людей. Для меня несчастье — это нечто, с чем нужно пытаться бороться, как-то действовать, а не изливать в словах никчемного утешения. Найти виновного, отомстить, разбить пару голов, вытрясти из кого-то душу, в конце концов. Но где виновный в этой ситуации? Кого призвать к ответу? Бессилие по всем фронтам, что, в принципе, может быть хуже, особенно для мужчины? Я не мог бы вслух произнести, что понимаю сейчас Никиту, несмотря на то, что знаю, что такое потеря. Потому что никогда и ни для кого его собственная утрата не будет равнозначна чужой.

Никита перевел взгляд на Владу, стоявшую рядом со мной, и теперь в нем зародился гнев и осуждение. Вскочив, он, сжимая огромные кулачищи, шагнул к ней, и я встал у него на дороге без малейшего раздумья, будто быть буфером между всем, что может нести угрозу, и этой женщиной — естественная потребность для меня. Варавин замер в паре шагов, тяжело дыша и сжимая челюсти, глядя на Владу неотрывно и тяжело через мое плечо. Его лицо пошло пятнами и покраснело, вены на шее и висках вздулись, рот кривился, а горло дергалось, будто силясь вытолкнуть наружу хоть какой-то звук. Влада не отвернулась, не опустила глаз, никак не попыталась спрятаться от волны болезненной ярости, изливавшейся на нее. Принимала все с выводящей меня из себя обреченностью, будто заранее соглашаясь с каждым безмолвным обвинением.

— За что? — прохрипел наконец Никита.

— Я не знаю, — тихо ответила Влада, и боли в ее голосе было едва ли меньше, чем в его собственном. — Никогда не знала.

Еще с минуту мы так и стояли. Никита и Влада, не прерывающие зрительный контакт, и я между ними, ощущающий, как будто сквозь меня в обе стороны текут потоки чужого страдания. Гнев Варавина постепенно осел, но упрек в глазах никуда не делся.

— Уходите! — махнул он рукой, словно отрезая нас от себя, и отвернулся.

Едва мы вышли на улицу, Влада с жадностью втянула холодный воздух, как будто запрещала себе дышать внутри, и я невольно последовал ее примеру. Ей-богу, рядом с ней я становлюсь гребаной впечатлительной барышней с кучей запутанных переживаний, о которых раньше просто знать не хотел.

— Ты не станешь сейчас этого делать с собой снова! — практически гаркнул я на Владу, замечая, как она начинает сугулиться подобно Никите. — Не смей взваливать на себя ответственность за то, в чем не виновата!

Я раскидывался приказами, не особо задумываясь, имею ли на это право. Имею, черт возьми! Если хочет со мной поспорить на эту тему — вперед и с песней, но только пусть не увязает в самообвинениях.

— В народе говорят — «накаркала», — искривила бледные губы в горькой улыбке

Влада.

— Херня! Главный здесь я и думать так запрещаю! — мой телефон звякнул, возвещая о сообщении. — Идем, Василий уже прибыл. Пойдем навешаем ему кучу заданий и свалим отсюда. Хочу домой, к телеку и пиву!

Влада не стала пререкаться и только почему-то замешкалась, словно предлагая мне указывать путь. Сцапав ее ладонь, я согнул здоровую руку, вынуждая ее обхватить мой локоть, и так мы и пошли. Василий расположился в кабинете лейтенанта Агафонова, перегородив своими длиннющими ногами почти все узкое помещение, гонял чай и выглядел как всегда — слегка помятым и взъерошенным, с покрасневшими от вечного торчания у экрана глазами.

— Подвинься, вымахал же лось, прости господи! — сварливо пробурчал я вместо приветствия.

— И я рад вас видеть, шеф! Влада, здравствуйте! — насмешливо отсалютовал он мне, а вот Владе улыбнулся так, словно просто был счастлив ее видеть, но тут же встревожился, рассмотрев повнимательнее: — Все в порядке?

— Мой юный друг, когда все на белом свете будет в порядке, мы останемся без работы. Но, к сожалению, этого не случится никогда, не в этой жизни уж точно.

Василий несколько раз, хмурясь, перевел взгляд с меня на Владу, будто взвешивая, не я ли являюсь той сволочью, что повинна в ее дурном настроении. Нет, вы посмотрите, ну как есть лыцарь компа и мыши! Дон Кихот айтишный! Непонятно, почему его беспокойство вызвало отчетливое раздражение и желание щелкнуть салагу по носу, чтобы не совал его на чужую территорию. Но вместо этого я Васька сразу же озадачил. Отпечатки со всех предметов, в том числе и с конфетной коробки, к тому времени уже сняли, и поэтому я вручил телефон Кати Василию, чтобы он попробовал порыться в нем, пока я не заберу его в город и не сдам, как положено, экспертам. Васька не дурнее их, по моему мнению. А при их нынешней загруженности результатов буду ждать черте сколько.

Не успел еще и чайник вскипеть, а Василий уже оправдал мою в него веру.

— Девочка была зарегистрирована в одном сервисе обмена быстрыми сообщениями, — пробухтел он, не поднимая носа от экрана. — Странно.

— Что странного? — не понял я.

— Ни соцсетей? Ни СМС-переписки? — уточнила Влада. М-дя, очевидно, я один тут из этих вопросов отсталый. Сразу ощутил себя существом из прошлого. Одна радость — всякие раритеты с годами только растут в цене.

— Не-а, — дернул себя за чуб парень. — В списке контактов единственный номер. Вообще это какой-то телефон для общения с одним абонентом, который на данный момент в сети уже не обслуживается. Сто пудов симка была левая и владельца не отследить. Сообщения все до единого подчищены.

— То есть нам он совершенно бесполезен? — настроение резко поползло с гадкого к совершенно отвратительному.

— Лично вам, конечно, шеф, бесполезен, — ехидно сверкнул на меня Василий одним глазом, продолжая стремительно колдовать над телефоном. — А кое-кто тут не только сейчас переписку вытаскивает из облака, но и при наличии под рукой принтера еще и распечатает ее для умеющих читать только с бумажных носителей динозавров!

Вот ведь гаденьш!

— Слышь, ты, новая ступень эволюции, пошевеливайся, потому как динозавр ничего не

жрамши с утра, и если станешь копать, откусит этому кому-то башку, — беззлобно пригрозил я, пока Агафонов и Влада безуспешно пытались скрыть улыбки.

— А разве это законно? — решил сумничать лейтенант, за что заработал от меня убийственный взгляд и смутился. — Ну, нужен же типа ордер и все такое.

Вот напрасно он влез, напрасно, потому как мне ой как нужно на кого-то вывернуться за весь этот поганый день.

— Лейтенант Агафонов, «типа ордер» я получу, но позже, — у меня прямо-таки в горле першило наорать на него и ткнуть носом в то, что преступникам всякие ордера без надобности и что сколько раз на моем веку терялось жизненно важное время и сведения из-за всяких проволочек и соблюдения процедур. — Учитывая степень бюрократии и поворотливость нашей системы, даже, может, много позже. А пока смогу работать с тем, что мне сейчас добудет наш умненький Васятка! Хочешь пойти на меня рапорт накатать за нарушение законных методов ведения следствия?

— Нет, — тут же окончательно стушевался парень и взглянул на Владу, словно ища защиты от такого злобного меня. — Просто к слову пришлось. Пойдемте, я покажу, где принтер.

Вот говорю же — неправильно Никита подчиненных воспитывает! Чуть голос повысишь — они уже едва не в слезы! То ли дело нас и нагнет в любую позу начальство, и поймает во все дыхательные и пихательные, а мы только крепчаем и позитивнее на жизнь смотрим!

Получив спустя полчаса от Василия приличных объемов распечатку, обрисовал ему задачу и дал пару дней на опрос местного молодняка. Усевшись в свою старушку, почувствовал себя уже наполовину дома. Сразу в носу защекотало от воспоминания о тех уютных запахах, которые появились в моей квартире благодаря Владе, и захотелось мотануть вприпрыжку впереди машины, закрыться вдвоем, вырубить телефоны и провести вечер, развалившись бок о бок на диване перед телеком, позволив себе не думать ни о чем случившемся сегодня и наслаждаясь ненапрягающим молчанием. Влада села за руль, тщательно пристегнула нас обоих, не обращая внимание на мое недовольное бормотание, и завела двигатель. Естественно, включать радио в этот раз ни у кого рука не потянулась. Ехать же, слушая только жалобный скрип и скрежет моей старушки на местных колдобинах, было невыносимо, поэтому я развернул распечатку переписки Киселевой Екатерины с неизвестным и стал читать вслух.

ГЛАВА 29

Экзорцист провел подрагивающими пальцами по холодному оконному стеклу, стремясь хоть как-то справиться с охватившим его нервным возбуждением. Приемный покой больницы был заполнен снующими туда-сюда людьми, обычными мирянами, понятия не имеющими, кто находится сейчас рядом с ними. Его Пятая Зараженная, его ответственность перед этим миром, его цель, которая нашла его сама. Люди, бросающие на нее беглые взгляды, видели лишь обманку, потому что были незрячими. За этой бледной кожей, острыми скулами, хрупкими плечами, тонкими запястьями скрывалась порочная сила настолько огромная, что захватила почти все пространство внутри. И никто ее не видел, не замечал, только он. Потому что в том и есть его предназначение — узреть Зараженных и спасти их от бремени, терзавшего нещадно своего носителя, того самого, которое невежды и глупцы смели именовать даром.

Мыскулы Экзорциста сводило от напряжения, ненасытная потребность действовать

немедленно сжигала изнутри, прогрызая в груди болезненную темную дыру, но сознание оставалось достаточно ясным, чтобы отдавать себе отчет в том, что он не готов. Не тогда, когда он лишился помощи личного Пса, которому пришла пора обратиться в свободного Зверя. Отныне каждый из них сам по себе. Путь Экзорциста был дорогой исцелителя живущего ради спасения человечности тех, кому никто, кроме него, помочь не может и не хочет, ибо они бесчувственны к страданиям Зараженных. Зверь же, испробовав первой крови, будет заботиться отныне лишь об удовлетворении личного голода. Возможно, кто-то, не видящий все верно, сказал бы, что стоило убить Пса, переродившегося в Зверя, ведь больше тот не мог быть полезен. Но Экзорцист не был убийцей, он лекарь, и отныне бывший верный помощник не его забота.

Пересилив себя, он отошел от окна в тот момент, когда через приемный покой к его Пятой стремительно подошел мужчина и, подняв ее на ноги, буквально присосался своим ртом к губам, заставив Экзорциста одновременно содрогнуться от отвращения и вскипеть от негодования. Он видел этого похотливого идиота и раньше и успел узнать, кто он. Полицейский, занимающийся его «делом». Экзорцист презрительно фыркнул. Единственный, кто тут и занят делом, так это он сам. Безмозглый мент, как и все эти ему подобные так называемые служители закона были лишь помехой в его и без того нелегком труде. Что мог знать закон о Зараженных? Чем он мог им помочь? Они все стремились остановить его. Его — того, кто давал несчастным, поврежденным порочным даром, шанс на новое перерождение и на этот раз без бремени, превращавшего их жизнь в страдание. Это он, Экзорцист, вбирал в себя всю скверну Заражения и носил ее внутри, чтобы она не могла больше вернуться и найти новую мишень. Разве его труд и без всех этих полицейских с их законом недостаточно тяжел? Так нет же, еще путаются под ногами, вместо того чтобы с благодарностью принимать результаты, вынуждают скрываться, ухищряться, изыскивая способы нести исцеление, скрываясь, будто он преступник. За что ему эти трудности? Возможно, ему стоило как-то громче заявить о себе, о своих целях? Найти больше последователей, бескорыстных помощников, которые постигнут величие его миссии. Нет, не пристало ему роптать на препятствия и искать славы и облегчения с ней! Если в его работу вторгнутся другие, то извратят ее смысл и уничтожат значимость. Люди всегда так делают, потому что слепы, невежественны, а еще бесконечно ленивы и жестоки. Они ищут легких путей или выбирают ошибочные методы, а когда ничего не добиваются, срываются во зло, пытаясь за разрушением скрыть то, какие они жалкие неудачники. Точно как его отец, так никогда и не раскаявшийся в своих ошибках и в том, что вся его жестокость была никчемной, бесполезной. Как хорошо, что он не пошел по его стопам и ему открылся собственный путь.

Пятая вышла на больничную парковку вместе с ментом-помехой, вцепившимся в ее руку, будто никогда не собирался ее больше отпускать. Слепой, глухой, примитивный самец, пытающийся продемонстрировать свои первобытные права собственника на его Зараженную. Кретин, она давно принадлежит ему, Экзорцисту, и этого не изменить никаким жалким заявлением о физическом обладании! Пятая стала его ответственностью, его пациенткой без права отказаться от исцеления еще в момент своего появления на свет с этим темным секретом внутри, пусть даже и впервые Экзорцист сумел рассмотреть ее той ночью, когда она бросилась вслед за ним по темной деревенской улице, не разбирая дороги и утопая в грязи. От этого воспоминания судорога острого наслаждения пронзила его от головы до пяток, снова напоминая, насколько особенной была Пятая. Она видела его, видела

и ощущала, как никто прежде до нее. И она сама стремилась к нему, несась навстречу, словно одурманенная, неодолимо притянутая тем, что только он мог ей даровать. Очищение, после которого у нее наконец появится надежда на будущее без темного бремени. И очень скоро он даст ей все это.

Пятая завертела головой, высматривая кого-то на парковке. Нет, не кого-то. Его одного. И от того, как она снова проявила такое нетерпение и нужду в нем, Экзорцист почувствовал новую волну пронзительного трепета, но тут же накатил неведь откуда взявшийся страх. Ее Заражение было таким сильным. Прежде ему не приходилось сталкиваться с подобной мощью. Она была такой огромной, что Экзорцист невольно поддавался восхищению перед чем-то настолько масштабным. А это плохо, очень плохо. А что, если... Если он не сможет поглотить его за один раз? Что, если он потерпит поражение?

Экзорцист потряс головой, шагая подальше от Пятой и ее влияния. Это, конечно же, ухищрения Заражения. Оно пытается напугать его, поколебать решимость и уверенность в собственных силах и правильности выбранного пути. Но он не поддастся! Он — Экзорцист, он — единственная надежда для души Пятой, и он не может подвести ее.

Все, что нужно, это лучше подготовиться. Найти место, новое и надежное, где он сможет проводить с Пятой много времени, если ее избавление затянется. А еще, скорее всего, ему нужно найти сначала еще одну Зараженную, попроще, не такую сильную, как эта, и провести очищение, чтобы убедиться, что ему не нужно сомневаться в своих силах и что он полностью готов столкнуться с Пятой.

Старая легковушка проехала совсем рядом, и на долю секунды Пятая была буквально в нескольких метрах от него и, завертев головой, почти увидела... но, нет, машина пронеслась мимо, оставляя Экзорциста с его тянущей болью предвкушения. Эта Зараженная была исключительной, возможно, лучшим, что с ним будет, и он умирал от желания скорее добраться до нее. Терпение, Экзорцист!

Я уже давно понял, что основной принцип в моей жизни: «Если случается что-то хорошее, то оно незамедлительно должно уравновеситься каким-то дерьмом». Поэтому почти не удивился, увидев на крыльце управления Кристину и мнущегося рядом с ней долговязого парня с большой камерой. Зажав в изящных пальцах тонкую длинную сигарету, она эффектно запрокидывала голову, выпуская вверх дым, демонстрируя свою безупречную линию горла, что когда-то с ума меня сводила. Ой, да ладно, Антоха, было время — ты дурел от всего в этой женщине, и стоило ей посмотреть недовольно, готов был упасть и ноги целовать, вымаливая прощения не пойми за что, потому что делать ее счастливой было основной жизненной потребностью. И лишь со временем пришло осознание, что это в принципе невозможно. Кристина относилась к тому типу женщин, которые не бывают довольны никем и ничем, кроме себя любимой. С пониманием наступило и некое отрезвление, хотя стоит быть честным — ни черта бы я сам никогда не прекратил наши отношения. Она была тем заболеванием, что излечивается строго хирургически, путем полной ампутации, и точно уж не самим пациентом. Так что, несмотря на извечную горечь, я был ей благодарен, что она бросила меня без малейшего сожаления. Получил замечательный урок. И сейчас, взглянув на нее, я не ощутил ни малейшего трепета или ностальгии, нигде не заныло, разве что замигала предупреждающая красная лампа «гребаные неприятности» где-то на границе сознания.

Заметив нас с Владой на парковке, Кристина выбросила сигарету, мгновенно

подбираясь, как хищное создание, заметившее свой сегодняшний ужин, что-то отрывисто сказала парню с камерой, и тот завозился с ней, направляя на нас.

— Ну, блин, прекрасно! — пробормотал я, понимая, что худшие опасения оправдываются и Кристина тут по мою душу.

— Проблемы? — тихо спросила Влада, изучая уже оскалившуюся издалека в ослепительной улыбке мою бывшую жену, пока мы шли к входу в здание.

— Не то чтобы проблемы, а просто досадное и весьма раздражающее явление! — вздохнув, ответил я, когда Кристина, сжимая в ладони микрофон, заступила мне дорогу.

— И я тебя очень рада видеть, дорогой! — нисколько не смутилась она и, щелкнув пальцами парню, развернулась к камере, становясь рядом со мной и тыча в лицо микрофоном. — Это криминальные новости «Пятого канала», и сейчас опытейший сыщик, капитан Чудинов, поведаст нам некоторые подробности о серии кошмарных убийств женщин, что он успешно расследует.

— Госпожа Асадова, сыщики бывают только в кино и дешевых бульварных романах, а мы просто унылые полицейские, — ответил я, не грубо, но уверенно отодвигая Кристину и ее оператора с нашего пути. — А капитан Чудинов не только вам ничего не поведаст, а еще однозначно потребует сообщить следствию, кто имел наглость разгласить сведения по делу, и привлечет этого уroda к ответственности!

— Не имеешь права! — огрызнулась Кристина, мгновенно меняясь в лице. — Мы храним наши источники в тайне!

— Уже нет, госпожа Асадова, изучайте лучше правовую базу и ее изменения! — кинул я через плечо, открывая перед Владой дверь и стремясь как можно быстрее избавиться от напрягающего общения, но Кристина неожиданно вцепилась в мой рукав и навалилась грудью, по которой я когда-то пускал слюни, мне на локоть. Хороший прием, вот прям зачетный, только припоздал и изрядно.

— Антон, ну, пожалуйста, мне нужен этот материал! — практически замурлыкала она, заглядывая в глаза с такой трепетной, блин, надеждой. Мгновенная, мать его, метаморфоза, и как же я на нее, дебил такой, случилось, велся!

— Ничем не могу помочь. Любое разглашение на данном этапе повредит следствию, — стал я мягко вытаскивать ткань из ее захвата, зацепившись глазами за яркий, почти устрашающий маникюр. Она всегда такой любила. Вот прям ненавижу столько о ней помнить!

— Да прекрати! — зашептала Кристина. — Мы же всегда можем договориться. Обещаю озвучить исключительно то, что ты разрешишь, только пообещай, что все, что будет можно, в первую очередь пойдет через наш канал и лично через меня!

Ну да, а то я не имел дел с журналистами и их обещаниями раньше. Как и с тобой, дорогая, и твоими клятвами, которые, как оказалось, не имеют никакой силы. Спасибо, ученый я и не раз.

— Никаких комментариев! — твердо ответил, отворачиваясь и стряхивая руку Кристины с себя.

— О, неужели ты, Антоша, сможешь мне отказать? — нахально фыркнув, громко сказала она, стрельнув глазами на Владу, спокойно наблюдавшую за этим цирком. — Мы же оба знаем, что нет. Только не мне.

— И вам, госпожа Асадова, и любому другому на вашем месте. Абсолютно не усматриваю никакой разницы или повода делать исключения! — больше не оборачиваясь, я

зашагал по коридору, стремясь хранить невозмутимость, хотя в крови словно долбаный попкорн взрывался в непрерывном режиме, заставляя желать двинуть в ближайшую стену.

— Антон! — позвала Влада, едва поспевая за мной.

— Не сейчас, Влада, прошу! — рыкнул я излишне резко и оглянулся, уже интуитивно ожидая поджавшихся губ и осуждающего взгляда, но Влада смотрела с таким несокрушимым пониманием, что неожиданно от сердца отлегло, и зародившаяся внутри вспышка погасла, так и не прорвавшись наружу.

— Это все еще так болезненно? — тихо спросила она.

— Не то чтобы болезненно, — скривившись, однако честно признался я. — Просто все еще цепляет. Но уверен, скоро и это пройдет.

Конечно, пройдет, как и все на свете, ведь однажды я научился не набирать номер Кристины каждый раз, приударив по пиву с коллегами.

— Между нами не будет ничего, что может закончиться вот так! — Влада неожиданно улыбнулась и мимолетно провела по моему лицу пальцами, будто сдергивая навверняка кислое его выражение, и я вдруг поверил на все сто в ее слова. Оказывается, ты так и не перестал быть придурком, Антоха, готовым поверить в сказочку, если только расскажет ее правильная женщина! А ну и пофиг!

Я велел препроводить Славского в допросную, а сам затеял неспешное чаепитие в кабинете. Минут только через двадцать мы с Владой подошли к стеклянной стене, за которой задержанный с безразличным видом занимался изучением потолка. Но стоило ему только заметить Владу, входящую вслед за мной, он сразу сел ровнее, впиваясь в нее глазами. Она ответила ему таким же прямым взглядом, и я ощутил холодную, пронизывающую до костей волну ее энергии. И в этот раз Влада совсем не миндальничала, я это каждым нервом прочувствовал, так что навверняка гражданина Славского сейчас буквально сшиб ментальный поезд. Его глаза широко распахнулись, зрачки расширились, как у в хлам обдолбанного, но вместо болезненности на лице отразилось какое-то противоестественное удовольствие.

— Ну, привет, Пятая! — пробормотал он заплетающимся языком, будто и правда был пьян.

Я хотел его прервать и начать допрос в официальном русле, но Влада стрельнула в меня глазами, прося притормозить.

— Пятая? — спросила она, усаживаясь напротив Славского, и я встал за спинкой ее стула, готовый ко всему. — Это вы мне порядковый номер среди своих жертв причислили?

— Моих жертв? — почти искренне удивился Славский. — У меня нет никаких жертв.

— Вот как? А как же та девочка, которую вы буквально растерзали?

— Пф-ф! — презрительно закатил он глаза. — Она не имела значения! Кто может назвать жертвой курицу из магазина или кусок говядины? Она была лишь пищей, которую он разрешил мне поглотить, потому что я в этом нуждался.

По сравнению с первым допросом поведение Славского совершенно поменялось. Он по-прежнему игнорировал меня, даже не взглянул ни разу, зато вот Влада, похоже, вызвала у него острое желание пообщаться. И останавливать это я пока точно не собирался.

— То есть вы, гражданин Славский, признаете факт убийства вами Киселевой Ирины? — Ай, умница моя!

— Даже если и так? — вызывающе глянул он на Владу. — Что мне будет? Ну отправят опять на принудительное лечение, мать подсуетится, проплатит, и будет у меня не только

отдельная палата и жратва из ресторана, но и личная медсестричка, которая будет каждое утро отсасывать, до того как с постели встану. Через пару лет выпустят — и так хоть до бесконечности!

— Вы признаете факт убийства... — упрямо начала Влада.

— Да кому какое дело! — вспыхнул Славский.

— Мне есть дело, — ровным тоном ответила она.

— Ты не об этом думай, Пятая! — подался в ее сторону ублюдок, и я напрягся, готовясь к любой неожиданности. — Просто радуйся — освобождение уже скоро!

Сказав это, парень уставился в лицо Влады так, словно и правда ожидал взрыва ликования с ее стороны.

— То есть я кажусь вам несвободной? — даже не шевельнулась женщина.

— Мне ничего не кажется. Я знаю! И Экзорцист знает! Совсем скоро он придет за тобой и избавит от Заражения.

— Можно с этого момента поподробнее. Хотелось бы побольше знать о моем мнимом освободителе и так называемом Заражении.

— Не мнимом! Хотя ты все равно не сможешь пока понять этого. Ни одна не понимала, до последней минуты, когда наконец Заражение покидало их. Ты бы видела их лица в этот момент!

— Спрошу еще раз. Что есть Заражение?

— Та отравка, что ты носишь в себе, Пятая! Ты же не можешь не ощущать, как она истязает тебя каждый день и час! Разрушает жизнь, отнимает близких, отталкивает все хорошее от тебя!

— Неужели? Не замечала за собой ничего подобного, — Влада внешне сохранила невозмутимость, но я уловил, как чуть дрогнул ее голос, и она излишне резко вздернула подбородок, выдавая, что его слова задели в душе определенные струны.

Я незаметно дотронулся до ее спины, намекая на то, что, возможно, пора сворачиваться. Кое-что важное мы и так узнали, а позволять выбить ее из равновесия я не собирался.

— Это не ты сейчас говоришь, а Заражение внутри тебя! — презрительно выплюнул Славский. — Сама ты хочешь освободиться. Все этого хотят, хоть и не всегда осознают. Но в том и состоит миссия Экзорциста, чтобы помогать таким, как ты, даже невзирая на то, хотите вы этого или нет.

— Значит, вы, гражданин Славский, утверждаете, что некто, зовущий себя Экзорцистом, должен прийти за госпожой Арифеевой и совершить нечто, призванное дать ей свободу? — вмешался я, но он на меня никак не среагировал. — Могли бы вы уточнить, когда и где это событие случится, возможно, мы бы могли ускорить их встречу?

— Он считает меня идиотом, — прокомментировал Владе мои слова Славский так, будто меня тут и не было. — Экзорцист не нуждается в помощи таких, как он! Придет, когда будет готов, и никто не сможет ему помешать. Тебе же остается только ждать и предвкушать. Не будет больше страданий, Пятая. Ты переродишься без темного бремени, станешь лучше, чище и вместе с тобою мир вокруг. — Чем дальше, тем больше Славский возбуждался, начал слегка раскачиваться на стуле и говорил все быстрее и громче, словно погружаясь в подобие транса. — Тебе не надо бояться! Экзорцист не такой, как другие, он не винит таких, как ты, за то, что вы разрешаете Заражению прижиться в себе, не наказывает за то, что распространяете его вокруг, позволяя всем поверить, что это дар, а не отравка для мира. Он станет твоим целителем, а не карателем! Скоро, совсем скоро, просто дождись,

когда...

Я уловил краем глаза, как Влада стиснула кулаки и ее тонкие ноздри дрогнули, выдавая учатившееся дыхание.

— Достаточно на сегодня! — резко оборвал изливания Славского, и Влада вздрогнула, а я, не сдержавшись, открыто положил руку на ее плечо, успокаивая. — Если вы, гражданин Славский, не планируете нам сообщить точное имя и адрес этого Экзорциста, то мы закончили!

Наконец он заметил меня и вперился тяжелым взглядом в мою ладонь, коснувшуюся Влады.

— Ты никто! Тянешь свои жалкие ручонки к ней и даже увидеть не можешь, что в них уже пустота! — пренебрежительно выдал он и снова уставился в потолок.

Ух ты, это второй раз за сегодня, когда мне говорят, что женщина, которую я так внезапно выбрал своей, мне не достанется. И теперь это прямо дело принципа — доказать обратное. Не всем этим посторонним, не имеющим никакого значения ушлепкам, а себе и Владе.

ГЛАВА 30

Вернувшись в кабинет, я позволил себе немного попсиховать, не стесняясь в выражениях, под флегматичным взглядом уже немного привыкшего к моему характеру Василия. Он не стал уточнять, что же меня так вывело из себя, тут и коню понятно, знал же, что к начальству иду. Сцепив руки на затылке и вытянув свои длинные ноги в потертых джинсах, он сидел, откинувшись и невозмутимо дожидаясь, пока я просто выдохнусь. Не девицы же мы, чтобы начать сочувственно вздыхать и охать. Тем более что сейчас мне все равно было не вариант объяснить, что же меня так злит. Ну, имеет нас начальство регулярно и по-всякому, так за столько лет уже втянулся, можно сказать, почти удовольствие получаю. Но одно дело тебя и понятно за что, а другое, когда с твоей помощью пытаются кого-то. Это уже какое-то, мать его, извращение! А я парень простой, если и трахаю все, что движется, то сугубо традиционно! Не хрен меня использовать как гребаный инструмент в чужих играх!

— Я нашел тут главного идейного, так сказать, гуру росписи по телу в нашей местности, — сообщил помощник, когда я плюхнулся на свой скрипучий стул. — Аристарх Гомон. Смотреть будешь? Тут есть на что.

— Это тебе любая голая задница в радость, малыш. А я каких только не навидался! — съязвил, однако, поднимаясь и переходя так, чтобы встать у него за плечом.

— Хм. Даже не сомневаюсь, что повидал, — в тон мне ответил парень и пригнул голову, уклоняясь от подзатыльника. — Я тут покопался, так-то ничем особо выдающимся и гениальным в мире искусства этот дядечка не прославился.

— Ну, ясное дело, кто ж его великим при жизни то признает! — проворчал я, шурясь в экран, заполненный фотографиями голых тел в разнообразных позах, расписанных в такой цветовой гамме, что даже вкус такого бездаря и чайника, как я, готов был сдохнуть, предварительно облевавшись. — Пусть сначала ласты склеит, чтобы все уж точно знали, что больше никакой высокохудожественной херни не наваяет. Вот тогда каждая его мазня шедевром и станет.

Василий мой комментарий проигнорировал и продолжил:

— Широко известен господин Гомон именно благодаря своей студии боди-арта «Обнаженная душа». — М-дя, название явно не очень подходило, лучше бы «Галереей голых задниц» обозвался. — Набрал молоденьких моделей из глубинки обоих полов и устраивает в

большинстве своем закрытые показы для граждан с толстой мошной. На форумах имеются упоминания, что одними показами и перформансами дело не ограничивается. Некоторые почти напрямую называют Гомона сводником и сутенером с, так сказать, эстетическим уклоном. Причем пользуется эта его студия повышенным спросом.

— Это, типа, новая услуга в сфере эротических услуг «раскрась на свой вкус и поймей»? — фыркнул я, опираясь на спинку его стула.

— Видимо, что-то вроде того, — кивнул Василий, показывая мне новые фото, где обнаженные женщины и мужчины то валялись на асфальте с какими-то плакатами и надписями в интересных местах, то выстраивали из себя же причудливые фигуры. — Также его студия весьма охотно устраивает обнаженные акции протеста, само собой, тоже не на общественных началах, а хорошо проплаченные.

На последнем фото вообще явно занимались групповухой, причем прямо среди бела дня на улице. Кажется, я даже помню шум про это в новостях. Они чего-то там символизировали этой эстетической похабенью или протестовали. Понятное дело, что я сам ни разу образец высокой морали и стыдливости, но такое было для меня перебором. Чем добровольно занимаются взрослые люди за закрытыми дверями, не важно, наедине или массово, это их сугубо личное дело. Но, черт возьми, по улицам дети ходят и просто люди, которые подобное видеть не хотят. И тех, кто платил за эти акции, тоже не понимаю. За что бы они там ни боролись и к чему бы ни призывали таким образом, разве люди запомнят что-то, кроме бесформенной кучи раскрашенных, беспорядочно трахающих друг друга тел? Не верю я в вопли о том, что только такое ударное воздействие на низменную часть человеческой натуры способно заставить прислушаться. Ну, или, может, я ханжа и примитивно мыслящий тип, если отвлеченные разговоры — это последнее, что я предпочитаю, когда уж решаю раздеться?

— Млять, а чего его до сих пор не прикрыли на хрен? — нахмурился я, рассматривая через плечо Василия сменяющиеся картинки на мониторе.

— Ну, у него модели все совершеннолетние, у всех хитро составленные договоры, да и научены они правильно отвечать во время административных задержаний за нарушение общественного порядка, — пожал плечами парень. — Каждый раз, когда пахнет жареным, они, типа, сами по себе активные граждане, а Гомон с его студией весь в белом, с нимбом на голове. К тому же сам понимаешь, что наши чинуши тоже не брезгуют пикантными развлечениями с разрисованными мальчиками и девочками, а значит, прикрывают зад этому мазилке, если он загорается.

Вот уж точно. Среди власть имущих всегда были и будут извращенцы и сластолюбцы, покрывающие вещи страшнее и омерзительнее, чем этот радужный бордель и его создатель. Конечно, открыто никто из них не признается, что любит на досуге раскрасить чьи-то сиськи или член, а потом поймать или подставиться, но сунься я официально в такой гадюшник от искусства, и дадут сверху такого пендаля, что сердце через рот выскочит.

— Понимаю. Думаешь, нам есть смысл к нему соваться? Таким, как он, стоит корочки показать, тут же вопить начнет о нарушении его прав и свобод, не говоря уже о вызове в контору, — скривился я. — Может, скрытое наблюдение за ним будет надежнее?

— Ну, мы можем поступить тоньше, сыграть на самолюбии, оно обычно у таких персонажей нереальных размеров.

— Типа, предложить ему быть консультантом и посвятить нас, лишенных художественного видения профанов, в тонкие сферы творчества?

— Ну, чем не вариант, — вздохнув, пожал плечами Василий.

— А если кто-то из его окружения и есть наш маньяк, то в каком направлении мы копаем, станет ему моментально известно, и он затаится, — размышляя, клацнул чайником, хотя сейчас предпочел бы банку пива вместо кружки чая. Но мы не всегда получаем, что хотим. — Такие не останавливаются сами. Но затаиться может, а может, и наоборот — активизироваться. Я почти уверен, что он неспроста оставляет жертвы так, чтобы их нашли как можно скорее. Возможно, узнав, что мы пришли искать его именно в студии, он возомнит, что мы признали в нем художника, и как-то обозначится.

— Обозначиться он может новым трупом, — потер лоб Василий, и я не мог с ним не согласиться.

— Это да. Слушай, Васек, а может, ты Гомону этому в модели подашься? — фыркнул я. — Разнюхает все изнутри?

— Куда мне — угловатому и нескладному. Это уж лучше тебе. Будешь у дамочек состоятельных в возрасте нарасхват, особенно как раскрасят. В горошек, например! — Парень, сдерживая хихиканье, прикусил губу.

— Не, мне нельзя! У меня в рабочее время не встает! Только сугубо после! Так что я там буду профнепригодным. Да и староват я, и грудь брить не согласный, — засмеялся я, швыряя в него ручкой.

— Ладно, если серьезно, то давай адрес этой студии, я господину Гомону нанесу визит вежливости, а потом посмотрим. И что, он единственный, кто этим занимается у нас?

— Да нет, но все остальные или его ученики, или крутятся рядышком. На самом деле все равно одна компашка, — Василий застучал по клавишам. — Я тебе весь список распечатаю. В принципе, не так и много их. Господин Гомон, типа монополист, остальные не выдерживают конкуренцию с его размахом.

— Ученики... мля, — пробормотал я, помешивая чай. — Такому еще и учат, оказывается!

— Конечно, учат, ничего то ты не понимаешь в колбасных обрезках, Антон!

— Понимающий, пей чай, если хочешь, и сейчас поедем опять поквартирный обход проводить, проверять утверждение нашей госпожи Влады о виновности мадам Сысоевой, — отхлебнул, обжигая язык.

Василий неожиданно просиял и уставился на меня так, словно я его долбаный герой.

— Ты чего? — прищурился я подозрительно.

— Ничего, — замотал он головой с растрепанной рыжей шевелюрой. — Просто... думал, тебя долго убеждать придется в том, что Влада права.

— Эй! Я не считаю, что она права, ясно? И ты этого знать не можешь! И не вздумай такое где-то ляпнуть, — тут же все мое напряжение вернулось. — Мы просто будем проверять одну из версий, потому что в этом и состоит наша работа. Ясно?

— Конечно. Как скажешь, — парень закивал, не встречаясь со мной взглядом, но продолжая довольно скалиться.

Вот ведь придурок. Умный, продвинутый, но придурок! Надо с этой Владой поговорить по-взрослому. Не фиг такому парню толковому мозги пудрить этими своими...

Часа три часа спустя я вышел из последнего подъезда дома напротив того, в котором жили Сысоевы, и уселся на лавочку, чувствуя, как опять в башке разбушевался чокнутый дятел, да и ноги отваливались. Опрос ни черта не дал. Кто-то вообще дверь нормально не открыл, пролаяв через цепочку: «Ничо не знаю, никуда не летаю». Девяносто процентов

вообще не знали в лицо не только эту беременную истеричку, но и даже нашу жертву, хотя он прожил тут черте сколько лет. Стремительно проходят времена, когда люди были гораздо больше в курсе событий происходящих у соседей, нежели в собственном доме в их отсутствие. Сидят в своих закутках, уткнувшись в телек, шмыгают туда-сюда на работу и обратно, и дела им нет до окружающих. Кто помоложе, те вообще ничего кроме своих гаджетов не видят. Где же моя любимая категория населения, зовущаяся бабульки всевидящие? Неужели стремительно вымирают как вид? Тогда и правда скоро преступников придется ловить по указке экстрасенсов, а не опираясь на факты и свидетельские показания, потому что этих самых свидетелей гребаных просто не сыщешь.

Рядом с протяжным стоном плюхнулся Василий. Я искоса глянул на его мрачную физиономию, и необходимость спрашивать о результатах отпала сама собой.

— Вот как можно быть такими похеристами? — не выдержал он спустя пару минут. — Говоришь, у вас по соседству человека завалили, а у них только ужин остывающий на уме!

Эх, Васек, поработаешь с мое и, если повезет, обтешешься и поумнееешь, и удивляться столь искренне человеческой натуре перестанешь. Или нет. Вот мне бы давно пора, но, однако же, равнодушие человеческое иногда выбешивает так, что едва сдержаться могу. При упоминании того, что кого-то совсем рядом ждет горячая еда в уютной обстановке, мой желудок решил о себе напомнить настойчиво и громко. Хочу котлет. Или борща. Домашнего, не столовского. И можно даже прямо тут на холодной лавке, хрен с ним, с уютом!

— Нет, ну а чего ты хочешь, Васек? — усмехнулся я, почесав живот. — Вот ты разве прекрасно знаешь своих соседей и в курсе, чем они живут?

— Ну... у нас работа много времени занимает, — неуверенно пробухтел он.

— Фигня. Сам знаешь, что это отмазки. Тебе не интересно. И мне не интересно. И все такие.

Надо домой ехать. Дурная это была идея с повторным опросом. Если и сразу-то никто ничего не вспомнил, то спустя два дня вероятность в разы меньше. Разве что случится чудо.

— Мужики, спасите жизнь человеку, — раздался сиплый невнятный голос. — Трубы горят, помираю.

— Сейчас наряд вызову, они тебя на сутки запрут в обезьянник, вот и будет тебе помощь в борьбе с хронической интоксикацией, — пригрозил, глянув через плечо.

Там стоял персонаж: тип — алкаш классический, традиционный, небритый, помятый и вонючий, с сигаретой в трясущихся руках. Клетчатая рубашка застегнута криво, растянутые на коленях дырявые треники и шлепки на босу ногу. М-дя, похоже, тип уверенно отбирает у Влады первое место по неуместности обуви.

— Мент, — недовольно проворчал он, старательно фокусируя на нас взгляд, и уточнил: — Два.

— Тундра отсталая, — с усмешкой ответил Василий. — Мы ж теперь копы!

Мужик помялся возле нас, его мозг явно скрипел, решая, что лучше — свалить от нас от греха подальше или остаться и продолжить интеллектуальную беседу.

— А чо я сделал-то? — наконец просипел он. — За что меня в обезьянник?

— За то, что убийцу покрываешь. Знаешь и молчишь! — угрожающим замогильным голосом провещал Василий, и я фыркнул, толкая его в плечо. Шутник хренов.

— Чего-о-о? Кого это я покрываю? Че шьете мне, чего и близко нет? — дальше последовал целый поток излияний в том же духе, причем лишь процентов десять слов там

было печатными.

— Заткнись! — рявкнул я. И так голова трещит нещадно, да и жрать охота зверски, а он тут разоряется. — Фото посмотри и вали, пока при памяти!

Василий поднялся, и они отошли на пару метров под фонарь, освещающий вход в подъезд.

— Знаешь ее? — спросил он алкаша, открывая папку.

Тот уставился на фотографию, всячески изображая острое желание помочь на своей помятой физиономии и почесывая заросший седеющей щетиной подбородок.

— Не знаю, — наконец родил он. В принципе, я другого и не ожидал. Кого он вообще мог бы видеть или узнать, если вечно глаза залиты! Вот если бы мадам Сысоева дефилировала по району, раздавая халявную водку, вот тогда бы он ее запомнил на веки вечные и к лику святых бы еще причислил.

— Знать не знаю, но видел раз, — прогундел он, но, если честно, я был готов отмахнуться. Сейчас наплетет сказок.

— И когда же ты ее видел? — оживился Василий. Наивный.

— Так дня два... или три назад. Вечером. Мы с Колькой бухали в гаражах, топливо кончилось, решили пойти к магазину счастья попытать, мир-то не без добрых людей. Выворачиваем, значит за угол, а тут она. Дура, вообще! Стоит, вжавшись в щель между двумя стенками, а как нас увидела, прямо отскочила. Мы с Кольком офигели. Может, ей приспичило, но чего туда-то лезть? Там расстояние сантиметров двадцать, хоть тресни не протиснешься. Если так прижало, дальше там полно мест, где можно того... Или вообще никуда не лезть. Там в такое время и не бывает-то никого! Главню, ночь почти, а она в таком месте шарахается. Ну как есть дура. И бешеная к тому же! Колька галантно предложил ее проводить за пожертвование на бутылку. А она нас обложила так, что рты пораскрывались. На вид такая приличная барышня, а как заорала, так мегера мегерой! И за что? Мы к ней с всей душой, а она...

Мы с Василием переглянулись.

— Как звать? — прищурился я.

— Ее? — вытаращился пьянчуга.

— Тебя, гений!

— Так Александр я. Как Македонский, — гордо распрямился помятый персонаж, и я едва не заржал, а Василий не сдержался и уткнулся в кулак, давясь смехом.

— Значит так, Македонский, будет тебе бутылка, если ты нам прямо сейчас точно покажешь, между каких гаражей эта дамочка щемилась, и дашь адрес своего Кольки и подробные показания, — о процедуре опознания я пока умолчал.

— Показа-а-ания, — тоскливо протянул наш неожиданный свидетель, поглядывая на выход со двора, где, видимо, располагался вожаденный магазин. — С другой стороны... Только Кольке про бутылку не говорите!

Спустя минут пятнадцать петляния по дворам мы оказались в целом лабиринте из кое-как натыканных ракушек и даже кирпичных строений. Как это у местных властей до этого стихийного гаражного кооператива руки не дошли. Хотя дошли. На воротах почти всех были прикреплены объявления о сносе или обрывки о них. Причем, если верить бумажкам с печатью управы, случиться сие эпичное событие должно было еще вчера. Ну, как все у нас.

— Вот тут она терлась, — указал он на два железных бокса, между которыми и правда можно было едва руку просунуть.

Я достал маленький, но мощный фонарик, который вечно таскал в кармане, и направил луч в щель между стенами. Мусор, пластиковые и битые стеклянные бутылки, листья, трава и в глубине, похоже, именно то, что мы ищем. Сверток с подозрительными пятнами. То ли грубая ткань, то ли бумага. Ну что, мадам Сысоева, приехали? И почему все считают, что они безумно гениально заматают следы? Статистика показывает, что в процентах семидесяти случаев попадают на ерунде или случайности, но это никого ничему не учит. Я же просто уверен, что это не случайности, а закономерности, иначе не ловил бы преступников снова и снова. Всегда что-то бывает. С другой стороны, так не хочется признавать, что в этот раз случайность-закономерность имеет совершенно определенное женское лицо. Желудок опять завел свою тоскливую песню. Эх, опять я без ужина, да и спать хрен знает, когда повезет лечь.

— Васек, вызывай МЧС-совцев с их приспособами. Надо вытащить нашу улику, — скомандовал я, набирая дежурного эксперта. — И организуй нам владельца гаража, вдруг этот гроб железный убирать придется, и понятых заодно. А сознательный товарищ Македонский тебе поможет, потому как местный.

— А пол-литра? — занял наш ценный свидетель. — Скоро же десять вечера! Не продадут пол-литры, а?

— Спокойно, Саня! — бодро заверил я страдальца. — Нам всегда продадут. Мы ради тебя прям пойдем на должностное преступление, ага. Но в твоих интересах оказать посильную, а главное — быструю помощь Василию.

— Может, завтра все? — без особой надежды вздохнул мой помощник.

— Да легко, если только ты останешься тут дежурить всю ночь! — огрызнулся я. — Есть такое желание?

— А если мы всех на уши поднимем, а это окажется не то? — возразил Василий, набирая номер. — Вдруг это какой-то хлам?

— Тогда мы скажем, что во всем виноват Александр. Который Македонский.

ГЛАВА 31

В добытом из щели между гаражами свертке оказалось именно то, что я думал. Дорогой кухонный нож из качественной стали с длинным узким лезвием и удобной рукоятью из дерева. Похоже, совершенно новый и использованный лишь единожды — чтобы отправить на тот свет господина Сысоева-старшего. Естественно, что обычный охотничий был бы надежнее, но если все это и правда дело рук мадам Сысоевой, то беременную даму могли и запомнить в специализированном магазине. На самом деле, выбор способа убийства не совсем обычный для женщины. Ладно бы еще в состоянии аффекта, во время скандала или защищаясь, схватила первое, что под руку попало. Но здесь ведь речь об этом не шла. И не только исходя из обвинений госпожи Влады, конечно. Человек не создает себе алиби, убеждая всех вокруг, что он находится в момент преступления в другом городе, если собирается лишь бурно выяснить отношения, а не поставить последнюю точку в беседе, ткнув под ребра ножом. И тут опять же у меня возникал вопрос. Если не умеешь обращаться с ножом, то убить с двух ударов человека, причем наверняка, не так уж и легко. Тем более таким орудием, как бытовой кухонный нож. Это только в кино как не хрен делают попадают всердце, и жертва помирает, даже не пикнув. В реальности все сложнее, и для удачного исхода требуется либо везение, либо специфические умения. Если при неточном ударе нож, скажем, наткнется на ребро, то глубоко порезанные пальцы и ладонь самому нападающему просто гарантированы. Я старался припомнить, видел ли на руках истерички повреждения,

но без толку. И, в конце концов, пострадавший вряд ли стоит, предоставляя лучшую возможность разобраться в особенностях анатомии, прицелиться и порезать себя максимально эффективно. Такому здоровенному медведю, как убиенный, стоило один раз отмахнуться от этой пигалицы, своей невестки, чтобы вырубить. Само собой, затыкать наугад можно кого угодно, но в деле мы имеем два точных удара: в бедренную артерию и снизу в печень, от которых Сысоев истек кровью в считанные минуты, и даже его криков о помощи никто не услышал! И это вечером, не слишком поздним, на площадке собственной лестницы и при наличии целой компании веселящихся друзей сразу за дверью. Короче, наша беременная дамочка с ангельским личиком предположительно не только прекрасно владеет ножом, но и обладает изрядной степенью хладнокровия, самообладания и ловкости, чтобы дожидаться, когда родственничек выйдет покурить, и быстро, без суеты и лишних телодвижений замочить его и уйти, как ни в чем не бывало. И привычки его тоже она должна была знать до мелочей. Возможно, простояла на лестнице не один час, и ни одна зараза ее не заметила или не захотела запомнить, что, опять же, возвращает меня к мыслям о том, какие мы стали чуткие и внимательные. Ну да хрен с ним.

Вручив улику экспертам по всем правилам, я подвез Василия до дому, благо по дороге, и сам, добравшись и быстро приняв душ, рухнул, пользуясь возможностью поспать хоть несколько часов. На секунду промелькнула мысль, каким эпичным скандалом обернется процедура откатывания пальцев у этой дамочки, если даже по поводу простого опроса поднялся такой ор, но я от нее отмахнулся. Будет день, будут и вопли, разберусь, когда все начнет происходить.

— Сделай что-нибудь! Сделай! Ты же можешь! — Родное лицо, которое так давно вижу лишь во сне и издали, украдкой.

Тревога и гнев безжалостно берут за горло, и чувство вины заглядывает в душу, подкрадываясь так близко, что кожу колет его ледяными шипами. Я знаю, помню разумом, что его не должно быть, но удушливому стыду плевать на доводы адекватно мыслящей половины, он их игнорирует, втягивая меня в пространство, где он полноправный властелин.

— Пожалуйста, спаси его, он же твой брат! Твой бра-а-ат! — За мольбой в самых любимых в мире глазах прячутся отчаяние и гнев.

— Я не могу... Так нельзя! — Даже во сне я помню, что прав. Но от этого несколько не легче.

— Ненавижу тебя! Это ты во всем виноват! — Ярость и презрение вырываются наружу, хлещут меня без всякой жалости, наотмашь, намеренно бьют по самым уязвимым местам, и я просто позволяю шквалу боли течь через себя, потому что противопоставить ей мне нечего. — У меня больше нет детей! Слышишь! Нет! Нет! Как ты мог! Твоя вина! Твоя вина Ты его убил!

Под истошный писк будильника трясущимися руками продрал глаза, благодарный этому мерзкому звуку за избавление от мутной пелены кошмара. Давно меня так не накрывало! Хотя, может, это потому, что я редко сплю один и достаточно крепко. Всегда знал, что от воздержания ничего, кроме вреда, и вот, поглядите, прямое этому подтверждение. Ругаясь, потянулся к вопящему по кругу гаджету и вырубил сигнал. И тут же увидел конвертик в углу экрана. Меня ожидало сообщение от дежурного эксперта Стаса Разяева: «Позвони мне!». Это может быть либо очень хорошо, либо реально хреново. Гадать я не люблю и поэтому набрал его, не поднимаясь и шурясь в экран одним глазом.

— Утра! — невнятно прохрипел, вытирая холодный пот с лица краем простыни.

— Это тебе, Чудо, утро, а мне сейчас будет спокойной ночи, — не слишком жизнерадостно отозвались на той стороне.

— Ты меня просил позвонить, чтобы колыбельную тебе спел?

— А как же! Меня же без твоего волшебного каркающего голоса бессонница замучает! — фыркнул в ответ Стас. — Ладно, к делу. Кровь на ноже твоего клиента. Отпечаток один нашли четкий, остальные смазаны. Пробил по базе. Нашлось совпадение.

— Да ладно? — Я сразу аж совсем проснулся и сел. Значит, все-таки промахнулась Влада! Если отпечатки в базе, значит у убийцы криминальное прошлое.

— Я вот все думаю, тебе, Чудо, просто патологически везет большинство дел на разщелкать, или ты душу дьяволу продал за эту способность? — сделал лирическое отступление Стас.

— Ты это о чем?

— О том, что ты мне магарыч торчишь! Иди прямо к прокурору за ордером на арест, потому как пальчики принадлежат некой гражданке Софье Титовой, в замужестве Сысоевой. У милой девушки было до хрена приводов по малолетству! Причем статьи-то все тяжелые. Угрозы, вымогательство и жесточайшие избиения ровесников еще в школе. Ее даже в нападении, приведшему к летальному исходу, обвиняли. С использованием, минуточку, ножа! Но мама у нее сама тогда в органах работала и дочь непутевую отмазывала. Убеждала судей, что ее ангелочек попадала под влияние плохих парней, ее принуждали, а в случае со смертельным исходом вообще, типа, имел место факт чистой самозащиты, и девочка сама жертва, а не агрессор! И даже, кстати, добивалась, чтобы по достижению девицей совершеннолетия все доки по приводам были аннулированы, и даже отпечатки изъяты. Вот только хрен у нее получилось. Что в базу попало, то там и осталось.

— Вот оно что, не ошиблась, значит, — пробормотал я себе под нос. Прямо не мадам Сысоева, а долбаная шкатулка Пандоры. Хотя не сказать, чтобы меня это прямо-таки поразило после стольких лет работы в убойном.

— Что говоришь? — не расслышал моего бубнения Стас.

— Я про магарыч! Скажи, когда и где! — поменял я тему.

— Да разберемся! Документы я подготовил и дежурному оставил, так что можешь прямо с утра и действовать. Все я отключаюсь, пока не выплюсь!

— Везет же некоторым выспаться! Спасибо за оперативность, Стас!

Когда оказался наконец в кабинете, то и Василий, и госпожа Влада были уже там. Если честно, в первый момент я ее просто не узнал и, увидев высокую, стоящую спиной к двери, изящную девушку, подумал, что у Василия в кои-то веки завелась подруга, которая и решила взглянуть, где он обретается большую часть своего времени. Но когда Влада оглянулась через плечо, встречаясь со мной глазами, ощутил этот уже знакомый эффект, будто ты с разгону влетаешь в тоннель, по которому несется густой, как ртуть, поток чужой, обжигающе холодной энергии, и моментально в кожу повсюду вгрызаются разряды ледяного электричества. Я уже даже задержал дыхание, ожидая, как и в первый раз, вторжения этого стылого знания о потустороннем в свой мозг, но его не последовало.

— Доброе утро... — Влада замешкалась на секунду, будто взвешивая следующее действие, и уголок ее рта приподнялся едва заметно, выдавая лишь бледный намек на улыбку. — Антон.

Так, словно по мне мазнуло леденящим прикосновением, и тут же оно улетучилось, оставляя меня странным образом разочарованным. Вроде как готовился сигануть в прорубь,

весь собрался для борьбы, а оказалось, что лето, и вода как парное молоко. Никакого шока и противостояния, просто плотное ощущение ее присутствия в одном со мной пространстве. Интересно, Василий уже проболтался ей о найденном ноже, несмотря на мой запрет, и поэтому она выглядит менее мрачной, чем вчера? Прищурившись, несколько секунд поддерживал контакт наших взглядов, высматривая бесконечную черноту, что видел уже дважды, но находил только бархатную насыщенность шоколадно-коричневого. Ни тепла, ни холода, просто цвет, завораживающий своей насыщенностью. Никак не представлялось возможным понять, торжествует ли Влада, даже если уже в курсе о вчерашнем, или ей глубоко плевать.

В отчетах, как и требовало начальство, о ней я не напишу ни полсловечка. Все мы с Василием, гениальные сыщики и неутомимые работяги. Чувствовал себя от этого паршиво, но с другой стороны, ну как я должен был все отразить в официальном документе? Типа, госпожа супервумен Влада при помощи своего рентгеновского или какого там еще зрения разглядела за невинным обликом мадам Сысоевой жестокую стерву и чуть ли не хладнокровную серийную убийцу, которой до сих пор все сходило с рук? Хватает и того, что оба моих главных свидетеля — алкаши горемычные. Огромная удача, что Стасу удалось выделить хоть один годный отпечаток, потому как таких свидетелей любой сколько-нибудь толковый адвокат в суде порвет как тузик грелку.

Прервав свои бесполезные изыскания на поприще чтения мыслей по взгляду, я позволил себе краткое рассматривание госпожи экстрасенс. Сегодня Влада была одета в простую белую футболку и светлые джинсы, которые немного скрадывали ее худобу, пока глаз не наткнулся на торчащие углы ключиц и плеч. Блин, прямо мечта нынешних модельеров, предпочитающих чистой воды вешалок, особенно если учесть тот факт, что без обвисшего до колен мешковатого свитера стала очевидна и длина ее ног. А еще, даже если бы я прямо сейчас взял бы и выколол себе глаза, вычеркнуть из памяти удивительные пропорции и гармонию всего ее тела я уже не смог бы. Можете пнуть меня за то, что никакая одежда на женщине не являлась препятствием для моего разума, чтобы абсолютно точно знать, какой она будет без нее. И то, какой я увидел Владу... черт, вот прям вообще сейчас такие мысли неуместны! Резко опустив глаза, увидел на ногах у нее несколько не элегантные и не похожие, что новые и модные, но, однако, крепкие и явно теплые ботинки и опять удивился странному чувству удовлетворения от этого несущественного факта. Но задавать себе риторический вопрос, какого черта для меня это имеет значения, уже не стал.

— Утра, Владислава! — каркнул в ответ и стал обходить, чтобы добраться до своего стола.

— Будете кофе и бутерброды? — Она жестом указала на стол, на котором уже были расставлены в кои-то веки отмытые до блеска от налета чашки и тарелка с едой. Дома я, провалявшись лишние десять минут, даже не закинулся хоть чем-то, и при виде аккуратно нарезанного хлеба, колбасы и сыра мой желудок предательски взвыл, так что становиться в гордую позу, изображая, что жратвой меня не купишь, не имело смысла. Поэтому я только буркнул «спасибо» и кивнул, усаживаясь. Ели молча, и я себя то и дело ловил на том, как слежу за движениями ее изящных кистей. Пришла дурацкая мысль, что ей даже не нужно создавать вокруг себя нарочитый антураж и обвешиваться всякими устрашающими перстнями-амулетами, сидеть в темной комнате, полной свечей и всякого околдованного хлама, вещать дурацким замогильным голосом и делать загадочные пассы руками. Каждое легкое движение этих длинных, тонких, почти полупрозрачных пальцев и так

воспринималось как ненавязчивое плетение мистической вязи. И, похоже, главным эффектом от этого предполагаемого волшебного действия было то, что я совершенно, вот абсолютно расслабился, как будто завтракать в обществе Влады и Василия было некой обычной и даже привычной вещью. В том смысле, что перестаешь ощущать дискомфорт и анализировать каждую секунду, что делают окружающие и как они видят то, что делаешь ты.

— Какие планы на сегодня? — разрушил момент своим нетерпением мой рыжий помощник.

Я молча зыркнул на него, продолжая жевать.

— Поеду за ордером в прокуратуру, потом навестить Гомона и еще заскочу к профессору показать фото последних вырезаний по телу, — нехотя пробурчал я.

— А что, сегодня Сысоеву задерживать не будем? — Вот же язык у кого-то как помело.

Я краем глаза следил за реакцией Влады. Но она будто и не слышала сказанного Василием. Так, словно до подтверждения факта собственной правоты ей вообще не было никакого дела.

— А чего нам за ней сегодня-то переться? Куда она уже денется? Завтра прямо во время допроса и предъявим ордер, типа, сюрприз будет, — хмыкнул, вытирая руки и отряхивая брюки.

— Она беременная, могут же и выпустить до суда, счесть смягчающим и все такое, — вздохнул Василий.

— Ну, это как бы уже не нашего ума дела, Васек. Наше состоит в сборе максимальнo доказательной железобетонной базы, а дальше это уже пусть прокурор с адвокатом бодаются, а судья решает.

Я поднялся и глянул на безмолвно следящую за нашей беседой Владу.

— Спасибо за завтрак! Владислава, вам как бы придется весь день таскаться со мной. Невзирая на то, есть ли у нас желание, мы приклеены друг к другу на ближайшее время! — Я бы и хотел, чтобы это звучало раздраженно или язвительно, но ничего неприятного в мысли о том, что мне придется проводить с этой женщиной большую часть своего времени, для меня не было. Даже скорее наоборот. У меня она вызывала любопытство. Может, я и не собираюсь верить полностью в ее возможности, но задать свои сто пятьсот вопросов определенно планировал. Может, в процессе и пойму, как это все работает.

— Васек, ты свяжись с коллегами из города, откуда родом Сысоева, и постарайся выяснить, как она добиралась сюда и как возвращалась, потому как вряд ли на автобусе, а машины у нее вроде как нет. Весьма сомнительно, что она сама об этом охотно поведает, а это важный пункт в построении всей схемы. В общем, прояви смекалку, ты это можешь, — отдавал я указания, наблюдая, как Влада надевала короткую дутую куртку, какие были весьма модными лет эдак пять-шесть назад, и чисто машинально отмечая, что вся ее одежда была довольно качественной и даже дорогой, но вот из моды уже вышла. Ладно, на эту тему потом подумаю.

— Поехали! — скомандовал, открывая для нее дверь кабинета.

ГЛАВА 32

На ведомственной парковке я нарочно притормозил, пропуская Владу вперед и внимательно за ней наблюдая. Глупость, признаю, но ничего не мог с собой поделать. Пройдя несколько шагов, женщина остановилась, озираясь. Я же продолжал мешкать, и не думая указывать ей направление.

— Антон, если вы ожидаете, что я как-то по волшебству догадаюсь, какая из машин

ваша, то напрасно, — обернувшись, сказала она.

— Что, на такое ваши способности не заточены? — Если я и чувствовал легкое смущение от того, что она легко срисовала мою почти детскую выходку, то виду подавать не собирался.

— Нет, к сожалению. Я не вижу связи между предметами и их бывшими или нынешними владельцами, — пожалала она худенькими плечами, но тон не был извиняющимся.

— А жаль. Полезная была бы способность, — ляпнул я не подумавши и тут же захотел извиниться, наблюдая, как помрачнело лицо Влады.

— Вот тут вы правы, — пробормотала она. — Я бы свои способности на что угодно не глядя бы поменяла.

Мы молча уселись в мою старушку и выехали с парковки.

— Антон, если вас интересует, что я могу, а чего нет, вы просто спросите, — разбавила тишину Влада.

— А может, я легких путей не ищу, — усмехнулся я.

— Ну, судя по вашему месту работы и отношению к ней, это и так понятно.

— Вот как? А что же вам еще обо мне понятно?

— Не так уж и много. Я ведь вас второй раз всего вижу. Понятно только, что вы одиноки, и это не ваш выбор, хоть вы и стараетесь всем показать, что это именно так.

— Ой, да ладно! Вот прямо так глянули и развенчали мой образ одинокого волка сходу! — насмешливо огрызнулся в ответ, даже не понимая, почему опять злюсь.

— Ну, если уж и проводить параллели с животными, то вы не волк. Вы, уж простите, больше похожи на пса, которого бросили, — Влада задумчиво смотрела перед собой сквозь лобовое стекло. — Знаете, дачники иногда так поступают. Заводят собаку на лето, она привязывается и верит, что это навсегда, а потом лето заканчивается, и они уезжают. А пес так и остается там, на том крыльце, любит и ждет, несет службу и никак не может поверить, что больше не нужен. Может, я, конечно, утрирую или вообще ошибаюсь. Но мне кажется, что быть с теми, кто в вашем сердце, вы не можете, а привязываться и подпускать ближе еще кого-то ни за что не согласны.

Дурацкий разговор, свернувший не в ту степь!

— Нет, видно, читать людей тоже не ваша способность, госпожа экстрасенс, — заставил я себя фальшиво рассмеяться. — Все, что сказали, точно не про меня. И мы приехали. Но на обратном пути поговорим уже о вас!

— Простите, — смущенно пробормотала Влада, выбираясь из машины.

— За что простить? За пса? Так это вы еще меня приласкали! Обычно женщины козлом и кобелем зовут, — покачал я головой, стараясь свернуть тему.

— Не за пса. За бестактность, — очень тихо ответила женщина, идя к крыльцу галереи Гомона позади меня.

Первым, что мы увидели, едва переступив порог, это две огромные, больше человеческого роста картины, висящие на стенах строго друг напротив друга. На обеих были изображены гигантских размеров мужские половые органы неестественных цветов.

— Херасе, — пробормотал я, глядя на реалистично прорисованный двухметровый лиловый стояк.

— Рады вас приветствовать в нашем оазисе преклонения перед естественной красотой человеческого тела! — прощбетала высокая блондинка околomodельной внешности, одетая

в некое подобие древнегреческой туники, только из ткани едва ли не тоньше и прозрачнее обычной марли. — Вы желаете ознакомиться с творчеством нашего мастера, взять несколько уроков боди-арта, или вас интересует наша общественная деятельность?

Я пробежался по ее телу взглядом и остановился на маленькой груди с торчащими сосками. Все же тут не Африка, и девчонке явно холодно. М-дя, вообще-то я предпочитаю фигуры пощеднее, чтобы в постели хоть педофилом себя не ощущать. Встретился взглядом с девицей, которая явно заметила мою задержку по пути наверх и истолковала это, видимо, как комплимент своим достоинствам. Юное личико растянулось в пошловатой улыбке, когда она попыталась изобразить сексуальную томность. Да ладно, детка, не надо так стараться! Я не богатый папик, чтобы меня обольщать, а простой мент. Да и в любом случае нахожу тебя малосъедобной, несмотря на мою широко известную всеядность.

— Нам бы с самим мастером лично повидаться, — подмигнул я девушке, не без удовольствия наблюдая, как становится кислым ее лицо при виде моего удостоверения. — А еще у меня почему-то острое желание взглянуть на ваши документы, чтобы быть уверенным, что я имею право видеть вас в подобном виде, не нарушая закон.

— Мне есть восемнадцать! — Вот оно — моментальное превращение из милого обольщающего создания в фурию, желающую сожрать твое сердце. Какие там мифические оборотни могут сравниться с женщинами в этом трюке. — И мастера нет ни для кого!

— Какая досада! Ну, мы можем тут погулять, полюбоваться на его... хм... творчество. Тем более, нам надо тут вопросы позадавать, — безразлично пожал я плечами и пошел в сторону следующих закрытых дверей. За ними явно слышалась музыка, смех и даже повизгивания.

— Туда нельзя! — Тут же пулей метнулась девица, становясь у меня на пути с весьма агрессивным видом. — Там проходит частное закрытое мероприятие!

— Да я ничем не помешаю. Быстренько у всех документики проверю и все! — издевался я. Само собой, сделать это у меня права не было, но она-то не в курсе.

— Нет! Пройдите в галерею, — указала девушка на противоположную дверь, глядя теперь с нескрываемой ненавистью почему-то уже на Владу. — Я сейчас позову мастера!

— Ладно, — согласился я.

Мы прошли в просторный зал, в котором было еще больше шедевров в том же стиле, что и встретившие нас у входа. Я расположился у окна, а Влада стала медленно ходить вдоль стен, с интересом изучая все это цветное непотребство.

— Нравится? — не скрывая ехидства, спросил, когда она, наклонив голову, рассматривала очередной монструозный член радужной окраски, который и слону был бы велик.

— Форма весьма неплоха, — неожиданно в тон мне ответила она, вместо того чтобы смутиться, и бросила через плечо взгляд, который я у другой женщины считал бы поддразнивающим. Но у нее? Нет, вряд ли. Хотя мой член неожиданно со мной не согласился и дернулся, реагируя вполне себе однозначно. Эй, да ты сдурел? Ни в каком чертовом случае не смей рыпаться в этом направлении!

— С какой стати вы врываетесь, пугаете мой персонал и угрожаете сорвать мероприятие! — В помещение влетел низенький пузатый дядечка и напрямик направился к Владе, не сразу заметив меня у окна.

Он был упакован в нежно-розовую шелковую рубашку со свободными рукавами, которая плотно облежала его объемный живот, а на шее болтался развязанный галстук. Сам господин

Гомон был раскрасневшимся и потным, как будто пробежал кросс, и гневно пыхтел.

— Да я только позвоню, и ты на пузе приползешь мне извинения приносить! — продолжал орать он, переходя на «ты». Влада неожиданно выпрямилась, оказываясь как минимум на голову выше этого творца, и гордо вскинула голову.

— Да неужели? — Женщина насмешливо приподняла бровь, и в этот момент я аж завис, залюбовавшись ее осанкой и этим чуть надменным изгибом губ и буквально кожей ощущая волны исходящей от нее неоспоримой силы. Она сейчас прямо-таки сияла вокруг Влады темным пугающим ореолом, и это опять непостижимым образом отозвалось во мне новой вспышкой возбуждения. Да какого же черта!

— Гражданин Гомон, шумите не по адресу! — окликнул я через долгих полминуты обомлевшего владельца галереи, ухмыляясь вышедшему каламбуру. Ага, представляю, как он сейчас себя ощущал.

Гомон медленно развернулся ко мне и пару секунд смотрел непонимающе, как человек, которого оглушили ударом по голове. Похоже, эффект госпожи Владиславы в действии!

— Капитан Чудинов! — представился, снова демонстрируя удостоверение. — Мы к вам вообще-то по делу, так сказать, за помощью следствию, а вы тут шумите, репрессиями грозите.

Художник покосился на Владу через плечо и поежился как от холода, когда она снова проделала этот трюк с пристальным расчленяющим взглядом. Мне тут же остро захотелось узнать, что же она рассмотрела в нем. Так, глядишь, для меня это в увлекательное времяпрепровождение превратится. Типа, игра в сравнение: что вижу я в человеке, исходя из опыта, и что она — используя свои способности. Да, похоже, еще пара дней, и я, если уж не уверю до конца, то стану воспринимать все как обыденность.

— А она? — дернул в сторону Влады головой Гомон, отказываясь, однако, встречаться взглядом. Ага, ссышь, когда страшно, крикливый? — Тоже из ваших?

— Из наших, — кивнул я. — Тоже консультант по определенным вопросам.

— Я хочу, чтобы она ушла! — к хозяину галереи стал возвращаться гонор, хотя было четко заметно, что говорить напрямую с Владой он не хочет.

— Да с удовольствием! — ответила женщина, почти с облегчением. — Антон, можно я вас в машине подожду?

Я на какой-то момент заколебался, уже собираясь настоять, чтобы она осталась, но потом увидел краткую гримасу и вдруг четко осознал одну простую вещь. Людям, в которых она видит что-то дрянное, неуютно в ее присутствии, но и ей самой рядом с ними тоже находиться не в кайф. Не зря же тогда ее так колбасило из-за Сысоевой. Поэтому просто молча протянул ключи.

Уже почти выйдя из зала, Влада обернулась и снова посмотрела на Гомона, и он буквально съежился от этого.

— Сколько бы вы ни пытались их изуродовать и испачкать, уродливей и грязнее от этого становитесь только вы. — Больше она не стала задерживаться и быстро ушла.

— Кто эта чертова стерва? — взвизгнул Гомон, как только отмер.

— Мы не разглашаем информацию о сотрудниках, — скрывая насмешку, ответил я.

— Плевать! Кто ей давал право так со мной разговаривать! Кто она, и кто я! Я все равно добыюсь...

— Может, перейдем к делу? — жестко оборвал его все нарастающие словоизлияния. Очевидно, Гомон быстро отходил от шока и собирался воплями создать иллюзию

несуществующей смелости.

— Давайте, что там у вас, я, между прочим, занятой человек, — пробурчал он, явно недовольный тем, что я не досмотрел этот спектакль одного актера под названием «Я крут!» до конца.

— Я тоже не погулять вышел, — ответил, протягивая ему папку с фотографиями вырезанных на телах жертв рисунков и знаков.

Как только Гомон понял, что перед ним, его крошечные глазки стали как блюдца, а руки затряслись так, что фото разлетелись по полу.

— Это же... — придушенно пробормотал он. — Они ведь...

— Да, вы все верно поняли. Это художества с тел жертв, — сухо подтвердил, собирая фотографии.

— Но почему вы ко мне-то пришли? — он, может, и хотел опять заорать, но горло его не слушалось.

— Ну, вы же всем известный гуру росписи по телу! — привел я довод, глядя в его побелевшее лицо и уже размышляя, не звать ли кого с нашатырем.

— Я художник! Художник, слышите! Это... это... зверство какое-то! — Сорвавшись с места, Гомон забегал по залу вдоль своих непристойных творений, размахивая руками. — Вы должны были предупредить меня, что там! Я бы ни за что не стал бы смотреть на такое! Я же теперь забыть не смогу!

— А давайте вы успокоитесь и подумаете: не мог бы кто-то из ваших учеников или... хм... клиентов сделать что-то подобное? — Я снова прислонился к подоконнику и наблюдал за бегом разволновавшегося творца, на его взгляд, прекрасного.

— Клиентов? — резко затормозил он, злобно прищуриваясь на меня.

— Вы прекрасно понимаете, о чем я, — не постеснялся добавить в голос изрядную долю металла, ибо в гробу я видел сейчас игры в оскорбленную творческую невинность. — Так что мы сейчас не будем пререкаться, а вы просто подумаете и ответите на поставленный вопрос.

Гомон практически подбежал к дверям и плотно их прикрыл, а потом так же торопливо вернулся ко мне, подойдя на некомфортно близкое расстояние. На меня пахло тошнотворной смесью кисловатого запаха его пота и приторно-сладкого парфюма, но я не отстранился.

— Послушайте... как вас там... — пробубнил он, глядя снизу вверх.

— Капитан Чудинов, — подсказал я.

— Точно! Так вот, капитан, мои, как вы выразились, клиенты — это сплошь ценители прекрасного, а не какие-то там психи-извращенцы! Все они состоятельные и весьма уважаемые люди, щедрые меценаты. — Я не смог сдержать усмешку, услышав последнее, и Гомон раздраженно поморщился, заметив мою гримасу, но продолжил: — Да, не отрицаю, у некоторых есть странные фантазии, но ничего... подобного! А что творится в головах учеников, я понятия не имею! Они платят — я учу! Чем они там живут, дышат, и что творят — мне глубоко плевать! Так что вы совершенно напрасно пришли сюда со своими фото, вопросами и этой...

Он глянул в сторону дверей, будто боялся, что Влада может в любой момент вернуться.

— Само собой, рассказывать о том, что вы сейчас назвали странными фантазиями, вы не намерены? — усмехнулся, уже точно зная ответ.

— Естественно! И поверьте, у вас нет и никогда не будет полномочий заставить меня

сделать это. Поэтому прошу, по-хорошему пока — уходите отсюда и не возвращайтесь. То, что вы мне тут показали, натуральный садизм, и вам стоило скорее уж в какой-нибудь тематический клуб наведаться, сейчас они расплодились, или там в местную психушку, да к черту за пазуху! Куда угодно, а не ко мне в галерею!

— Ладно, — я уже внутренне смирился с тем, что здесь ничего не узнаю. — Возможно, я и воспользуюсь вашим советом, господин Гомон. Но сами рисунки вам ничего не напоминают? Не знаю, как это называется... типа, стиль, почерк или как там у вас художников...

— У нас, художников, для такого, что вы показали, нет названия! — снова почти сорвался на визг он. — И рассматривать тщательней я отказываюсь, и вы меня не заставите. Всего хорошего, капитан Чудинов!

Гомон вылетел из зала, проорав по дороге: «Лидочка, проводи его!».

Когда я вернулся в машину, Влада сидела, задумчиво глядя перед собой, и на меня едва посмотрела.

— Зря потратили время? — тихо спросила она, когда я уселся.

— Ну почему же зря? Теперь у нас есть еще один желающий настроичить клязу, так что день прошел не впустую. — Черт, даже сам не заметил, что, говоря это, вроде как объединяю Владу и себя в некую единую команду.

— Он просто отвратительный человек, — горько вздохнув, сказала она.

— Что, тоже кого-то убил или собирается? — я даже не язвил, просто спросил.

— Не физически, — помолчав, ответила женщина, одарив меня немного недоверчивым взглядом. — Он ненавидит их за то, что они красивые.

— Кого? — не понял я.

— Этих мальчиков и девочек. Своих моделей и натурщиков. Он ненавидит их за то, чего никогда не было у него — за внешнее совершенство. И поэтому отчаянно старается развратить, утопить в грязи их души, пока они молоды и доверчивы. Выворачивает их наизнанку, коверкает, уродует, выжигает, делая так, чтобы ничего кроме этой внешней оболочки у них и не оставалось. А когда и она начинает стареть, и совершенство разрушается, с упоением выбрасывает, чувствуя себя при этом хоть сколько-то лучше.

— К сожалению, за это его не посадишь. — И это правда. Я действительно сожалею, что не в моих силах прикрыть этот конкретный гадюшник, как и многие другие. — Эти девочки и мальчики сами к нему приходят. Хотят веселой жизни, роскоши, подарков, праздников и восхищения тем, что им за просто так досталось от природы. Никто насильно их тут не держит.

— Возможно, вы и правы. Но этот Гомон — все равно мерзкий тип, — мотнула Влада головой.

— Вот тут у меня никаких возражений! — усмехнулся я и завел машину. — Но он мне подкинул идейку, и сейчас мы ее поедим и проверим.

ГЛАВА 33

Выехав с парковки перед галереей, мы тут же встряли в пробку на центральном проспекте. М-дя, похоже, дорога займет приличное количество времени. Что же, я ведь всегда могу использовать его с пользой.

— Итак, госпожа экстрасенс, вы обещали ответить на все мои вопросы, — покосился я на ее профиль, отметив едва заметную горбинку носа, которая, однако, нисколько не портила Владу, а наоборот — придавала общее впечатление аристократичности, что ли.

Любопытно, какая гремучая смесь кровей должна быть намешана в ней? Такой контраст между темными волосами и настолько светлой, явно от природы, а не только от отсутствия загара, кожей. Почти черные глаза, чуть ли не в пол лица, но при этом ни малейшего намека на кукольность или излишнюю мягкость. Губы не назовешь пухлыми, но когда она перестает их сжимать, наверняка о чем-то напряженно думая, становятся заметны их резковатые, очень красивые очертания.

Влада повернулась ко мне, ловя за пристальным рассматриванием, но я не тот парень, кто мог бы смутиться от такого. Однако все же перевожу взгляд на дорогу. И это потому, что я должен следить за движением, а не из-за того, что женщина ответила мне таким же прямым, изучающим взглядом.

— Не на все, — поправляет она меня. — Я обещала рассказать вам о своих способностях, но не более этого.

Ну надо же, как быстро портятся люди, пообщавшись в нашей среде. Уже так просто на откровения не раскрутишь. Ну-ну, посмотрим.

— То есть если я вас спрошу, скажем, какой у вас самый любимый цвет или что предпочитаете есть, вы будете хранить молчание? — усмехнулся я.

— А вы меня об этом спросите? — в тон мне ответила Влада.

— Нет, на это мне плевать, если честно, — отмахиваюсь я.

— А зря. Потому как мой любимый цвет, а точнее его отсутствие, имеет прямое отношение к тому, как я вижу окружающих, а значит, и к моим способностям.

— И как это понимать? — тут же напрягся я.

— Так и понимать. Люди, которые сами не совершили ничего дурного или кому так повезло не столкнуться с темнотой в других, для меня бесцветны. И я очень люблю смотреть на них. К сожалению, почему-то их становится все меньше. Даже среди детей они редкость.

— Ну, какая жизнь, такие и люди, — пробормотал я, переваривая инфу. — Ну, а мы все, лишённые бесцветной невинности, для вас сияем как радуга?

— Нет. Не так. Например, все те, по чьей вине кто-то умер, для меня имеют разные оттенки в красном спектре. — Надо же, как госпожа экстрасенс деликатно обошла слово «убийцы».

— Типа, краснокожие, как индейцы? — хмыкнул я.

— Типа, как я вижу сквозь дымку или цветное стекло, не знаю уж, как объяснить поточнее, — поправила меня Влада, отзеркаливая мою интонацию. — И это совсем не похоже на просто другой оттенок кожи. Вот, например, Сысоева была для меня какой-то буро-сизо-красной. Как плоть разлагающаяся. Отвратительно.

Влада передернулась и тяжело сглотнула, как человек, желающий прогнать подступившую дурноту. Наверное, это по-настоящему мерзко, если она так среагировала, особенно памятуя, что в морге оставалась невозмутимой, как статуя. У самого при мысли об этом в желудке на мгновение образовалась какая-то тошнотворная невесомость. Естественно, меня так и подмывало спросить, какого же оттенка красного для нее я, но пока сдержался. Еще узнаю.

— Как понимаю, красный и любые его вариации не входит в число ваших любимых цветов? — уточнил, думая, как построить разговор дальше. Вызывать гадкие ассоциации и воспоминания у Влады мне не особо хотелось. Кто бы еще сказал почему.

— Нет. Видеть его постоянно очень утомляет, — она улыбнулась, как будто извиняясь, и в этот момент показалась мне совершенно беззащитной и бесконечно усталой.

— Неужели вокруг нас ходит столько убийц? — недоверчиво хмыкнул я.

— Ну... полноценных убийц, — она искоса глянула на меня и поспешила пояснить: — тех, кто совершает преступление хладнокровно, обдуманно и не испытывает и грамма раскаяния, не так и много. Но только представьте, сколько вокруг тех, кто однажды прошел мимо, не помог, закрыл глаза. Тех, из-за чьей черствости кто-то дошел до грани и убил себя. Сколько врачей, чьи пациенты умирали по их халатности. Сколько спровоцировавших несчастные случаи на дорогах, когда самих не задело, но погиб кто-другой. Список можно продолжать бесконечно. И это не говоря о тех, кто просто в мыслях сотни раз убил кого-то, внушающего особую ненависть. Скажем, сволочного начальника или бывшего возлюбленного.

— Ну, большинство этих людей нельзя считать преступниками! — возразил я и тут же сам себя поправил: — По закону.

— По закону — да. Но, к сожалению, на мою способность видеть так, как я вижу, установки и статьи Уголовного кодекса не распространяются, — вздохнула Влада.

— А это... эта способность, ее нельзя отключать по желанию, ну, или хоть иногда отгораживаться?

— Можно. Помогает алкоголь, много алкоголя и некоторые препараты. Но они еще даже хуже, чем просто напиток. Под ними становишься почти растением. И совсем не можешь защитить себя... ни от чего, — она снова поежилась, но потом тряхнула головой, словно отмахиваясь от чего-то.

Вот и скажите, кому подобную хрень пришло в голову назвать даром? В гробу я видал такие подарочки судьбы, от которых еще и нет шанса отказаться или передарить при случае.

— И что, наша доблестная медицина не в состоянии предложить ничего, кроме как нажираться до потери пульса или задурять голову наркотой? — я не смог скрыть раздражения в голосе.

Влада совсем развернулась ко мне, выглядя гораздо более оживленной, чем я видел ее за это время.

— Вы меня жалеете, Антон? — спросила она непонятным тоном. Я ощущал в нем сильную эмоцию, вот только, как ни странно, не мог понять — это злость или удивление. — Не стоит! Я ни в коей мере вашей жалости не заслуживаю и не хочу!

А, ну вот теперь понятно. Дамочка злится. И сильно. И ответный гнев был настолько мощным, что я не смог сдержаться.

— Госпожа экстрасенс, а давайте вы не будете мне указывать, какие чувства относительно вас мне следует испытывать, а какие не стоит?! — не постеснявшись повысить голос, огрызнулся я. — Тем более что о жалости речь не идет! Я просто желаю знать, с кем вынужден буду проводить большую часть своего времени в ближайшие недели. Понять бы: вы просто обуза для меня и раздражающая помеха или способны принести хоть какую-то пользу! Не хотелось бы таскать за собой повсюду никчемное создание, от которого мне только головная боль обеспечена!

Ладно, последнее было несправедливо, учитывая историю с Сысоевой, но вот такой у меня сволочной характер! Если я уж и пес, каким она меня окрестила, то никак не белый и пушистый пуделек, а здоровая дворняга, что может и руку отхватить, если попробовать по морде хлопнуть, указывая место! Я резко свернул в нужную улицу, едва на светофоре зажегся зеленый, ругая себя за эту вспышку и чувствуя уже не псом, а редкостным козлом. В конце концов, экстрасенс там или нет, Влада женщина. Баба, черт возьми! Что с них взять?

— Простите, — тут же примирительно пробормотала Влада. — Просто мой... наставник говорит, что я сама виновата. Должна научиться принимать и использовать во благо все... это. Но я не могу. И не знаю, смогу ли.

— Наставник? — Вот еще один загадочный персонаж, оказывается, существует. Злость улетучилась, тут же сменяясь интересом. Честное слово, похоже, эта женщина еще долго будет оставаться источником, питающим мое природное любопытство.

— Куда мы едем? — тон голоса Влады вдруг взлетел почти до звенящего визга, хлестко ударив по моим нервам, и я чуть не зацепил припаркованную иномарку от этой неожиданной перемены.

Глянув на нее, резко ударил по тормозам в шоке. Ехавший сзади седан возмущенно засигналил, когда я перекрыл ему въезд на парковку перед городской психбольницей.

— Почему? — До предела расширенные глаза с чернотой зрачков полностью пожравших шоколадную радужку уставились на меня. — Я ведь стараюсь! Я буду справляться! Пожалуйста, не нужно!

Я много повидал разных человеческих реакций. Страх, злобы, ненависти, отчаянья, боли от потери. Но прямо сейчас у меня волосы зашевелились от острейшей, откровенно животной паники, исказившей лицо женщины передо мной. Она пропитала все внутреннее пространство автомобиля, будто в мгновение вытеснив весь воздух. Открыв рот, чтобы хоть что-то сказать, я тут же его захлопнул, потому что совершенно точно понял: говорить с кем-то в таком состоянии просто бессмысленно. Влада, еще полминуты назад бормотавшая извинения, в единое мгновение превратилась в трясущийся от ужаса сгусток плоти. Она не сводила наполненных безумным страхом глаз с дверей приемного покоя психушки, в паре десятков метров от нас, сжалась на сидении, подтягивая к себе и судорожно обхватывая колени, как будто хотела стать невидимой или врасти в него. Тонкие пальцы сцепились в замок, совершенно побелели от запредельного напряжения, и она стала раскачиваться и монотонно бормотать без остановки:

— Пожалуйста-пожалуйста-пожалуйста!

Я с визгом развернул машину, оставляя на мокром асфальте дымный черный след, матеря на чем свет стоит Владу с ее истерикой и гребаным даром, но гораздо больше тех, кто смог сотворить с ней нечто такое, что способно в секунды превратить человека разумного и относительно адекватного во невменяемое существо. Когда отъехали на несколько кварталов, Влада стала стремительно обмякать, расслабляясь, но при этом ее зубы начали выбивать дикую дробь, и все тело колотилось, как в ознобе. Меня и самого передернуло так, словно за шиворот щедро сыпанули ледяной крошки, не забыв добавить изрядную жменю еще куда-то в район сердца.

— Какого хрена, Влада! — не сдержавшись, заорал я, треснув кулаком по рулю и опасно лавируя между машинами.

Мой вопль подействовал на нее, видимо, как приводящая в чувство оплеуха, и Влада села прямо, вскинув как раньше голову и глядя прямо перед собой. При этом во всей позе читалось одеревенение и предельная скованность, совершенно убивающая ее так удивившую меня природную грацию. Передо мной снова была та самая женщина, которую я увидел первый раз в кабинете начальника. Скованная, зажатая, несуразная, состоящая из одних острых углов и абсолютно непонятная.

— Простите меня, господин Чудинов, — лишенным каких-либо эмоций голосом произнесла она. — Я поняла смысл послания. Я должна стараться больше и быть по-

настоящему полезной.

Что? Да что за на хер?

ГЛАВА 34

Влада дернула головой и скосила на меня глаза, в которых теперь без всяких вуалей полыхала отчаянная злость существа, загнанного в угол. Я нечто подобное видел однажды. Когда-то давно, в другой жизни, в которой не было беды страшнее отцовского гнева за многочисленные проделки, мы с братом ловили котенка на стройке, куда ходить нам запрещалось строго-настрога. Маленького, чуть больше кулака. Грязного, уделанного в серую бетонную пыль настолько, что едва угадывался бело-рыжий окрас. И готового отстаивать свою свободу и жизнь неистово и остервенело, пока достанет сил в маленьком отважном сердечке.

— Да провались он! — завопил тогда Артем. — Стану тут я еще в арматуре лазить из-за него! Порвем вещи, мама нас прибьет!

Но я не был готов отступить так же легко, как он. Загнал малыша в узкое пространство, откуда ему уже было не выбраться, и протянул руку, уговаривая и обещая, что ни за что не обижу. И тогда этот крошечный рахитичный меховой шарик развернулся и стал размахивать своими игрушечными лапками со смехотворными когтями, глядя вот так же, как сейчас Влада. С безнадежной ненавистью того, кто знает, что слабее и обречен, но в душе не желает ни за что сдаваться.

Вернув внимание дороге, я быстро нашел место у обочины и, свернув, остановил и заглушил машину. Хлопнул на всякий случай по кнопке блокировки дверей, хотя женщина и не думала ломиться наружу.

— А вот теперь перестала меня испепелять глазами и нормально объяснила, какого хрена только что там было?! — очень хотелось это проорать, но я успел взять нервы под контроль.

Влада отвернулась к окну, отказываясь смотреть на меня.

— Разве мы уже на «ты»? — Ну да, как настоящая женщина она старается перевести тему с главного на вопросы субординации, но вот только черта с два это со мной сработает!

— Хотите услышать от меня легендарную фразу «Вопросы здесь задаю я?» — Влада покачала головой. — Ну, в таком случае жду вразумительных пояснений.

Ответом мне было по-прежнему молчание и вид на темноволосый затылок.

— Ла-а-а-дно, — хлопнул я по коленям спустя долгую минуту. — Я парень не гордый, начну первым. Мы ехали в городскую психиатрическую клинику, потому что меня посетила мысль показать фото тел ее руководителю, профессору Березину. Обеим нашим штатным психологиням я ни на грамм не доверяю. Потому что одна из них старше Октябрьской революции и может думать только о том, как бы дожить до пенсии. А вторая ссыкуха, дочка какой-то шишки, которую он пристроил после института, чтобы хоть чем-то занималась. Пользы от обеих — ноль. Березин же пару раз консультировал меня раньше. Я надеялся, что он усмотрит что-то в этих художествах или подскажет, или кто из его коллег нам сможет помочь. Ведь чем черт не шутит, мог же этот урод попадать в поле зрения медработников?

Пока я объяснял, в позе Влады становилось все меньше напряженности, и она медленно, совсем по чуть-чуть, поворачивалась ко мне, явно ловя каждое слово. И от этого меня самого будто попускало, и выходило говорить все более спокойно и даже монотонно.

— Как я понимаю, вы, госпожа экстрасенс, усмотрели в моих действиях некий совершенно неизвестный мне умысел, что и привело... к реакции.

Влада глубоко и прерывисто вдохнула, и бледные щеки залила краска.

— Простите меня, Антон, — пробормотала она.

— Нет уж, не надо мне тут простикать! — огрызнулся я. — Я повел себя грубо, назвав вас обузой. Извиняюсь за это.

Влада взглянула на меня недоверчиво и хотела что-то сказать, но я перебил ее:

— Очевидно, впредь, чтобы сцены вроде недавней не повторялись, мне придется объяснять вам, куда и зачем мы едем, и получать одобрение? Я так работать не привык и совру, если скажу, что хотел бы переучиваться. Поэтому нам что-то нужно с этим делать. Считаю, что имею полное право получить объяснения по поводу случившегося инцидента и сделать выводы о целесообразности дальнейшей совместной работы.

Выражение лица женщины снова неуловимо поменялось, теряя появившиеся признаки расслабленности. Она снова побледнела, и ноздри затрепетали, выдавая эмоции, а темные глаза прищурились.

— А если я не могу или не хочу ничего объяснять? — Влада посмотрела на меня прямо и даже с вызовом, демонстрируя, что, по всей видимости, полностью оклемалась от недавней истерики. И от этого меня противно обожгло мыслью, что, может, меня развели, как лоха, и все это какая-то попытка манипулирования была, а не настоящая паника? Не похоже, конечно, да и зачем, но вот такая у меня натура — во всем и всегда сомневаться. Так что ответ женщины вкупе с этим прямым взглядом опять щедро плеснул бензина в огонь моей злости, развязывая язык.

— В таком случае, считаю своим долгом и правом написать рапорт, в котором укажу на то, что перспектив для нашей общей работы не вижу, как, впрочем, и для вашей работы в органах вообще! — последнее уже почти рявкнул.

Влада закусила губу и опустила глаза на несколько секунд, и в этот момент в стекло с моей стороны постучал гаишник.

— Что же, господин Чудинов, видимо, вы правы, и перспектив у меня никаких нет, — тихо сказала она, пока я рылся в кармане, доставая удостоверение.

Быстро нажав кнопку разблокировки дверей, она стремительно покинула машину. Вот же зараза! Поговорили, называется!

Объясняя на русском народном навязчивому постовому, что он не к тому полез, я озирался на полной людей улице, но эта несносная женщина словно сквозь землю провалилась. Прекрасно, мля! Надавил, называется, получил нужную инфу! Как будто я и правда бы преподнес начальству такой подарок, как подобный рапорт на нее. Как же, пусть держат карман шире! Что за женщина такая! Других вон не заткнешь, трещат о себе и других без остановки, как радио! А у этой слова лишнего не вытянешь. И это после такой психологической встряски, когда она, по идее, должна быть вымотана и не способна ни на какую защиту в принципе. Что, опять же, приводит меня к мысли, была ли ее реакция настоящей, или таким образом она просто проверяла меня на вшивость. И выяснить я это был намерен немедленно, а не когда-то потом.

— Васек, а стоняй-ка ты в отдел кадров и узнай домашний адрес нашей госпожи экстрасенс, — попросил я, набрав нужный номер и усаживаясь обратно в тачку.

— Антон, что ты сделал? — после секундной заминки спросил помощник.

— Я? — Ну хрен с ним, я перегнул немного, но это никак не его дело. — Василий, не помню, когда это я стал обязан перед тобой ответ держать. Я дал тебе поручение, и ты давай мухой его выполнять!

— Слушаюсь, — недовольно буркнул парень, и перед тем как отключиться я услышал тихое «придурок».

Конечно, у меня был телефон Алеси из отдела кадров, но я не буду ей звонить. Уж точно не для того, чтобы спросить домашний адрес Влады. Совсем не охота выслушать сначала, какой я мудака и кобель и мог бы хоть позвонить после того новогоднего сабантуя, а потом завтра слушать подколки коллег, каждый из которых будет уже в курсе. А там и до шефа дойдет, а мне это надо?

Спустя десять минут Васек перезвонил мне и голосом, едва не похрустывающим от морозца, продиктовал адрес. Надо же, какие эмоции у салаги! Ну ничего, переживет!

Райончик, в котором находился дом Влады, был в довольно престижном районе и выглядел далеко не лачугой, а вполне себе приличным коттеджем за высоким глухим забором. Ну кто бы сомневался, что живет госпожа экстрасенс не в бараке на окраине с протекающей крышей. Нажав несколько раз на звонок, я подождал какое-то время, но никакого ответа не последовало, и во дворе было тихо. Найдя щель между листами железа, я заглянул внутрь. Странно. Двор выглядел запущенным, клумбы заросли бурьяном по пояс. Движения за окнами видно не было. Причем шторм я тоже не заметил, да и, насколько мог рассмотреть, никакой мебели тоже не наблюдалось. В остальном вполне себе обычный дом, говорящий о том, что владельцы не последний кусок хлеба без соли доедают. Позвонил еще какое-то время, подергал ручку на высоченной калитке и снова глянул в щель. Теперь мне почудился мелькнувший силуэт на втором этаже. Вот значит как, открывать мы не хотим.

Завел свою старушку, шумно погазовал и, отогнав в конец улицы, оставил за углом. Быстро вернулся и довольно хмыкнул, заметив мелькающую туда-сюда знакомую фигуру. Стал озираться, примеряясь, как бы так половчее перемахнуть через высоченный забор, чтобы по-тихому. Плохо, что день, я как блоха на лысине. Мало того, что эффекта неожиданности может не выйти, так еще бдительные соседи наряд могут вызвать. Это если убивают кого, у нас никто ничего не слышит и не видит, а так все начеку. В это время услышал осторожные шаги, и замок на калитке щелкнул. Она открылась, и наружу выскользнула Влада с большой дорожной сумкой в руке.

— Куда-то собрались, госпожа экстрасенс? — она вскрикнула и выронила сумку, поворачиваясь ко мне. — М-дя, дар ваш совсем никудышный, если о моем присутствии не предупредил.

— По-вашему, у меня в голове какой-то детектор с тревожной сиреной? — огрызнулась она, приходя в себя и сжимая изящные кисти в кулаки. Я усмехнулся, представляя, как же ей, наверное, хочется мне двинуть. Причем я бы сказал, что отчасти заслуженно.

— Очевидно, что нет, — усмехнулся я и поднял сумку. Увесистая. Как еще она не переломилась под ее весом. — Помочь?

Покачал на руке, глядя ей прямо в глаза и четко давая понять, что речь совсем не об этом бауле.

— Зачем вы здесь, Антон? — тихо спросила Влада, полностью разворачиваясь и прижимаясь к забору.

— Я уже сказал.

— Вы не тот, кто может мне помочь, — покачала головой, и плечи ее бессильно опустились.

— Не попробуешь, как говорится, не узнаешь. Да и чаю хочется, аж в глотке Сахара, — театрально покашлял, изображая, что засыхаю. — Я вас своим дешевым поил. Ответите

любезностью?

— Пожалуй, я рискну показаться невежливой и откажу вам. — Женщина обхватила себя руками в защитном жесте и, закусив губу, покачала головой. — У меня не так много времени сейчас. Еще меньше его станет, когда вы напишите свой рапорт.

Я аж крикнул от чувства досады и стыда за те вырвавшиеся слова угрозы.

— Слушайте, Влада. Я тогда выразился не совсем корректно. — Потому что Васька прав, и я могу быть редким придурком, ага. — Я не собираюсь писать именно то, что сказал.

— Не собираетесь сейчас или вообще? — Не нужно быть гением, чтобы прочитать подозрение в том, что я буду держать теперь знание об этом моменте ее слабости, как козырь в рукаве.

— Влада, послушайте, раз уж нам работать вместе и никуда от этого не деться, вам стоит знать: я лентяй, козел, бабник, грубиян, каких поискать, и черствая скотина, но я не стукач и не подлец. Уяснили?

Влада прямо посмотрела на меня, и я ответил открытым взглядом, стараясь игнорировать уже знакомое шокирующее чувство вскрытия моего сознания скальпелем этих расширившихся зрачков и не закрываться от нее. Фигня, оказывается, это только в первый раз как будто автобус сбил, а потом ничего так, просто освежает. Не стал закрываться и защищаться и вдруг ощутил, что контакт этот не односторонний. Всего мгновение безмолвного откровения, и я понял, что все мои подозрения в манипуляциях, притворстве и прочей хрени — полная чушь. Причем в этот раз никакой мой проросший в кости скептицизм не подкинул мыслишку, что это какие-то экстрасенские штучки, вроде гипноза или другой фигни.

— Весьма красочная характеристика, — кивнула женщина, прерывая сеанс потрошения меня. Я не смог сдержать облегченного вздоха, заметив, как изменилась ее поза, и уголок рта дрогнул в бледном подобии улыбки.

— Вы еще погодите, когда столкнетесь с кем-то из моих бывших, вот где будут краски, — буркнул в ответ, и отблеск веселья стал отчетливее. И кто бы мне сказал, почему мне самому это как бальзам на душу. Потом подумаю, а пока будем закреплять полученный результат, пока опять чего не напортачил.

— Влада, то, что я пытался надавить на вас сегодня... это само собой с моей стороны некрасиво, но и хоть на какие-то объяснения я имею право, раз уж стал свидетелем и причиной. — В этот раз никакого давления или требования, просьба и ничего более.

— Не вы причина, — устало прикрыла женщина глаза.

— Это уже риторика. Просто я хочу знать, чего я делать не должен, чтобы не было повторений. Такая мотивация сойдет?

Вот сказал бы мне кто еще пару дней назад, что стану я такие реверансы разводить, только для того чтобы немного забраться в голову и прошлое чужого человека, еще и женщины! Любопытство определенно когда-то меня угробит, но не сегодня же и ладно. Женщина неопределенно кивнула.

— Так что, я и чай получу? — оптимистично хлопнул я в ладоши.

— Чай — да. Об объяснениях я подумаю, — Влада распахнула калитку, приглашая меня.

Ну хоть что-то.

ГЛАВА 35

Приличных, для городского дома, размеров двор был именно таким, как я разглядел через щель — заросшим явно многолетней густой травой, в которой кое-где виднелись

обрывки тускло поблескивающего целлофана и бумаги. Такое бывает в заброшенных местах, где ветер долго таскает случайный мусор, пока он не застрянет где-то намертво. Но даже сквозь это запустение было видно, что когда-то эта территория была распланирована с тщательностью и любовью. Угадывались контуры фигурных клумб и альпийской горки, или как там еще эта ландшафтная хрень зовется. Среди уже желтеющего в осень бурьяна виднелись яркими пятнами какие-то неубиваемые многолетники. Я помню, точно такие же были у бабули на даче и запомнились мне тем, что, несмотря на невзрачность, цвели до самых морозов. Шагая впереди, я ощущал между лопатками пристальный взгляд хозяйки и старался не выдавать любопытства, мучающего меня.

— Разуваться не надо, — негромко скомандовала Влада в совершенно пустой прихожей, в углу которой сиротливо притулились те самые дурацкие тряпичные балетки. — Кухня направо.

Я посмотрел на буквально сверкающие чистотой полы, поставил ее здоровенную сумку и все же снял туфли.

Пройдя по коридору, мы попали в комнату, кухней которую можно было назвать лишь условно. Такая же пустота, как и в прихожей. Но здесь была раковина, заглушенные газовые трубы на стенах и на них же щербатые следы, будто кто-то прямо с мясом выдирает всю подвесную мебель и технику. На широком подоконнике маленький электрочайник на пару чашек, явно новый и одна кружка. Там же в уголке пачка чая и упаковка печенья. Ни стола, ни стульев, вообще никакой мебели, кроме нелепо выглядящего шезлонга у окна.

Наша странная игра с Владой в «я смотрю, как ты смотришь» продолжилась.

— Присаживайтесь, Антон, — указала она в кресло, а сама пошла наполнить свой микрочайник.

Я развалился в шезлонге, но, когда женщина встала передо мной, поднялся.

— А давайте наоборот? — усмехнувшись, предложил я. — А то чувствую себя как на приеме мозгоправа в кино. Можно я на подоконнике?

Влада кивнула и продолжала пристально следить за мной, явно ожидая расспросов, по поводу своего жилища. И я спросил.

— Одна живете?

— Теперь да. — Женщина обвела все вокруг взглядом, будто видела совершенно другую картину в этой пустоте.

Чайник вскипел, и я опять поймал себя на том, что неотрывно наблюдаю за тем, как она совершает обыденные вроде движения. Кладет пакетик, наливает кипяток в темно-синюю кружку с золотистым ободком, распаковывает упаковку дешевого, но вкусного печенья, ставит все передо мной на ослепительно-белый подоконник. Медленно убирает руку, и в какое-то мгновение клубящийся пар проскальзывает сквозь ее тонкие пальцы, будто притянутый к ним как магнитом, и устраивает краткий мистический танец. Я невольно качнул головой и усмехнулся. Вот же странная штука воображение. Стоит только немного позволить себе верить в то, что нечто, не уместяющееся в рамки обычной для тебя реальности, возможно, и уже в чем угодно чудится загадочное действо.

— Антон, насколько сильно вам не нравится мое присутствие? — спросила Влада, видимо, истолковав мою усмешку по-своему.

Я на секунду задумался и честно ответил:

— Прямо сейчас оно мне не нравится гораздо меньше, чем поначалу, — и вернул вопрос: — А вам, Влада, насколько неприятна необходимость работать с нами?

Резкий выдох, говорящий, что я попал, и женщина отвернулась к окну.

— Как вы верно подметили, это необходимость. На самом деле мне симпатичны и Василий, и вы, но очень тяжело... — она сделала руками неопределенный жест, — все, что связано с вашей работой. Очень. Это мешает мне... забыть.

Забыть. Она желает забыть то, что я бы сейчас хотел знать больше всего. Неожиданно вспомнился мой когда-то любимый фильм с Уиллом Смитом «Я — робот». Как там говорилось? Правильно задавай вопрос? А я бы еще добавил — вовремя делай это и с верной интонацией. Спрашивать напрямую не стану. Вижу, что ничего не скажет.

— Забыть по-настоящему все равно не выходит. По моему опыту, лучше некоторые вещи принимать и смиряться. Обратного хода событий не бывает, сколько себя не мучай. Если только это не еще одна ваша суперспособность.

Даже сам не смог бы сказать — философствовал я в данный момент ни о чем, имитируя беседу с глубоким смыслом, или откровенничал. В присутствии этой женщины меня все чаще посещало ощущение двойственности всего сказанного.

— Но такой способности у меня нет, — Влада говорила об этом так, словно не сожалела, а, наоборот, была рада. — Иногда хотелось бы, как любому человеку, наверное. А у вас получилось смириться?

Долю секунды хотелось огрызнуться, спросив, при чем тут я. Но понимал, что это явно не будет способствовать продолжению диалога.

— Нет, — признался честно. — Но я над этим работаю.

Станный разговор выходил. Каждый, типа, о своем, и в тоже время оба об одном и том же. И с Владой мне вести было его на удивление легко, не то, что со всеми, кто за это время пытался ковырнуть в душе сочувствием, которого мне не надо. Но тему стоило поменять.

— Интересно, а убийц, которые раскаиваются, и тех, кто нет, вы по-разному видите?

— Конечно. Даже те, кто безумно сожалеет, но считает, что все равно поступил верно, отличаются от просто страдающих чувством вины, — охотно пояснила женщина.

Это намек, случайность или прямое указание на меня? Она не смотрела на меня, так что оставалось только догадываться.

— А, скажем, маньяки. С ними вам приходилось пересекаться?

Влада очень медленно положила на подоконник раскрытые ладони, будто нуждалась в опоре.

— Да, — она скривилась. — И вот рядом с ними, не важно — вменяемыми или нет — находиться вообще невыносимо.

Как часто ей приходилось делать это? По собственной ли воле? Не думаю, что так.

— Это означает, что, встретить мы его с вами на улице, вы точно скажете, маньяк ли это? — продолжал фигурное движение вокруг острых углов.

— Да. Но вот только один нюанс. Или два. Во-первых, я не скажу, убил ли он уже кого-то или только еще страдает фантазиями, и во-вторых, я не смогу сказать, это тот самый маньяк или какой-то другой.

— М-дя, — огорченно вздохнул. — Как-то по-дурачки: знать вроде бы так много, но в сухом остатке не иметь возможности кому-то что-то предъявить. Не находите?

— Тут, Антон, вопросы не ко мне, а к высшим силам, меня так озадачившим, — неожиданно улыбнулась женщина.

Да, лучше слова и не подберешь, чем озадачившим.

— Вы чай почему не пьете? — кивнула Влада на забытую мною кружку.

— Да вот просто думаю. Как бы мне подступиться к разговору с вами о дальнейшей работе.

— Вы всерьез думаете, что я смогу быть полезной? Даже после того, как видели такой, как сегодня? — Вот теперь она на меня смотрела, причем напряженно и очень внимательно, выдавая, насколько для нее было важно мое мнение в этом вопрос.

— Уверен. В любом случае бегство — это не выход для вас, — вложил в слова всю убежденность, которая у меня и взялась-то, не пойми откуда, но было ее в достатке.

— Если и выход, то временный, — вздохнув, согласилась Влада. — Но и работа с вами пока постоянных перспектив мне не обещает.

— Может и так, я ведь всего не знаю, а вы не спешите меня просветить. Я, конечно, не гений современности, но, обладай всей информацией, мог бы ориентироваться лучше. Откуда вы знаете, вдруг вы окажетесь у нас в конторе столь полезны и успешны, что эти самые перспективы разительно поменяются.

— Но я не хочу... таким заниматься.

— А я хочу? Думаете, мне это в радость? То есть, я, разумеется, люблю саму мою работу, процесс, но до глубины души ненавижу тот факт, что она вообще есть. Потому что это означает, что люди продолжают убивать других людей. И игнорировать это я просто не могу. Понимаете?

— Прекрасно понимаю, Антон. — Влада теперь не только сосредоточила все внимание на мне, но и шагнула ближе. — И я тоже не могу, вот только причины у нас разные. Вы могли бы жить по-другому, но ваша совесть не позволяет. А я бы очень хотела не знать, не видеть, да только это невозможно. И если вы заслуживаете уважения из-за своей жизненной позиции, то я нет.

Нет, ну вот откуда в человеке столько категоричности и самоуничижения? Такое само собой, уж насколько знаю, не появляется. И прямо руки зачесались остаться наедине на пять минут с тем, кто возвращал подобное в этой женщине.

— Ой, вот только давайте сейчас не будем, Влада, про правильные жизненные позиции, — досадуя, отмахнулся я. — Моя совесть мне столько без проблем позволяла и позволяет, что стыдно признаться. И плевать, собственно, на изначальные причины. Дело в другом. Следующие несколько недель нам постоянно придется быть бок о бок. И неважно, что я хочу быть максимально успешным в расследовании, а вы, как понимаю, вынуждены стать таковой. Цель-то, в принципе, одна. Поэтому давайте откроем карты, определим правила и ограничения и начнем уже работать, а не приноравливаться друг к другу.

Влада, прикусив нижнюю губу, глянула на меня, потом на выход из кухни, будто взвешивая, не стоит ли закончить этот разговор прямо сейчас и все же выбрать бегство. В этот момент мне тоже подумалось, что, может, так и лучше. Она уйдет, скорее всего, больше мы никогда не увидимся, и очень скоро я забуду, что вообще когда-то пересекался с этой странной женщиной. Все пойдет своим накатанным путем, станет спокойно, и не нужно скакать дрессированным пуделем вокруг совершенно чужого и непонятого человека. Но что-то в глубине души было категорически против такого хода событий. Так, словно произойди именно так, и все будет окончательно неправильным. И не только для нее, но и для меня тоже. А я ведь эгоистичная скотина, чрезвычайно ценящая свое душевное равновесие. Ага.

— Хотите, я первым начну? — решил подтолкнуть я женщину.

— Групповая терапия откровенностью? — усмехнулась Влада и оперлась бедрами о

подоконник, неуловимо расслабляясь, и я выдохнул. Ее поза как сигнал — уже решила остаться, хотя бы пока.

— Всему групповому я предпочитаю парное, — ляпнул раньше, чем подумал. — Итак, Чудинов Антон Алексеевич, капитан полиции, подпольная кличка Чудо, и это не совсем из-за фамилии. 31 год, был женат аж целых полгода, в роли семейного человека оказался несостоятелен. На данный момент разведен и являюсь идейным приверженцем беспорядочных половых связей. — Поколебавшись секунду, решил, что личного достаточно на первый раз. — Восемь лет в убойном, поощрений и выговоров от начальства имею примерно поровну. В силу неуживчивого характера дальнейших перспектив для карьерного роста нет. Вашему появлению изначально был не рад и очень хотел бы избежать осложнений с этим связанных, к тому же получил четкую инструкцию от шефа избавиться любой ценой. Но, обладая природной вредностью и упрямством, прибор я клал на эти указания, а после эпизода с Сысоевой вовсе больше не горю желанием выживать вас из отдела. По мне, все, что помогает следствию, пофиг — как и какими методами, полезно. Очень может быть, что вы просто угадали, но я готов попробовать проверять это и не считаю нужным просто отказаться априори. Как-то так.

Я сделал многозначительный жест рукой, указывая, что мяч теперь на ее стороне. Влада покачала головой, и я видел одновременно и оживление, и нерешительность в ее взгляде.

— Ой, да ладно! — подначил я. — Посмотрите на меня, говорить о себе любимом — это совсем не страшно.

— Вы так думаете? Ладно, давайте посмотрим. Владислава Арифеева, — маленькая заминка на фамилии, ставим галочку. — Двадцать девять лет. Замужем... была два года, — еще одна галочка. — На данный момент разведена. Причина не важна.

Взгляд в сторону, гневно-болезненная складка между бровей. Процентом на девяносто причина в измене, ну да ладно, проехали.

— Пять лет назад, в результате личной трагедии, оказалась в психиатрической клинике. Была в какой-то момент признана невменяемой и не несущей ответственности за свои деяния. — Теперь уже вызывающий прищур в ожидании моей реакции. Но я не двигаюсь и молчу, просто предлагая ей закончить там и тогда, когда сама посчитает нужным. — Потом попала в правительственную программу изучения необычных человеческих способностей. На данный момент направлена к вам. Если этот эксперимент окажется успешным, то станет моим шансом снова вести нормальную жизнь... ну, насколько это возможно. Если нет... меня вернут для дальнейшей... коррекции.

Коррекция, сука! Я что-то в этом роде и предполагал, но все равно ощущал себя стукнутым пыльным мешком по башке. И дело не в том, что все мы в курсе о соблюдении прав и свобод не только в нашем государстве, но и повсюду в мире. Даже думать в эту сторону, задаваясь чисто риторическими вопросами, смысла нет.

Проблема в другом. На хрена мне все это надо? Я на полном серьезе собираюсь встрять по самое не балуйся? Похоже, что да, если продолжаю сидеть на этом подоконнике в пустой кухне, а не обуваюсь и не сваливаю от греха подальше.

— Влада, насколько сильно вы хотите эту самую нормальную жизнь? — Она буквально вспыхнула, так и загорелась надеждой, явив мне совершенно другую женщину, на которую я ошалело пялился, просто не в состоянии отвести взгляд. И пусть это длилось какое-то краткое мгновение, я уже никогда не забуду увиденное. Мне стало даже стыдно за почти равнодушный тон, которым спросил о таком.

— Очень, — выдохнула она, а я читал огромными буквами: «Больше всего на свете!»

Ну вот, дверца эмоциональной ловушки, в которую зашел добровольно, и захлопнулась. Теперь-то я не отступлюсь. Нет у меня просто такой долбаной функции в организме.

ГЛАВА 36

Что же, умерла так умерла, как говорится. Решив идти в эту сторону, вилять и пытаться повернуть назад, я не собираюсь. Не то чтобы это прямо дело принципа какого-то, просто вот такой я баран, что будет долбиться в ворота, пока они не откроются, так или иначе.

— Ну, раз мы выяснили главное, — перешел я на бодро-деловой тон, — то давайте выработаем протокол и основной свод правил, по которым станем работать.

— Эм-м-м, — замялась Влада, вопросительно глядя на меня. — Приведете пример?

— Запросто! Например, я не везу вас больше молча туда, куда считаю нужным, а говорю: «Мадам Арифеева, сегодня есть план посетить психиатрическую клинику». А вы мне отвечаете: «Нет, Антон, мне сегодня не досуг и вообще никогда в принципе, потому как просто не хочу».

— Дело не в том, что я не хочу... хотя и это тоже, безусловно, — покачала головой женщина и снова поежилась. — От некоторых тамошних пациентов... да и обслуживающего персонала и правда исходит такое, что рядом находиться очень трудно. Но я научилась с этим справляться. Более или менее. Просто в этот раз наложилось мое неверное толкование вашего намерения привезти меня туда. Простите еще раз.

Ну, это-то я как раз прекрасно понял и в лишних напоминаниях не нуждаюсь.

— Так, стоп! Я придумал нам первое правило! Вы прекращаете прятаться за этими простите-извините! Посмотрите на меня, Влада! Я мужик, причем достаточно толстокожий, и не рассыплюсь, если вы будете говорить прямо и перестанете извиняться за то, что это делаете. В свою очередь, если я ляпаю, не подумавши, что-то, что вас пугает или смущает, вы не замыкаетесь, не ищете двойное дно или попытку задеть, а говорите мне в лоб.

— Прямо в лоб? — Влада улыбнулась уже почти без нервозности, и даже щеки ее чуть порозовели.

— Ага. Для двойного дна я слишком прямолинеен, а если захочу обидеть, то делаю это. Додумывать за мной не приходится. Тут у нас ясность?

Влада охотно кивнула, теперь уже не переставая улыбаться. В ее глазах появилась тень азарта и желание идти дальше.

— А личного это тоже касается? — заинтересованно спросила она.

— Вообще-то, это вроде как не профессионально, но не буду лгать — я очень любопытен, и личных вопросов вам не избежать. Рано или поздно. Но если не будет желания отвечать на них — смело посылайте меня.

— А я... тоже могу вас спрашивать? — Влада смотрела на свои руки, и легкий румянец на щеках стал еще ярче.

— А вас интересует моя насыщенная личная жизнь?

О-па! А эта флиртующе-дразнящая нотка откуда в моем тоне? Не-не-не, Антоха. Не надо этого.

— Не обязательно она. Может, у меня просто появятся вопросы, никак не связанные с работой.

Это что, попытка пощупать почву на предмет можем ли мы быть не только коллегами, но и друзьями? А и правда, можем ли?

— Ну, как появятся — задавайте, а там посмотрим, отвечу ли я. Идет?

Влада охотно кивнула. Ну вот и ладно. Возвращаемся в деловое русло, а то мало ли...

— Раз так, идем дальше. Я заметил, что когда вы слишком пристально изучаете кого-то, это сильно нервирует. Игнорировать это невозможно.

— В самом деле? — удивленно вскинулась Влада.

— Ага. На себе проверено.

— Изви... — Я поднял руку, останавливая и напоминая. Она запнулась и, усмехнувшись, замотала головой. — То есть я немного не контролирую себя в некоторые моменты и не замечаю некоторые вещи.

— Ага, я так и понял после того, как вы босиком топали по коридорам в отделе. Мне-то в принципе пофиг, но на многих это произвело впечатление.

— Ясно. Я должна это больше контролировать, — Влада сильно нахмурилась, будто не просто старалась сделать умственную пометку, а буквально высечь это на камне.

— Так, опять притормаживаем! — скомандовал я. — Вывести кого-то из равновесия это далеко не всегда плохо, а иногда даже весьма полезно, если это преступник. Но есть пара нюансов. Мне бы хотелось быть готовым к таким моментам. Скажем, если вы видите: перед вами убийца, сделайте мне знак какой-то, что ли.

— Знак? Подмигнуть дважды или чихнуть? — развеселилась женщина.

— Мы это позже продумаем, — отмахнулся я. — Главное договориться в принципе. Просто я, как более опытный член нашего тандема, буду принимать решение — «прессовать» ли дальше этого человека вашим вниманием или пока не надо. Вы же должны понимать, что не все будут реагировать как Сысоевы и паскудник Гомон, то бишь устраивая истерики и качая права. Кто-то может и напасть на вас. Контингент-то у нас тот еще.

— Антон, я не настолько беззащитна, как может показаться на первый взгляд, — возразила Влада.

— Да неужели? — Я демонстративно и почти вызывающе пробежался глазами по ее почти истощенному, хрупкому телу, но женщина нисколько от этого не смутилась.

Наоборот, когда наши взгляды пересеклись, в меня врезался поток уже знакомой энергии. Хотя, нет, в этот раз совершенно другой. Если до этого накрывало шоком, так, словно в тебя влетают с разбегу, без всяких преград проникая внутрь, лишая любой защиты и сдирая все слои защиты, то теперь это скорее было какое-то общее мгновенное замораживание разума и вслед за ним и всех функций тела. Язык одеревенел, горло сжало как в тисках, легкие заledenели, а единственным звуком было неумолимо замедляющееся сердцебиение. Из всех эмоций доступны оказались лишь паника и тоска. Обе острые, животные, лишаящие способности мыслить. А потом Влада резко выдохнула, часто заморгав, и все пропало. Как будто кто-то резко сдернул удушливое ледяное покрывало. Исчез бесследно и холод, и дышалось без проблем, и даже от страха не осталось и легкой тени.

— Херасе! — не сдержавшись, хрипло пробормотал я и ломанулся к крану.

— Простите, я не должна была... — затараторила Влада, устремляясь за мной и явно собираясь вцепиться в мой рукав.

Но я махнул рукой, требуя замолчать, пока жадно пил прямо из-под крана.

— Не извиняемся, помните? — сказал, когда наконец смог остановиться. — И это было... ну прямо охренеть! Что это вообще? Какая-то, типа, защита экстрасенская?

— Я не знаю, как называется, — пожала плечами Влада. — Но, если я злюсь или боюсь, людям плохо.

Очевидно, когда изучает очень пристально, тоже вроде того творится, вот откуда не совсем адекватная реакция у четы Сысовых и Гомона. Так что мне до этого только казалось, что я понимаю, каково это — оказаться в центре внимания госпожи Влады. Мой вариант знакомства с ней был, типа, «лайт». И чур меня, честно говоря, от повторений.

— Напомните мне не злить вас и не пугать, — фыркнул я, возвращаясь на подоконник.

— Не переживайте, Антон, надолго меня все равно не хватает, и эффект пропадает почти мгновенно. — Ой, спасибо, типа, успокоила!

— Да мне и того, что было, хватило более чем! Повторения аттракциона не надо! Но если серьезно, то это никак не снимает вопрос вашей безопасности. Скорее наоборот. Многие люди в момент сильного испуга ведут себя непредсказуемо и агрессивно. Поэтому, если рядом убийца, не важно уже состоявшийся или еще только возможный, я должен это знать до того, как вы решите рассмотреть его повнимательнее. Хорошо?

— Конечно, как скажете, Антон. Вы у нас главный! — с готовностью согласилась женщина.

— Прекрасно! Приятно хоть в чем-то управлять. А теперь, раз я весь из себя главный у нас, и мы в общих чертах договорились, то давайте-ка закончим с чаем и поедем поработаем. Солнце, как говорится, еще высоко!

— Хорошо, — практически без колебаний согласилась Влада. — Дайте мне минутку.

Она ушла куда-то вглубь пустого дома, а я уставился в окно на пожухшую траву, размышляя, как же мне так извернуться ужом, чтобы шеф не сразу понял, что хрена с два я его повеления насчет Влады буду исполнять. Одно дело — чье-то уязвленное профессиональное самолюбие, и совсем другое — судьба и шанс на нормальную жизнь реального, живого человека. Так что ему и другим его друзьям в чинах может хоть сто раз не нравиться все, плевал я. В конце концов, кто-то же нагнул их всех с этим самым проектом «Ворожея». А значит, есть кто-то наверху, кому это интересно и важно. Само собой, у нас, тех, кто прыгает через голову начальства, не то что не любят, а прямо-таки люто ненавидят и стараются затоптать. Но меня топтать пытаются уже давненько и все время с нулевым результатом. Совсем сожрать — подавятся. А с наивными надеждами на дальнейшее продвижение по службе я давно распрощался. Ну а с другой стороны... может, все еще вообще обойдется, и не придется мне Дон Кихота из себя изображать?

— Итак, рассказываю сразу, что едем мы в отдел наркоконтроля, выпрашивать инфу у коллег, — сделал я объявление, как только мы вышли со двора.

— Выпрашивать? — удивилась Влада.

— Ага.

— Зачем?

— За тем, что они нам могут по секрету и в личной болтовне рассказать то, чего не найдешь в официальных отчетах и ориентировках. На улицах постоянно появляются новые вещества, а процесс их полного изучения реально отстает. Зато коллеги, непосредственно контактирующие с потребителями, так сказать, могут знать о действии химии гораздо раньше экспертов.

— Ну, хорошо. Вы ведь лучше в этом разбираетесь. А я тихонько постою у вас за спиной. — Простая фраза, непонятно почему, заставившая испытать чувство удовлетворения.

Влада оглядела свою улицу в поисках моей старушки.

— Машина за углом. Мне же нужно было создать у вас впечатление, что сдался и

ушел, — пояснил, и не думая испытывать неловкость.

— Вам это удалось. Но в будущем буду умнее и осмотрительнее, — в тон мне ответила она.

— Не поможет! Я чрезвычайно изобретателен, если по-настоящему заинтересован в результате, — нахально похвалился я.

— Это я тоже учту, — не сдаваясь, отозвалась женщина.

Ну да, ну да! Посмотрим!

О том, кто Влада такая, все были уже осведомлены даже в смежном отделе. Да ради Бога, управление — это же как сраная деревня заядлых сплетников! Убийства, кражи, массовые беспорядки? Фигня, кого этим удивишь, когда это ежедневная обыденность! Но вот что-то пикантное или необычное, касающееся личной жизни, это да, стоит всеобщего внимания!

— Надо же, какой приятный визит! — заелозил Митька Колесов, как только мы вошли к нему в кабинет. — И к тебе, друг мой Чудо, это нисколько не относится!

Высоченный, но тощий, как шпала, он, согнувшись едва ли не до пола в чрезмерном приветствии, протянул свою клешню Владе. При этом глазки его лупатые так и бегали по ней сверху донизу, и не понятно, какого интереса в них было больше — профессионального или чисто мужского.

— Руки-то мыл сегодня? — насмешливо поинтересовался я.

— Дважды и даже с мылом! — огрызнулся Митька, как обычно задорно сверкая ухмылкой до ушей, на которую когда-никогда, но велись женщины. Говнюк пронирыливый!

— Очень приятно с вами познакомиться! — ответила Влада, но при этом только слепой бы не заметил, как она жметя к моему боку, словно животное, нуждающееся в укрытии. Ну, ладно, может, я и преувеличиваю. Но явно, общаясь с новыми людьми, она старается соблюсти максимальную дистанцию, не выходя за рамки вежливости. Все же странное она создание. Я же теперь знаю, что способна при желании на жопу кого хочешь опрокинуть одним приветствием, но при этом явно избегает этого максимально. Вот мне дала свои способности сразу ощутить, а от других, похоже, прячется. И как я это должен трактовать? Как доверие, типа, или как признак собственной испорченности, с которой она не считает нужным миндальничать? Так, кажется, я собственные установки-то и забыл! Чего я гадаю, когда чуть позже можно напрямую спросить?

— Могу угадать, зачем вы здесь! — Митька сдвинул брови и закатил глаза, корча рожу, точно, как у этих экстрасенсов в шоу, работающих на камеру. — Вас интересуют новые запрещенные вещества.

Сначала Санька в морге, теперь он. Очевидно, им всем это кажется безумно оригинальным и забавным. Придурки. Прямо так и захотелось, чтобы Влада пуганула этого шутника слегонца. Но она осталась совершенно безразлична к его корявому чувству юмора.

— Смотри, какой ты, млин, гений! — фыркнул я, подвигая стул ей и плюхаясь на соседний.

— А то! Цените, обожайте и песок под ногами целуйте! — гордо выпрямился Колесов.

— Как песка натаскаешь достаточно — обращайся! — милостиво разрешил я.

— Ладно, а если по делу, какого вам надо? — стал серьезным этот клоун.

— Дурь, очень сильная, такая, чтобы человека живьем можно было резать, никуда не торопясь, и при этом нельзя даже следов в тканях после смерти найти, — перечислил я все нужные параметры.

Митька, бормоча шепотом под нос мои же слова, отвернулся к компу и что-то начал клацать, периодически почесывая бритый затылок, а я, ожидая, посмотрел на Владу. Она с нескрываемым любопытством разглядывала пестрые стены кабинета. Все-таки лояльное у него начальство, меня бы большую часть содрать заставили. У Митьки на стенах мирно уживались плакаты с социальной агитацией за жизнь без наркоты и постеры телок с гигантскими грудями, хрен клавишами на все законы притяжения. Нет, я его, конечно, понимаю на все сто и тоже предпочитаю нечто весомое, мягкое, объемное, а не жилистый, удрюченный фитнесом сухарик на один зуб. Но хоть в два слоя стенки обклей, а без усилий сиськи пятого размера тебе как манна небесная в ладони не упадут. А насколько помню, когда в баре к нам однажды подседа девица, как раз в таком формате, он, вместо того чтобы действовать, просидел весь вечер уткнувшись в бокал и не выдавив и слова. Зато теперь вот так и сверкает зенками на Владу, живчик какой, млин!

— Так, Чудо! — вздохнув, подвел черту Митька. — Мне тебя ни официально, ни приватно порадовать нечем. Ну нет у нас в последнее время веществ, вообще следов не оставляющих. И такой дури, чтобы калечить можно и никакой чувствительности, тоже не припомню. Все медпрепараты, на это способные, легко вылавливаются в крови.

Я перехватил разочаровано-сочувственный взгляд Влады и пожал плечами. Что же поделаешь, я не первый раз остаюсь ни с чем.

— Но! — он поднял указательный палец. — Зато могу адресок одного химика черкнуть. Нам его так и не удалось ни разу за задницу прихватить. Скользкий, сука, просто слов приличных нет. Но мало ли... может, вам больше повезет. Если донесете до него, что дело уже не в дорожке дури для херней страдающих мажорчиков, просирающих родительские денежки, он и пойдет вам навстречу. Он вроде как с собственным придолбнутым кодексом чести.

— Пиши, давай, — согласился я. Тут уж бери, что дают, и не выделывайся, называется.

Когда стали прощаться, Митька неожиданно попросил Владу задержаться на пару минут с ним наедине. Я обеспокоенно посмотрел на нее, безмолвно вопрошая, хочет ли она этого, или лучше избавиться от такой приватности. Но Влада кивнула мне и только попросила подождать в коридоре.

Спустя минут пять она вышла, а Митька остался стоять в дверях с нечитаемым выражением на конопатом лице.

— Чего он хотел от вас? — не сдержав любопытства, спросил уже в машине.

— Это личное, Антон, — задумчиво покачала женщина головой.

Здрости, личное, ну и как мне это понимать? Он на свидание ее пригласил, что ли?

— Но я ничем ему тут не могу помочь, — продолжила Влада, отвлекая меня от додумывания. — Я не гадалка и не вижу будущего, в том смысле, как обычно этого хочется людям. Но даже если бы и знала, то не вижу смысла открывать его.

— Почему?

— Потому что люди не хотят на самом деле знать будущее, они хотят, чтобы им сказали, что все у них будет хорошо, и счастье придет, нужно только подождать.

— А это было бы неправдой, — продолжил я, когда она замолчала.

— Неправдой, — эхом отозвалась она.

ЭПИЛОГ

Момент смакования степени своего трусливого мудачизма вперемешку с «горькой» был резко прерван тихим щелчком замка и глухим мужским голосом в прихожей. Это сработало

как мощный отрезвляющий и чрезвычайно мотивирующий пинок в зад. Да неужели же я и правда до такой степени бесполезный козлице, что позволю явиться в мой дом чужаку и забрать то, что ощущалось самым правильным и необходимым всего какой-то час назад? Всего лишь потому, что меня шокировало и причинило физическое страдание поведение Влады? А разве с самого начала она не вела себя так же? С первой минуты, как я ее увидел, она поступала, говорила, чувствовалась совершенно иначе, нежели кто бы то ни было прежде мною встреченный, и только потому что этой самой инаковости стало вдруг больше, я сдуря? Выскочив в прихожую, перехватил за запястье руку Влады, протягивавшей свою сумку с вещами Гарденину.

— Она никуда не уходит, мужик, — заявил, зашвыривая ее обратно в комнату.

— Капитан Чудинов, по-моему, сцены сейчас совершенно неуместны, — нахмурился господин наставник, но я не смотрел на него, только на Владу.

— Антон, не нужно. — Она упорно избегала прямого визуального контакта и выглядела совсем как тогда, когда я ее впервые увидел: замкнутая, непроницаемая, отчужденная, будто я в один миг стал как все, как любой абсолютно посторонний ей человек. Не враг, не обидчик — вообще никто. Ну так мне и надо, чего уж.

— Вы правы, господин Гарденин, сцены неуместны, поэтому давайте сразу перейдем к рабочим вопросам, — подтвердил я, так и не отрывая глаз от Влады. — Мне бы хотелось получить точную инструкцию, как действовать и заботиться о безопасности моей девушки, если случится новый приступ, подобный сегодняшнему.

Говоря это, я шагнул к Владе, прижался к ней со спины, обнимая за талию, и демонстративно поцеловал в висок, теперь уже взглянув на ее наставника с откровенным вызовом.

— Вашей? — тихо пробормотал он и усмехнулся, но был проигнорирован.

В крошечной прихожей места для троих было совсем мало, поэтому мы оказались с ним почти лицом к лицу, и на какое-то мгновение мне показалось, что он просто схватит стоящую между нами девушку и потянет на себя, доказывая превосходство. Ну и идиотами мы бы, наверное, выглядели, перетягивая ее, как собаки кость. Эта мысль заставила меня усмехнуться, несмотря на густое напряжение, пропитавшее воздух.

— Что вы находите забавным, Чудинов? — Поднял бровь Гарденин, и когда я просто покачал головой, принялся, бегая глазами от меня к Владе, будто стараясь определить, от кого исходило чудное алкогольное амбрэ.

— Все было плохо, и Антону пришлось напоить меня... чтобы остановить. — Если до этого Влада была словно одеревеневшая в моем захвате, принудительно демонстрировавшим степень близости между нами, то теперь выдохнула и оперлась спиной об мою грудь. Вот только пока не сообразил: искала ли она поддержку у меня или сама типа защищала перед наставником.

Гарденин задумчиво потер подбородок, взирая на нас, как будто мы раздражающие насекомые, и вдруг вздохнул как-то очень устало.

— Не пригласите меня пройти в свой дом, Чудинов? — поинтересовался он, и мне пришла в голову дебильная аналогия с фильмами про вампиров.

— В наш дом, Гарденин, — поправил я его. — И только если Влада не против, а то мало ли.

Наградив меня «ну и придурок же ты» взглядом, Гарденин протиснулся в комнату мимо нас, прилипших друг к другу, после одобряющего жеста девушки.

— Итак, для того чтобы вести осмысленную беседу, я должен в точности знать, что тут случилось, — сказал он, по-хозяйски устраиваясь на диване, и его ноздри снова брезгливо дернулись, заставляя меня задаться вопросом, учуял ли он запах нашего недавнего секса. — Потому что из твоего сумбурного звонка, Влада, я мало что понял, и характеристика «все было плохо» тоже не особо информативна.

Влада потеряла середину лба, словно восстанавливая в памяти все мельчайшие подробности.

— Мы с Антоном смотрели видеоматериалы по делу, предоставленные одним... добровольным помощником, и в какой-то момент я поняла, что мужчина на записи именно тот маньяк, которого мы ищем. Но потом стало происходить нечто... я не уверена... но появилось четкое ощущение, что я вижу как бы сквозь экран и... не запись совсем, — начав вполне уверенно, Влада постепенно начала немного невнятно тараторить, становясь опять рассеянной и погруженной в себя, и мне померещилось возвращение приступа. — В общем... не пойму, как объяснить... видела его в реальном времени, совсем в другом месте... Я вдруг ощутила, что абсолютно точно могу встать и пойти и прийти туда, где он находится, потому что знаю, куда нужно двигаться. Так, словно... не знаю... у меня в руке оказался один конец шнура, а на другом этот... и при этом я могу видеть, что он делает, не очень четко, но могу. А после я не очень все помню.

Закончив, она вцепилась в мою руку, все еще лежащую у нее на животе в защитном жесте, и я прижал ее крепче, уверяя хоть так, что еще раз облажаться не намерен. А Гарденин, дослушав Владу, перевел требовательный взгляд на меня, намекая, что пришло мое время давать отчет.

— Из нее стала прямо-таки фигачить фонтаном энергия, или как вы там это зовете, — поморщившись, сказал я ему, хотя и испытывал острое непреходящее желание послать на хер. Но Владе нужна помощь... ладно, она нам обоим, выходит, нужна, а долбаный наставник был пока единственным возможным ее источником, так что...

— Влада стала рваться из квартиры, повторяя, что она может дотянуться до него, и была совершенно не в себе. И потому-то я и настаиваю на том, чтобы мне были озвучены способы борьбы с такими состояниями, так как они являются угрозой для безопасности, а возможно, и жизни Владиславы.

Но Гарденин, казалось, вовсе и не слушал уже меня.

— Я ведь говорил тебе, что так будет, дорогая? — Меня покорило и от тона, отнюдь не заботливого, и от обращения, но отвлекла реакция девушки.

Резко вдохнув, она запрокинула голову к потолку, врезавшись затылком в мое плечо.

— Я не хочу, — со всхлипом произнесла она.

— Тут ни я, ни ты ничего не можем поделать. Сколько бы ты ни завязывала внутри узлов, они будут рваться, так или иначе, и чем сильнее твое сопротивление, тем разрушительней однажды будут последствия.

— Я не хочу! — выкрикнула Влада снова с отчаянием и стиснула мою руку с неожиданной силой.

— А могу и я уже получить чертовы разъяснения? — вмешался я, желая выкинуть Гарденина отсюда немедленно, чтобы прекратить это.

— А вы уверены, что они вам вообще нужны, Чудинов? — снова вернулся к своему насмешливо-высокомерному тону господин наставник. — Вон как вас потеря контроля пугает, стоит ли продолжать в том же духе?

— Я факт наличия испуга, Гарденин, и не отрицаю, — отвечал я не столько ему — мне нужно было быть услышанной женщиной в моих объятиях. — Но, знаете ли, одной и той же страшилкой имею свойство второй раз больше не впечатляться.

— Неплохо было бы сейчас чаю попить, — резко сменил тон мужчина и многозначительно уставился на Владу.

Но я и не подумал ее отпустить.

— Мы не будем вести разговоры о Владе в ее отсутствие, так, словно она ребенок или существо, не способное отдавать отчет своим действиям! — жестко отверг я его попытку выставить девушку.

— Надо же, — покачал головой Гарденин. — А разве вы не убедились самостоятельно, Чудинов, что как раз так все и обстоит.

— Нет. Уверен, что ее состояние поддается контролю, и ей просто нужна помощь, а вовсе не ограничение возможности как-то влиять на собственную судьбу.

Господин наставник уставился на меня пристально и цепко, будто увидел впервые или заново, провоцируя нечто сродни удушью от неподъемной тяжести своего изучения.

— Заметь, дорогая, он говорит именно то, что и я тебе. Ну, может, немного другими словами.

— Наверное, дело не в том, что сказано, а в том — кем, — ответила Влада, и я вдруг ощутил: она снова со мной, целиком и полностью. Вернулась и готова опереться. И опять настигла это глупая, но такая кайфовая теснота в груди.

— Ладно, время позднее, а мы тут все на лирические отступления его тратим, — подобрался на диване Гарденин. — То, чему вы были свидетелем, Чудинов, спонтанное возрастание способностей Влады, спровоцированное неким нервным возбуждением. Кстати, я могу взглянуть на ту самую запись, чтобы понимать все четче?

— Нет! — тут же отрезала Влада.

— Ты же отдаешь себе отчет, что столь резкий отказ вызывает у меня лишь усиление интереса и мы к данному вопросу еще вернемся? — с мало скрываемой угрозой спросил Гарденин, но она лишь снова решительно покачала головой. — Ну да бог с ним пока! Итак, Влада была осведомлена, что подобное не просто возможно, но неизбежно для человека, родившегося таким, как она, но сочла для себя приемлемым отрицать неизбежное и бороться с ним, неумело и интуитивно устанавливая блоки. На то, насколько это не эффективно и бессмысленно, я указывать не буду, а то еще сочтете меня злорадствующим.

— Это возрастание — однократное явление? — уточнил я.

— Нет. Эту эволюцию нельзя остановить в принципе, можно лишь контролировать и делать менее болезненной.

— А можно нормально и на простых и конкретных примерах?

— Конечно можно. Постараюсь подобрать аналогии, понятные даже вам, Чудинов, — не упустил шанса уколоть наставник. — Скажем так, представьте нечто вроде плотины на пути половодья. Вода будет копиться и набирать силу до тех пор, пока не уничтожит препятствие, нанося при этом серьезный ущерб и всему окружающему. А теперь добавляем в плотину шлюз и спускаем воду контролируемо, используя ее мощь в своих интересах, не позволяя стихии творить что угодно. Так хоть немного понятнее?

— Спасибо, — в тон ему ответил я. — Значит, все это будет повторяться? Как часто?

— Кто знает, — пожал Гарденин плечами.

— Хорошо. Тогда другой вопрос. Как ей помочь?

— Антон! — снова напряглась Влада, пытаясь повернуться ко мне.

— Стать этим самым шлюзом, Чудинов!

— Я настаиваю на прекращении этого разговора прямо сейчас! — резко повысила голос Влада и решительно вырвалась из моих объятий. Она отошла к окну и встала там, словно нарочно создавая между ней, мной и наставником одинаковое расстояние.

— Почему же? — возмутился я. — Разве я не имею права обладать знанием, способным помочь нам обоим?

— Да, дорогая, — поддержал меня Гарденин, хоть в его тоне только глухой не расслышал бы насмешку. — Думаю, пришло время расставить все точки, раскрыть карты и так далее в том же духе.

— Я не буду втягивать в это Антона! — отвергла его предложение Влада и посмотрела на меня: — Прости.

— В конце концов! — психанул я. — Я требую ясности! Во что втягивать? Почему ты заранее решаешь за меня, Влада?

— Потому что морально ей легче отказаться от вас самой и сейчас, чем пережить, что это сделаете вы, Чудинов, и позже. — Влада отвернулась, непонятно, отвергая или подтверждая его слова. — Но вынужден тебе заметить, что такое поведение — не выход в данной ситуации. Это будет очередной блок, который ты нагромождаешь. И вперед подобное нас никак не продвигает, так что оставляю за собой право развить тему.

Влада уперлась ладонями в подоконник, прижимаясь лбом к стеклу, и дернула плечами, будто отмахивалась от нас, предлагая делать что угодно.

— Как вы считаете, капитан Чудинов, проект «Ворожея» действительно мог быть затеян, чтобы помочь работникам наших доблестных органов поймать пару-тройку опасных преступников?

— Судя по постановке вопроса, думать так будет ошибочно, — усмехнулся я.

— Верно. Что значит поимка одного конкретного маньяка в масштабах страны или мира в целом? Ерунда!

— Не соглашусь с вами, Гарденин! — не смог скрыть я мгновенного раздражения. — Это как минимум означает, что кто-то не погибнет, а родственники жертв получают хоть какое-то отмщение.

— Ну да, или его иллюзию. Вот в чем главная ваша проблема, Чудинов, которая заставляет меня считать вас непригодным для развития отношений с Владой. Вы упорно смотрите на частности, отказываясь видеть всю картину в целом.

— В развитии отношений с Владой не имеет никакого значения ваше гребаное мнение! — Достал, сука. — Это только между нами, и разговор на эту тему у нас уже имел место.

— Это точно. И закончился он ничем. И дело тут совсем не в моем мнении, а в реальности как таковой. И если вы, Чудинов, на пару минут перестанете поддерживать у себя в голове образ меня как врага и главного злодея в жизни Влады, то, вероятно, сможете воспринять все адекватно.

Гарденин уставился в спину Владе.

— Я враг тебе? Отвечай! — Этот окрик был похож на ментальный удар плети, и если бы она вздрогнула или хоть как-то показала, что больно, ей-богу, я бы убил этого урода прямо на собственном диване.

— Нет, — развернувшись, с усмешкой ответила девушка. — Ты всего лишь мне не друг!

Гарденин безразлично пожал плечами и продолжил:

— В мои планы входит создание совершенно самостоятельного и очень эффективного подразделения людей с определенными способностями, которые будут заниматься массовым, практически поточным раскрытием преступлений, связанных со всеми существующими отклонениями психики или социально-агрессивным поведением. В идеале это должно происходить до того, как случится первый эпизод, или хотя бы непосредственно в сам момент, что, как вы вряд ли решитесь оспорить, Чудинов, весьма сократит смертность на выходе.

Я прикрыл глаза от мгновенной тошноты. Вот если абстрагироваться и верить в каждое слово, замысел-то более чем замечательный и грандиозный, но сама форма, в которую ее умудрялся облечь этот человек, такая бездушная. Так, словно для него ни те, кого он собирается использовать, ни те, кого он намерен таким образом спасти, не были людьми. Только цифры, эпизоды, будущие подтверждения его собственной значимости для человечества в целом. Безликого, лишённого индивидуальной ценности для него человечества.

— А разве экстрасенсы уже не работают со спецслужбами и давненько? Или это все же слухи и домыслы?

— Это другое, капитан. Я говорю о чем-то в разы более масштабном и действительно работающем на постоянной основе, а не тайном вмешательстве в конкретные дела, выбранные кем-то по принципу ажиотажного интереса или чьего-то высокопоставленного протектирования. Это первое. И именно профилактика и предупреждение, а не хождение по остывающим следам — мой приоритет. Это второе.

Я и хотел бы как-то прокомментировать, но эмоции были слишком смешанными, и счел за благо слушать.

— Годы у меня ушли сначала на выработку четкого понимания, как это должно работать, и самое главное — люди с какими способностями нужны для результата. Потом пробивание идеи сквозь бюрократов и создание моего центра коррекции. Но, только приступив непосредственно к работе с экспериментальным мат... подопечными, я столкнулся с проблемой гораздо более сложной, нежели все предыдущие. Собственно, экстрасенсы оказались подвержены отрыву от реальности как таковой, и кроме того — почему-то мало пригодны для создания действенной реальной базы, необходимой для эффективной и быстрой работы, и им требуется некто, кто возьмет на себя все подготовительные моменты, плюс будет еще и сдерживающим фактором при потере контроля.

— Тут мне как-то не очень понятно.

— Людьми мы оказались, Антон, а не механизмами, способными выдавать четкий и стабильный результат на выходе! — вмешалась Влада, усмехнувшись горько и как-то обреченно. — Одинокими, слабыми, нуждающимися в ком-то близком, кто должен был стать нам нянькой 24/7. Вот в чем затык вышел главный у нашего наставника!

— Не нужно все сводить к примитиву, дорогая! — Гарденин явно стремился прозвучать язвительно, но вышло только огрызнуться. Больное место? — В первую очередь человек, обладающий хоть какими угодно способностями не в состоянии по волшебству стать еще и обычным, опытным сыскарем, вроде вас, капитан. А на одних способностях, как выяснилось, далеко не уедешь. Знать верное направление и ориентироваться на местности, в прямом и переносном смысле, — разные вещи, одинаково необходимые, как выяснилось. Вот скажем,

как сегодня: ну почувствовала Влада этого вашего маньяка, ну ощутила с ним связь, а толку-то? Долго в таком режиме ее тело и мозг функционировать не могут. А если объект находится в десятках и сотнях километров? А если вообще в другом конце мира? Да, она смогла бы двигаться в нужном направлении, не замечая, надо сказать, ни домов, ни машин, ни вообще никаких препятствий, где себе шею сломала бы, но вот не дошла и вырубилась. И что тогда? Все по новой?

— А как же просто ткнуть место на карте?

— Меньше телевизор смотреть надо, Чудинов. От этого мозг разжижается, — нахмурился Гарденин. — Это в шоу экстрасенсов постановочном так, а в жизни оно все посложнее будет. Вот и пришло мне озарение — устроить этот проект взаимодействия, чтобы мои подопечные имели возможность самостоятельно выбрать себе Поводырей.

— Поводырей? — Я взглянул на Владу, но она отвернулась, предлагая мне все вопросы адресовать наставнику.

— Именно так. Смущает аналогия?

— Пока не очень.

— Не нужно врать, Чудинов. Все тут свои, можете быть достаточно откровенным.

— Как скажете. Меня не само название вводит в недоумение, а то что вы это преподносите как свободную волю этих самых подопечных, а не навязанный вами выбор.

— Думаете Владе я вас навязал? — Наставник снова уставился на девушку. — Ну же, дорогая, скажи уже капитану все.

Влада повернулась, и меня покорило выражение отчуждения в ее взгляде.

— Во время подготовки к проекту были отобраны кандидатуры, — без всякого выражения произнесла она. — Я выбрала тебя. Леонид был против, считая, что ты не подходишь, но я...

— Но наша милая упрямая девочка проявила характер и заявила, что она или будет пробовать с вами, капитан, или ни с кем.

Я не понимал, что чувствую по отношению к этому откровению, поэтому сосредоточился пока на своем раздражении от поведения гребаного наставника.

— Прекратите это, Гарденин! — рыкнул на него.

— Что прекратить?

— Называть Владу милой и к тому же своей. Из ваших уст это звучит более чем отвратительно. И могу я узнать, почему я не подходил? Недостаточно умен? Или, как вы в прошлый раз изволили выразиться, не смогу развиваться и соответствовать личной эволюции Влады?

— Комплекс спасителя и супер-героя, Чудинов, помните? Вы у нас звезда первого плана, фронт-мен, Бэтмен, а Поводырь должен быть скорее скрупулезным, скучным и надежным дворецким Альфредом. Тем, кто создает базу для первой скрипки и главного броска.

— И после такого заявления это я много смотрю телевизор, Гарденин? — насмешливо фыркнул я, давая себе время уложить все в голове. — У вас под одеждой точно нет яркого трико и футболочки из лайкры?

— Все шутить изволите, Чудинов, или просто пытаетесь скрыть, насколько задница вспотела от нервозности? В общем, я счел вас непригодным и в принципе считаю таким и до сих пор, но против фактов, как говорится, не попрешь. Поводырь и его Герой должны быть совместимы на абсолютном уровне. — Герой? Он это серьезно? У мужика точно не все

дома. — Нечто вроде симбиоза. Не важно, на какой основе: дружба, сильная привязанность или... хм-м... любовь, но они должны не только дополнять друг друга, но и ни в коей мере не вступать в противоречие на ментальном и энергетическом уровне. Влада интуитивно выбрала вас и, следует признать, не ошиблась. По крайней мере, в том, что касается энергетики.

— Что это значит?

— То, что когда она мне сегодня позвонила и сказала, что все плохо, то я ожидал вас как минимум в бессознательном состоянии найти. Ну или бьющимся в припадке паническом.

— Не могу сказать, что для меня все прошло безболезненно.

— Если считаете, что вам было плохо, обойдите с утраца своих соседей и спросите о самочувствии и не снилось ли им чего кошмарного.

Я потер переносицу, понимая, что мысли начинают сворачивать не туда и нужно сосредоточиться на главном.

— Так, а теперь давайте окончательно определимся, Гарденин, — уставился я на него требовательно. — Вы предлагаете мне работать на вас?

— Предлагаю, Чудинов? — усмехнулся он так холодно и высокомерно, что у меня весь загривок дыбом встал. — Я ставлю вас в известность, что либо вы переходите под мое начало и становитесь Поводырем Влады, или остаетесь при своей работе, жизни, но милая девушка прямо сейчас уходит со мной, и отныне все контакты между вами прекращаются.

— Права у вас нет кому-то что-то навязывать! — скрипнув зубами, выплюнул я.

— Вам-то нет, конечно, тут все сугубо добровольно. Но вот Владе очень даже могу и буду. И не пытайтесь воззвать к моей морали и чувству социальной справедливости.

— Да было бы к чему взывать!

— Вот тут вы не правы, капитан. Если я знаю больше о том, насколько могут быть опасны люди вроде Влады, когда их способности бесконтрольны и не направлены во благо, и вижу всю картину в целом, а вы нет, то разве это причина демонизировать меня?

Сказать, что я сейчас злился, это вообще ничего не сказать.

— Ничего мне не скажешь? — повернулся я к безмолвно и недвижимо стоящей Владе. — Интересно, вы этот план с вовлечением меня в свой сраный проект вместе придумали и пошагово привели в исполнение? Ты меня выбрала, как пса на базаре, подобрала все ключи и теперь, типа, загнали в угол. Слушай, хоть та слезливая история про твою сестру и все такое была правдой?

Влада даже не шелохнулась, лишь только глаза ее широко распахнулись, и я ощутил себя такой тварью эгоистичной и презренной от бескрайней боли, вспыхнувшей и вновь стремительно ушедшей на глубину в ее взгляде. Прости, черт возьми, прости.

— Леонид, считаю сотрудничество с капитаном Чудиновым тупиковым вариантом и прошу вернуть меня... — хрипло начала она, но ублюдочный наставник оборвал ее:

— Влада, не твое мнение сейчас решающее! — И эта фраза будто что-то припечатала во мне, подводя мгновенную финальную черту под всей моей рефлексией.

— Я согласен, Гарденин! — выпалил я, осознавая, что делаю шаг из долбаного самолета и понятия не имею, раскроется ли мой парашют. — Я буду работать в проекте, но не на вас, а именно на Владу. Она будет моим приоритетом. И когда я решу уйти, вы отпустите и ее.

— Капитан, вы на полном серьезе считаете, что можете со мной торговаться?

— А почему нет? Разве не вы, господин наставник, заявили, что эта девушка — самый

лучший и перспективный материал, что у вас был за все время? К тому же, судя по вашему пристальному вниманию, мы с Владой первые и пока единственные ваши реальные кандидаты на удачную пару Поводырь-Герой. Я волшебный ключик зажигания к двигателю вашей основной идеи. И без меня она не сработает. Так что, если я устану и решу уйти, логично, что и Влада со мной. Зачем она вам? Просто посадите на наркоту и запрете в своей психушке... пардон, центре коррекции?

— Что, Чудинов, неожиданно ощутили вкус к владению чьей-либо судьбой? — злобно оскалился Гарденин, но я только равнодушно пожал плечами.

Я не мог дать ему почувствовать, что дело для меня в принципе кончено и последую за женщиной, съездившейся у окна, куда угодно и на любых условиях. Изобличен и приговорен пожизненно, похоже.

— Может и так. Так что, мы договоримся? — Понятно, что это сделка с дьяволом, но я хотел для нас хоть одну возможность из нее когда-то выбраться.

Гарденин встал и, усмехнувшись, пошел на выход.

— Завтра утром я вернусь и понаблюдаю за тем, насколько вы вместе можете быть эффективны, когда станете ловить своего маньяка. И только после этого поговорим.

Но когда дверь за ним закрылась, я знал, что уже получил желаемое. Шанс на свободу для Влады. Не сейчас, но когда-то точно.

— Ты не должен был... — начала она, но я устало покачал головой.

— Спать пойдем!

Больше книг на сайте — Knigolub.net